ISSN 0012-6756

ДРУЖБА НАРОДОВ

Владимир Салимон
О горбатых и хромых
Стихи

Тагай Мурад
Тарлан
Роман. С узбекского

Владимир Некляев
Реинкарнация
Рассказ. С белорусского

Владимир Делба
Сухумские антики
Чудаки, сорванцы и поэты недавнего прошлого

Ольга Балла
Pax Sovietica
«Национальные» номера «толстых» журналов

2'2016

Независимый литературно-художественный и общественно-политический журнал

Основан в марте 1939 года

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, дом 13 стр. 2,
журнал «Дружба народов».
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12.

E-mail: dn52@mail.ru,
http://magazines.russ.ru/druzhba/
LiVEJORNAL: http://drujba-narodov.livejournal.com/

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaompk.рф тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях.

При перепечатке наших материалов ссылка на журнал «Дружба народов» обязательна.

Сдано в набор 20.12.2015.
Подписано в печать 28.01.2016.
Формат бумаги 70 x 108 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ 2033. Цена свободная.

Дружба народов

2'2016

Редакционная коллегия

Главный редактор	Александр ЭБАНОИДЗЕ
	Лев АННИНСКИЙ
	Леонид БАХНОВ
	Ирина ДОРОНИНА
Зам. главного редактора	Наталья ИГРУНОВА
	Галина КЛИМОВА
	Владимир МЕДВЕДЕВ
Ответственный секретарь	Сергей НАДЕЕВ
Зам. главного редактора	Александр СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Рамазан АБДУЛАТИПОВ
Ольга БАЛЛА
Сухбат АФЛАТУНИ
Муса АХМАДОВ
Алла ГЕРБЕР
Денис ГУЦКО
Иван ДЗЮБА
Александр КЛЯЧИН
Валентин КУРБАТОВ
Ольга ЛЕБЁДУШКИНА
Захар ПРИЛЕПИН
Кнут СКУЕНИЕКС
Сергей ФИЛАТОВ
Ренат ХАРИС
Вячеслав ШАПОВАЛОВ
ЭЛЬЧИН
Леонид ЮЗЕФОВИЧ

16+

СОДЕРЖАНИЕ

Проза и поэзия

Владимир САЛИМОН. О горбатых и хромых. *Стихи* **3**
Тагай МУРАД. Тарлан. *Роман. С узбекского. Перевод Германа Власова и Вадима Муратханова. Вступительная заметка Юрия Подпоренко* **8**
Алексей ДЬЯЧКОВ. На родину под старость зим. *Стихи* **75**
Ганна ШЕВЧЕНКО. Шахтерская Глубокая. *Повесть* **78**
Евгений СОЛОНОВИЧ. И не вернулся шарик голубой. *Стихи* **152**
Владимир НЕКЛЯЕВ. Реинкарнация. *Рассказ. С белорусского. Перевод Галины Красоткиной* **155**

Нация и мир

ГЛАЗАМИ НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ
Дина ДУБРОВСКАЯ. From China with Love **163**

Публицистика

Виктор ДЯТЛОВ. «Черкизон», «Шанхай» и другие... *Этнические рынки в современной России* **182**

МИРЫ РЯДОМ С НАМИ
Владимир ДЕЛБА. Сухумские антики. *Чудаки, сорванцы и поэты недавнего прошлого* **199**

Критика

Комбинации форм и смыслов в мире хаоса и неврастении. *Литературные итоги 2015 года. Окончание* **212**
Ольга БАЛЛА. Pax Sovietica: большое послесловие — или?.. *«Национальные» номера «толстых» журналов* **221**

Культурная хроника

Камола АКИЛОВА. Национальные и общечеловеческие ценности в современном изобразительном искусстве Узбекистана **249**

На нашей вклейке: художники Узбекистана

Эхо

Остановиться... Обернуться... *Читая исповедь Сейдахмета Куттыкадама. Рубрику ведет Лев АННИНСКИЙ* **252**

Summary **256**

© «Дружба народов», 2016

Владимир Салимон

О горбатых и хромых

* * *

Июнь. Шестое. Шесть часов. Хотя
я вздорным цифрам ни на грош не верю,
мне страшно, если милое дитя
принадлежит по праву крови Зверю.

Подобным размышленьям никогда
не предался бы я, но, верно, повод
был всё же.
С потолка лилась вода.
Дымился и искрил электропровод.

Ребёнок, между тем, спокойно спал.
Тревога в дождь порою беспричинна.
И с лёгким сердцем Пушкина читал
в покойном кресле пожилой мужчина.

* * *

Мой отец, шаги считая,
в быстром танце мать ведёт
на погибель,
роковая
впереди черта грядёт.

Но не видят края бездны
мать с отцом перед собой.
Скалы чёрные отвесны.
Меж камней шумит прибой.

Заглушая наши крики,
он шумит и день, и ночь.
Птицы глупы.
Звери дики.
Людям некому помочь.

Салимон Владимир Иванович — поэт, издатель, автор около 20 книг. Удостоен Европейской премии Римской академии (1995), диплома премии «Московский счет» (2007), Новой Пушкинской премии (2012) и др. Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Москве.

* * *

Вот синий кончился, лиловый,
зелёный, жёлтый —
предо мной
луг представал всё время новой
незримой прежде стороной.

Я вспомнил, как когда-то детский
калейдоскоп вертел в руках,
и маленький мирок советский
вращался — сельсовет, продмаг.

Вдали виднелась колокольня
несчастная, как сирота.
Всё то, что мне сегодня больно,
мне больно не было тогда.

* * *

Ни к чему история народная,
если не болеешь за народ,
скучная чужая подноготная —
письма, мысли, чувств круговорот.

В лучшее мне верить очень хочется —
что не пропадёт к нам интерес,
а, когда срок годности закончится,
не свезут детишки в тёмный лес.

Вон он — громоздится у околицы.
Будто бы на фото групповом
выстроились школьники и школьницы,
сосны, ели обступили дом.

* * *

Особенности местного рельефа
должно быть таковы, что день за днём
фабричная труба клонится влево,
а вправо — дом, где мы с тобой живём.

Развал страны добрался до окраин,
до самых отдаленных уголков.
Ни Бог, ни царь,
кто на Руси хозяин? —
задумчивых спросил я мужиков.

Один сказал одно, другой – другое.
А третий, обернув лицо ко мне,
буквально замахнулся на святое,
сказав про власть:
Гори она в огне!

* * *

Я оглянулся на равнину,
что простиралась далеко.
Подкрадывалась, выгнув спину,
река, разлившись широко.

Кто там средь пойменного луга
огни во мраке засветил?—
ответа не найдя,
я друга,
за мною шедшего, спросил.

И он сказал мне:
Поневоле
в пути отставшие от нас,
чтоб не замёрзнуть в чистом поле,
зажгли костры в полночный час.

Мужчины,
женщины и дети,
соорудив себе кровать,
вповалку спят.
Там сохнут сети
рыбачьи.
Тишь и благодать.

* * *

Шли, не поднимая головы,
муравьи,
их было очень много,
прямо через заросли травы
пролегала дальняя дорога.

Там подспудно — в тайне ото всех
шло переселение народов.
Но ни стук колёс, ни скрип телег
не встревожил наших садоводов.

Но не потому, что мы, жлобы,
ничего вокруг не замечали,
а из-за того, что мы Судьбы
наперёд ни ты, ни я не знали.

* * *

Чтоб в чаще леса отыскать проход,
я осторожно раздвигаю ветки,
так опытный боец себя ведёт,
не первый раз участвуя в разведке.

Мне нравится, что я могу сравнить
себя с лазутчиком во вражьем стане,
что я могу себя вообразить
стрелком отважным в центре поля брани.

Мне хочется считаться храбрецом
и находить значительное сходство
в лице своём то с дедом, то с отцом,
не ощущая вечного сиротства.

* * *

Отец, почтенный господин,
держащий сына на ладони.
Забавно, что отец и сын
похожи, как жираф и пони.

В старинной книге я нашёл
с гравюры сделанное фото,
и долго-долго, сев за стол,
разглядывал на снимке что-то.

Крест на мундире у отца?
Медаль на курточке у сына?
А может быть, черты лица?
В одном лице — Отца и Сына?

* * *

Средь множества цветов и трав найти
дорогу трудно будет в Царство мёртвых,
но я хитёр, как Одиссей почти,
я тоже из упёртых, духом твёрдых.

Нога моя в сандалиях из кож
козлиных, обработанных так тонко,
что я на бога в них кажусь похож
кудрявого, как грива жеребёнка.

Легко ступая в них, я не боюсь
услышанным быть псом цепным Аида.
В кромешной тьме бесшумно я крадусь
тропинкой узкой, что лозой увита.

* * *

Меня окликнула соседка.
Я вздрогнул, так как между нами
случаются свиданья редко,
и весело взмахнул руками.

Дорога шла вдоль края леса,
и тень от полога лесного
чуть колебалась, как завеса
с утра над головой больного.

Больному лёгкая прохлада
даёт отсрочку ненадолго,
спасенье из земного ада —
кусочек тюля или шёлка.

* * *

Не всегда в рост человека
подзаборная трава,
но поскольку он калека,
правда жизни такова.

Вот с платформы он спустился
и помчался вдоль путей,
и в траве высокой скрылся
от родных и от друзей.

Видя их недоуменье,
мрак и жуть в глазах у них,
я пустился в рассужденья
о горбатых и хромых.

Тагай Мурад

Тарлан

Роман

С узбекского. Перевод Германа Власова и Вадима Муратханова

Когда литература становится литературой? Когда говорит правду, когда обнажает и горькую сторону жизни. Тагай Мурад, несомненно, самый популярный писатель 70-х годов в нашей литературе. Его произведения принесли ему заслуженную известность. Особенно ярко засверкал его талант в романе «Отцовские поля»...

Каждый большой писатель вырабатывает свой стиль. Тагай Мурад не исключение. Такого стиля, как у него, нет ни у одного писателя. Он занимает в литературе свое, особое место.

Адыл ЯКУБОВ,
прозаик, драматург, народный писатель Узбекистана

В произведениях Тагая Мурада нет случайных персонажей. У каждого — своя роль, свой язык, свой внутренний мир. Работа над повестью или романом занимала у Тагая Мурада около пяти лет. Все это время писатель шлифовал текст, взвешивая каждое слово на ювелирных весах, стремясь к краткости слога. За все годы работы в литературе я не встречал такого мастера слова.

...Тагай Мурад, подобно огромной чинаре, врос корнями в родную почву. И, подобно радуге, расцветил небо своей родины.

Саид АХМАД,
народный писатель Узбекистана

Тагай Мурад — трагически неуслышанный прозаик. Точнее — недорасслышанный: узбекскому читателю он хорошо знаком. Но — не было переводов; безумно тяжело (хотя и безумно увлекательно) переводить его. Проза с внутренним поэтическим дыханием; реалистическое письмо, подсвеченное пластом некнижного, живого фольклора; тончайшая психология, яркие, колоритные типы... Проза, заставляющая

Тагай Мурад (Тагаймурад Менгнаров, 1948–2003) родился в Сурхандарьинской области Узбекистана. Учился на факультете журналистики ТашГУ. Работал редактором и переводчиком в республиканских СМИ. В 1985–1987 годах учился в Литературном институте им. А.М.Горького. Член союза писателей Узбекистана, Народный писатель Узбекистана (1999). Автор повестей «Звезды горят вечно» (1977), «Люди, идущие в лунном луче» (1983) и других произведений.

вспомнить Шукшина, Айтматова, Думбадзе, но при этом совершенно самобытная. Надеюсь, несправедливость будет исправлена и Мурад зазвучит по-русски.

Сухбат АФЛАТУНИ,
прозаик, поэт, переводчик, лауреат премии «Триумф» и Русской премии

Мне всегда была интересна проза Тагая Мурада. В том числе потому, что мы вступили с ним в Союз писателей в один день и рекомендовала нас обоих в Союз удивительный знаток узбекского языка и литературы Нинель Владимирова. Мне эта проза была интересна и потому, что Тагай Мурад, как никто другой в узбекской литературе, использовал богатство техники дастана, техники сказаний бахши. Его повести звучат как песни. Его прозу не спутаешь ни с какой другой, он создал свой сказочный стиль, полный степного воздуха, сочного языка, живых характеров.

Хамид ИСМАЙЛОВ,
прозаик, поэт, лауреат Русской премии

Странный человек этот Зиядулла-плешивый! Простой, как калька, и при этом — ах-ха, не простой, со своим тонким рисунком. Он *любит* обижаться. Но и правда ему жизненно важна. Он весь наружу, как золотая челюсть, — но выбитый во время улака зуб не выплевывает, а глотает: чтобы не пачкать белый снег и не доставить удовольствие своему недругу. В узбекской традиции он свой, как Насреддин Афанди. Для русского поля он — пришелец.

Наверно, в этом и состоит доблесть настоящей литературы, встреча с которой всегда праздник (а проза Тагая Мурада — это именно такой праздник!): показать ДРУГОЙ мир, с ДРУГИМИ, отличными от тебя людьми, заставить его понять и если не полюбить всем сердцем, то принять как равноценный твоему.

Санджар ЯНЫШЕВ,
поэт, переводчик, лауреат премии «Триумф»

Вместо предисловия

О Тагае Мураде я узнал в начале восьмидесятых годов прошлого века из статьи молодого в ту пору узбекского критика и литературоведа Рахимджана Атаева, которую довелось редактировать для публикации в ташкентском журнале «Звезда Востока». Знакомя русскоязычного читателя с творчеством нескольких молодых узбекских прозаиков, автор, впервые решившись написать по-русски, главным образом, пересказывал их рассказы и повести. Эти пересказы врезались в память, поскольку приходилось весьма основательно вчитываться в текст, превращая его из условно русского в удобочитаемый. Даже за пересказанным Тагаем Мурадом обнаруживался не просто писатель-деревенщик, каких в ту пору было уже немало на советских литературных просторах, но автор, прячущий за своим поэтически-ироническим слегка прищуренным взглядом тревогу, драматизм. Тот драматизм, который уже тогда сопутствовал вынужденному расставанию сельской архаики со своими основами.

Потом случился спектакль в Узбекском театре юного зрителя. Это был тоже перевод, но уже с литературного языка на язык театра, который невозможен без действия, конфликта. И здесь обнаружилось и подтвердилось, что все эти слагаемые сценичности есть в прозе Тагая Мурада, «держат» ее изнутри напряженным биением жизни. Режиссер Олимджон Салимов, инсценируя историю удивительных отношений Зиядуллы-плешивого и его коня Тарлана, делал акцент на том, что мир остается ярким, наполненным смыслом, цельным, только если им правят любовь, дружба, доверие...

Потом, уже в постсоветские времена, жизненные перипетии и производственно-

творческие обстоятельства ташкентской жизни свели меня с Махсумой Ахмедовой — переводчиком с русского на узбекский, замечательно искренним человеком и женой Тагая Мурада. Из ее редких обмолвок о житейских проблемах проступал и тогдашний образ Тагая — человека и писателя, мучительно переживавшего перемены, неумолимо происходящие в жизни и меняющие не только уклад, но все жизненное устройство.

А потом Тагая Мурада не стало. Нелепо, случайно...

И тогда как-то буквально засосало под ложечкой от того, что ни строчки из его замечательной прозы так и не было опубликовано по-русски.

Теперь, благодаря поддержке редакции журнала «Дружба народов», верного своим традициям собирания языков и культур, восстановление справедливости — исторической и, главное, творческой — состоялось. И произошло это в соответствии уже с восточной традицией хашара — безвозмездной помощи, работы всем миром. Конечно, очень важно, что основную нагрузку взяли на себя переводчики-поэты Герман Власов и Вадим Муратханов, нашедшие адекватные средства выразительности для передачи строя и ритма речи главного героя, рассказчика. В его репликах, порой резких, отрывистых, звучат то отзвуки карнаев и сурнаев — восточных труб-горнов, созывающих народ на какое-то событие, а то — интонации остроумных комментариев острослова — участника шуточного словесного состязания аския.

За основу в качестве подстрочника был взят перевод, выполненный Луизой Эрсалиевой в качестве ее дипломной работы при окончании Литературного института в 1987 году и переданный нам вдовой Тагая Мурада. Необходимой оказалась и помощь носителей узбекского языка, которых отыскать в Москве удалось не так-то просто. Бегам Караева и Гулам Кадыров помогли сверить текст подстрочника с оригиналом, а Ахматхан Муратханов уточнил ряд смысловых оттенков.

Главное же в том, что повесть, опубликованную в оригинале в 1979 году, теперь можно прочитать и по-русски.

Юрий ПОДПОРЕНКО

1

Беда, братья мои, беда!

Проснулся я как-то утром, провел рукой по голове и обнаружил там что-то неладное. Но значения этому не придал. Даже матери своей не сказал.

День ото дня болячки все разрастались. Зудело, как при настоящей чесотке. Пошел я к фельдшеру нашего кишлака. Тот брезгливо сморщился, бросил «фу». Повез он меня в больницу в Юрчи. По дороге я выпрыгнул из машины. Но фельдшер меня поймал и снова усадил в машину.

А в больнице... Ох, там такое было! Слов нет, доктор этот оказался человеком безжалостным. Ну и показали они мне, где черти водятся, братья...

У всех, у кого была плешь, — заново выросли кудри. Только моя голова ослепительно блестела. Ни одного волоска не выросло. Сами врачи удивлялись, сказали, мол, редчайший случай. Горько плача от обиды, возвратился я домой. Мать, увидев мою голову, совсем расстроилась.

Купил я большущую шапку, натянул ее до самых ушей и не снимал ни летом, ни зимой. Даже в школу в ней ходил. Наш учитель математики пробовал было настоять:

— Не начну урока, пока не снимешь шапку.

Сидевший на первом ряду староста что-то шепнул учителю. Но учитель был непреклонен:

— Ученик на уроке должен сидеть без головного убора! Правило такое!

Я еще глубже надвинул шапку и схватился за нее руками.

— Ученик Курбанов, тебе говорю!

Я не шелохнулся. Учитель сорвал с моей головы шапку и вышвырнул в окно. Класс задрожал от хохота. Все кричали:

— Ура-а-а, солнце взошло!

Обхватив голову руками, я разрыдался. Бросил чернильницей учителю в лицо. Промахнулся. А потом сбежал.

С той поры ноги моей не было в школе. Приходили директор и классный руководитель, упрашивали меня. Мать тоже уговаривала. Но все равно я не вернулся. Так и остался с головой пятиклассника.

2

Люди прозвали меня плешивым. Дескать, Зиядулла-плешивый! О, Всевышний! Поначалу от стыда до самых ушей горел. Чувствовал себя глубоко несчастным. Но со временем прозвище «плешивый» перестало меня задевать. Свыкся я со своим несчастьем. Напротив, даже сердился на тех, кто не называл меня Зиядуллой-плешивым. Особенно на нашего почтальона. Как увидит, так сразу: товарищ Курбанов да товарищ Курбанов. Это выводило меня из себя. Сдавалось мне, будто насмехается он надо мной.

Один раз я даже накричал на него:

— Почему называете меня товарищем Курбановым? Начальство я, что ли, или диплом у меня имеется? Все, что у меня есть, так это моя голова с пятью классами. Нечего надо мной смеяться: хоть волос нет, зато гребень золотой.

— Как же мне тогда обращаться к вам?

— Зовите, как все, Зиядуллой-плешивым. Мое имя при мне...

Ну вот, слава Богу, теперь и почтальон стал называть меня плешивым!

Сменил я много работ, на которые берут без диплома. Был и сторожем, был и кочегаром. Под конец стал чабаном. Пас овец односельчан. На горных пастбищах играл на свирели. Когда же дыхания стало не хватать, раздобыл старую домбру. Домбра моя зазвучала, а я, глядя на бесконечную гряду холмов, на растекающееся по холмам стадо, на беспрестанно щебечущих на горных вершинах птиц и на белые клубящиеся облака, — пел дастаны. Дастаны эти пели еще наши деды на праздниках в долгие зимние вечера — один умолкнет, другой подхватывает. Многих из тех стариков уже нет в живых. Так, как пели они, никто уже не споет. Мы же берем своим зычным голосом.

3

Вам, братья, лучше не спрашивать, а мне лучше промолчать... А зовут ее Момосулув. Спросите: красавица она или лицо у нее, как лепешка? Черные у нее глаза или голубые, как цветок? Густые ли у нее брови? А если густые, то изгибаются ли дугой? Никак не могу я ее разглядеть, словно вокруг — темная ночь.

Брожу, как безумный, по улице, где живет Момосулув. Бледный свет луны пробивается сквозь облака. Брожу, словно что-то потерял. Вот я присел на камень у дороги, подпер ладонями подбородок и завороженно гляжу на луну. И кажется мне, что лицо у луны в пятнах. Сколько таких, как я, влюбленных безнадежно взывали к луне! Кому из них она подарила хоть один поцелуй? Кому из влюбленных луна была верна? Махнул я на луну рукой, поднялся с камня и перескочил через забор Момосулув. Собаки у них не было. Притаившись в тени деревьев, стал я заглядывать в окно, где горел свет. Сорвал несколько яблок и

съел. Вдруг свет погас. Тихонько пробрался я на террасу, наощупь нашел ее постель. Она проснулась, сказала мне, чтобы уходил — а не то закричит. Стал я ее умолять. Протянул к ней руки. Она, оттолкнула мою руку, будто отвергая меня.

И тут я ее обнял!

Ах, братья, мир — это одно, а то, что называют объятиями, — совсем другое. Ах-ха!

Лежать бы мне тихо, довольствуясь тем, что есть, — наслаждался бы ее объятиями. Но мне, неугомонному, — все мало. Захотел я овладеть и ее сердцем! И вот, постепенно, силой своей любви, завладел я ее душой. Это был особенный мир — вокруг кромешная тьма. Пусто кругом. Ни живой души. И не было в этом мире мужчины, даже следа мужского не было. Будто есть на свете райский уголок. Оглянулся я вокруг и рассмеялся от радости: «В этом раю, кроме меня — никого больше!» Душа моя переполнилась весельем: «Первым ступил я в этот рай!» Ах-ха!..

Открыл глаза — в комнате темень, а я лежу, обняв подушку.

Сон оставил меня. Не могу уснуть — все гляжу в потолок. Что правда, то правда: есть в нашем кишлаке такая девушка. И зовут ее тоже — Момосулув.

4

Утром, позавтракав, завязал я в поясной платок свой обед. Волоча за собой кленовую палку, пришел в загон. Прилег на камне.

Люди пригоняли своих овец и коз. Вот и она! Вскочил я, посмотрел на нее. Почувствовал, как лицо мое вспыхнуло. А она — бросила прутик вслед своим овцам, повернулась и ушла. Даже не взглянула на меня.

Интересно, видела ли она вчера меня во сне? Может, она так быстро ушла потому, что застеснялась?

Братья, эта девушка постоянно стоит у меня перед глазами. И днем, и ночью. Послал я к ней сватов. Ответила, что не выйдет за меня, потому что, мол, плешивый. Ах ты, Господи! И что с того, что плешивый? Разве все дело в волосах? Разве есть у волос разум, ведь растут они там, где им вздумается. У одного волосы густые, у другого редкие. А у иных и вовсе не растут. Что, разве выращивать волосы — сродни занятию хлебопашеством? Разве так можно судить о человеке? Если бы сказали люди: вот, он не посеял волос на голове, а если и посеял, то не ухаживал за ними, не поливал, и посевы его высохли. Если так — пусть тогда унижает меня. Пусть говорит, что Зиядулла-плешивый — мужчина бестолковый, что на голове своей размером с кулак волос не смог вырастить. Пусть скажет, что не выйдет из него хорошего мужа.

Все равно я не отступился от своего решения. Посылал сватов одного за другим. Просил передать, что немного погодя куплю коня и буду участвовать в улаке[1]. Поломалась она немного, а потом и согласилась.

Сыграли свадьбу. Она робкими шажками прошла за полог невесты. Я же мужественными шагами прошел за полог — женихом. Рассказал ей о том сновидении. Спросил:

— Тебе тоже снился такой сон?

— Снился, — ответила она. — Темно было. Не смогла опознать, кто это был.

— Это был я, — сказал, ударяя себя в грудь.

---

[1] *Улак* — конно-спортивное состязание, участники которого борются за тушу козла.

— Вот потому-то я и вышла за вас, — ответила она.

Ах-ха!

Братья, во сне Момосулув была утренней звездой Венерой, наяву была Луной, а в объятиях моих стала Солнцем!

5

Продав несколько овец, я завязал деньги в поясной платок и отправился в Обокли, взяв с собой искусного наездника Намаза. Обокли находится в Оккапчигае. Оккапчигай — это пустыня без конца и без края. Приехали мы сюда в поисках коня. Лошади есть и в других местах. Но лошади Обокли — особенные.

Братья, у сурхандарьинцев так говорят: «Если берешь коня — бери из Обокли. Если берешь жену — бери из Иргали!»

Смысл этого изречения в том, что кони там — что твои сказочные дивы. Лошади нужен бескрайний простор. Лошадь не знает границ, не знает предела. Если и в суровые зимы лошади пасутся в степи, они становятся выносливыми, бока их лоснятся, а сами они — широкогрудые и быстроногие.

В Обокли как раз и есть такие степи для лошадей.

А то, что в Пулхакиме называют Иргали, находится на ближнем берегу Байсуна. Девушки из Иргали — крепкие, ядреные. Самая маленькая носит калоши шестого размера! Все они — сильные, работящие. Захочешь обнять иргалинку — и не обхватишь! Сыновья, рожденные иргалинскими матерями, сродни самому Алпамышу. Недаром Алпамыш жил в этих краях!

Теперь ясно вам, о чем говорит народная молва?

Целых два дня выбирали мы коня. В степях Обокли коней полным-полно! Мчатся табунами, поднимая пыль. Каких только коней здесь нет! Жеребята-первогодки — сосунки, трехлетки — стригунки, четырехлетки — бегуны, зрелые — пятилетние кони. Кобылицы здесь с таким крупом, что юрту на нем можно поставить! А какие могучие жеребцы!

Поймали мы одного коня, связали ему передние копыта. Ударили кулаком промеж копыт. Кулак не прошел. Если бы прошел — конь был бы хорош. Отпустили. Еще одного осмотрели. Сгодился бы, если б не брюхо — в брюхе был он узок. И этого отпустили. Не тот!

Братья мои! Коня выбирай с брюхом быка, а быка — с брюхом коня!

Тот конь хорош, у которого задние бабки толщиной с детскую руку. Мы искали именно такого. Но он не попадался. Конь с широким крупом тоже хорош. Но и такой нам не попадался. Высматривая коней в табуне, приметили мы сивого коня. Отловили его. Осмотрели зубы. Хоть и было коню семь лет, но коренной зуб еще не вырос. Обычно он прорезается в пять. Выходит, и теперь не вырастет. Конь без коренного зуба приносит счастье!

Братья, пришелся мне этот конь по душе!

Отсчитал я три тысячи и сел на него. Подвел его к кузнице, что перед амбаром. Надел уздечку на морду сивого: привязал к нитке палочку и продел через ноздри. Когда он вертел головой, палочка врезалась в челюсть и сивый переставал дергаться. Коня подковали. Дома, в дальнем углу двора, соорудили ясли. Там я привязал коня. Мать осталась недовольна.

— Машина разве не лучше лошади? — сказала она.

Братья мои! То, что называют машиной, — ведь это железо! Нет у машины души! Железо без души не сможет ужиться с человеком. Это так, потому что нет у железа сердца! Лошадь же подходит человеку. Потому что у лошади есть душа и есть сердце!

Стал я ухаживать за своим сивым конем. Приучил к себе и к улаку. Мы с конем хорошо понимали друг друга. Как я его выхаживал и чему научил — не скажу. Сглазите!

6

Все стали глядеть на меня, задрав нос. И на меня, и на моего коня. Смеялись, пальцем показывали. Я знал, что люди хотят мне сказать: «Эй, Зиядулла-плешивый! Кто ты такой? Кем ты себя возомнил? Сирота, да еще и плешивый, зачем тебе конь? Тебе и ишака за глаза хватит!»

Братья мои, так уж устроен человек! На каждый рот сита не наденешь. Если ты преуспеваешь, тебе завидуют; если нуждаешься в чем-то — никто не подаст. Ничего не поделаешь. Хочешь стать человеком — пропускай сплетни мимо ушей, но и не хлопай ими.

Братья мои! Сколько бы ни было достоинств у коня, но конь есть конь! Четвероногое животное! Хвостатая скотина!

Можно вывести коня в люди? Нельзя! Можно сделать из него человека? Нельзя! Воистину, четвероногая скотина должна еще дорасти до коня! И воспитать настоящего коня под силу не каждому.

В здоровом теле здоровый дух — это про меня! Вот потому-то я коня и приобрел! Ах-ха!

Сказитель поет дастан. Если запнулся — умолкает и, исправившись, продолжает дальше.

Поэт пишет стихи. Если что-то ему не нравится — вычеркивает и переписывает.

Художник рисует картину. Не удается ему бровь на портрете или, например, лошадиная тропа — и он перерисовывает заново и бровь, и тропу.

А вот наездник коня исправить не может!

Четвероногое животное, вроде коня, какой характер смолоду обретет, с таким и останется. К чему привыкнет, на том и стоять будет. Что бы ни увидело, что бы ни узнало, чему бы ни научилось — все в него впитается и в мозгах засядет.

И если потом наездник попробует перевоспитать коня — то впустую потратит время. Коня исправить невозможно!

Каким будет конь — зависит от способностей наездника.

Потому-то я и воспитывал моего сивого коня день и ночь.

7

Братья, как, по-вашему, должен выглядеть сивый конь? Он — как отбеленная бязь! А если у него предки породистые, то в девять лет он станет похож на канюка-курганника. На шкуре его появляются темные пятна, похожие на родинки. С этих пор он уже не сивый, а конь Тарлан, канюк-курганник. Канюк-курганник — самый лучший конь! Из ста гнедых только один конь бывает хорошим! Из ста коней масти канюка-курганника только один окажется негодным!

Братья, если не разбираетесь в лошадях — выбирайте только из породы Тарланов!

Когда моему сивому исполнилось девять, радость моя выросла в десять раз. Братья мои, теперь мой сивый стал конем Тарланом, а я — хозяином настоящего Тарлана! Мой конь — лучший из коней, такого коня не найдешь! Конь у меня — бесподобный!

8

На тяжелые работы Тарлана я не ставил. Когда пас овец в холмистой степи, резвился Тарлан под моим седлом.

В один из таких дней примчался шофер председателя колхоза. Председатель послал его за мной. Сказал ему, мол, привези Зиядуллу-плешивого. Передал, что приехал человек из радио, родом из нашего кишлака. Говорит, чтобы представили ему самого лучшего пастуха, чтобы рассказать о нем по радио. Председатель предложил меня. Сперва я не поверил. Взглянул на шофера с сомнением. Вроде правду говорит. Я поручил овец Асаду, который пас свой скот неподалеку, а сам отправился с шофером. Я был на седьмом небе от счастья.

Вот так председатель-ака! Дай Бог вам долгой жизни, сказал я про себя. Выходит, вы захотели, чтобы и мою сверкающую лысиной голову осветило солнце. Потом подумал и добавил: да здравствуют ваши пышные усы!

По пути я заехал домой и надел свой еще совсем неношеный халат из полосатой шелковой ткани. Надел шапку.

И остался собой доволен.

9

Тарлана привязал возле правления колхоза. Перекинул через плечо домбру и хурджун, в котором был мой обед, и вошел внутрь.

— Здравствуйте, уважаемый корреспондент!

— Ага, входите, брат, входите.

Осторожно ступая по ковру, подошел я к корреспонденту, который сидел, развалившись, на почетном месте. Я сразу узнал в нем нашего земляка Рихсиева.

Я не знал, куда сесть. Рихсиев указал мне на место. Положил я хурджун на подоконник и сел. Хотел вежливо расспросить о житье-бытье, взглянул на Рихсиева.

— Ага, как ваша фамилия, брат?

— Зиядулла-плешивый.

— А-ха-ха-ха! Нет, фамилию назовите. Курбанов? Ага, хорошо, хорошо! Как здоровье, товарищ Курбанов? Здоровы как лошадь?

— Спасибо, уважаемый корреспондент, спасибо. Если и не как лошадь, то на своих двух крепко стоим. Сами-то вы как? Детки ваши резво бегают? Вот я, о чем бы люди ни заговорили, всегда вас хвалю. Глядите, говорю, и из наших писатель вышел.

— Спасибо, спаси-и-ибо. Дело вот в чем, товарищ Курбанов: я о вас радиоочерк напишу.

— А что это такое, уважаемый корреспондент, радиоочерк?

— Что? Ну и ну! Вот тебе на, товарищ Курбанов. Есть такой публицистический жанр! В этом жанре прославляют героев, понятно?

— Вот как? Ну и хорошо. А я-то подумал, это что-то нехорошее. Но не стоим мы того, уважаемый корреспондент.

— Это уж мы сами придумаем, как сделать из вас достойного человека, товарищ Курбанов. Все в наших руках. Вот вам бумага, пишите. Что, и ручки нет? Это уже непорядок.

— Да разве у нас есть что-нибудь, кроме пастушьей палки, уважаемый корреспондент?

— Так и быть, и ручку даю. Только пошевеливайтесь. Я пока аппарат буду настраивать.

— Дело вот в чем, уважаемый корреспондент, тут одна накладка. В грамоте мы не очень. Голова наша вместила только пять классов. Лучше вы спрашивайте, а я отвечать буду.

— Нет уж, пишите. Еще напутаете, наговорите все, что в голову взбредет, а мне потом мучиться, монтировать. Нет. Пишите: «Солнце, распуская свои позолоченные косички, подняло голову из-за горизонта...» Нет, зачеркните. Художественную часть напишу сам. Вам это не под силу. Так, начали: «Еще с детства я мечтал стать пастухом. Эта мечта и привела меня к профессии пастуха. Окончив школу, я по велению сердца остался в колхозе. И вот теперь тружусь не покладая рук...» Ага, теперь пишите о плане, об обязательствах, с кем соревновались. Пишите обо всем этом. Дальше — по сколько ягнят вы намереваетесь получить от каждой овцематки. Вот об этом напишите. Понятно?

— Уважаемый корреспондент, так ведь я пасу овец односельчан!

— Вот оно что! Ну и дела, председатель ваш из тех, кого пошлешь за тюбетейкой, а он тебе голову принесет. Ладно, продолжайте писать. Ваш трудовой вклад оценен?

— А то как же, уважаемый корреспондент. Председатель при каждой встрече останавливает меня, расспрашивает. Спасибо, говорит, брат, спасибо. Служишь народу, говорит. И все по плечу хлопает.

— И только-то? Эх, товарищ Курбанов, товарищ Курбанов! Это все абстрактные разговоры. Для радиоочерка нужны конкретные факты, понятно? Ордена, медали, грамоты. Ладно товарищ Курбанов, вы свободны.

Я вернул Рихсиеву ручку и почесал за ухом. Взглянул на магнитофон.

— Уважаемый корреспондент, не знаю, слыхали вы или нет, но я и дастаны сочиняю.

— Ага, вот как?

— Забочусь о том, чтобы песни и сказания дедов остались в памяти. И домбра у меня есть.

— Ага. «Зачем свое мне прятать мастерство? Ведь в мир иной не заберешь его?» Алишер Навои!

— Долгих вам лет!

Я заволновался. Взяв домбру, запел свой дастан. В дастане я рассказывал о том, как в дом приезжает невеста. Как разжигают костер, играют на варгане. Как невеста приехала на коне и конь обошел костер. Лошадиный такой дастан.

Девушка, что мне мила,
Сердце в плен мое взяла.
К ней домчит меня мой конь,
Закусивший удила.

— Молодец товарищ Курбанов, молодец. Только сегодня, товарищ Курбанов, варганы, костры — все это устарело. Несовременно. Сами видите, на дворе у нас век атома. Космонавты снова на луну полетели, слыхали? Ну ладно, товарищ Курбанов...

Услышав, что гость прощается, запел я свой самый лучший дастан.

За конем следи, чтоб всегда
Были корм у него и вода.
Не ленись расчесывать гриву,
Не жалей на него труда.

— Ага, и этот хорош, — широко зевнул корреспондент. — Вот черт, сон одолевает. Ну что вам сказать, товарищ Курбанов? Все это пустое. Не подняты актуальные проблемы. Отсутствует дыхание времени, века. Успехов вам в

творчестве, товарищ Курбанов. Ищите! Больше читайте классиков. Например, Бетховена, Чайковского. Ашрафи, само собой.

Рисхиев поднялся. Я заволновался, что теперь он уйдет. Тут я вспомнил, что в отаре есть овцы его родни. Может, он уважит своих овец? И я заговорил об овцах:

— Уважаемый корреспондент, овцы ваши — ох и хороши! Такие крепкие, резвые.

Лицо Рихсиева просветлело.

— Кстати, как наши овцы, товарищ Курбанов?

В сердце у меня зажглась искра надежды. Приложив руки к груди, я утвердительно закивал головой:

— Спасибо, уважаемый корреспондент, спасибо. Хороши. Одно слово — всем овцам овцы!

— Ага, овцы — хорошая штука!

— Долгих вам лет! А овцы ваши — особенные! Что ни говори, хи-хи, что ни говори, ведь это овцы — корреспондента.

— Ага, спасибо, спаси-и-ибо.

— Овцы вашего старшего брата — никудышные. Все в него, тупые. А ваши овцы — все такие умные, смышленые... Да принесут меня в жертву за овец корреспондента!

— Ага, спасибо, спаси-и-ибо.

— Однажды, представьте себе, погнал я овец к речке, покрикивая: «Хаит! Хаит...» Они же — пошли к холму. И только ваши овцы направились к речке. Я еще тогда подумал про себя: «Ах вы, мои милые! Что ни говори, ведь вы — овцы корреспондента.

— Ага, спасибо, спаси-и-ибо. Ухаживайте за ними, товарищ Курбанов.

— Сразу видно, что это ваши овцы. Недаром говорят: каков хозяин, такова и его скотина...

— Ага, спасибо, спаси-и-ибо.

Рихсиев ушел. Я взвалил хурджун на плечо и вышел вслед за ним. Оседлав Тарлана, направился в степь. Душа болит, братья мои...

10

Я отвел Тарлана в стойло. Привязал его к высоким яслям в конюшне. Отверстие, через которое сбрасывают навоз, на ночь забивал тряпьем, а днем его вынимал. Давал Тарлану утром пять кило ячменя, в обед пять кило и вечером пять. Подавал на ладони сахар, соль. Тарлан брал сахар губами. Соль слизывал с ладони. Кормил я его и подсоленным курдючным салом.

Братья мои, с виду этот конь — райский скакун, но пасть его — врата в ад!

11

Ровно через сорок дней и сорок ночей я вывел Тарлана из конюшни. Начал его выгуливать. К колышку в центре двора привязал длинный аркан, а другой его конец завязал на шее Тарлана. Выгибая шею, подобно кобре, он бежал по кругу. Ржал, вскидывая передние ноги. Резвился, сильно дергая аркан. Тарлан опьянел!

Я разбрасывал клочки сена по длине аркана. Тарлан, кружась вокруг колышка, брал сено то с одной, то с другой кучки. В день давал по одному незрелому арбузу. Он с хрустом его съедал.

Одним чудесным утром, накинув на Тарлана легкое седло, я поехал верхом.

По большой улице пустил его медленным, неспешным шагом. Занималась заря, кричали петухи, лаяли собаки. Из репродуктора на столбе полилась музыка. В арыках журчала вода. Порывы утреннего ветерка ласкали нас. Звуки копыт Тарлана стучали равномерно: цок-цок-цок... Впереди показался арык. Мы остановились. Я не дал Тарлану перепрыгнуть через него. Перепрыгни он — пропал бы нагулянный жирок. Потом целый год он не смог бы участвовать в состязаниях.

Я напоил Тарлана. Мы повернули назад. И снова степенные шаги: цок-цок-цок...

Тарлана я выгуливал сорок дней. Он уже не мог стоять на одном месте. Уже ходил, почти не касаясь земли копытами. Резвясь, взбрыкивая, он подпрыгивал до небес. Ему хотелось взлететь, словно вихрь.

Сбор хлопка закончился.

Начались свадьбы.

12

Братья мои, нет такого на свете, о чем бы не знал конь. Снег, дождь и град — конь чувствует все заранее. А особенно он предчувствует свадебные пиры. Вот почему именно на свадьбах устраивают скачки!

Наш Тарлан всю ночь фыркал. Я было разволновался. Накинул на плечи чапан[1] и вышел на него поглядеть. Луна яркая, небо ясное. Тарлан, не останавливаясь, бегал вокруг колышка. Я поймал его и погладил гриву. «Наверняка где-нибудь свадьба», — подумал я. Вернулся в дом и лег спать.

Вышло, как и думал. На другой день получили приглашение на свадьбу из соседнего кишлака Обшир. Я вычистил Тарлана. Из амбара вынес конское снаряжение — потник, подстилку под седло, которая кладется поверх второго потника. Попону, подпругу, подхвостник, уздечку, седельную подушку, седло со стременами. Оседлал Тарлана. Надел на него узду. На лоб ему повесил амулет из боярышника. Раздутый хурджун бросил на седло. Вдел ногу в стремя, взялся за луку седла.

13

В Обшир нас поехало двадцать наездников. Мы остановились у порога дома, откуда раздавались звуки сурная. Из трубы поднимался вверх густой дым. Нам выделили на постой дом пастуха Турды. Человек в глубоко надвинутом на голову треухе провел нас по узким улицам к его дому. Ворота оказались довольно низкими. Хозяева смирных коней въехали во двор, припав к седлу. Хозяева резвых коней спешились и повели коней в поводу.

Братья мои, оседлав коня — думай о голове, свалившись на землю — думай о коне.

Мы расседлали коней. Упряжь развесили на подпорках для деревьев, на супе[2], на дувалах[3]. Дали коням остыть.

Я позволил Тарлану поваляться по земле. Он перекатывался то на левый бок, то на правый. Валялся в свое удовольствие. Потом поднялся. Расставил ноги, отряхнулся от пыли и приставших соринок. Я накинул на него коврик, немного затянул подпругу. Ногой вбил в землю колышек.

---

[1] *Чапан* — ватный стеганый халат у узбеков.

[2] *Супа* — глиняное возвышение во внутреннем дворе для сидения или лежания.

[3] *Дувал* — невысокая глинобитная стена вокруг дома.

Наездник Сафар вбил колышек для своего гнедого рядом с Тарланом. Это меня разозлило, я сказал:

— Сафар-ака, будьте добры, привяжите своего гнедого подальше.

— Ничего, места много...

— Мне места не жалко. Ваш гнедой — недобрый, это меня беспокоит.

Гнедой поглядывал недружелюбно на моего Тарлана. Я хотел было сказать: «Вон, видите?», но наездник Сафар уже направился в комнату для гостей. Я махнул рукой и пошел вслед за ним.

Мы сели в круг. Из свадебного дома принесли нашу долю — угощения к столу и две бутылки. Все это мы отдали хозяйке. Она развела в очаге огонь и принялась готовить плов. Мы стали нарезать морковь.

Вдруг пронзительно заржали кони. Узнав голос Тарлана, я мигом выскочил из комнаты. Гнедой наездника Сафара, фыркая и выкидывая передние ноги, бросался на Тарлана. Я махнул издали рукой и прикрикнул:

— Нельзя!

Тарлан попятился и стал рыть передними копытами землю. Оскалившись, он заржал, предупреждая гнедого. Мол, не подходи лучше.

Я взялся за недоуздок и успокоил Тарлана:

— Хватит! Все, все! Все, говорю! Сафар-ака, я разве не говорил, что ваш гнедой — недобрый конь? Вот, обидел Тарлана. Уведите его теперь!

Кони наши успокоились. После плова вечером мы смотрели борьбу.

14

Наутро, после завтрака, наездники оседлали коней. Отправились в холмистую степь среди горных цепей. На закате степь выглядела бурой. На границе ее росли тутовые деревья с толстыми стволами. Зрители расселись, точно птицы, на ветвях тутовника. А другие группами расположились полулежа на окрестных холмах. Наездники снимали с коней седла, готовя их к скачкам.

Мы тоже расположились у одного холмистого склона. Я расседлал Тарлана, дал ему поваляться. Потом надел седло. Обмотал себе ноги портянками, натянул лежавшие в хурджуне сапоги для улака. Сапоги у меня на высоких каблуках, из козлиной кожи. С изнанки кожа стянута внутренним швом. Изнанка обычно бывает блестящей, гладкой. А верх сапог я смазываю нутряным салом. Такие сапоги не пропускают ни воду, ни снег, ни холод. И не рвутся. Я надел надрезанные с обеих сторон шаровары. Я их специально надрезал. Потому что, если во время скачек что-нибудь зацепится за шаровары, они могут совсем разорваться.

Я натянул треух на уши. Вдев ногу в стремя, ухватился за луку седла. Помчался в степь. Другие наездники, разминаясь, проехали по кругу.

15

В это время поглядывающие в сторону кишлака наездники прокричали:

— Везут!

Со стороны кишлака показалось двое верховых. Один вез перед собой тушу черного козла. Подъехав к нам, сбросил ее на землю. Наездники дали своим коням обнюхать тушу. Переворачивая, показывали ее со всех сторон. Кони сгрудились.

К нам подъехал усатый человек с лицом, напоминающим румяную лепешку, только что вынутую из тандыра. Это был распорядитель. Подняв рукоять плетки над головой, он объявил зычным голосом:

— Эй, наездники! Слушай мои слова и правым ухом, и левым! Веревку на добычу не накидывай — раз! Друг друга дурными словами не обзывай — два! Плетку не применяй — три! На упавшего наездника не наезжай — четыре! Если убегает конь, помоги его поймать — пять! А теперь налетай!..

Распорядитель выскочил из круга. Объезжая всадников, громко объявил:

— Первый приз — платок и десять рублей! Не говорите, что не слышали!

Наездники сгрудились в круг. Подстегивая лошадей плетками, подгоняя ударами коленей в бока, они бросились к туше, лежащей на земле. Туша лежала посреди множества конских копыт. Руки наездников рвались к ней. И не могли ее достать.

— Ну-ну!

— Но-но!

— Хватай, тащи!

Все попытки были безуспешны. Туша по-прежнему оставалась на земле. Всадники и их кони были все в поту. Некоторые уже укротили свой первый пыл. Другие, отирая со лба пот, и вовсе отъехали в сторону и присоединились к зрителям.

Игроки снова бросились к туше. Ринулся и я, вертя плеткой над головой Тарлана. Теснимый другими конями, подобрался к туше. Тарлан, сделав круг возле нее, остановился. Сжав зубами рукоять плетки, я потянулся к улаку. Только было поднял, как на тушу надавил копытом чей-то конь, и она выскользнула из руки. Сгрудившиеся лошади оттерли Тарлана назад. Тарлан споткнулся и, покачиваясь, вышел из круга. Чтобы боевой задор Тарлана не пропал, я проскакал галопом почти версту. Как будто мы захватили добычу!

16

Увидев, что тушу так никто и не поднял, распорядитель повысил цену:

— Эй, наездники, не говорите, что не слышали: сверх того добавлю одного барана!

Кони зафыркали, заржали. На крупы с треском сыпались плетки. Наездники с гиканьем пустили коней к туше. Наконец она была поднята с земли. Зрители оживились. Лошади тревожно прядали ушами. Всадники помчались к низовью.

Распорядитель объявил:

— Улак поднят, улак поднят!

Наездники понемногу оживились. Все помчались галопом. Топот, топот, топот...

Все скачут вокруг туши козла. Все внимание приковано к ней.

— Улак увезли! Улак у буланого и рябого!

Почему коня называют рябым? Потому что на лбу у такого коня белая отметина, а на кончике носа пятнышко. И оба паха лошади разукрашены пятнами. Рябой конь может быть разным. Сероватый рябой, черный рябой, рыжий рябой, гнедой рябой! А буланый конь — желтый, грива и хвост — черные, но встречаются буланые и с белыми гривами и хвостами.

Рябой с буланым мчатся, насторожив торчащие уши, которые похожи на заячьи. Между ними болтается улак. Одна ножка туши у гнедого, другая у буланого. Вокруг десятки рук тянутся к улаку. Но не могут дотянуться. А если кто и дотянется — не может вырвать. Окружив их, мчатся и другие кони: топот, топот, топот...

— Улак у буланого и рябого! Не выпускай! Улак перешел к буланому, улак у буланого! Гони!

Топот-топот-топот... И впрямь, наездник буланого, ловко перекинув ногу через тушу, прижал ее коленом. Наклонившись вправо, потянул поводья вправо. Буланый преградил дорогу сопернику. Многие наездники, поняв, что тягаться бесполезно, один за другим начали отставать.

— Чисто! Буланый выиграл честно! Бросай буланый, бросай! Ну и молодчина! Подходи, буланый! Забирай свою награду!

Наездник буланого бросил тушу на землю и направился к распорядителю. Мы же — кинулись к туше. Снова сгрудились. На этот раз тушу унес всадник на низкорослом гнедом.

Гнедой конь — темно-рыжей масти. Шея у него выгнута, как у очковой кобры.

17

На третий раз улак выпал на мою долю. Я потерял было всякую надежду, стоял в сторонке. Чей-то рыжий конь выволок тушу из круга по земле. Наш Тарлан повернул голову в сторону рыжего. Когда он к нам приблизился, наездник поднял тушу на уровне колена коня. И тут я нагнулся и подхватил добычу. Выпрямившись, ударил Тарлана коленом в бок и закричал:

— Но-о!..

Тарлан рывком отделился от группы. Вслед за мной помчались и другие наездники. Поравнявшись, многие потянулись к улаку.

Я наддал Тарлану плеткой. Вместо того, чтобы прибавить скорости, он замедлил шаг. Я был в недоумении. Взглянув вперед, я понял в чем дело. Впереди была довольно широкая речка. Я не знал, как поступить. Пока натягивал поводья, мы очутились у самой кромки. Другие кони от нас не отставали. Тарлан помчался вдоль берега. Тушу я зажал под коленом со стороны реки так, чтобы никто к ней не подлез. Но длиннорукие наездники потянулись к улаку через шею и круп Тарлана. Я не хотел отдавать улак. И Тарлан не хотел его отдавать! И мы снова помчались вдоль берега. Голоса распорядителя не было слышно. Я опустил поводья и крепко ухватился за тушу, прижал ее к боку коня. Тарлан скакал сам, без понуканий. Но конца руслу реки все не было видно. Нас по пятам преследовали остальные наездники. Тарлан посмотрел вниз на речку, на миг застыл — и, подняв передние ноги, кинулся вниз. Дрожь пробежала по моему телу. Вот-вот — и глаза выскочат из орбит. Я потянулся к поводьям, но не достал. Почуял, как мы оторвались от земли и я повис в воздухе. В голове молнией пронеслась мысль: вот так и умирает человек. Я крепко зажмурился и выпустил улак. Очнулся от сильного толчка. Сердце мое будто в пятки ушло. Я чуть не лишился чувств. В отчаянии приник к шее Тарлана.

18

Когда открыл глаза, то увидел, что мы скачем по сухому руслу реки.

Тарлан замедлил ход, а потом остановился. Нагнув голову, он фыркал и тяжело дышал. Я выпрямился, снова закрыл глаза.

Сверху раздался голос распорядителя:

— Туша на месте! Осталась на месте!

Я взглянул наверх. Наездники, выстроившись в ряд на берегу, смотрели на нас. Я наклонился и взял поводья. Направился вдоль речки в поисках тропинки, которая бы вывела наверх. Сверху кто-то рассуждал:

— Ну надо же! Голова кружится, когда смотришь вниз. У этого Тарлана два сердца! А если одно — то размером с его голову!

Распорядитель предупредил:

— Тарла-а-ан, захвати улак!

Я сделал вид, что не расслышал. Не хотел возвращаться за улаком. Стал подниматься по пологой тропинке. Дойдя до места, где оставил снаряжение, я расседлал Тарлана. Осмотрел его всего. Погладил его ноги. Ушибов не было. Дал ему поваляться на земле, чтобы остыл. Расчесал коня с ног до головы. Надел узду, привязал его к колышку. Все, больше в сегодняшнюю свару Тарлана я не пущу. Он вышел победителем.

19

Тут и моя обидчивая натура заговорила: если на то пошло, в его победе есть и моя заслуга.

Хотите, я вам скажу кое-что, братья? Я люблю ссоры из-за обид. Провалиться мне на этом месте! Если, начиная от новолуния и до тридцатого числа, не обижусь на что-нибудь — такое чувство, что не прожил в этом месяце и одного дня. Тоска берет. Хожу, озираясь вокруг, будто чего потерял. Придираюсь к мелочам. Пустяк принимаю близко к сердцу, будто это смертельная обида. Чувствую себя униженным. Впадая в уныние, поминаю покойного отца. Ведь люди знают, что я сирота, и обижают меня нарочно. Но разве виноват я, что вырос сиротой? А потом — в душе просыпается обида из-за моей головы. «Были бы на моей голове волосы — не унижали бы меня так!» — с горечью думаю я.

В такие минуты товарищи по стремени начинают меня уговаривать. Придерживая коня за уздечку, они увещевают: хоть раз умерьте свой гнев, наездник Зиядулла. Такие минуты переживания обиды — бальзам для моей души! Нахмурив лоб, я гляжу в даль. Глазом не моргну, не пошевельнусь. Мои товарищи по стремени еще пуще стараются. «Зиядулла, вы славный, великий наездник, но подумайте и о нас», — упрашивают они. Ах-ха! Вот где наслаждение для души! И только пережив подобные минуты, я в знак согласия задумчиво киваю головой. Так и быть, говорю, ваша взяла. Довольный, поворачиваю коня.

Давно уже искал я, на кого бы обидеться. И вот выпал случай. Причина подходящая: мол, конь не пожалел себя ради человека. А распорядитель не оценил его самоотверженности!

20

Обидевшись, я продолжал сидеть. Несясь, будто бурный горный поток, какой-то всадник на палевом коне подлетел к распорядителю.

Палевый — значит соломенного, бледно-желтого цвета. Ноги в пестрых носочках. Еще у него на лбу может быть белая звездочка. Но у этого коня ее не было.

Я не признал бородатого всадника на палевом. Голос наездника звучал требовательно:

— Эй, распорядитель! Усы у тебя есть, а совести, как видно, нет! Гляди, откуда бросился Тарлан. Конь сделал это не потому, что испугался тебя или нас, — он рисковал собой ради человека. Если такого смелого коня золотом осыплешь — все равно останешься в долгу. Отдай наезднику приз!

— Он выронил улак из рук!

— Если не отдашь — я сам для Тарлана одного барана из дома привезу! Так даешь или нет!?

— Слушай, наездник! Если кому угощенье предложишь — пусть это будет

достойный человек, если от чьей руки голову сложишь — пусть это будет достойный человек. Ладно, твоя взяла.

Распорядитель дал нам одного козла и двадцать пять рублей.

21

Окончание состязаний смотрел полулежа, облокотившись на землю. Мои товарищи по стремени так ни разу и не выиграли.

Все начали разъезжаться. Товарищи по стремени возвращались с улака несолоно хлебавши. Я начал их корить:

— Как будем смотреть людям в лицо? И это двадцать наездников! Весь выигрыш — один козел. И того выпросили.

Спутники мои ехали с поникшими головами, в ответ только пожимали плечами.

— А что, если мы поступим так. Сделаем в пути привал, а в кишлак въедем, когда стемнеет.

Когда до кишлака остался один холм, все спешились с коней. Прилегли отдохнуть. А когда стемнело, сели на коней. Я ехал впереди — на случай, если кого-нибудь встретим. Как-никак, у меня козел. Для отвода глаз...

Вышло так, как я и говорил. Только проехали каменистую местность, как неожиданно навстречу показался чей-то черный силуэт. Мы свернули с дороги. Тень подала голос:

— Эй, вы там не видели случайно корову-пеструшку?

— Не видели.

— Зиядулла-наездник? Ты ли это? Со скачек возвращаетесь?

— Со скачек.

— И что, не с пустыми руками?

— А то как же!

— Что-то не похоже.

Я дернул козла за шерсть. Козел протяжно заблеял.

— Голос слышали?

— Да, хорошо, хорошо. Говорят же: с пустыми руками лучше не возвращаться. Вы ведь людей представляете.

— И такие живые голоса есть у каждого из нас. Не хурджуны, набитые халатами!

22

Отправились на свадьбу в Байсун. Из-за грязи, хлюпавшей под ногами, хвосты у лошадей завязали узлом...

В Байсуне, братья мои, живет народ склочный! Никому ничего не дадут. Сами ничего не умеют. А если кто-то в чем-то преуспел — на дух его не переносят. Успехов наших не признают, норовят их принизить.

Видя чью-то растерянность, злорадно усмехаются. Вот, дескать, бедолага. Что поделаешь: если что впитал с материнским молоком — живешь с этим до самой смерти.

Вот и на сегодняшних состязаниях вышло так, как мы и думали. Из Шурчи приехал наездник Файзулла. Шайтан, а не наездник! Конь под ним тонкобрюхий! Скачет, словно водяной змей! Дважды подряд вырывал улак из рук соперников. В следующий раз улак достался мне.

Улаком завладевали то шурчинцы, то мы, то вахшиварцы. Наездникам из Байсуна он не давался.

Когда Файзулла в третий раз поднял улак — байсунцев словно прорвало. Один схватил коня Файзуллы за уздечку, а другой прямо-таки вынудил наездника выпустить тушу. Но Файзулла снова схватил ее и ускакал. Его тонкобрюхий бежал, как борзая! Наездники из Байсуна остались далеко позади. И только один громадный жеребец его нагнал. Но наездник не смог дотянуться до улака. Тогда жеребец ударил грудью тонкобрюхого коня Файзулы и помчался дальше. В отместку!

Тонкобрюхий Файзуллы полетел кувырком, а сам Файзулла перелетел через его голову и упал на землю. Тонкобрюхий поднялся, пять-шесть раз вздохнул. Поглядел на своего наездника. Тот, хотя и сильно упал, вскочил и подбежал к тонкобрюхому.

Бог мой! Если наездник свалится с глинобитного дувала, он что-нибудь себе да ушибет. Упадет с ослика — какое-то время лежит не двигаясь. Но слетев с мчащегося стрелой коня, он вскакивает как ни в чем не бывало!

Братья мои, упадешь с осла — он подставит копыто, упадешь с лошади — подставит гриву!

Наездник Файзулла подошел к своему тонкобрюхому. Вытер грязь, прилипшую к шерсти коня. Снял съехавшее на брюхо седло и оседлал заново. Отряхнул одежду. Потом пустил коня вскачь, въехал в круг и яростно вцепился в улак. В это время конь кого-то из местных топтал тушу, и Файзулла не смог вытянуть ее из-под копыт. Вылез из кучи-малы и с досадой бросил:

— Вот когда научишься, тогда и садись на коня, сукин сын! Чем так бороться, лучше бы тебе подохнуть! Приедешь к нам на улак — тогда поглядим. Тьфу на тебя!

Плевок Файзуллы попал на круп громадного жеребца. Его хозяин обиделся. А с ним и его товарищи по стремени.

23

Наездники из Байсуна поняли, что не быть улаку в их руках, и выбрали нечестный путь. На улак они накинули веревку! Длиной в половину маховой сажени и толщиной с палец. На концах — петли, в которые можно продеть руку или набросить их на луку седла. Если наездник протянет веревку под лодыжкой и привяжет к руке — выхватить у него улак невозможно.

Есть другой верный способ накидывать веревку на улак. Наездники из Байсуна применили именно его. Один из них изловчился и поднял улак с земли. Пропустил веревку под лодыжкой козла, а петли зацепил за луку седла. И поскакал, прижав улак под коленом. Чтобы выхватить такой улак, нужно сбросить наездника вместе с седлом или свалить его лошадь!

— Веревка! Веревку накинул!

— Эй, распорядитель, гнедой веревку накинул!

— Нечестно! Улак гнедого добыт нечестно!

Распорядитель все видел, все слышал. И все равно сказал, что честно. Наездники были недовольны. Распорядитель, пожимая плечами, делал вид, будто не понимает:

— Веревка? Какая еще веревка? Сегодня вы наши дорогие гости, не нужно клеветать. Подходи, гнедой! Забирай свой приз!

Возражения наши остались без внимания. Многие, рассердившись, уехали с улака. Хамдам из Шурчи, уходя, сказал:

— Чем так добиваться справедливости, лучше навоз с улицы есть. Вы только посмотрите! Человек не ел, не пил, устроил народу праздник, а ты... Эта низость не по тебе, так по твоим детям ударит, вот увидишь!

Распорядитель стоял на своем:

— Акун не накидывал веревку, все по справедливости!

— Плевать я хотел на такую справедливость!

Хамдам, отряхнув полы, пошел прочь.

24

Братья, почему уходят, отряхивая полы? Ради справедливости! Почему уходят, сплевывая? Ради справедливости! На что обижаются, уходя? На несправедливость! Из-за кучки подлецов, озлившись на бессовестных мерзавцев — уходят, бросая справедливость в огонь! Вот мы всегда твердим, братья: справедливость, справедливость. Слово это не сходит у нас с языка. А при виде несправедливости — пасуем. Сетуем на судьбу и на жизнь. Мол, справедливости нет, справедливость, она — на небе. Братья мои, справедливость — на земле! Под нашими ногами! Лежит, смешанная с пылью. Кто же над ней так глумится? Да мы сами! Я, вы, Файзи-наездник, Хамдам-наездник! Видели, как они убежали?! Вот так всегда: когда справедливость попрана — мы убегаем. Воротим от нее лицо. Делаем вид, будто ничего не случилось. Когда подлец душит справедливость, мы отходим в сторону. От дурного беги, не связывайся, не замечай его, — говорим мы себе. Дескать, негоже мне равняться с дурным человеком. А придя домой, говорим: такого-то несправедливо обвинили; правды, оказывается, нет на свете. Но прямо в лицо, открыто не говорим этого дурным людям. Стоим в сторонке, будто ничего и не замечаем. Прикусываем язык. Боимся потерять авторитет и лишиться должности. Или же не хотим наживать себе врагов. Слово правды и родному человеку не нравится, — говорим себе и машем рукой: «Да ладно!»

И вот все разбегаются. Наши друзья-наездники тоже решили убежать.

— Поехали, — сказали они.

Я резко ответил:

— Никуда я не поеду! Буду участвовать в улаке до конца!

Мои товарищи по стремени поддержали меня. Один байсунец прошептал стоящему рядом наезднику:

— Вот и хорошо, пусть уезжает. Улак теперь нам достанется.

25

Я разозлился пуще прежнего. Отдал Тарлана наезднику Самаду. Сам оседлал его светлого буланого коня. Держался, выжидая, чуть поодаль от наездников, сбившихся в кучу. Один байсунец снова накинул веревку на улак. Я тут же подскочил к нему и не отпускал от себя. Схватил улак за одну ляжку да так и держал. Наконец его конь устал. Он и сам сдался и выпустил тушу из рук. Она упала на землю. Я не успел подхватить ее. Повернул буланого обратно. Вытер рукавом лоб. Освежил грудь, поднимая и опуская ворот рубашки. Ах, какое это блаженство! Я почувствовал прохладу. У меня было такое чувство, будто я совершил благое дело.

И снова я стал в стороне от сбившихся в кучу всадников. Светлый буланый конь перенес всю свою тяжесть на задние ноги. Теперь тушу из середины круга вынес байсунский наездник на рыжем коне. Своего светлого буланого я пристроил рядом с ним. Этому я тоже не дал унести улак. Всадник мчался и забирал все левее. «Отпусти! Отдам половину награды», — зашептал он. Сделав

вид, будто не слышу, я продолжал скакать, держась за улак. Он выругался от злости. В конце концов бросил тушу. Я не отдал ему улак.

Потом улак схватил наездник Юлдаш из Вахшивара. Он отобрал его честно, не накидывая веревки. Я не стал ему мешать. Распорядитель, видя, что своим наездникам улак не достанется, решился на такое, что и последний подлец не сделает. Под предлогом того, что улак весь растрепался, оттащил его в сторону. А немного погодя, принес его и бросил перед всадниками. Увидев тушу, мы оторопели. Распорядитель отрезал ляжки и шею туши. Такую тушу невозможно поднять с земли. Потому что не за что ухватиться. Поднимешь за шерсть — сдерешь клок шерсти и только.

И все же наездники решились. Как говорится, надежды нет у одного шайтана — они кинулись к улаку. Но так и не смогли поднять его с земли. А распорядитель только того и ждал. Он объявил о заключительном заезде.

— Не говорите, что не слышали: кто поднимет — тот и получит! Кто поднимет тушу — получит кило жира, кило риса, да еще и морковь в придачу! Хватай!

Есть один способ поднять с земли такой улак. Только он очень трудный.

Но будь что будет! Оседлал я своего Тарлана. Предупредив товарищей по стремени, направился прямо к улаку. Потянулся к туше. Схватил ее, крепко сжимая шерсть вместе со шкурой. Рванул что есть силы и положил ее на луку седла. Придвинув к своей груди, придавил тушу локтями. Остальное было за Тарланом! Мой конь мчался, как лиса.

Последний приз состязаний достался мне. Я одержал победу!

Братья мои, упрям узбек, когда близок успех.

26

Рихсиев переехал в кишлак. Одни поговаривали, что его сняли с работы, другие — что, мол, город ему надоел. Сняли его или прогнали, вернулся он сам или не по своей воле — но вернулся. Устроился учителем в школу. Поселился в двух шагах от нас, в старом доме, доставшемся ему в наследство. Хотя стояла зима, он устроил хашар[1], чтобы благоустроить двор.

На хашар позвали и меня. А раз позвали — не пойти нельзя. Рано или поздно все равно придется иметь с ним дело. Пошел. Сам Рихсиев не работал. Прилег, постелив курпачи[2] на супу возле ямы, где мешают глину для кирпичей.

Братья мои, Рихсиев мне все уши прожужжал! Только и умеет что тараторить. Во всем мире не осталось новостей, которых бы он мне не рассказал. Где идет война, из какой страны высылают; куда поехал король и какой страны; зачем поехал и что сказал; на поезде поехал или на самолете; как здоровался со встречавшими его: обнимаясь или протягивая кончики пальцев. Ничего не упустил, все рассказал. Голова моя гудела.

Рихсиев и назавтра решил позвать людей на хашар.

— Не приду, — сказал я, — завтра улак.

Тут за мной пришли домашние. Не дождавшись плова, я поспешил домой. В доме раздавался плач ребенка.

Братья мои, я стал отцом! Теперь у меня сын! Наша тетя Хумор была повивальной бабкой. Ждал до утра, не сомкнув глаз.

---

[1] *Хашар* — добровольная взаимопомощь при каких-либо работах.

[2] *Курпачи* — узкие ватные одеяла для сидения.

27

Утром я не дал Тарлану воды. Корма задал поменьше. Отправился на поляну в восточной части кишлака. Лошадей там было немного. Все кони наши. Гостей мало.

Снарядил Тарлана, отвел к коням. Но — скажите пожалуйста! — лошадка моя не пожелала скакать! В самый последний момент Тарлан попятился. Загрыз удила, замотал головой. Я ударил его коленом в бок и наддал плеткой. Тот вздрогнул и стал топтаться на месте. Я поиграл плеткой над головой, чтобы припугнуть. А он стоял, прядая ушами, будто говоря: хочешь бить — бей. Я понял, что Тарлан сегодня не в духе.

И это правда! У всякого коня, братья мои, свой норов, свой характер. Конь не подчиняется человеку в те дни, когда не в духе. А если ему надоедать — может укусить за плечо или хорошенько лягнуть в пах. В таком случае некоторые наездники бьют лошадь по голове рукояткой камчи. И тогда рассвирепевший конь сбрасывает наездника и убегает. Конь начинает ненавидеть человека, отворачивается от него. Его тянет к своим предкам — дивам! Затосковав по родичам, лошади убегают в степь. Вливаются в табун. Жеребец, завидя кобыл, трется возле них. Дышит воздухом предков! Обнюхивая других коней, он жалуется на человека. Говорит: я был настоящим дивом, но склонил голову перед человеком; стал его рабом, но не ужился с ним.

Нет, когда конь не в духе — не нужно его трогать. Надо считаться с его настроением. Поэтому я не стал заставлять Тарлана, остался простым зрителем.

Земля поросла жестким дерном, вокруг было много рытвин и камней — поэтому во время скачек наездникам приходилось глядеть в оба. Берегли коней, чтобы те не споткнулись. Кони с незагрубевшими копытами, как и у нас, стояли в сторонке, были зрителями.

Когда кончились состязания, распорядитель объявил:

— Эй, наездники, сегодня съехалось мало коней! Ведь дальние и ближние всадники не знали, что улак будет проходить в те же два дня, что и свадьба! Поэтому завтра Кабул-богатырь проведет большой улак! И пусть все ваши желания исполнятся!

Дома я вымыл Тарлана теплой водой. Расчесал ему шерсть. В сумерках провел его вокруг свадебного двора, дал послушать звуки карная и сурная, подышать воздухом свадьбы. Потом привязал его к колышку в центре двора. В полночь Тарлан заржал. Я вышел посмотреть. Тарлан передними копытами рыл землю. Стал кружить вокруг колышка. Значит, Тарлан избавился от своего уныния. Дух свадьбы привел его в чувство. Настроил на улак!

28

Наутро коней было больше, чем ожидалось. Лучшие кони даже морды свои не смогли просунуть в круг. Прошло столько времени, что можно было приготовить плов, а туша лежала на земле неподвижно. Если и сдвинулась, то на пять-десять шагов, не больше. Наконец наездник на каком-то битюге с широкой грудью сумел поднять улак с земли. Но подстерегавший его в сторонке серый захребетник подскочил к беспородному коняге, вырвал улак и ускакал. На больших состязаниях достаточно вынести улак за круг столпившихся всадников — и добыча считается честной. Вот почему, когда серый проскакал шагов двадцать-тридцать, распорядитель поднял плетку над головой:

— Все честно! Бросай, серый, бросай!

Ох уж эти захребетники! Они, собравшись в кружок, подстерегают тебя в сторонке. Поэтому их и прозвали захребетниками. Они сами и их кони привыкли держаться в тени. Не могут добыть улак из круга. Ждут в сторонке, готовые кинуться на легкую поживу. Добычу, вынесенную другими, хватают, как лисы, и уносятся прочь. Все старания наездника, вынесшего улак из круга, идут прахом.

Преодолев сотни мук, я вынес тушу. И мою добычу выхватил все тот же серый. Я остался ни с чем. Серый захребетник стал для меня напастью, проклятием, избавиться от которого было нелегко. Тогда я пошел на хитрость. Подхватив тушу, я направил коня навстречу солнцу. Серый отстал. Почему он отстал? Да потому, что глаза у серых коней голубые. Они не могут бежать навстречу солнцу. Солнце их ослепляет!

— Тарлан победил честно! Забирай свой приз! Теперь, наездники, ставка будет на темную яму! Глядите! — распорядитель показал всем кусок красной материи. Закрепив его на конце шеста в маховую сажень, соорудил подобие знамени. Он воткнул его в дернистую землю по краю от ямы, размером чуть больше обычного очага.

— Это и есть отметка темной ямы! Кто донесет улак до ямы и бросит в нее, получит двух овец, пятьдесят рублей и один чапан! Для тугоухих повторяю условия еще раз...

Ставка на темную яму — самое сложное и трудное состязание в улаке. Потому и самое почетное. Победа в нем — честь для наездника и его коня. Один раз сбросить улак в яму труднее, чем трижды вынести его из толпы наездников!

29

Борьба разгоралась все сильнее. Тут Джура-бобо, пустив коня рысью, подъехал ко мне.

— Наездник Зиядулла, испытайте, брат, и нашего гнедого.

Он спешился и протянул мне поводья. Я вручил ему поводья Тарлана. Оседлал гнедого Джуры-бобо. Делать было нечего: нельзя не уважить пожилого человека. Ему за шестьдесят. Бездетный. Дважды был женат. И от обеих жен не было детей. Взял в жены третью. И эта не родила. Жены, с которыми он развелся, вышли замуж и обзавелись детьми. Вот и ходит теперь Джура-бобо, не смея головы поднять. На свадьбах держит взгляд ниже скатерти. Ступает по улицам, уставясь на носки сапог. Даже разговаривает негромко.

Джура-бобо обратил внимание на то, что его имя почти не произносилось людьми. Люди вспоминали о нем только при встрече или когда им на глаза попадался его дом. При встрече спрашивали, как здоровье Джуры-бобо. Или еще говорили: «Это дом Джуры-бобо». Имена других поселян люди постоянно носят на устах. К примеру, идет соседский сын в школу. Учитель проводит перекличку: «Мурадов!» Соседский сын вскакивает с места и говорит: «Я». За день в класс приходит шесть учителей. А это значит, что имя Мурада-соседа звучит шесть раз. А всего у соседа восемь детей. И все ходят в школу. Вызывая каждого из них, учителя упоминают имя отца шесть раз на дню. Стало быть, всего за один только день сосед сорок восемь раз упоминается людьми. Вдобавок еще на улицах по нескольку раз произносится его имя! Это чей сын? Мурада! А это чья дочь? Мурада!

Жизнь для Джуры-бобо стала тяжелым бременем. Однажды за обедом он принял опиум. Решил запить холодной водой, чтобы умереть. Поднес к губам фарфоровую чашку с водой, но вдруг передумал. Решил назло всем совершить

какое-нибудь смелое дело. В гневе отшвырнул чашку. Чашка разлетелась вдребезги.

Он продал коров, овец. Купил «Жигули». За руль усадил старшего сына соседа. Сказал:

— Мне достаточно, чтобы возил, куда укажу. Главное — чтобы машина поднимала за собой пыль, а люди говорили: «Это машина Джуры-бобо. Машина у Джуры-бобо молочного цвета». Так пусть и говорят. А по дорогам пускай гаишники останавливают и, проверяя документы, читают имя...

Но душа Джуры-бобо не этом не успокоилась. Продал и машину. На вырученные деньги купил вот этого гнедого. Долю, что берег для неродившихся своих детей, скормил гнедому коню. Растил его для улака. Сам в улаке не участвовал. Постарел, а все равно, как неуемный наездник, готовил своего гнедого для скачек. Вместе с участниками состязаний ездил даже в дальние кишлаки. Если у кого лошадь выбилась из сил или стала непригодной — одалживал своего гнедого. Теперь у Джуры-бобо одна была забота: только бы его гнедой вынес улак из круга. Тогда распорядитель объявил бы, что это конь Джуры-бобо вынес улак. И чтобы он крикнул: «Конь Джуры-бобо! Подходи, забирай награду». Главное, чтобы имя его услыхало побольше народу. А если тугие на ухо переспросят, кто выиграл, то и им ответят, что это конь Джуры-бобо.

И наездники, и распорядитель смекнули, что было на уме у Джуры-бобо. На состязаниях старались ему угодить. Специально просили его гнедого для состязаний. А когда сам Джура-бобо предлагал коня, наездники никогда не отказывались...

Распорядители пришлись Джуре-бобо по душе.

30

Показав гнедому Джуры-бобо яму и дав обнюхать ее, я вернулся на место. Через миг лошади с громким топотом сбились в плотную кучу. Чей-то конь, похожий на серую куропатку, вынес улак.

Один бок серого был голубой, а другой — белый. Еще на нем были темные пятна.

Серый взял левее и оторвался от группы. Захребетники не смогли подступиться к куропатке.

Распорядитель, тряся плеткой над головой, объявил:

— Не считается! Улак в яму не попал!

И правда: улак застрял на краю ямы. А победа засчитывается, только если он попадет точно в яму.

Распорядитель поднял улак и, отъехав подальше, сбросил его на землю.

— Наездники, ставка прежняя! Налетай!

Та же серая куропатка опять решила вынести улак из круга. Засмотревшись на коня, я задался вопросом: почему один только серый берет улак? Даже захребетников оставил с носом. Я стал наблюдать внимательней. Серого окружили несколько его товарищей по стремени. Наездник на сером коне преспокойно поднял улак. Начал протискиваться сквозь толпу. Товарищи по стремени не подпускали чужих лошадей к серому. Скакали, окружив серого и делая вид, будто дерутся за улак. Стегая серого по крупу, помогали ему:

— Давай, Дарбанд, гони! Ну же, проворней, Дарбанд!

— Жми, Дарбанд, не поддавайся!

Получается, это были наездники из Дарбанда. Всадник на сером, прижав коленом улак, несся с гиканьем:

— Эге-гей, эге-гей! Ах, ты мой родной! Милый мой отец, ну гони же!

Это что же получается, братья мои: дарбандский наездник лошадь называет отцом? Ха-ха-ха!

В этот раз куропатка сбросил улак точно в яму.

— Честно-о! Серый! Эй, серый! Возьми улак и отвези туда, откуда приехал. Наездники! Следующая ставка: большой бык. Забьешь на мясо — большую свадьбу накормишь! Хватай, и пусть все ваши желания исполнятся!

Конники снова пустились скакать к яме. В этот раз улак достался саврасому коню из колхоза «Восьмое марта».

— Держись, «Восьмое марта»! Не сдавайся!

— Будь осторожен, «Восьмое марта»! Следом мчится карий!

— Давай, жми же что есть мочи!

— «Восьмое марта», наддай коню!

Бык отошел к наездникам из колхоза «Восьмое марта»!

31

Потом улак из круга вынес я. Кони, скакавшие рядом, меня обогнали. Преградили все пути и к яме не подпустили.

Братья мои, один конь пыли не подымет, а если и подымет — славы этим не добьется!

Не помня себя от обиды, я закричал своим товарищам по стремени:

— Вы люди или нет?! Хоть раз помогите!

И тут наши опомнились.

Я пробрался к улаку. Потянулся и подхватил его с земли. Распорядитель объявил:

— Улак поднял конь Джуры-бобо! Конь Джуры-бобо!

Вырывая друг у друга улак, вместе с саврасым из колхоза «Восьмое марта» мы выбрались из круга.

— Улак у коня Джуры-бобо! Не говорите, что не слышали: улак у коня Джуры-бобо!

Взяв меня в круг, мои товарищи по стремени скакали рядом. Чужим коням не давали подступиться. Я стегал гнедого Джуры-бобо и приговаривал:

— Ну-ну! Гони, конь Джуры-бобо! Что за гривушка у тебя, так и колышется! Гони же, конь Джуры-бобо! Йе-ху!..

Топот, топот, топот... Кони ржали и фыркали. Яростно грызли удила. Гривы развевались. Хвосты распустились, подобно павлиньим перьям. Пыль из-под копыт вздымалась к небесам. Топот, топот, топот...

Конь Джуры-бобо подскакал к яме победителем. Когда он прыгал через нее, я выпустил улак из рук.

— Честно-о! Гнедой Джуры-бобо победил честно! Гнедой Джуры-бобо, подходи, забирай свой приз!

Получив награду, я подъехал к Джуре-бобо. Он заулыбался. Победно оглядел толпу: видали, мол, наш конь победил!

32

Зима подходила к концу, пора свадеб закончилась. В воздухе запахло весной. Вслед за подснежниками расцвели ирисы. Мы полной грудью вдыхали весенний воздух.

Но от одной новости наше весеннее настроение вдруг сменилось на зимнее. Краски поблекли.

— Наших коней планируют сдавать на мясо.

Так объявило колхозное радио.

Бригадир обходил дворы и, указывая пальцем наверх, говорил:

— Мы тут ни при чем — распоряжение сверху.

Человек, о котором рассказывал бригадир, приехал. Я увидел его у конторы. С ним были два милиционера.

Они ходили из дома в дом и забирали лошадей.

Народ не хотел отдавать, но ведь начальство!

Хотели было драться, так ведь рядом милиционеры!

Провожали коней до самых ворот.

Горе поселялось внутри.

33

Как судьбой предначертано — пусть так и будет, сказал я себе.

У мясника Хафиза я купил два килограмма баранины. Завязав покупку за пояс, пришел домой. Разделал мясо: мякоть в одну сторону, кости — в другую. Хитрый Хафиз наложил много костей, пришлось повозиться.

В эту минуту Тарлан фыркнул. Я, оторвавшись от мяса, посмотрел в его сторону. Тарлан беспокоился, стучал копытами. Зажал голову между передних ног, потянулся к животу. Ударил по животу хвостом. Присев на задние ноги, качнулся и снова фыркнул. Мне показалось, он что-то лягнул. Я было подумал, что Тарлан играется. Но нет, он не играл. Он увидел муху или овода. Я подошел к нему, осмотрел голову — ни мухи, ни овода не нашел. Удивился. Тарлан опять встрепенулся, дернул уздечку. Я еще раз внимательно его осмотрел. И на этот раз увидел: лошадиная муха!

Муха эта с неба не падает, в земле не растет и со стороны не прилетает. Откуда же она взялась? Где лошадь, там и муха. На каждую лошадь находится своя муха. И какое же место она выбирает? Под хвостом!

Крепко схватив коня под уздцы, я другой рукой стянул с себя шапку-ушанку. Незаменимая вещь!

Как только муха выползла из-под конского хвоста, я прихлопнул ее шапкой. Потом вернулся к разделке мяса.

А Тарлан сделал круг вокруг колышка, к которому был привязан. Играет. Рад, что освободился от мухи, — будет теперь играть. Хвост распустил.

А я замер: одной рукой держу мясо, другой — нож. А сам наглядеться на Тарлана не могу. Бог мой! Сдать на мясо? Такого породистого? Разве мало для этого других животных? Как разделывают мясо? Вот так же, как я сейчас? Скоро и Тарлан станет таким же? Мякоть в одну сторону, кости — в другую? Ой-ой...

Затем отделят голову. А ноги бросят собакам. Собаки их обглодают. Останутся только кости.

Внутренности и хвост закопают. Они сгниют в земле. Такие внутренности? Это не внутренности, а нити. Это не кишки, а струны домбры!

Тарлан не просто конь, он герой. О таких, как он, Джуманбулбул и Фазыл Юлдаш песни поют, легенды слагают. Разве можно сдавать на мясо прославленных героев?

Тарлан резвился. Присел на задние ноги и несколько раз кивнул. Поднял передние ноги. Выше, еще выше. И встал на задних во весь свой рост. Взглянул поверх дувала на дальние дали, на вершины Бабатага. Покрутил головой, обозревая все вокруг, и во весь голос заржал.

По всему кишлаку разнеслось его ржание. Такое громкое, что в горах, наверное, отдается эхом. До самого Бабатага доносится его ржание.

Братья мои! Сердце мое пело.

— Да будет благословен твой голос, — сказал я с улыбкой.

Не ржание слышал я, а музыку рубоба. Звуки домбры наполняли мой слух. Друзья мои, конь — это музыка. Будь здоров, Тарланбай!

Я снова взглянул на мясо и кости, лежавшие передо мной. Ну уж нет, умру, но не допущу этого.

34

В полночь я оседлал Тарлана. Поскакал в Обшир. Примчался туда, словно вихрь. В западной части этого кишлака много холмов и взгорий из белой глины. На скатах этих холмов есть промоины. Я привязал Тарлана в одной из таких темных промоин. С восходом солнца вернулся домой. В приподнятом настроении выехал на свое пастбище.

В сумерках я смешал десять кило ячменя с мешком резаной соломы. Когда стемнело, взвалил мешок на спину и отправился в путь. В дороге я пропотел; шел, делая передышку. Прислонил мешок к промоине. Зажег спичку в ладонях. Поднес огонь к лицу, чтобы Тарлан меня видел. Прося корма, он зафыркал с мольбой в глазах. Я повел Тарлана в поводу, напоил из протекавшего неподалеку арыка. После этого подвесил в торбе корм. Почесал коня.

Перекусив дома, я растянулся в постели. Веки мои тотчас сомкнулись.

Проснулся оттого, что меня трясла жена. «Вставайте! — говорит. — Кто-то вас зовет. Я поднялся полусонный и вышел во двор. Олапар, наш пес, не хотел впускать чужака. Издали я прикрикнул на пса. Тот, виляя хвостом, отошел в сторону. Гляжу, на улице стоит председатель и начальники. Поздоровался с ними. Председатель указал на человека в тюбетейке.

— Этот человек — уполномоченный из района. Из управления районного сельского хозяйства.

— Ладно, ладно. Ну, проходите.

Человек в тюбетейке вошел во двор. Остальные последовали за ним. Когда они проходили мимо лампы, я пристально рассмотрел их лица. Лицо человека в тюбетейке было бледным, цвета песка — он, как и я, оказался плешивым. «Надо же, из своих», — подумал я тогда.

Плешивый начальник огляделся вокруг.

— Где конь?

— Какой конь?

— Какой? С четырьмя ногами, двумя ушами.

— Такого коня у меня нет.

— Поищи получше и не морочь голову. Нет времени на пустые разговоры. Таких, как ты, у меня тысячи.

— Откуда у меня взяться коню, начальник? Вон, сами посмотрите. Если найдете — он ваш.

Плешивый начальник, поигрывая пальцами, сделал знак стоящим рядом.

— Обыщите.

Сопровождавшие его люди зажгли огромные китайские фонари и принялись обыскивать хлев и конюшню.

— Коня нет, а навоз от него есть. — Плешивый начальник уставился на меня.

— Как бы вам объяснить, начальник... Должно быть, это лошади гостей оставили после себя кизяк. Им ведь не скажешь: «Лошади гостей, уберите за собой».

— Как твоя фамилия? Так-так, Курбанов. Курбанов Зиядулла. В списке ты

числишься — значит, конь у тебя есть. Стало быть, завтра снова придем. Найдешь коня — хорошо, а нет — пеняй на себя!

Плешивый начальник вышел уверенным шагом. Наш председатель все время то крутился около него, а то семенил сзади. Тут из комнаты показалась моя мать.

— Скажи, пусть оставят что-нибудь.

Я догнал их у ворот.

— Начальник, в доме у нас грудной младенец, назвали Ибрахим-баем.

— А мне-то что?

— В дом с грудным младенцем нельзя приходить в такой неурочный час. Если кто-то вошел, не зная, — должен хоть что-нибудь оставить.

— Но откуда же я возьму?

— Нам все равно что. Пускай даже маленькая ниточка с края одежды. В доме с младенцем женщины эту ниточку сожгут вместе с исрыком, окуривая комнату.

— И мне теперь из-за этого одежду рвать?

— Рвать не обязательно, начальник. Сгодится любой волосок, приставший к одежде.

Плешивый начальник отмахнулся от меня и пошел своей дорогой. Я вернулся в дом и сказал, что он ничего не дал. Мать, осыпая его проклятиями, ушла к себе. В плоском глиняном блюде зажгла исрык и, трижды окурив комнату младенца, изгнала «злых духов».

35

Я думал, что начальники пугали меня для виду. Нет, наутро они пришли снова. Принюхиваясь, осмотрели конюшню. Зашли и в детскую. Их поведение задело меня. Я стиснул зубы.

— Ну, и где?

— Что значит «где»?

— Куда ты дел коня?

— На каком базаре вы мне коня покупали, начальник, — в Денау или в Шурчи?

— Не больно-то скрипи зубами, мы тебя не боимся. Лучше выводи коня по-хорошему. Вон у тебя сколько скотины — овцы, куры, лошадь... Зачем тебе столько живности? В магазине всего полно. Мясо, кефир, молоко. Бери — не хочу.

— Начальник...

— Или ты капиталистом решил заделаться? Тогда извини! Мы живем в социалистическом обществе. Верно, товарищ председатель?

Председатель закивал головой.

— Верно, верно!

— А может, ты, оседлав коня, решил в басмачи податься? Тогда извини! Или в твоем роду басмачи были? Это надо проверить...

— Не говорите так, начальник. Мой несчастный отец за советскую власть свою жизнь отдал. А что до коня, начальник, то конь — спутник мужчины. Если на то пошло, мы проводим улак.

— Фу, и в каком же обществе ты живешь? Выходит, все это время я играл на танбуре под ухом у осла? Твой улак — пережиток прошлого! Игра дикарей!

— Получается, начальник, что плешивая голова — и не голова вовсе. Я думал, у меня одного такая голова, а ваша-то с моей вровень будет.

— А ну, заткнись, мать твою!

— Мать мою не трогайте, начальник. Она, бедняжка, в комнате нянчит внука. Такие низкие слова вам не к лицу.

— Заткнись, тебе говорят!

— Если так, я и вашу мать могу...

Я не успел договорить. Плешивый начальник с размаху ударил меня в челюсть. Рука у него оказалась слабая, будто женская — мне было не больно. Я закончил начатую фразу. Плешивый начальник думал пнуть меня в живот. Я увернулся. В порыве гнева он, не удержавшись, свалился с топчана в яму. Подбежали его люди и вытащили его. Одежда у него была в грязи. Тяжело дыша, он указал на меня.

— Держите его, бандита!

Два милиционера подошли ко мне и скрутили руки за спину. Дали пинка. Следуя за плешивым начальником, повели меня к правлению. Впихнули в тесную машину. По дороге меня вырвало.

Я не выношу запаха бензина, братья мои. От него у меня кружится голова.

Мы приехали в район, вышли из машины возле отделения милиции. Следом за плешивым начальником прошли в застекленную комнату. Сидевшие там милиционеры при виде начальника встали. Плешивый, указывая на одежду, принялся жаловаться:

— Для сбора лошадей на мясо мы с вашими коллегами прибыли вот к этому типу. Я сказал: «Отдавай коня». Не отдал. Обругал меня бранными словами. И мать мою помянул, и жену. Потом одним ударом свалил в яму. Факт налицо — я весь в грязи. Ваши коллеги — свидетели. И председатель колхоза здесь. Верно, председатель?

— Верно, верно! Свалил в яму!

Один милиционер, ругаясь, подошел ко мне.

— Ах, ты, скотина, еще руку поднимаешь на руководство? Вот бандит!

Милиционер ударил меня в живот. Я, схватившись за живот, уперся головой в стену. Меня тошнило. Потемнело в глазах. Люди вокруг двоились и троились. Комната перевернулась и снова встала на место.

Милиционер положил перед плешивым начальником бумагу.

— Вот, пишите рапорт, отнесете начальнику. Мы его задержим, пусть придет в чувство.

Когда плешивый начальник закончил писать, милиционер взял заявление и вышел. Спутя какое-то время вернулся.

— Пошли, — сказал он мне.

Я вышел за ним во двор по узкому коридору. Мы вошли еще в одну комнату. Там на видном месте сидел толстый человек. По тому, как он сидел, было видно — начальник. На погонах — большие звездочки. Плешивый показал на меня:

— Вот бандит!

Сидящий на видном месте начальник строго спросил:

— Товарищ Курбанов, почему бьете начальников?

Я рассказал все как было, ничего не добавляя от себя. Начальник, сидящий на видном месте, посмотрел на плешивого вопросительно: что будем делать?

Тот вскочил с места:

— Обманщик! Он себя выгораживает. Вы нам, руководителям, верите или таким вот пастухам?

— Конечно руководителям. Руководители не врут.

— Ну ладно!

Я чуть не расплакался.

— Большой начальник, меня избили ваши милиционеры...

— Чего-чего? Избили?

— Избили прямо у двери. Я потерял сознание...

— Не может такого быть. Сейчас вызовем.

На пороге появился милиционер, ударивший меня в живот. Отдал честь:

— По вашему приказанию прибыл, товарищ полковник.

— Скажите, лейтенант Исматов, вы били этого человека?

— Его? Пальцем не трогал!

— Говорит, что били.

— Честное лейтенантское слово, руки на него не поднимал. Вот и сержант Халилов подтвердит. Можете спросить у него.

Положив на живот правую руку, я показал:

— Вот сюда ударил.

Тогда плешивый начальник подал голос:

— Пальцем не трогал, я свидетель.

Начальник, сидевший на видном месте, повернулся ко мне:

— Вот, слышали, товарищ Курбанов? Советская милиция бить не станет.

36

Я лежал в вонючей комнате и не мог понять, день сейчас или ночь.

Через какое-то время железные двери с грохотом открылись и закрылись. Кто-то вошел.

— Где ты, плешивый? — спросил он.

Я сразу узнал голос милиционера, ударившего меня в живот. Я встал, подошел к дверям. Милиционер одной рукой взял меня за ворот. Пару раз встряхнул.

— Зачем выдал меня начальнику?

— Я не выдал, брат, я только сказал, что ты меня ударил.

— Ударил? Когда ударил?

Милиционер пнул меня между ног.

— Я ударил? — милиционер ударил еще больнее.

— Тебя ударил? — милиционер пнул со всей силы.

— Я? Тебя?

Я повалился на спину...

На следующий день с раннего утра я убирал в туалете, подметал двор и улицу.

Мать с женой принесли еду. Мать сквозь слезы спросила о моем самочувствии. Жена, не скрывая волнения, тоже расспрашивала о здоровье. Мать и жена причитали наперебой и не скупились на проклятия.

— Если они унизили моего ребенка — пусть их, начальников, унизит Всевышний!

— Боже мой! Да чтоб вам увидеть смерть ваших детей...

— Пускай вас вместе с лошадьми сдадут на мясо...

— Пусть Всевышний и пророк Мухаммед заступятся за меня, если считают своей, — тогда эти начальники будут наказаны и опозорены перед народом.

Я ни словом не обмолвился матери и жене о Тарлане, потому что женщины не имеют держать язык за зубами. Не тому, так другому проговорятся.

Если на то пошло, Тарлана я растил для себя. Чужих он к себе не подпустит и из чужих рук корм не примет.

37

Ровно через десять дней меня выпустили и я вернулся в кишлак. Не заходя домой, прямиком помчался к Тарлану. Взобрался на холм, но Тарлан не заржал. Меня охватили дурные предчувствия. Я уже потерял надежду увидеть Тарлана в живых. Застыл возле промоины. Оглянулся. Тут сердце мое так и упало.

В промоине стояло существо на четырех палках. Живое или нет — непонятно. Блестят две точки. Или это глаза?

Спустился внутрь промоины. Повис на шее у Тарлана и зарыдал горько-горько. Вывел его в поводу из промоины. Когда Тарлан спускался вниз, его передние ноги подкосились — он чуть не упал.

Дал ему немного попить из арыка. Походил вдоль арыка, размял ему ноги. Расчесал, вымыл его. Опять напоил водой. Взял под уздцы, снова завел в промоину. В торбу насыпал корм. Сидел перед промоиной, пока не стемнело. Постепенно Тарлан начал оживать.

38

Братья мои, сколько карабаиров, сколько чубарых коней ушли со ржанием, оглядываясь назад. Сколько гнедых и буланых превратились в мясо.

Теперь в кишлаке не слыхать лошадиного ржанья. По утрам на улицах перестали цокать копыта коней. И вечерами их копыта не сотрясают землю. В степях табуны коней не бегают больше с веселым топотом за своими вожаками.

Будто подростки, у которых с войны не вернулись их молочные братья, загоревали наездники. Теперь и невест привозили не на лошадях, а в машинах. Мир заполонили их сигналы: бип! бип!

Об улаке в кишлаке и думать забыли.

39

Когда в кишлаке все успокоилось, я привел Тарлана домой. Многие искусные наездники, завязав в поясной платок деньги, отправились в Обокли. Вернувшись верхом на конях, привезли с собой удивительную новость. Оказалось, лошадей забирали не из всех кишлаков. В окрестностях Обокли их даже не трогали.

40

Пересуды эти дошли до ушей пяти-шести жалобщиков из кишлака. Они навострили уши. По вечерам ходили из дома в дом и собирали заявления. В один из таких вечеров пожаловали к нам. Главный среди них, Батыр-мираб, предупредил заговорщическим голосом:

— Подпереть ворота изнутри. Погасить во дворе лампу. Детей к дому и близко не подпускать. Дверь запереть поплотней. Зашторить окна. Теперь садись напротив.

Сделав, как сказал Батыр-мираб, я сел напротив. Жалобщики попросили рассказать обо всем, что со мной приключилось. Я решил себя не выдавать; сделал вид, будто не понимаю. Похоже, про те мои десять дней люди успели сложить легенды. В первое время я просто не мог показываться им на глаза. Но теперь случившееся со мной стало забываться. Мне не хотелось ворошить прошлое.

— Что было, то было, Батыр-ака, стерлось из памяти. Оставьте вы эти жалобы.

— Э-э, сперва думай, а уже потом говори. Кто здесь жалобщик? Мы? Мы же писатели! Запомни: писатели! Мы думаем только о народе, добиваемся справедливости. А те, которые пишут газели, романы... что еще писатели пишут, товарищ Хамидов?

Преподаватель литературы, стоявший рядом с ним, добавил:

— Поэмы, баллады...

— Да, да! Те, которые пишут поэмы, баллады, — они не писатели, а мы — писатели! Именно мы! В произведениях тех писателей нет факта и конкретики! Вот, к примеру, наш Тагай, сын бедного Бури! Написал книгу про кураш. Теперь про улак пишет. Написать-то написал, но знающим людям не показал. Народ тратит деньги, чтобы купить книги таких писателей. Тратит время на чтение. Потом, товарищ Хамидов, как называют грустные произведения? Да, верно... трагедии! Если это трагедия — люди плачут. Если... товарищ Хамидов? Вот-вот, если сатира — смеются. Все — сплошная болтовня! Никакую народную проблему этим не решить. А проблем у народа полно. Кто окажет народу реальную помощь? Мы! Выходит, настоящие писатели — это мы! Правда, то, что мы пишем, в виде книг не издается. Наши произведения оседают в разных конторах. Но если захотим — можем и издать. В сундуках копии наших жалоб хранятся стопками. Короче, чтобы слово «жалобщик» из твоих уст мы больше не слышали!

— Виноват, ака, виноват.

— То-то. Теперь рассказывай. С самого начала.

— Значит, так. Как-то раз ночью явился ко мне один плешивый в пять раз плешивее меня. С ним двое в фуражках...

— Слушай, разве люди для тебя — это игрушки? Называй человека не «плешивый», а «товарищ такой-то». «В фуражках» — это кто? Милиционеры? Фуражка сама по себе — тряпка, картонка! Фуражку к ответственности привлечь нельзя. Так и говори: «лейтенант такой-то», «сержант такой-то».

— Ладно. Когда луна повисла над макушкой тополя нашего соседа Кулмата-палвана...

— Уф! Ты случаем не поэт какой-нибудь? Нет? Тогда почему говоришь о луне, звездах? Спустись вниз. Говори с высоты земли. Оставь лирику в покое. Наше дело имеет конкретное значение, оно — народной важности. В судах принимал участие? Нет? Тогда, по крайней мере, слышал мою речь на отчетном собрании колхоза? Излагай так же, как выступал я!

Я знал наизусть речь Батыра-мираба на общем собрании колхоза. Точно так же, как мираб, сложил руки на животе. Голову приподнял. Не моргнув глазом, пересказал слово в слово. Мираб остался доволен. Положил передо мной бумагу и ручку.

— Теперь напиши так, как было сказано. Почему? Пять классов? Образование твое на целый класс выше моего — а писать не умеешь? Ну ладно. Пишите вы, товарищ Хамидов, а этот уважаемый человек подпишет.

Жалобщики побывали в Денау, Термезе и Ташкенте. Бегали из одного учреждения в другое. Они оказались совсем не плохими людьми. А ведь коней у них никто не отбирал. И никто не просил их бегать и ездить, даже копейки никто не обещал. А они вот бегают и бегают по учреждениям, и все за свой счет.

41

В одну из поездок взяли с собой и меня:

— Все, что с тобой приключилось, сам расскажешь.

Спросил, куда едем, — не ответили. Батыр-мираб приложил указательный палец к губам:

— Тсс...

На автобусе доехали до Душанбе. По дороге меня дважды вырвало. Из Душанбе полетели в Москву.

Первый раз в жизни я летел на самолете. Самолет то опускался, то поднимался — и у меня душа уходила в пятки. Потом встала на место. Выглянув в окошко, я поразился: прямо под нами лежали горы хлопка. Самолет их вот-вот заденет. Сидевшему рядом учителю Хамидову я сказал:

— Эй, поглядите, сколько хлопка.

Тот взглянул и рассмеялся. Взял мой треух и плюхнул его на мою гладкую голову. Я втянул голову в плечи. А он шлепнул по треуху и натянул мне его по самые уши. Как я потом узнал, это был не хлопок, а белоснежные облака.

Мы приземлились в Москве, и я поехал вместе с жалобщиками. Сколько же здесь машин! И ни одного коня!

Автобус ехал, ехал и наконец доехал до места. Мы стояли на обочине, я голосовал проходящим машинам. Столько машин — и ни одна не остановилась! Я устал голосовать. От долгого стояния отекли ноги. В животе заурчало. Терпение лопнуло.

И тогда, гудя, подъехала длинная машина. При приближении к нам замедлила ход. Я догадался, что, если подниму руку, наверняка остановится.

— Эй, учитель Хамидов, это что за машина? — спросил я.

— Трамвай, — сказал учитель.

— Будем стоять, как столб? Вот этот трамвай и остановим! Расходы с меня! — сказал я.

Учитель Хамидов засмеялся:

— На трамвае дороговато выйдет.

— Ну и пусть! Даже если возьмут цену одного барана, — ответил я.

— Тогда сами и платите.

Я побежал, встал на пути трамвая, поднял правую руку над головой:

— Эй, трамвай, остановка!

Трамвай, позвякивая, остановился. Водитель посмотрел в окно. Поинтересовался, чего я хочу. Я махнул рукой.

— Прямо, — сказал я. — Сколько скажете? Заплатим.

Водитель трамвая смерил меня взглядом и кивнул.

Большим пальцем он показал на дверь.

Дверь с шумом распахнулась. Я заскочил в трамвай, вслед за мной — жалобщики. Я смотрел на них с гордостью:

— Вот, всего лишь одно мое слово.

— Ну ты даешь, Зиядулла, — сказал Батыр-мираб.

Трамвай то шел, покачиваясь, то останавливался. Ехали долго. В какой-то момент учитель Хамидов сказал:

— Сейчас выходим.

Я вышел первым, подумав, что раз я остановил трамвай, то должен теперь платить. Стал рыться в карманах. Тогда Батыр-мираб сказал мне:

— Я заплатил.

— Ну ладно. Хорошо, — ответил я. Должно быть, это дорого обошлось

Батыру-мирабу. Ведь за четверых заплатить не так-то просто. Во сколько обошлось, во столько и обошлось. Разве я просил Батыра-мираба, чтобы он взял меня собой? А раз взял — пусть сам и платит.

Жалобщики скрылись в каком-то большом учреждении. Я остался сидеть у входа, возле вахтера. Снова и снова твердил про себя слова, которым научили меня жалобщики. Наконец они вышли. Оказалось, начальникам я был вовсе не нужен. Они поверили на слово. И очень хорошо. А то я боялся, что растеряюсь перед начальством и начну заикаться.

42

На следующий день мы вылетели в Душанбе. В этот раз я держался посмелее. Пассажиры знаками подзывали девушку, бегавшую по проходу самолета, будто аист. Девушка приносила им воду в маленьких чашках.

Чем я хуже других? Головы моей под шапкой не видно. Решил я себя испытать. Шевеля указательным пальцем, подозвал девушку. Показал себе на рот: воды, мол, хочу. Девушка кивнула и принесла воды. Одним глотком я осушил чашку. Как и другие, мотнул головой: дескать, живите долго. Выпятив грудь, развалился в кресле. Посмотрел из окошка вниз. Мне показалось, что внизу наш Вахшиварсай. Даже дома вроде как разглядел. Неподалеку ползают какие-то черные точки. Хотел спросить учителя Хамидова, не наши ли это овцы? Но промолчал, опасаясь, что тот опять стукнет по голове.

43

Прилетев в Душанбе, мы взяли такси и поехали в кишлак. Мне захотелось похвастать: рассказать, куда я ездил. По улице шел степенным шагом. Сердечно приветствовал встречных. Дойдя до конца улицы, развернулся и пошел обратно. Приветствовал встречных, расспрашивал о здоровье их близких. И про житье-бытье не забыл. И хоть бы один из них меня спросил:

— Зиядулла-наездник, что-то вас давно не видно!

Обидевшись на людей, я пришел домой. Попил чай, прилег. Повернулся на правый бок — сон не идет, повернулся на левый — опять же нет сна. Все, думаю, сейчас лопну! Сунул за пазуху горсть конфет, привезенных из Москвы, оседлал Тарлана и отправился к приятелю Мамату.

Заглянул через забор.

— Мамат! Невестушка, дома ли Мамат? Разбуди, есть разговор!

Из дома, потирая заспанные глаза, вышел Мамат. Я заговорил громко, так, чтобы слышали соседи:

— Ну, как ты, жив-здоров? Как поживаешь? Возьми и раздай внучатам вот эти конфеты, пусть полакомятся. Они священные, привез их из далеких земель.

— И откуда же, позволь спросить?

— Из Москвы!

— Из колхоза «Москва», что ли?

— Колхоз? Какой еще колхоз? Да за кого ты меня принимаешь? По таким местам я не езжу. Если уж и соберусь, то только в такой большой город, как Москва! Только Москва! Ну, в крайнем случае, проездом могу в Душанбе остановиться. А скажи, в полдень над твоим домом не пролетал самолет? С пропеллерами на крыльях?

Мамат задумался. Глянул на небо.

— Вроде пролетал, а что?

— Живи долго! Хочешь я тебе скажу кое-что? В том самолете я сидел!

— Быть того не может!

— Сидел с правой стороны! Прямо рядом с пропеллерами, да!

— Ух и сукин сын, быть тебе Гагариным!

— Кем? Фу, да кто он такой, твой Гагарин! Разок поднялся на небо и тут же назад. За то время, что я летел, можно было четыре раза плов сделать! Сам видишь, я тебе человек не простой. Теперь, прежде чем со мной заговорить, подумай, как следует!

— Все, все, понял! Разговора нет.

— И еще скажу. Самолет, оказывается, не такой маленький, как бумажный змей. Внутри он — как Обширская промоина.

— Заходи в дом, чай пить будем.

— Нет, у меня срочное дело. Ехал мимо. Дай, думаю, узнаю, как ты поживаешь.

Я выпустил из рук поводья. Братья мои, облегчил я свою душу.

44

Говорят, братья, приехал человек из Москвы. На голове шляпа. Собрал руководителей района, взял в оборот плешивого начальника. По действующему закону правительство постановило сдавать мясо, исходя из возможностей каждого. Это распоряжение получили в нашем районе. Руководители района отправили плешивого начальника к нам уполномоченным. Последний, желая продвинуться вверх по служебной лестнице, решил воспользоваться мясозаготовками. Любым путем хотел добиться сдачи мяса раньше срока с перевыполнением плана — и тем самым заслужить благосклонность начальства и получить повышение. Поэтому путем насилия запугивал неграмотные массы. Вышестоящие начальники сильно ругали того плешивого и сняли его с работы. Хотели было исключить из партии. Но плешивый начальник пустил слезу. Тогда они его пожалели, сказали, что слезы мужчины равносильны его смерти.

Братья мои, верно говорили в старину: «Будешь держаться истины — не узнаешь горя. А если истина тебя проклянет — не будет тебе исцеления».

Рассказывали, будто в чайхане плешивый начальник жаловался, что на свете нет правды. Чай в чайнике у него был белым. Что будто сам его себе наливал и пил. Людям на потеху.

45

Братья мои, как хорошо, что есть на свете жалобщики! Они не допустят несправедливости. Не дадут спуску мошенникам. Никому не позволят присвоить народное добро. Если не будет жалобщиков — правители смогут купить, как на базаре, совесть своего народа. Если не будет жалобщиков — правители у простого народа изо рта вырвут еду.

Я зауважал жалобщиков. В воскресенье пригласил их всех к себе домой. Зарезал барана.

46

Кишлак снова наполнился лошадьми. Наездники пустили коней на выпас. Я тоже пустил Тарлана.

47

В Карлике играли свадьбу. На эту свадьбу мы и отправились. В дороге Тарлан разбрасывал кизяк. Я удивился. Раньше за ним такого не замечал.

Остановились в доме у одного учителя. Я прибил колышек возле самого хлева. Уши у Тарлана обвисли. Он опустил голову и печально уставился на трещину в дувале. От корма отказался. К сахару и губами не притронулся. Душа моя затосковала. В горле стоял комок. Я не сводил глаз с Тарлана. Товарищи по стремени тоже забеспокоились.

В Карлике жил старик — большой знаток лошадей. Мы пригласили его. Старик осмотрел коня, обойдя его кругом. Нагнувшись, посмотрел ему в глаза. Покачал головой. Взял меня за локоть, повел в гостиную. Положил мне руку на плечо.

— А скажи, прославленный наездник, не продашь ли ты мне этого коня? Даю тебе двадцать овец. Скажи свое мужское слово.

Во мне закипела злость. Такое горе у меня, а он мне — о своем.

— Сперва скажите, дедушка, что с ним приключилось?

— Нет, сначала ответь ты, прославленный наездник. Потом я скажу.

— Нет! Не продам его, даже если наступит конец света! Ясно вам?!

— Ну, ладно. Тогда слушай, прославленный наездник. Конь у тебя — редкий. Как увидел — сразу это понял. Если не ошибаюсь, недавно он перенес сильное потрясение, верно?

Я вспомнил, как Тарлан десять дней голодал в Обширской промоине. Но старику об этом не стал рассказывать.

— Да, было дело, хворал. Потом выздоровел.

— Хвала тебе, прославленный наездник. Сейчас, думая о предстоящем состязании, твой конь вспоминает об этом. Сомневается, сможет ли из-за перенесенной болезни бегать, как прежде. Вот какая печаль одолевает твоего коня. Я прочитал это в его глазах. Еще вспомнишь мои слова, прославленный наездник.

Старик ушел. Мы допоздна просидели за оживленной беседой. Но печаль Тарлана не давала мне покоя. Видимо, она отразилась и на моем лице. Хозяин дома утешил: мол, не переживайте так; старик — знаток лошадей, он все о них знает. А после рассказал, что это был за старик.

Оказывается, кони только раз в году жуют жвачку. Когда конь жует жвачку — он горит! Тело его накаляется так, что может даже ослепить. Глаза коня горят особенным блеском. Так ведь конь — это див! Если конь жует жвачку — происходит это в необычном месте и в необычное время. Человек, увидевший, как конь жует жвачку, становится или безумным, или несчастным. А счастливый или мудрый — станет еще счастливее и мудрее. По слухам, старик видел, как конь жвачку жевал.

48

Улак проходил на незасеянном пустыре. Я проскакал вокруг пустыря, разогрел Тарлана. Тот сразу переменился. Голову держал прямо, играл и резвился. Грызя удила, ржал и рвался в толпу. Звал меня на состязание.

Коней собралось много, потому что это было первое зимнее состязание. Оно обещало быть интересным. Причина вот в чем: когда мало коней, поднять улак с земли трудно. Каждый конь, считая себя сильней остальных, сразу кидается к улаку. Кони мешают друг другу, дерутся. А когда коней много — к

улаку кидается сильнейший из сильнейших, тот, который всем коням конь. Кони же послабее — становятся зрителями. Если бросаются к улаку, сильные не дают им дороги, выталкивают назад. Поэтому на состязаниях, где много лошадей, вынести улак из круга обычно легче.

49

Привезли улак. Подгоняя коня, я подъехал к улаку и дал Тарлану его понюхать. Взявшись за ляжку, попробовал его приподнять. Веса в нем было около пятидесяти-шестидесяти килограммов. Мокрый насквозь. Видно, ночью тушу держали в воде. Смысл здесь в том, что улак становится очень тяжелым. И когда его тянут в разные стороны, шкура не отстает от него. А иначе во время яростной схватки не остаться улаку целым!

Распорядитель объявил приз:

— Одна пара калош и десять рублей! Налетай!

Всадники ринулись к улаку. Чей-то рыжий конь вынес его и умчался. Объявили следующую ставку: один баран, один халат и десять рублей! Награда выросла, не зевайте!

Я направил Тарлана к улаку. Он рванулся с фырканьем. Примчался к улаку легче и быстрее, чем я думал и хотел. Как обычно, сделав круг возле улака, остановился. Кто-то зло стеганул Тарлана по крупу. Тот вздрогнул, но с места не двинулся. Глаза его были устремлены на тушу. Я, не вытаскивая ноги из стремени со стороны, противоположной улаку, зацепил его за луку седла, а ногу в стремени со стороны улака — согнул. Коленом поддал Тарлану в бок, и мой конь проложил мне дорогу сквозь самую гущу! Тарлан подставил мне плечо!

Нагнувшись, я ухватился за улак одной рукой. Поднимая голову, выпрямил согнутую ногу и уперся в стремя. Вся тяжесть пришлась теперь на эту ногу. Иначе поднять с земли улак было нельзя. Тут чей-то дерзкий конь наступил на тушу. И снова, ухватив улак за ногу, я поднял его до высоты колена коня. Тарлан, беспокойно поглядывая на тушу козла, устремился вперед. Я намеренно волочил тушу по земле. Подними я ее сразу — налетели бы ждавшие в стороне другие наездники.

— Улак поднимается, улак поднимается!

Мы пробрались к месту, где наездников было поменьше. Я приготовился поднять тушу.

— Улак у Тарлана, улак у Тарлана!

Я одним рывком поднял улак. Когда поднимал его, Тарлан покачнулся. Мы мчались вперед. Все остались позади. Только один гнедой не отставал. Его всадник, ухватившись за другую ляжку улака, мчался рядом.

— Нет, улак между Тарланом и гнедым!

Я прижал улак коленом. Посмотрел по сторонам. Выпустил из рук поводья. Обеими руками схватился за улак. Мы по-прежнему мчались рядом.

Многие лошади сначала скачут медленно, а потом убыстряют бег. Наш Тарлан резко берет с места и сразу мчится во весь опор. Другие кони к такому рывку обычно не готовы. Пока сообразят, в чем дело, — Тарлан уже оторвался от погони. Так вышло и на этот раз. Еще одно достоинство Тарлана: если его догонит чей-нибудь конь — он скачет с этим конем вровень. Не вырывается вперед. Скачет ровно, будто на большее не способен. Скачущий рядом конь приноравливается к его равномерному бегу. И тут Тарлан делает рывок и уходит от соперника. Тот не подозревает подвоха и остается позади.

Мы мчались, и настал тот самый момент, когда Тарлану хватило одного моего слова:

— Вперед!

Он показал себя настоящим тарланом: внезапно рванулся и ускорил бег. Рука наездника гнедого, скакавшего рядом, выпустила улак. Гнедой отстал. Тарлан не сбавлял хода. Я, разгорячившись, понукал:

— Ха-ху, ха-ху, хэй!

Тарлан летел как молния.

— Чисто-о! Тарлан выиграл чисто! Бросай, Тарлан, бросай!

И как это я умудрился поднять с земли шестидесятикилограммовую тушу? Даже усевшись на дувале высотой в сажень, я бы не оторвал от земли такую тяжесть. Обычно, взявшись за мешок в шестьдесят килограммов обеими руками, я еле-еле взваливаю его на осла. А на состязаниях, наклонившись с лошади, одной рукой подхватываю тушу в шестьдесят килограммов! В чем же тут секрет?

Дело в том, братья мои, что у коня есть ветер! Этот ветер и гонит улак. Вы, должно быть, заметили, что мой конь не отрывал глаз от улака и пробил мне дорогу в гуще других лошадей? Этим он обеспечил мне преимущество. А когда я поднимал улак, Тарлан покачнулся, как человек, пытающийся получше пристроить ношу на своих плечах. И тут нужно, придерживая тушу, помочь своему коню.

Теперь вы понимаете, что восемьдесят-девяносто процентов всех тягот на состязаниях приходится на коня. Вот почему на скачках называют не имя наездника, а масть коня. От начала до конца скачек кличка или масть коня произносится с почтением.

Но как Тарлан поскакал с тушей весом в пятьдесят-шестьдесят килограммов, да еще со мною в седле? Предположим, я нагружу коня мешком пшеницы в шестьдесят килограммов и оседлаю — разве поскачет он так резво? Нет, не поскачет! Но когда дело касается улака — он подобен вихрю.

Братья мои, на скачках царит свой особый дух! Он-то и дает коню силу, дает ему крылья!

Тарлан показал себя во всей красе. Еще целых два раза я выносил улак.

Кто-то окликнул нас из толпы: «Тарлан, подойдите-ка сюда». Подошел, а это вчерашний старик сидит на дувале. Прикрывая ладонью глаза от солнца, он улыбался.

— Как теперь ваши дела, прославленный наездник?

— Спасибо, спасибо.

— Вот что я вам скажу, прославленный наездник: сейчас лучше дать коню отдохнуть. А то еще сглазят.

Честно заработанный Тарланом халат и деньги я протянул старику, но тот их брать отказался. Оставив приз возле старика, я направился туда, где лежала конская сбруя.

50

Братья мои, сосед наш Кулмат-палван вернулся с базара. Проходя мимо его дома, я расспросил его о ценах. На базаре в Денау кишмиш стоит десять рублей. А в Регаре, оказывается, еще дороже.

— Если у вас есть кишмиш — везите скорей, не то будете потом жалеть, — так он сказал.

Дело в том, что кишмиш-то у нас есть! Целых шесть мешков. Желтый, как самый солнечный день лета. Есть у меня и сыновья — крепкие, здоровые! Каждый говорит:

— Вот вырасту — буду скакать на таком же коне, как Тарлан!

Кишмиш на их свадьбу собираю. Этой зимой силенок у меня не хватит, а вот в следующую — закачу большую свадьбу. Если будет на то воля Всевышнего.

В субботний вечер я выволок из амбара мешок с кишмишем. Высыпал на ковре, расстеленном на топчане. Просеял через сито, очистил от пыли.

Когда начало светать, оседлал Тарлана и отправился на базар. Переправились через Кызылсу и стали подыматься.

Возле скотного рынка есть участок, огороженный проволокой. Приезжающие на базар привязывают здесь своих лошадей и ослов. Тут и я привязал своего Тарлана. Взвалив мешок на плечи, пошел на базар. Согнувшись в три погибели, шел и покрикивал:

— Дорогу, дорогу!

В нос мне ударил запах мантов. Уселся в один ряд с другими продавцами, развязал мешок и стал нахваливать свой кишмиш. Ниже десяти рублей цену не сбавлял.

Человек в галстуке взял в ладонь кишмиш и стал разглядывать. Помял его пальцами.

— Сбавьте чуть-чуть, вы же дехканин[1], — сказал он.

— Разве дехканин кишмиш на улице находит?

— За дары природы десять рублей просите?

— Дары природы — это пот дехканина.

— В чем здесь ваша заслуга? Солнце и луна светят для всех.

— Светят, конечно. Но начиная с вашей одежды и заканчивая едой — все это пот дехканина. Сами-то вы сидите в конторе за бумагами — вам с неба ни еда, ни одежда не падают. Из того, что получил дехканин, он девяносто процентов отдает вам и только десять себе оставляет!

Человек в галстуке скажет слово, а я ему — два. Так и не уступил.

Братья мои, хоть и нет у меня волос, но расческа из золота. Гляжу, проку от моей торговли никакой. А ну его, решил я и сбавил цену до семи рублей. Примчался какой-то перекупщик и купил товар оптом.

Отряхнул мешок о колено. Сложив вчетверо, сунул подмышку. Прошелся по базару, сделал покупки. Взял гостинцев, лакомств. Беременной жене давно хотелось джиды — купил хорезмской джиды. Сыновьям — леденцовых петушков, конфет с собакой на обертке и сушек. Все это сложил в мешок и перекинул его через плечо. Пошел в чайхану.

51

Переступил было порог, только просунул голову внутрь — и чуть не задохнулся. Чайхана была набита битком. Духота. Даже на деревянном помосте снаружи полно народу. Если пересчитать — человек сто наберется. Я прислонил мешок к столбу помоста. Поискал, где сесть. Один человек ушел, место осводобилось. Я попросил соседа сказать, что место занято. Принес чай, лепешку. Прошел на другую сторону улицы, к рыбной лавке. Усатый человек жарил рыбу в большом котле. Я встал в очередь, купил два кило рыбы. Сел и принялся за еду. Рыба оказалась костистая, и я разозлился.

В это время в углу топчана появились два милиционера. У меня сразу пропал аппетит. Глаза б мои не смотрели! Я повернулся к ним спиной. Неужели те самые? — с опаской вспомнил я и присмотрелся. Нет, другие.

---

[1] *Дехканин* — крестьянин в Средней Азии.

52

Тут раздался голос:

— Держи вора, держи!

Из плотной толпы в воротах базара выскочил парнишка. Его нагонял человек в полосатом чапане. Парень бросился через улицу. А сверху, наперерез ему, во весь дух мчалась красная машина. Машина с визгом затормозила. Парнишка кинулся в противоположную сторону. Шлепнулся в арык с темной водой. Весь вымазался в грязи. Гнавшийся за ним мужчина обежал машину. Обеими руками схватил парня сзади за вымазанный воротник. Тот попытался вырваться из рук мужчины в чапане, но не смог. Мужчина сбил парня на землю, ударив по ногам.

— Отдавай деньги! Где деньги?!

— Это не я.

— Ты! Ведь это твою руку поймал я в своем кармане! Отдавай по-хорошему, а не то покажу тебе твою мать из самого Учкургана!

— Говорю же, что не я!

— Тогда я сам найду. Вытяни руки! Вот этот карман покажи!

Народ вышел из чайханы поглазеть. Прохожие тоже останавливались. Зевак собралось видимо-невидимо. Я смотрел, стоя на топчане. Мужчина в полосатом чапане шарил в карманах парня. Сунув руку ему подмышку, вытащил пачку денег. Ткнул их парню в лицо.

— А это что? Калым за твою мать?

Парень втянул голову в плечи, грязными ладонями закрыл лицо. Мужчина с размаху ударил его в висок. Парнишка снова плюхнулся в грязную воду. Мужчина в полосатом чапане, взяв парня за шкирку, потащил его вдоль арыка.

— Я тебе покажу, как шарить по карманам! А ну идем в милицию!

Парнишка уперся ногами, дернулся назад.

Тут из толпы выскочили два рослых парня. У обоих волосы до плеч. Обтягивающая одежда. Подошва на ботинках толстенная, как копыта у коня. Подошли к человеку в полосатом чапане. Один из них схватил его за локоть. Тот выпустил из рук парня и обернулся. И тут же получил точно рассчитанный удар в лицо от второго детины. Мужчина в чапане оказался человеком крепким. Не упал, а только пошатнулся. Теперь удар нанес первый верзила.

Толпа подбадривала дерущихся:

— Ну, дай ему в нос!

— Бей! На кой черт церемониться, когда есть кулаки!

Мужчина в чапане с размаху ударил одного из противников. Парень грохнулся на землю. Второй обошел мужчину сзади и пнул в бок. Тот согнулся.

Толпа подзадоривала:

— Бей по голове!

В это мгновение маленькая черная собачонка с визгом вцепилась в ногу одного из парней. Тот схватился за ногу. Вслед за собакой появился торговец рыбой. Ругаясь, отогнал собачонку.

Грохнувшийся было наземь парень вскочил и ударил мужчину ногой в живот. Пнул его и тот, измазанный грязью. Мужчина в чапане сморщился и, хватаясь то за живот, то за бок, опустился на колени.

Я возмутился и обратился к сидевшим позади милиционерам:

— Вмешайтесь, ведь убьют его сейчас!

Один из них равнодушно махнул рукой:

— Это нас не касается. Это не наш участок. Наш — в районе винзавода.

Толпа подвела итог:

— Все, нокдаун!

Но нет, этим дело не кончилось. Мужчина в чапане, сидевший на корточках, вскочил на ноги. Ударил головой в лицо того, что пнул его в бок. Парень закрыл лицо руками и согнулся. Сквозь пальцы сочилась кровь. Тогда второй парень, взяв в ладонь что-то черное, ударил мужчину в чапане по лбу.

— Ох, умираю! — застонал тот.

Со лба у него текла кровь, глаза закрылись, он попятился назад. Когда, казалось, что он вот-вот упадет, один из парней, подскочив, пнул его в грудь. Мужчина опал на землю, как осенний листок, и затих. Двое начали бить его ногами. Подошел и тот, кто получил в лицо, и втроем они стали избивать лежавшего на земле мужчину.

Я обернулся, а милиционеров и след простыл. Огляделся вокруг, а они потихоньку выходят из чайханы.

У меня внутри все защемило. Я сорвался с топчана и, растолкав толпу, протиснулся в середину. Схватил одного из парней за плечи, отшвырнул его прочь! Другому вцепился в волосы и оттащил в сторону.

— У-у, совесть потеряли, набросились на одного, слабого! Ведь убьете!

Тот, кому я вцепился в волосы, пнул меня в пах. Я опешил и локтем двинул его по морде. Тут засигналила машина. Зеваки, стоявшие возле арыка, посторонились. Это оказалась машина «скорой помощи». Сидевший внутри человек в белом халате поверх очков посмотрел на лежащего в крови мужчину.

— Что с ним случилось?

Мне стало так обидно, что я заплакал.

— Разве не видите этого беднягу? Они втроем, а он один!

— Понятно. Пить надо меньше, а не радоваться, что воскресенье наступило!

— Заберите его скорее, брат, умрет ведь.

— Поступила заявка, мы едем по вызову. Вызывайте другую машину. Трогай, поехали!

Не в силах больше сдерживать слезы, я заплакал, прикрывая лицо рукавами халата. Обратился к толпе:

— Эх, братья, разве хорошо будет, если бедный человек так и помрет? Дома у него наверняка и дети, и семья!

Кто-то подал голос:

— Видать, ваш знакомый. Увозите поскорее.

Я взмолился перед хозяином маленькой легковушки, что стояла на улице. Тот согласился. С трудом дотащил до машины мужчину в чапане. Какой-то парень подскочил к машине. Я высунулся из окна, подумав: не сын ли это пострадавшего? Но тот спросил у зевак:

— Что здесь произошло?

— Замечательное было представление! Трое одного так отделали! Трах-тарарах! Нокдаун!

53

Мы повезли мужчину в чапане в больницу. Его не приняли. Женщина в белом халате сказала:

— Это судебное дело.

Позвонила в милицию.

Приехал милиционер, осмотрел мужчину в чапане, сфотографировал его, составил протокол. Потом опросил меня. Я рассказал о себе, милиционер

записал. После этого спросил, что случилось. Я обрисовал все точь-в-точь как было. Милиционер записал.

— Пока свободны. Потом вызовем через участкового.

Хозяину машины я протянул три рубля. Он не взял.

54

Вернулся я в чайхану, а мешка моего нет. Спросил у чайханщика.

— Нет, — говорит, — не видел. Как там ваш друг в полосатом чапане?

— Отвезли, кое-как место нашли, — сказал я ему.

— Так-так...

Чайханщик нахмурился, вытер руки и приготовился читать поминальную молитву.

— Умер, значит? Ой, бедняга...

— Нет, в больнице место нашли.

— А-а... Ну так бы и сказали.

Я снова пошел на базар, купил гостинцев. Завязав все это в поясной платок, подошел к Тарлану. Подвесил узел на луку седла. Отдал рубль старику, сидящему возле ворот базара, и отправился домой.

Мне казалось, я упал с луны и только сегодня узнал, что такое жизнь.

55

Что ты будешь делать! Бывают, оказывается, и такие дни, когда, шагая вперед, мы пятимся назад. Все, что ни задумаем, совершается против нашей воли. Те, кого зовем удачливыми, с нами не здороваются. Даже последний кусок изо рта позволяем выхватить.

Братья мои!

Если суждено — счастье улыбается нам даже из дальних стран. Если нет — оно оставляет нас навеки.

Так и случилось на скачках, устроенных налоговиком Хуррамом. Я никак не мог протиснуться в середину круга, а когда мне это удалось — не сумел поднять улак. Если и поднимал — его вырывали или я ронял его наземь. Даже когда туша оказалась под коленом — и тут прозевал.

Братья мои, богатство и труд не всегда рука об руку ходят.

Тарлан недоумевал на мой счет, а я — на его. Так сделаю — не выходит, по-другому — тоже не получается. Хотел даже уехать под предлогом того, что туша воняет. Но черт дернул остаться. Стегая плеткой Тарлана, погнал его к сгрудившимся всадникам. Коней полным-полно. Подбрось шапку к небу — не упадет на землю. Растолкав наездников, я подобрался к улаку. Попытался добыть его во что бы то ни стало. Не смог дотянуться. Да и кони не давали схватить тушу. Сквозь густую пыль различил, как чья-то рука схватила улак. Тут Тарлан правой ногой наступил на тушу. Он сделал это неслучайно. Видел и знал, что делает. Не захотел отдавать улак. Я понял, что надоело Тарлану топтаться без толку вокруг улака. Он жаждал борьбы!

Я закусил рукоятку плетки. Шлепнул Тарлана по крупу. Тарлан, мотая головой, заставил расступиться окружавших его коней. Расчистил место вокруг. Потом подогнул передние ноги. Присел на них перед улаком. С трудом разлепив глаза в густой пыли, я вцепился в улак обеими руками. Увидев, что туша у меня, Тарлан вскочил. И не пошел вперед, где нас поджидало несметное множество лошадей, — а попятился назад. Выбрался из гущи. А когда мы оказались на

свободе, он развернулся к цели. Помчался вихрем. Увидевшие — увидели, не увидевшие — пусть жалеют!

Тарлан приблизился к краю темной ямы. Разжав колено, я выпустил тушу. Но голоса распорядителя почему-то не услышал. Обернувшись, с досадой ударил себя по колену: улак лежал на краю ямы, а не на дне!

С досады я решил обидеться. С таким расчетом, чтобы услышали все, и особенно распорядитель, я крикнул:

— Мы уезжаем! Нам когда-нибудь вообще давали награду по справедливости?

И пустился в путь, с силой стегнув Тарлана. Поехали, Тарлан, такие бедолаги, как мы, людям неинтересны! Едем, Тарлан, ведь голова у нас — плешивая! Нам, плешивым, награда не полагается!

Оглянулся. Надеялся, что друзья-односельчане вернут нас. Придержал Тарлана. Опять обернулся. Хоть бы одна душа за нами поскакала! Проехал мимо людей, сидевших на дувале. Может, кто из них попросит вернуться. Мимо стольких людей проехал, и хоть бы кто словом обмолвился! Не спросили даже: «Куда путь держишь, Зиядулла-наездник?» А еще людьми называются! Да ну их всех!

Теперь я обиделся и на зрителей. Ну и сидите здесь, как слепые, а я отправлюсь домой и с удовольствием растянусь на постели, сказал я себе.

Поехал по улице, которая вела в кишлак. Остановился возле пересекавшего улицу арыка. Тарлан потянулся к воде. Я не дал ему попить. Привязал к концу палки, торчавшей из-под крыши дома Шакиркула. Отряхнул от пыли одежду. Умыл лицо. Попил воды, зачерпывая ее ладонями. Со вздохом уставился на арык.

На глаза мне попался мальчуган. Он сидел у арыка, макал лепешку в воду и ел. Пригляделся, а штанишки у него мокрые.

— Чей ты, сынок?

— Моего отца.

— А кто твой отец?

— Шакиркул.

— Вот как! И как зовут? Карим? Молодец! Штанишки-то у тебя мокрые, Каримбай?

— Мама на свадьбе.

— Вот оно что! А сам, значит, переодеваться не научился. А мы вот со скачек едем. Нет больше справедливости на скачках, Каримбай. Выигрывают только свои.

— Скачки уже закончились?

— Нет, еще идут.

— Тогда езжайте туда.

Я насторожился. Внимательно посмотрел на мальчугана.

— Вы что-то сказали, Каримбай?

— Вы ведь попили воды.

— Да, Каримбай, попил. Но что мне теперь прикажете делать, Каримбай?

— Езжайте на скачки.

— Я вроде как решил не возвращаться, Каримбай. Нет больше справедливости для нашего брата.

— Если сейчас не поедете — скачки кончатся.

— Ну, так и быть, уговорили, Каримбай. Ехать так ехать, будь по-вашему.

Отвязал Тарлана, оседлал.

— Я возвращаюсь, Каримбай. Не могу отказать в вашей просьбе. А так бы ни в жизнь не вернулся.

На обратном пути я все еще злился на зрителей. Сердито глянув на них,

сказал про себя: «И вы еще называете себя людьми? Один Каримбай оказался человеком».

Я встал в стороне от сгрудившихся всадников. Распорядитель бросил на меня взгляд, что-то сказал стоявшим рядом наездникам. Мол, как собака: сам ушел, сам вернулся. Я уверен, что так он и сказал. И другие так же сказали. Что я им должен был ответить? Что Каримбай меня вернул? А вдруг спросят: какой-такой Каримбай? Сын Шакиркула в мокрых штанишках? Э, кто будет разбираться! Скажу: учитель Карим вернул.

Односельчанину Самаду я громко, чтобы все слышали, сказал:

— На обратном пути Каримбай схватил за поводья. Все не мог успокоиться: вернитесь да вернитесь. И такая мольба была у него в глазах, что не смог ему отказать.

56

Отара рассыпалась по горным склонам. Пока ее собирал, уже стемнело. Домой вернулся в сумерках. Выяснилось, что наш участковый оставил какой-то клочок бумаги. Завтра в десять утра мне нужно быть в милиции. Зашел в дом напарника и извинился. Попросил его завтра попасти овец одному. Сказал, что вышло неотложное дело и я отработаю в другой день.

Спозаранку вдвоем с Тарланом отправились в город. Привязал Тарлана у входа в милицию, вошел в комнату. Вытащил из-за пазухи бумажку, показал милиционеру, сидевшему у двери. Он провел меня в комнату с обитой кожей дверью. Сидевший в глубине молодой человек встал и вежливо меня пригласил. Представился: капитан Рузиев. Милиционер, который привел меня сюда, вышел. Капитан-начальник кончиком своей ручки указал мне на стул. Я сел. Начальник порылся в бумагах.

— Значит, фамилия ваша Курбанов, верно? Почему опаздываете, брат? Время-то уже двенадцать.

— По правде говоря, капитан-начальник, ехал я сюда со скоростью Тарлана.

— Вот как? И кто этот ваш Тарлан?

— Это наш конь, капитан-начальник.

— Ах вот оно что! Выходит, вы на коне приехали, когда столько техники вокруг?

— А то как же! Техника — это не для нас, капитан-начальник. Я не выношу запаха бензина.

— Значит так, ака. Мы бандитов ищем. Устроили очную ставку пострадавшего и подозреваемых. Он показал, это не те люди. А вы не пришли. Придется вызвать вас еще раз.

Мы с Тарланом вернулись в кишлак.

57

Вечером, когда смотрел телевизор, пришел Рихсиев. Он лег, подмяв под локоть подушку.

— Ну что, товарищ Курбанов? Слушали доклад, который я читал по радиоузлу?

— Нет, а когда читали?

— Ну вот тебе раз, ведь только что и читал. Двадцать минут и сорок секунд!

— Я смотрел телевизор. А на какую тему читали доклад?

— О международных событиях.

— Вот как! И какие же новости в мире?

— Международные дела никудышные, товарищ Курбанов, совсем никудышные. Ситуация все обостряется и обостряется. Страны НАТО размещают в Западной Европе крылатые ракеты. В Сальвадоре идут кровавые сражения, обстановка в Никарагуа сложная. Туго приходится народу Палестины. И всему виной — империалисты США, товарищ Курбанов. Империализм замышляет провокации. К примеру, империалисты США организовали в Польше провокационно-диверсионные группы. Отравили народы идеологически, вот. Порешили с корнем уничтожить в Польше социалистическое общество. Однако злодейские планы империалистов разоблачили. ПОРП отстояла социализм...

Ни единого слова из его рассказа я не понял. Смотрел в телевизор, а ему кивал головой: мол, да, да...

58

Через два дня участковый снова принес бумагу. И снова ранним утром мы с Тарланом отправились в путь. На этот раз торопились и прибыли вовремя. Капитан-начальник возил четырех подростков в больницу, устроил им очную ставку с мужчиной в полосатом халате. Потом устроил очную ставку со мной.

— Не те, — помотал я головой. — Волосы у них были длинные-длинные.

Капитан-начальник рассмеялся.

— А не припомните ли, ака, не было у них на лице повреждений?

— А то как же! Настоящая рана была на лице, капитан-начальник.

— И какая же рана?

— У обоих лица были в крови. Ведь мужчина в полосатом халате бил их по головам.

— Вот как? Что ж вы раньше об этом не сказали, ака? Это меняет дело.

— И потом, у самого младшего одежда была в грязи, капитан-начальник.

Капитан-начальник начал быстро писать. Мотнув головой, засмеялся. Почему он засмеялся — я так и не понял.

— Скажите, ака, знаете ли вы хотя бы одного человека, кто был свидетелем этого происшествия?

— Может, я и преувеличиваю, капитан-начальник, но там было больше ста человек. Как я мог узнать кого-то из них? Там было даже два милиционера.

— Как вы сказали? Два милиционера? В самом деле?

— Так и есть, капитан-начальник. Сидели прямо за моей спиной и пили чай.

— И они тоже всё видели?

— А то как же! Видели от начала до конца, капитан-начальник!

— Вот оно что!

Капитан-начальник вытащил из железного сундука одну большую толстую бумагу и развернул ее. На бумаге было наклеено видимо-невидимо фотографий.

— Посмотрите, ака, нет ли среди них тех, кого вы видели.

Я разглядывал фотографии, водя по ним пальцем. Наконец узнал одного из них. Ткнул в его лоб пальцем.

— Вот он, тот самый!

Капитан-начальник посмотрел, наклонившись, и покачал головой. Сложил фотографии и засунул в сундук. Вышел и снова вернулся.

— Вы, ака, побудьте пока вон в той комнате. Я сам вас позову.

Я вошел в соседнюю комнату и сел. Это была комната без двери. Капитан-начальник опустил бархатную занавеску. Кто-то спросил: «Можно?» Капитан-начальник стал задавать вопросы.

— Итак, где вы были двадцать четвертого января, в воскресенье часов в двенадцать?

— В каком январе? Январе этого года? На участке был.

— А нельзя ли поконкретнее?

— Вел наблюдение вокруг винзавода.

— Так, значит, вы были в районе завода?

— Да.

— И вам ничего не известно о происшествии в этот день у чайханы?

— Что за происшествие?

— Там была драка.

— Хоть убейте — ничего об этом не знаю!

— Хорошо. Подойдите сюда, ака.

Я вышел к ним. Парень, стоящий передо мной, точно был одним из тех милиционеров, которые пили чай за моей спиной.

Увидев меня, он побледнел.

Капитан-начальник показал ему на меня.

— А этого человека вы когда-нибудь видели?

Тот посмотрел на меня пристально и пожал плечами.

— Не припомню.

Я чуть было не рассмеялся. Потом напомнил ему о случае у чайханы.

Тот глядел в потолок и долго вспоминал. Затем вдруг приставил указательный палец ко лбу.

— Ну да, точно! Теперь вспомнил. Я шел к своему участку мимо этого места. Там еще на улице собралось много людей. Я и подумал: должно быть, торгуют чем-нибудь.

— Ну и ну! Ведь мы с вами еще разговаривали, брат. И я вам...

— Со мной говорили? Быть этого не может! Ложь! У вас ведь борода — думайте, прежде чем говорить. Вы спутали меня с другим человеком.

Капитан-начальник посмотрел на меня:

— Слышали? Он говорит, что там не был.

От удивления я даже схватился за ворот:

— О, Всевышний!

— Так, вы свободны Кадыров. Может, еще кого вспомните, ака?

— А то как же! И чайханщик все видел.

— Чайханщик? А еще?

— Еще видел продавец жареной рыбы.

— Так, продавец жареной рыбы. На сегодня все, ака. Об остальном поговорим в другой раз.

59

Когда в следующий раз прислали бумагу, я не поехал. Была причина — умерла бабушка Доно. Пошел на похороны. Старуху завернули в саван, поплакали, похоронили.

Я в мрачном настроении лежал дома, когда нежданно-негаданно явился Рихсиев. Сказал жене, чтобы подала чай.

— Что это вы не в духе, товарищ Курбанов?

— Бабушку Доно отнесли.

— Куда вы ее отнесли?

Тут я понял, что он не был на кладбище.

— Я говорю, что умерла бабушка Доно.

— А, стало быть, ее похоронили. Вы сказали «отнесли», вот я и решил, что отнесли какую-нибудь вещь.

Я отвернулся и закрыл глаза. Не смог сдержаться. Повернулся обратно. Впервые в жизни я решил дать Рихсиеву мудрый совет:

— Рихсиев-ака, вы человек образованный, знаете все новости в мире. Не мне вас учить. Никогда не отрывайтесь от народа, ака. И особенно — в двух случаях. Во-первых, на свадьбе. Засучив рукава, подобрав полы, послужите людям, чтобы свадьба прошла весело, радостно. Свадьба — она для всех, да. И во-вторых — будьте с народом во время траура. Горюя и плача, разделите горе людей. Горе, причиненное смертью, человек в одиночку перенести не сможет. Одному это не по силам. Не оставляйте человека одного, разделите с ним его печаль. Именно в этих двух случаях человек и проявляет свою сущность.

— Но я не знаю такой старухи. Кто она? На каких должностях работала?

— Она — человек, как и все мы. Бедная старушка. Всю жизнь проработала в колхозе. Под старость трудилась сторожем в магазине. У бедняжки Доно не было ни сына, ни дочери. Некому было о ней поплакать. Мы сами ее оплакивали, называя ее нашей тетушкой и бабушкой. Мы ее и хоронили. Народ ее похоронил.

— Я что-то слышал краем уха. Когда шел в школу на урок, люди говорили, что кто-то умер. Не придал этому значения.

— В этом все и дело. Вот почему на похоронах было так мало людей. С кладбища я вернулся расстроенный. «Неужели такова теперь стала цена человеку?» — спросил я себя. Рихсиев-ака, придет день, когда и мы с вами уйдем. Смерть ждет каждого из нас. И если в такой день мы не пригодимся друг другу — зачем тогда мы живем?

Рихсиев слушал меня, раскрыв рот.

— Разве обязательно идти всем, товарищ Курбанов? Да хватит и четырех человек из родственников. Поднимут носилки с четырех сторон и понесут. Больше четырех человек не нужно. А впрочем, пусть будет шестеро. Двое будут могилу копать.

— Рихсиев-ака, человек не собака, чтобы, волоча его за ногу, выбросить в яму. Человек на то и зовется человеком. Разве есть существо величественнее, чем человек?

Рихсиев слушал меня, раскрыв рот.

— Да ладно, подумаешь: какая-то там старушка. Всего-навсего сторожиха! Вот если бы она была личностью, имевшей большое международное или, по крайней мере, местное значение; если бы мы стояли в почетном карауле, повязав на руку черную повязку; носили бы траур, речь могли бы произнести...

— Рихсиев-ака, больших или маленьких людей не бывает. Все — люди. Хороший ли человек, плохой — живет он одну жизнь. Он жил так, как мог; делал то, что было в его силах, и считал себя человеком. Встречался с нами лицом к лицу, плечом к плечу, жил с нами в одно время. Когда человек уходит безвозвратно, тот, кто не проводит его, разве может считаться человеком?

— Смерть старушек, товарищ Курбанов, — дело местного значения. Большой важности не имеет. Вон сколько трагедий разыгрывается на международной арене... Иранский шах Пехлеви, оказывается, дал тайный приказ сжечь кинотеатр. В нем было пятьсот человек. Вот что такое настоящая трагедия. Ужас! Я выражаю иранскому народу глубокое соболезнование. Я встревожен международным положением, товарищ Курбанов. Очень озабочен! Международная обстановка с каждым днем обостряется все сильнее...

60

Наутро к нам пришел участковый. Не поздоровавшись, встал, заложив руки за спину, у порога и начал выговаривать:

— Вам что, советские органы — игрушка?

— Что мы такого сделали?

— Почему не явились в назначенное время?

Я взорвался:

— Не захотел идти и все тут! С женой в кино ходил! Понятно?

— Залезайте в машину!

Удивившись, я выглянул через дувал на улицу, а возле наших ворот — милицейская машина. Желтая. Мне стало не по себе.

— Участковый, брат, так не годится. Убери поскорее свою машину! Не дай Бог никому, чтобы у его ворот стояла «скорая помощь» или милицейская машина. Уезжай скорее, брат, пока никто не увидел!

— Будет вам, нечего философствовать.

— Вот я перед тобой. Хочешь — стреляй, а в милицейскую машину не сяду! Уж если есть такая нужда — поеду на автобусе.

— Тогда чтоб живо следом за мной приехали!

Они уехали. Я с тревогой выглянул через забор на улицу: не увидел ли кто милицейской машины? Хвала Всевышнему, людей на улице не было.

61

Я отправился в райцентр на автобусе. В дороге меня укачало. Пришел в милицию, открыл обитую кожей дверь. Капитану-начальнику рассказал о бабушке Доно. Тот покачал головой, выразил соболезнование.

В комнату вошел милиционер. Подошел к капитану-начальнику.

— Некоторые, товарищ капитан, указывают на Мумина — того, что с улицы Коммунизма.

— И где этот парень?

— Не видать нигде. Я аккуратно расспросил соседей. Говорят, лежит дома, лицо разбитое мазями мажет.

— Ясно. Глядите мне в оба, чтобы чего не пронюхал. Доставите, когда скажу. А сейчас приведите чайханщика и продавца рыбы.

Спустя некоторое время милиционер вернулся.

— Привел, товарищ капитан. Пусть войдут?

— Введите.

На пороге появились чайханщик и продавец рыбы. Чайханщик согнулся и поздоровался. Капитан-начальник, указывая карандашом на чайханщика, сказал:

— Сначала войдите вы. А вы — подождите в коридоре.

Чайханщик хотел поздороваться с капитаном-начальником за руку. Прижал руки к груди и засеменил по ковру. Капитан-начальник, не поднимая головы, карандашом указал чайханщику на стул. В замешательстве чайханщик чуть было не схватился обеими руками за карандаш. Потом отдернул руки и сел туда, куда ему показали. Прямо напротив меня. Кивнул мне. Капитан-начальник просмотрел кипу бумаг. Повернулся к чайханщику. Записал его имя и фамилию.

— А теперь расскажите о драке, которая произошла в вашей чайхане, Саттаров-ака.

— Какой драке?

— О драке, происшедшей двадцать четвертого января.

— Что еще за драка? Уж не сон ли это? Ах, да, вспомнил! История эта произошла не в нашей чайхане, а на улице, капитан-ука[1].

— Точнее, возле вашей чайханы.

— Сами понимаете, капитан-ука, в базарный день народу бывает много. Обычно я очень занят. Шум такой, что ничего не услышишь.

— Но ведь, наверное, можете отличить простой гул в чайхане от криков драки?

— Не отличаю, капитан-ука, совсем не отличаю. В этом все дело. В ушах все время гудит. А кто, о чем — не разберешь. Хотите верьте, хотите нет. Вот, если сосчитать на пальцах, я могу сказать: есть в этом гуле голоса стариков — это раз! Есть молодых — это два! Есть и голоса старушек — это три! А есть и девичьи — это четыре! Еще есть голоса младенцев — это пять! Итого уже пять! Теперь сосчитаем остальное. Кроме перечисленного: шум от проезжающих по улице машин — это раз! Мычание коров, возвращающихся с базара, — это два...

— Ладно, хватит. Расскажите мне о том, что видели.

— Как же так, капитан-ука? Как я мог видеть, если я ничего не слышал?

— Но глаза-то у вас есть?

— Все верно, глаза есть. Всевышний, как вы можете заметить, и нас тоже ими не обделил. Только знаете, капитан-ука, если бы вам довелось выпить хоть пиалку чая в нашей чайхане, вы бы точно заметили, что самовар наш стоит в самой глубине чайханы! Есть одно махонькое окошко, как в ларьке. Во-от такусенькое! Через это окошко я и передаю чай. Окошко вровень с моей грудью. Если даже вот так согнусь и выгляну — улицы мне оттуда не видно. У меня аж поясница разболелась, капитан-ука. Целый день нагибаюсь.

— Но, может, вам хоть что-то известно об этой драке?

— Известно, капитан-ука. Один раз нагнулся и увидел толпу на улице. Больше ничего не видел.

— Ладно, идите. Если понадобитесь — вызовем снова. Спутнику вашему скажите, пусть войдет.

Прижимая руки к груди, чайханщик кивнул капитану-начальнику. Быстро засеменил к двери, будто за ним кто-то гнался.

Вошел продавец рыбы. Капитан-начальник записал и его имя и фамилию. По тому, как он надменно расселся и как вопрошающе — мол, слушаем — нахмурил брови на капитана-начальника, было видно, что человек он бывалый. У меня появилась надежда.

— Итак, теперь мы вас послушаем, Шукуров-ака.

Продавец рыбы даже глазом не моргнул.

— Что вы хотите услышать?

— Как вы знаете...

— Знаю, участковый мне говорил. Но я ничего не видел. Все! Могу даже написать. Больше ничего! Я могу идти? Меня работа ждет. На этом все!

— Не спешите, разговор наш только начался. Вы наверняка оставили кого-нибудь вместо себя.

— Сын остался. Он еще молод, может обидеть посетителей. Все!

— Что-то больно часто вы «всекаете». Отвечайте на вопросы! Решается судьба человека! Что неясно?

— А вы не кричите на народ. Пользуетесь тем, что сидите за должностным столом. На этом все!

---

[1] *Ука* — братишка, младший брат (*узб.*).

— Я разговариваю с вами, а не с народом.

— Народ начинается с одного человека. Я — выходец из народа, не кричите на меня. Все!

— Я разговариваю, а не кричу.

— Нет, кричите. И все тут!

— Ладно, не будем кричать. Похоже, Шукуров-ака, вы сегодня не с той ноги встали. Свободны, можете идти. Вызовем вас снова.

— Как хотите. Все равно ничего нового не услышите. На этом все!

Продавец рыбы ушел, задрав нос. Капитан-начальник отпустил и меня. Сказал, что вызовет еще раз.

— Капитан-начальник, дома у меня полно дел. Вдобавок столько раз уже пропускал улак. Почесаться некогда...

— А как прикажете мне поступить, ака? В общем, так. Свидетели в этом деле нам не нужны — есть медицинская экспертиза. Вы бы только помогли преступников опознать. Те двое — городские. Продавец рыбы с чайханщиком знают преступников. Но вы сами слышали, что они говорят...

62

Я шел по обочине дороги. Прошел мимо того места, где была драка. Дорогу мне преградил человек в белом халате. Взглянул ему в лицо, а это продавец рыбы. Он взял меня за локоть, потянул в свою лавку. Сели на длинную скамейку в стороне от котла. Положив мне ладонь на колено, продавец спросил:

— Это вы на меня донесли, ака?

— Я не доносил.

— Нет, донесли. И все тут! Что может быть хуже, чем донос?

— Друг, я сказал то, что видел.

— Сплетни, уважаемый, — дело бабье. Все! Вы ведь нормальный мужчина. «Сказал то, что видел». И что же вы видели? Ну, что?

— Сказать по правде, друг, и вы себя вели не совсем подобающе. Ведь вы все видели и не подошли. Собака ваша — и та прибежала, хотя у нее человеческого разумения нет.

— Это собака! Собака на то и собака. И все тут! Влезает, куда ее просят и куда не просят, и лает. А так — какое ей дело до других? Знала бы себе полеживала. Собака делает свое собачье дело. Но мы-то с вами люди. Мы не должны равняться с собакой. Все! И вообще, родственник ваш оказался довольно странным человеком. Ребята свалят его с ног, а он снова поднимается; снова свалят — он снова встает, хоть и шатается.

— Что же ему еще было делать?

— Лежал бы себе. И все тут! Разве в одиночку он справился бы с троими? Будь я на его месте — после первого удара грохнулся бы на землю. И больше не вставал бы. Все! А поднимешься — все равно свалят с ног. До их ухода притворился бы, что лежу в беспамятстве. Глядишь и отделался бы одним ударом. И не получил бы никакого увечья. Все! Ведь что в результате? Родственник ваш лежит теперь в больнице еле живой. И все тут! Вы его навещаете? Как он сегодня?

— Нет, не ходил.

— Вот тебе раз! Это еще почему?

— Я ведь с ним не знаком.

— Ну надо же! Вдобавок ко всему вы с ним еще и не знакомы?

— Это правда.

Продавец нагнулся, посмотрел мне в лицо. Понял, что я не вру, хлопнул себя по коленям и рассмеялся.

— Ну вы даете! Да вы, оказывается, Афанди[1]!

Продавец поглядел на собачку, лежащую возле деревянной решетки. Покачав головой, опять рассмеялся.

— Вот так штука! Какое же вам дело, если он вам не родственник и даже не знакомый? Нет, вы настоящий Афанди! Или вам от этого была личная выгода?

— Какая еще выгода, друг?

Продавец показал жест, потирая палец о палец.

— Деньги? Не говорите так, друг, не говорите так.

— Почему ж тогда вы так переживаете? Вот так штука, ну и Афанди! Ладно, на этом все! Вы решили снова туда пойти? Тогда вот что, ака: вы меня не видели, а я — вас. Еще раз наябедничаете — и мы сильно поссоримся. Все!

Я сел в автобус. Глаза мои слипались. Братья мои, как болит голова!

63

Назир-маслобойщик на скачки приехал на кобыле. Всем кобылам кобыла. Круп широкий, крепкий, поблескивает.

Тарлан уставился на кобылу, и глаза его стали совсем другими. Пустил его на улак — он пошел в сторону кобылы. Потянул поводья — стал порываться к кобыле. Пустил его за конем с улаком — поскакал за кобылой. Я не знал, что делать. Назиру-маслобойщику высказал свою досаду:

— Эй, друг, спрячьте от глаз подальше свою кобылу. Пожалуйста.

Наездники, смеясь, отпускали соленые шуточки. Назир-маслобойщик уехал со скачек. Довольный, я пустил Тарлана на улак. Тарлан был рассеянным. А ведь настроение у него, похоже, хорошее. Терпение мое лопнуло. Я разозлился. Рукояткой плетки ударил Тарлана по голове.

— Проклятие твоим предкам! Вот тебе, вот!

Подняв передние ноги, Тарлан подпрыгнул чуть ли не до небес. Раздраженно заржал. Несколько раз обежал долину. Весь покрылся потом. Пот стекал у него со лба, падал в ноздри, которые то открывались, то закрывались, подобно рыбьей пасти. Я подъехал к толпе всадников. Пустил Тарлана на улак, хлеща плеткой куда попало. Он опять заупрямился. Рукояткой плетки я начал бить его между ушами, по морде.

— Что? Тебе все мало? Вот, получай, вот! Чтоб тебя перевернуло!

Братья мои, когда находит гнев — уходит разум! Я содрал с Тарлана седло, упряжь, уздечку. Стеганул по голове.

— Уходи, зверюга, уходи! Ты конская колбаса, да и только. Позвала тебя кровь предков!

Тарлан убежал, потряхивая гривой. Наездники бросились было за ним, но я махнул рукой: мол, не надо.

Я не стал дожидаться конца скачек. С седлом и упряжью под мышкой пришел домой. Жена встревожилась, спросила про Тарлана.

— Не спрашивай, жена, не спрашивай. Помнишь, приезжали артисты из Термеза, показывали спектакль в клубе? Что в этом спектакле тогда сказал Алишер Навои? Как ни воспитывай скотину, она все равно останется собакой или ослом. Человеком она не станет. Так он сказал. Навои оказался прав, жена!

---

[1] *Афанди* (или Насреддин Афанди) — персонаж восточного фольклора. В переносном значении — чудак, простак.

Холил я коня, сам весь высох. Не пил, не ел — все отдавал Тарлану. Даже детей обделял — все ему отдавал. И все равно Тарлан не стал человеком. Я его избил и прогнал. Отказался от него. Ушел Тарлан к своему звериному роду. Вот увидишь, жена: Тарлан ослепнет. Мои хлеб и соль сделают его незрячим. Вот увидишь.

— Зря вы так поступили. Лошадь была дорогая.

В душе у меня лопнуло что-то и рассыпалось на мелкие-мелкие кусочки. Жалко мне стало Тарлана.

64

Поздно ночью послышался стук в большие ворота.

— Кто бы это мог быть? — подумал я и, набросив на плечи чапан, вышел во двор.

— Кто там? — спросил я.

Никто не ответил. Заскрипела цепь на воротах. Я подошел, открыл. О Всевышний, у ворот стоял Тарлан. Один! Он потянулся ко мне мордой и виновато зафыркал. Я не сказал Тарлану ни слова, даже не взглянул на него.

«Да, ты стал человеком», — подумал я и отвернулся от него.

Тут уж никуда не денешься: нельзя же прогнать человека, который пришел к тебе в дом. Не проронив ни звука, я пошел к конюшне. Тарлан потрусил за мной. Пустил его в конюшню и запер дверь.

65

Наутро пришел Назир-маслобойщик. Позвал меня из-за дувала.

— Зиядулла-наездник, можно вас на пару слов?

Протянул руку через дувал.

Справившись о делах и здоровье, спросил:

— Как там наш жених?

Я был в недоумении:

— Какой жених?

— Как какой жених — Тарлан!

— А, Тарлан? Ничего, ничего.

— Домой пришел?

— Да, пришел. А что?

— Да просто, интересуюсь.

Назир рассказал о том, что произошло.

Оказывается, Тарлан после нашего расставания отправился прямиком к Назиру-маслобойщику. Сам вошел в ворота.

В это время Назир как раз расседлывал свою кобылу. Увидев Тарлана, удивился, но не прогнал. А что он мог сделать? Разве можно что-то сказать жениху, который сам пришел в дом с поклоном?

Жених не постеснялся — придется стесняться хозяину, подумал Назир. И, прикрыв глаза воротом чапана, вошел в дом.

Братья мои, и пророк приветствовал своего зятя. Ах-ха!

Я молча слушал, прислонившись к дувалу.

Дальше Тарлан с кобылой стали обнюхивать друг друга, тереться мордами. Говорили о чем-то. Объяснившись в любви, стали угождать друг другу...

Спустя какое-то время маслобойщик проснулся. Глянул — а жениха и след простыл.

Тарлан отдал свою любовь. Олмакуз, кобыла Назира, ее приняла. Ах-ха!

— Да, получается, Зиядулла-наездник, мы с вами стали сватами.

— Не шутите так, ака, не шутите!

— Какие там шутки! Чем вы кормили жениха, Зиядулла-наездник?

— Да будет вам уже!

Я всплеснул руками и засмеялся, прикрыв лицо ладонями.

— Хватит, ака, хватит!

— Ты смотри! А мы-то и не догадывались...

— Тише, жена услышит!

— А нам-то и невдомек...

— Ну вот, наш Тарлан, оказывается, шустрый малый.

— Ну да, — согласился Назир. — Весь в хозяина. Недаром говорят: каждая скотина на своего хозяина похожа.

— Что-что?

— Если скотина не будет похожа на хозяина — как пить дать, подохнет.

Отковыряв кусок глины из дувала, я метнул его в Назира. Тот прикрыл лицо рукой.

— Тише! Жена услышит, — сказал я.

Хлопнув в ладоши, я опять рассмеялся.

— Какой же все-таки шустрый у нас Тарлан! — не унимался Назир.

Я взял себя в руки, протер слезящиеся от смеха глаза.

— Да, бывает такое. Что поделаешь — живая душа. Заходите, сват, чаю попьем.

— Нет, сват, нет. Пойду я на свою маслобойню.

— Ну хорошо. А где невестка-то, сват?

— Вон она, невестка!

Я посмотрел через дувал и увидел стоящую возле Назира лошадь.

66

Самад-наездник получил на скачках все полагавшиеся ему награды. На обратном пути всех нас пригласил в гости.

Когда подъехали к его дому, я призадумался. Все наездники, кроме меня, живут рядом. Они отведут коней — и сразу к нему. Наш дом отсюда далеко. Пока отведу Тарлана домой и вернусь, дважды можно будет плов приготовить. Гости не станут меня дожидаться. Все мясо съедят. А могу и я полениться и не прийти.

Думал-думал — и решил остаться. Что ни говори, а желание поесть — свое возьмет.

Привязал Тарлана к воротам. Когда снимал с седла выигранные на состязании ковер и халаты, увидел на улице братишку жены, Каракула.

— Куда путь держишь? — спросил я.

— К вам, — ответил он.

— Тогда и Тарлана с собой возьми, — сказал я.

Поддержав Каракула за ноги, помог ему сесть в седло.

У Самада-наездника мы отдыхали, полулежа на курпачах и сладко потягиваясь. Оживленно беседовали, обсуждали прошедший улак. Наездники оценивали коней. О допущенных промахах говорили друг другу в лицо. Когда речь заходила об удачах — одобрительно похлопывали друг друга по плечу.

— Вот и молодец, живи долго! — так говорили мы, хлопая друг друга по колену. Ставили друг друга в пример.

Самад-наездник снял с гвоздя домбру. Настроил ее. Щелкнул пальцами, заиграл. Каждый из нас погрузился в свои раздумья. Дошла очередь и до меня.

Я сел, скрестив ноги. Засучил рукава. Настроил домбру на свой лад. Играя шутливые частушки, я подтрунивал над наездниками. Самад, не вставая с места, в такт поводил плечами.

В шутки свои я вставлял колкие словечки. Упоминал и о лошадях. У меня получилась лошадиная песня! Вот так!

Шире не видел спины —
Молодоженам кровать,
Пар из ноздрей изойдет —
Вспыхнет сухая трава,
Воду пролью меж ушей —
Станет вертеть жернова!

Братья мои, конь, о котором говорится в песне, — и есть наш Тарлан. Вот он гарцует, и тело его упруго вздрагивает. Вот Тарлан заржал, глядя на безбрежные холмистые степи Вахшивара. С могучих холмов откликнулось ему эхо. А может, и ваш конь — сродни нашему Тарлану? Тогда эта песня и о вашем коне. Вот так!

Но не годится без конца слагать песни о конях — пора перейти и к наездникам. Кого бы мне воспеть? Может, наездника Одину, что задумчиво сидит в углу? Ему уже за тридцать, а он еще не женат. Дай-ка я кольну его разок — авось взыграет в нем юношеский задор! Ах-ха!

Позовет в дорогу если
Свадьба доброго кунградца,
Если на почетном месте
Сядешь между домочадцев, —
Что скажу, когда обнимешь
Пери, что смешлива вечно?
Сердце стало с ней беспечно!

— Эх, сразил наповал!

— Так держать, Зиядулла-наездник!

Друзья смекнули, к чему я клоню. И тот, кому была предназначена моя песня, тоже понял! Поглядел на скатерть, мотнул головой и засмеялся. Следующие свои слова я произнес без насмешки:

— Одина-наездник, к тебе обращаюсь. Пока в доме всадника две головы не появятся — богатство его не удвоится. Женись же наконец, друг. Ходишь и молчишь, будто в рот тебе толокна набили. Откройся нам: что стряслось? Мы — твои товарищи по стремени. Сгодимся тебе и в добрый час, и на черный день.

Другие наездники меня поддержали.

Наездник Одина ответил не сразу. Оказалось, этот негодник Одина имеет виды на мою свояченицу. Вот так штука! Посылал сватов, а теща наша ему отказала.

Я спросил, а что, кроме моей свояченицы, никакая другая не подойдет? Одина ответил, что нет. Оказывается, кроме сестры моей жены, никого на свете он знать не желает. Мол, свояченица наша во всем мире одна такая, единственная.

— Да быть того не может! — удивился я.

— Клянусь! — отвечал Одина.

Братья мои, выходит, он и в самом деле влюблен. Ах-ха!

— Так и быть, Одина-наездник! Дай руку — и я сам стану твоим сватом! — сказал я. — Не будь я Зиядулла-наездник, если не женю тебя на свояченице и мы с тобой не станем свояками. С этого дня мы с тобой свояки! — так и сказал. А еще добавил: — Ну-ка, подвиньтесь! Свояк свояка встретил!

67

Верно говорят, братья мои, поручишь дело мальчишке — сам беги за ним следом. Только вдумайтесь, что натворил братишка моей жены: из арыка, что возле дома, напоил Тарлана! Тарлан напился воды, когда был весь в поту. Потом Каракул отвел Тарлана в конюшню и привязал.

Утром вывел я Тарлана из конюшни, а у него шкура на брюхе ходуном ходит! Так бывает, братья, когда конь опился воды! В Тарлана попала вода! Вот удружил шурин! Ну голова! Что мне ему сказать? Сказать, что, когда конь весь в поту, нельзя его поить и потом запирать в конюшне, не выгуляв хорошенько? Сказать, что иначе конь станет непригодным для скачек? Сказать, что хоть в школе ты и секретарь комитета комсомола, а таких простых вещей не знаешь? Или сказать, как это у тебя, отличника Кадырова Каракула, без единой четверки, не хватило ума? Или, может, сказать, что на то, чтобы обмениваться под партой записочками с дочерью Омана-музыканта, у тебя ума хватает, а на такие простые вещи — нет? Был бы ты, как я, плешивый, — простил бы. С плешивого что возьмешь? У него ум с волосами выпал. Но ведь на твоей голове — копна волос! Но не скажу, ничего не скажу! Шурину такое говорить нельзя, хотя бы ради его сестры.

68

И я занялся тем, что, оседлав Тарлана, стал сгонять с него воду. Многие состязания прошлось пропустить. Если и ездил на них, то скакал не на Тарлане. Брал чужих лошадей.

69

Так случилось однажды и на состязаниях в Вахшиваре.

Вон та белая гора на западе называется Кирагатаг. Она — продолжение Гиссарских гор.

Не сказать, что гора Кирагатаг расположена близко. Горы эти громадные, и потому кажется, что до них один шаг. Мелкие пятна на них — это заросли арчи. На самом деле арча не такая уж и маленькая — так только кажется издалека. Арча достигает высоты карагача. Ствол — толщиной с человека.

Холмистые степи и горные склоны там покрыты снегом. Долина Корбосды, что находится во впадине горного склона, тоже вся в снегу. Столько снега, что даже сапоги проваливаются. На снегу — следы зверушек. Вокруг следов — куриные перья. Это проделки лисы. Есть и пятипалые следы — волчьи.

Небо сияет. Над головой — ослепительное солнце. Глазам больно смотреть. Искрящиеся, как рыбьи чешуйки, снежинки вышибают слезы из глаз. Все вокруг белое и гладкое, как яичная скорлупа. Поди догадайся, где под снегом яма, а где обрыв.

В душу мне запало сомнение. Участвовать в улаке не хотелось. Но раз приехал — дай, думаю, попробую.

Решил скакать на коне Джуры-бобо.

— Осторожней скачи, — сказал старик.

Смятение в душе усилилось. Натянув шапку до бровей, прикрыл глаза от солнца. Прочел про себя молитву. Направился к темнеющей вдали кучке людей, сгустившихся на белой, как отбеленная бязь, равнине.

Наездники разбрелись, окутанные паром из конских ноздрей.

Улак поднимали дважды. Я наблюдал, как скачут лошади. Мне было и жалко их, и смешно. Кони с трудом вытаскивали ноги из снега. Останавливались и снова начинали движение. Словно шли иноходью. Кони не могут быстро скакать по снегу. Снег сковывает им ноги и слепит глаза.

70

На состязание меня не тянуло, я отошел в сторонку и стал наблюдать. Взгляд мой упал на одного наездника. Конь у него был низенький, чуть повыше осла. Желтая шерсть на нем, как на теленке, — длинная-предлинная. Стремян не было, ноги наездника болтались, задевая снег. Мне захотелось рассмеяться. Но всмотревшись в лицо наездника, я обомлел. Смех застыл в горле. Это был тот самый — плешивейший из плешивых! Но как он сюда попал?

Я подошел к Джуре-бобо, который, оседлав Тарлана, стоял в сторонке. Спросил у него. Джура-бобо ответил, махнув рукой:

— Говорят, он приятель хозяина свадьбы. Сразу его узнал?

— Как не узнать, если он такой же плешивый, как и я?

Стоящий рядом мужчина вмешался в разговор:

— Так это тот самый бывший начальник управления? Вот и я тоже смекнул: что-то здесь не так.

— Что именно?

— Не обижайтесь, что называю его плешивым, Зиядулла-наездник, но лучше бы мне не видеть лица этого плешивого, пропади он пропадом. Эта язва народа сделала свое дело. Как собака, бродит теперь по улицам.

— К вам тоже приходил?

— Лучше бы вам не спрашивать, а мне не отвечать. Всех лошадей загубил. Хозяин свадьбы приходится ему дружком, а у самого — коней не осталось. Шел тогда за своей лошадью и плакал. И вот плешивый заявился к нему на свадьбу. Как хватило у него совести и с каким лицом пришел — мне неведомо. Да что говорить, голова у него — что лицо, одно целое. Взятки гладки!

— Но кто дал ему коня?

— Сам попросил. Еле идет, весь трясется. Пьяный — вдрызг! И вдобавок Хаджикулбай его здорово провел. Будто бы из уважения, подсунул ему мула, похожего на осла. Дескать, все же, как-никак, начальство, поезжайте и присмотрите за состязаниями. Бедняга поверил и примчался руководить. Только бы его лошади не затоптали.

Наездники что было сил понукали коней. Хлестали плетками по крупам. С криками и гиканьем гнали их в круг, где находился улак. Распорядитель объезжал столпившихся наездников, подгонял их и подбадривал:

— Ну же, давай! Хватай улак!

А плешивейший из плешивых призывал орущих во все горло наездников к порядку:

— Шумно, товарищи, очень шумно! Пусть будет поменьше шума!

Один наездник хлестал плеткой коня за то, что тот не решался подступиться к туше.

— Вот скотина, проклятие твоим родителям! Получай за это!

Плешивейший из плешивых сделал ему замечание:

— Не сквернословьте, товарищ наездник! Здесь общественное место!

Наездник его не расслышал, а распорядитель хмуро посмотрел на плешивейшего из плешивых.

71

Братья мои, душа моя была не на месте! Если б Тарлан был в порядке, я бы состязался на нем. Я бы показал этому плешивому...

Гнедой Джуры-бобо разволновался! Тряхнув поводья, рванулся к улаку. Захотел его унести. В такие минуты не стоит удерживать коня. Это все равно что отвести его к воде и не дать напиться. Так коня только испортишь. Он станет равнодушным к улаку и наезднику.

Конь Джуры-бобо опять тряхнул поводья, и я пустил его в круг. Улак вынесли вместе с одним саврасым. Саврасый оказался ловчее: он свернул с дороги, а его наездник наддал коню. Я скакал, держась за улак. Моя замерзшая рука соскользнула с туши. Гнедой Джуры-бобо не отставал от саврасого и расстояние между нами было в маховую сажень. Но за нами след в след скакали другие кони. В этом случае отставать от улака опасно. Самый проворный из мчащихся следом всадников может протиснуться между нами и сломать протянутую руку. Вот почему я не стал тянуть руку за улаком. Конь Джуры-бобо повернул в сторону.

Но теперь меня самого охватил азарт. Тело мое напряглось.

Когда тушу поднимал каурый конь, я присоединился к всадникам.

Доводилось ли вам видеть коня с шерстью курчавой, как у ягненка, а глазами — круглыми, как яблоки? Тогда — дай вам Бог удачи! Это и есть каурый конь! Каурый конь с глазами-яблоками!

Гнедой Джуры-бобо приблизился к улаку вплотную. Отставать от улака в этом случае очень и очень опасно! Если вырвать тушу, она с силой ударится о грудь, а потом и о колени коня. Конь споткнется и упадет.

Чтобы завладеть улаком, правильнее всего вырваться вперед и выхватить его. Я решил так и сделать. Вытянулся в седле, вцепился в улак и ударил плетью коня Джуры-бобо. Но конь Джуры-бобо не чета нашему Тарлану, который скачет только вперед. Он свернул в сторону. Улак перешел в мои руки, но я не сумел сразу его приподнять. Туша с силой ударилась о грудь гнедого Джуры-бобо, а потом о его передние ноги. Гнедой споткнулся и нагнулся вперед. С улаком в руках я перелетел через голову коня...

72

Открыв глаза, я увидел небо. С трудом различил голоса людей. Огляделся вокруг. Возле меня стояли Джура-бобо и несколько моих товарищей по стремени. Поодаль стояли кони. Товарищи по стремени оживились:

— Ну наконец-то глаза открыл.

— Он пришел в себя. Еще раз потрите ему лицо снегом.

— Ну что, Зиядулла-наездник, кости целы?

Только сейчас я понял, что произошло. Попробовал подняться. Правая рука, которой я держал улак, не шевелилась. Была будто неживая. Напрягся что есть мочи и приподнялся. Рука отозвалась острой болью. В глазах у меня все потемнело, снег сделался черным. Снова упал навзничь.

— Он хочет встать. Поднимите его.

Когда я снова открыл глаза, то заметил среди других всадников, стоявших вокруг меня, плешивейшего из плешивых. Я всмотрелся в его лицо. Оно было радостным, даже слегка светилось улыбкой. Это он спьяну или надо мной смеется?

Плешивейший из плешивых заговорил, поглядывая на окружающих:

— Еще много лет назад я утверждал, что улак — пережиток прошлого, он вредит здоровью и опасен для жизни! И вот вам тому подтверждение! Не хотел отдавать своего коня на мясо — и отсидел по закону. Вот вам подтверждение! А сдал бы коня на мясо — не лежал бы, распластавшись, на земле. Хорошо еще, что не умер! Но все равно: он теперь стал инвалидом. Все!

— Когда хороший человек падает с коня — плохой становится прорицателем!

Это сказал Джура-бобо. Он одним выстрелом убил двух зайцев: поднял мне настроение и уколол плешивейшего из плешивых.

Я почувствовал непонятный привкус во рту. Пошевелил челюстью, и что-то скрипнуло. Кончик языка прошел между зубов. Попробовал засунуть в рот палец — тот оказался в крови. Сунул руку под мышку и вытер палец. Понял, что непонятный привкус во рту — от крови, а то, что поскрипывает и движется за щекой, — выбитый зуб.

В душе будто что-то сдвинулось. Правая рука невыносимо ныла. Я приподнялся, опираясь на левое колено. Товарищи по стремени подхватили меня под мышки. Я покачал головой, сказал, что сам справлюсь. С трудом встал на ноги. Голова закружилась, в глазах потемнело. Собрав все свои силы, крепко стиснул зубы. Теперь все вокруг встало на место. Рот до краев наполнился кровью. Еще немного — и прольется наружу. Я не знал, куда сплюнуть. Вокруг меня белым-бело. Если сплюну — снег станет кроваво-красным. А плешивейший из плешивых — увидит кровь...

Я встретился с ним глазами, тот смотрел на меня в упор!

Нет, так не пойдет! Выбитый зуб вместе с кровью во рту — проглотил.

73

Не моргнув глазом, шагая, как богатырь, пошел к гнедому Джуры-бобо. Правая рука не двигалась. Взявшись левой за луку, вскочил в седло. Правая рука заныла. Взяв поводья в левую руку, подъехал к наездникам. Тот, у которого я вырвал улак, с сочувствием спросил:

— Ну как, наездник, ничего не повредили?

Усмехнувшись, отмахнулся здоровой рукой:

— Пустяки. Немного вывалялся в снегу.

Глядевший на меня плешивейший из плешивых слушал, разинув рот!

Дерг-дерг! Ох, моя рука! Осторожно сунул правую за пазуху. Немного полегчало.

Улак был поднят. Я поскакал следом за группой всадников. Машинально высунул руку из-за пазухи.

Дерг-дерг! Как больно!

Кто унес улак — не знаю. Для отвода глаз следовал за конями. Сунул руку обратно за пазуху. Направил гнедого Джуры-бобо за улаком. Гнедой, видно, только того и ждал — мигом ворвался в круг соперников. Я попал в затруднительное положение. Как я подниму улак? Что если кони заденут руку и я соскользну с седла? Я растерялся и не знал, что делать. Но тут чей-то саврасый преградил нам дорогу. Гнедой Джуры-бобо не смог пробиться к улаку. Мое сердце успокоилось. Я облегченно вздохнул. Глянул на саврасого и подумал про себя: «Спасибо, что выручил».

Дерг-дерг!

Прежде, бывало, поджидаешь улак, а он оказывается не в твоей стороне. И надо же: именно сейчас улак мчит прямо на меня! Можно подумать, мне так нужен этот улак; будто он — моя заветная мечта!

Вот улак совсем близко. И все смотрят. Особенно — плешивейший из плешивых!

Стиснув зубы, протянул за улаком больную руку. Сделал вид, будто его схватил и что есть мочи тяну за ляжку. На самом деле, я только коснулся пальцами его шерсти.

Дерг-дерг!

Будто пытаясь вырвать улак, я с гиканьем огрел плеткой гнедого Джуры-бобо:

— Ну давай, милый!

Гнедой Джуры-бобо отстал от улака. Я покачал головой и, словно от досады, махнул рукой, в которой была плетка. Мол, как жаль: удача мне улыбнулась, но ушла. Дескать, не повезло.

Дерг-дерг!

Наконец-то все обещанные награды были разыграны и состязание закончилось.

74

Я оседлал Тарлана. Мы с другими наездниками вернулись домой.

— Позовите доктора, — сказал жене.

Пришел доктор со своим чемоданчиком. Потянул рукав с больной руки. Я застонал.

Дерг-дерг!

Рукав не снимался. Я дал доктору свой нож. Тот разрезал рукав. Глядь, а локоть на правой руке в три раза толще, чем на здоровой. Доктор покачал головой, усадил меня в машину.

Повез меня в больницу совхоза «Хазарбаг». Врачи осмотрели мою руку через какой-то аппарат. Потом наложили гипс.

— Не бойтесь, — сказали, — обычный вывих.

А чего мне бояться? Я, как упал с коня, сразу понял, что вывих!

Братья мои, если даже рот ваш полон черной кровью, не выплевывайте ее перед недругом!

75

Пролежал я больше двадцати дней. Врачи сняли гипс, отпустили домой.

Тем, кто справлялся о моем здоровье, я показывал руку. Хасан-бобо повертел ее, осмотрел и говорит:

— Эге, так она у тебя теперь кривая.

Я присмотрелся — так и есть, от локтя рука стала кривой. Хасан-бобо посоветовал обратиться к Курбану-табибу. Тот скажет, в чем причина.

Наутро, оседлав Тарлана, я отправился в Карахан.

76

Когда-то в этих местах жил человек по имени Хидир. Мы называли его Хидиром-мирабом. Он и впрямь был мирабом! Хидир-мираб лечил вывихи и переломы. И такой человек ушел! Куда ушел? Куда же еще, как не в мир иной! Оставил после себя сына — Курбанназара. Он унаследовал от отца его искусство. Не удивительно, что отец передал ему свое чудесное умение. Ведь сам он был председатель! И не кичился тем, что занимал такую должность. Одинаково относился и к большим людям, и к простым.

В ворота дома этого человека я и постучал рукоятью плетки. Из комнаты

вышла женщина. Спросил у нее, где мужчины. Ответила, что на работе. Мол, проходите, они должны вот-вот подойти. Я привязал коня и вошел, отвесив поклон гостиной Курбанназара. Жена его накрыла стол. Я сидел, наливал себе чай.

Пришел Курбанназар. Мы поздоровались, обнялись. После обеда я поведал ему о своем горе. Курбанназар, загнув угол скатерти, сказал:

— Ну-ка, покажите.

Я обнажил руку. Курбанназар осмотрел ее со всех сторон. Ощупал от плеча и до кончиков пальцев. Несколько раз задержался в месте соединения костей. Особенно долго ощупывал локоть. Закрыл глаза.

Мне показалось, что Курбанназар прислушивается к моему локтю. Я удивился. Разве мой локоть — радио или телевизор? Всего-навсего кость и кожа. Разве человек слушает руками, а не ушами?

Только всего этого я Курбанназару не сказал. Подумал про себя: «Ну-ка посмотрим, что же он скажет?»

Курбанназар сказал мне так:

— Зря вы беспокоились. Был небольшой ушиб, но теперь рука зажила. Гипс помог.

— По правде сказать, я бы и не поехал, но Хасан-бобо настоял: езжай да езжай.

— Это ничего. Хорошо, что приехали. Был повод заехать и погостить у меня. А теперь ложитесь, я вас полечу. В другой раз — никакие ушибы вас не возьмут.

Я растянулся на курпаче, голову положив на подушку. Протянув руку Курбанназару, лежал, глядя в потолок. Курбанназар принялся массировать руку, начиная от кончиков пальцев.

— Закройте глаза, так будет лучше. Да, вот так. Можете подремать. Расслабьтесь, как будто вы спите. Кости рук у вас крепкие. Вы и раньше ушибались, падая с коня?

— Нет.

— Почему это случилось с вами теперь?

— Я скакал не на своем коне. Конь Джуры-бобо меня не понял, а я — не понял его. Поэтому так и случилось.

— Вот оно что! Где же был ваш конь?

— В нашего Тарлана попала вода.

— Что бывает, когда в лошадь попадает вода, я знаю. А что значит, если в ноги ему попадает корм?

— Если в ноги коня попадает пища, то они у него затвердевают, а сухожилия лопаются, как струны.

— Вот как? Значит, на таких конях нельзя появляться на скачках?

— Конечно, нет.

— Вороные кони — хорошие или плохие?

— Плохие. Вороные кони — упрямые, у них злой нрав.

— Ага. Сетон-Томпсон тоже так писал. Значит, правда.

— Откуда этот наездник?

— Он не наездник, а канадский писатель. Он писал так в своей книге «Мустанг-иноходец».

— Кто бы он ни был, но лошадей, видать, знает.

— Он пишет: конь осоловел. Как это понимать?

— Это когда конь зажиреет. После этого он делается непригодным для скачек. Если без разбора кормить коня и скакать на нем, у него накапливается жир. На таком коне целый год нельзя выступать на состязаниях.

— Интересно. А вот почему конь не наезжает на человека?

— По той причине, что он его уважает. Конь предан человеку. Среди животных такие — только лошади и собаки. Какая машина самая лучшая? «Чайка», правильно? Тормоза у коня работают лучше, чем тормоза у «Чайки». Увидит перед собой человека — сразу остановится. А если вдруг растеряется — перепрыгнет через него.

— Вот оно что. Говорят еще, будто конь, за которым ухаживала женщина, всегда хорош. Это верно?

— А то как же! Ведь конь — почти тот же человек. В жилах у него, правда, течет немного крови дива. Когда подходим к коню, чтобы задать ему корм, он всегда тянется к нам, ему хочется потереться о нас, чтобы его приласкали. А мы в ответ кричим, плеткой замахиваемся: мол, стой смирно, какой нетерпеливый! Такие выходки коню неприятны. Если женщина, заигрывая, станет к нам тянуться, а мы ее обругаем, — каково ей будет? Вот и конь так же. Душа у коня нежнее, чем у женщины. Женщины не бьют коней! Терпеливо сносят, когда у тех игривое настроение. Мягкий характер женщин коням по душе. Еще одна причина, почему конь, если за ним ухаживает женщина, бывает с хорошим норовом, — это то, что женщина всегда дома. Зайдет в комнаты, выйдет во двор... Глаза коня с утра до вечера видят ее. Стоит только коню заржать — женщина накормит и напоит его. А мы, мужчины, дома бываем реже. А-ай, умира-а-аю!..

В локте у меня что-то хрустнуло. Меня бросило в жар, на лбу выступил пот. Я взглянул на Курбанназара, а тот — улыбается:

— Вот теперь рука ваша в порядке.

Только сейчас я сообразил, что Курбанназар нарочно отвлекал меня разговорами.

Лежал я долго. Встал, когда боль утихла. Курбанназар продел мою руку через платок и завязал его на шее. Ни укола не сделал, ни лекарства не дал, даже без рентгена обошелся.

— Врачи, зная, что у вас вывих, все же наложили гипс. Они так всегда поступают. Так у них в книгах написано. Если бы вы ко мне не пришли, боль в руке стала бы невыносимой. Теперь все окончательно заживет. Рука ваша будет здоровой, как раньше. Время от времени принимайте мумие, это укрепит кости.

Наша оживленная беседа текла до самого вечера. Домой я отправился верхом. На прощание Курбанназар повторил:

— Смотрите, не говорите врачам, что это я вам вправил сустав. Бывают люди хорошие, а бывают и плохие.

Всю дорогу до дома я думал. Что за врачи такие: знали, что у меня вывих, но взяли и замуровали в гипс? Известно ведь, что когда кость не на месте, покоя тебе не будет. Боль изведет человека. Станет мучить всю жизнь. Если этого не знаете — спросите у Курбанназара. Или просто скажите: ступай-ка лучше к Курбанназару-табибу. Человек к нему мигом помчался бы. Хорошо, что есть на свете Курбанназар. Пока еще живут на свете такие, как он, но что дальше делать будем?

77

Братья, участковый милиционер все-таки стал человеком! Приветлив, общителен.

— Как племянники, — говорит, — подрастают? Зажила ли рука?

— Ничего, понемногу, — отвечаю.

— Дважды к вам заходил.

— Жена говорила, что вы проведывали.

— С наездниками такое случается. Люди и с самолета падают. Вы упали с лошади.

— Ну да.

— Теперь-то, ака, поправились.

— Да, спасибо.

— В таком случае вам известие из района: капитан все время спрашивал про вас, ака.

— Хорошо, хорошо, понял.

От недобрых глаз подальше, снял с шеи повязку. Сунул руку за пазуху. Сел на коня и поехал в райцентр. Вошел в отделение, а там сидит тот самый избитый человек в полосатом чапане. Рана на его лице до сих пор не зажила.

Он меня не узнал. Капитан-начальник представил меня. Человек в полосатом чапане крепко меня обнял. На его глаза навернулись слезы. Усевшись рядом, мы разговорились по душам. Расспросили друг друга, кто и откуда, какие у нас общие знакомые. Он оказался из колхоза Навои, звали его Рахманом. Он был взволнован, и голос его дрожал:

— Всю жизнь до самой смерти буду преклоняться перед вами.

— Не говорите так, за что же передо мной преклоняться? Что я такого сделал?

Капитан-начальник рассказал, как обстоят дела. Хулиганов нашли, устроили им очную ставку с Рахманом. Тот их узнал. Но хулиганы не признаются. И теперь дело за мной. Сейчас их приведут, сказал мне капитан-начальник. Тут же милиционер ввел их в комнату. Один из них попытался сесть. Капитан-начальник прикрикнул на него:

— Стоять, стоять!

Парень застыл, сложив руки на груди.

— Вот этого человека знаете? — спросил капитан-начальник, указывая на меня.

— Не знаем, — ответил один, уставившись на меня, как баран на новые ворота.

— Это они? — спросил капитан-начальник, обращаясь ко мне.

— Да, они, — кивнул я.

— Уведите, — приказал капитан-начальник милиционеру. Милиционер увел их. Капитан-начальник сказал мне, что я свободен.

— Большое вам спасибо, брат. После окончания следствия дело передадим в суд. А если вас вызовут в день суда, то приходите.

— Я вам так скажу, капитан-начальник. Я много дней проболел. Овец пас мой напарник. Что я ему скажу на этот раз?

— Понимаю, брат, понимаю. Вы на суде присутствовать не обязаны. Но негодяи могут отрицать участие во многих содеянных ими поступках. Дело опять зайдет в тупик. Когда у судей возникнут вопросы, вы будете отвечать только «да» или «нет». И это все. Кроме вас, нет больше свидетелей. Ради вашего же товарища, придите еще разок.

Капитан-начальник тронул мою душу. Сознательно или нет, но он сказал: «ради вашего товарища». Слова эти проникли в мое сердце. Я не смог отказать ему — ради своего друга Рахманбая.

Рахман хотел повести меня к себе домой.

— Я неважно себя чувствую, как-нибудь в другой раз.

Он сказал, что в таком случае сам приедет ко мне и мы станем братьями. Я заверил его, что мы и так уже братья.

78

О том, что у нашего дома останавливалась милицейская машина, оказывается, знала уже вся округа.

Братья мои, все тайное рано или поздно становится явным. Плохая весть летит быстрее ракеты, хорошая — плетется, как черепаха!

Люди волновались за меня. Вместе с друзьями пришел проведать меня и Рихсиев.

Жена накрыла на стол, поставила угощения. Мой будущий свояк Одинаенаездник стеснялся моей жены и сидел, не подымая глаз. Товарищи по стремени смущались, не зная, как завязать разговор. Рихсиев же начал с главного:

— Товарищ Курбанов, правда, что из дома вас забирала милицейская машина?

— Ничего подобного!

— Но ведь все об этом говорят?

— Не забирала. Меня только известили, чтобы я явился. Ездил я на автобусе.

Я сообразил, что люди мне уже все косточки перемыли. Им только попади на язык! Из мухи сделают слона. На каждый рот сита не наденешь. Придется рассказать им, как было на самом деле.

Рассказал. Все, до мельчайших подробностей. Товарищи по стремени, кивая, поддержали меня:

— Вы поступили достойно.

Рихсиев приподнялся на локте. Обвел удивленным взглядом наездников:

— Ну и что тут хорошего? Ходит со сломанной рукой, да еще на следствие таскают. Столько хлопот, столько беспокойства!

— Какое там беспокойство! Был повод прогуляться с Тарланом по городу.

— Вы, товарищ Курбанов, с кем-нибудь другим об этом пофилософствуйте. Тоже мне, прогулка! Кроме забот и тревог, такие хлопоты ничего не приносят.

— Ну, хлопоты — тоже повод для прогулки.

— Но вы сами-то теперь поняли? Я, когда жил в городе, тоже, бывало, в такие дела вляпывался. И лучше вас знаю, чем это кончается. Как-то раз в выходной отправили нас на хлопок. Сами знаете, какие сборщики из тех, кто на один день приехал: попьют, отдохнут — и обратно. Я тоже собрал пару килограммов, подложил себе под голову и задремал. Неподалеку от меня текла река. Проснулся от шума и увидел, как несколько ребят — не сборщиков, а местных — задирают друг друга. Я поначалу подумал, что шутят, а потом вижу — дерутся. Двое бьют одного. Тот, которого били, побежал в сторону реки. Над рекой была проложена тонкая труба. Он побежал по ней. На середине реки потерял равновесие и упал в воду. Те двое убежали. Голова парня то появлялась над водой, то исчезала. Когда появлялась, он громко кричал.

— А вы что, наблюдали? — спросил я.

— А вы как думали! Все происходило прямо у меня на глазах. Оказалось, парень не умел плавать. Течение было не сильное, мог бы спокойно выбраться. Ниже по течению его крики услышал наш молодой оператор. Он бросился в воду, вытащил парня на берег, поднял его ноги вверх — но было уже поздно. Парень умер. Представьте, этого оператора больше месяца вызывали на допросы! Поперек горла встала ему эта история. Будь слеп и глух, сказал я себе. Тебя не трогают — и ты никого не трогай. Так устроен мир, товарищ Курбанов. Знайте свое место и не суйте нос в чужие дела.

— Ну, что на роду написано, того не миновать. А что происходит сейчас на белом свете?

— Много чего происходит, товарищ Курбанов. Международная обстановка продолжает накаляться. Мир под угрозой.

— А кто угрожает?

— Империалисты США! Об этом в «Международной панораме» сам товарищ Зорин сказал. Да еще и в газете «За рубежом» напечатали. Можем обратиться к фактам. Администрация США запланировала выпустить в 1983 году химико-бактериологического оружия на 810 миллионов долларов.

— Это что же такое за ружье?

— Да не ружье, а ядовитые ингредиенты.

— Вы по-нашему, по-дехкански скажите. Откуда нам, плешивым, такие слова знать?

— Ну так вот, ингредиент — это яд, полученный в результате синтеза двух жидких веществ. После чего происходит нервный паралич. За десять-пятнадцать минут можете стать покойником.

— И это придумал человек? Чтобы уничтожить человечество? Подумать только! А наши что говорят?

— Наше государство стоит на страже мира и всегда будет стоять.

79

Гости разошлись по домам. Жена стала убирать со стола. Отдала мне на руки нашего малыша:

— Подержите его немножко, а я пока посуду вымою.

Я посадил малыша на колени. Он захныкал, протянул ручки к матери, выходившей из комнаты со скатертью.

— Ну, хватит, хватит. Мама сейчас вернется. А кто это там на фотографии? Твой братик, да? Скажи: бра-тик.

Ребенок не унимался. Все хныкал и хныкал. Покачивая его на коленях, я запел:

На коленях мое чадо,
Станешь ты моей отрадой.
Слушай, что тебе спою.
Баюшки-баю.

Конь покрыт попоной — значит,
На коне и ты поскачешь.
Ты украсишь жизнь мою,
Слушай, что тебе спою.
Баюшки-баю.

— Эй, мама, иди же сюда и накорми своего сыночка грудью! Сыночек проголодался. Вот сейчас твоя мама придет.

Ты — в объятия бегущий,
Мне дитя и брат грядущий.
Чабаном ты знатным станешь,
Дом твой — у реки и пастбищ.
Баюшки-баю.

— Ну, полно, маменькин сынок! Раз есть рот, думаешь, можно орать? Или у тебя у одного рот есть? Вот, гляди, и у меня он тоже имеется! Почему же я не кричу? Хватит, пора и честь знать! Или заливаешься из-за того, что я сказал: конь покрыт попоной и ты — знатный чабан? Но где твой конь, и где твои овцы?

Ты говоришь, те, что у нас во дворе? Эге, это наследство досталось от деда. Все это принадлежит мне. Мне, ты понял?

Баю-баю, где твой сон?
Где верблюд? От деда он.
Если твой верблюд, так что ж
Ты верблюда не пасешь?
Если ты пасешь скотину,
Степи где твои, долины?

— Ну вот что! Раз так, то ты — сын пучеглазого! Если ты настоящий мужчина — отвечай, потомок плешивого! Ага, сразу замолчал! А то хнычешь и хнычешь. Что ты сказал? Нет, нет! Я только пошутил, потомок плешивого. Пошутил! Что? И шуток не понимаешь? Все это твое, сынок. И этот дом, и овцы в хлеву, и луна на небе, и вспаханные земли — все это твое! Так и быть, забирай! И Тарлана отдаю! Так и быть!

Баю-бай. Услышь меня,
Отправляй в табун коня.
Баю-бай, засыпай,
Ты мне дорог, так и знай.
Спи, ребенок. Баю-бай.

— Только одно никогда не забывай, сынок. Даже если ты, как Гагарин, достигнешь небесных высот или, выучившись, будешь править всем миром — помни прежде всего, что ты — сын Зиядуллы-наездника. Мой сын! А раз так — будь таким же, как я! Ты будешь таким, как я? Скажи, ты станешь таким, да?..

80

Прислали повестку в суд.

Ноги опять в стременах. Пока ехал, передумал о многом. Молил Всевышнего, чтобы закончились наконец эти мучения.

Народу на суде было много. По одну сторону сидели парни, которые били, по другую — мой друг Рахман. Начальство сидело сверху. Были вопросы, были и ответы. Те, что били, вины своей не признавали и все валили друг на друга. Здесь я и пригодился. Начальство, что сидело наверху, допросив меня, осталось довольно моими ответами. Когда дали слово защитнику, он спросил у моего друга Рахмана:

— А скажите, почему вы избили несовершеннолетнего?

— Я его не бил — только головой толкнул.

— Все равно, считается, что били. На лице у него осталась рана. Раз он у вас деньги украл, а вдобавок, если вы его еще и поймали, — нужно было сдать его в милицию.

— Сил не хватило.

— Бить хватило сил, а в милицию отвести — не хватило?

— Их трое было — один бы я не справился.

— Нужно было позвонить в милицию! Или позвать людей на помощь. Вон сколько людей на улицах!

— Людей? Каких людей? Где эти люди?

Рахман не мог продолжать от волнения. Он вытирал глаза полой халата.

Начальство объявило перерыв на один час. Сами ушли совещаться перед вынесением приговора. Я проголодался и зашел в чайхану. А когда вернулся, попив чая, — люди уже выходили из здания суда. Я понял, что суд закончился.

Стал искать моего друга Рахмана, чтобы узнать о решении. И тут наткнулся на женщин. Собравшись в круг, они заливались слезами. Голосили, хлопая себя по лбу и по коленям. До меня дошло: это были родственники тех парней, которые избивали. И я ощутил свою вину в том, что они плачут. Не в силах больше смотреть на их залитые слезами лица, я отвернулся и направился к Тарлану.

Мы поехали в кишлак. Миновав колхоз «Восьмое марта», въехали в ущелье Хайрандыра. Вокруг — низкие холмы. Дорога, словно качели, то поднимается вверх, то опускается вниз.

81

Наступили сумерки. Сумерки, опустившиеся на мир, опустились и на мою душу. На душе сделалось смутно. Я невольно оглянулся. Заметил вдалеке красную машину. Мы с Тарланом поехали по обочине дороги. Стали подниматься на склон горы. На самой середине склона я снова обернулся. Машина ехала следом. Мы спустились со склона. Из-за того, что склон был крутой, Тарлан припадал на задние ноги. Передние ступали тяжело. Мы спустились в долину. Машина на вершине холма замедлила ход. Я удивился. Обычно машины едут быстро, но эта за все время и одного коня не сумела обогнать. Или, может, в ней что-то сломалось?

Мы подъехали к арыку, перерезавшему дорогу. Вода в арыке мутная. Вся в красной глине. Коню будет по колено. Тарлана я в арык не пустил. Прикинул: а не лучше ли будет перепрыгнуть через него? Но сразу же передумал. Дело в том, что берег арыка тоже был весь в липкой грязи. Тарлан здесь мог бы поскользнуться.

Мы поехали вверх, вдоль арыка. Искали отмель. Машина спустилась в лощину. Остановилась у арыка. Сидевшие в ней как будто поняли, что здесь не перебраться, и поехали по нашему следу. Мы с Тарланом перескочили через арык, где было поуже. Машина остановилась на том месте, где мы перепрыгнули. Я понял, что по этой дороге они едут впервые. Показал им рукояткой плетки наверх.

— Еще немного проедете, и будет разлив! Там машина сможет проехать.

И мы отправились своей дорогой. Но тут вслед раздался голос:

— Эй, шеф! Тормозни!

Голос был незнакомый. Что он сказал, я недопонял. Кем бы он ни был, все же — это был голос человека. Я решил, что надо подъехать. Встал на берегу арыка. Из машины вышло четверо. Двое с разбегу перепрыгнули через арык. Испугавшись, Тарлан попятился. Гляжу: двое молодых ребят. И другие двое тоже подошли. У всех на глазах темные очки. Волосы до плеч, ушей не видно. Одеты довольно прилично. Один с бородкой. Сперва я подумал, что он примерно одного возраста со мной. Потом, присмотревшись, понял, что парню под тридцать.

— Вы, кажется, звали меня, братья?

Они посмотрели на меня и не произнесли ни звука. Бородатый вышел вперед.

— А ну слезай-ка с коня, шеф!

— Говорите так, я не глухой.

— Сказано слезай — значит, слезай!

Меня задело, что они обращаются ко мне на «ты». Спешиваясь, я сказал:

— Не надо «тыкать», приятель. Ведь я вам, пожалуй, в отцы гожусь.

— Видали мы такого отца...

Я опешил. Держал в руках поводья и злился. Крепко сжал рукоятку плетки.

— Привяжи коня и иди за нами!

— Что вы мне хотите сказать, приятель? Говорите здесь.

— Сказано, иди за нами — значит, иди!

Они двинулись вверх, вдоль арыка. Очков никто из них так и не снял.

82

Я накинул поводья на наклоненную голову Тарлана и пошел следом.

— А сами-то вы кто такие? Чьи сыновья? Представьтесь же наконец, братья.

Они окружили меня. Как будто им предстояло какое-то зрелище

Один из них пробурчал:

— Еще успеем познакомиться...

Они уставились на меня, будто на какого-то дикаря. Господи, и какое у них может быть ко мне дело? Да говорили бы поскорее, а то темнеет.

— Братья, если у вас ко мне срочное дело — говорите. Или я поеду, чтобы дома не волновались.

— Не торопись, еще успеешь поехать. Так поедешь, что больше не вернешься.

Со злости я развернулся и пошел к коню. Один из них преградил мне дорогу. Еще один зашел с другой стороны. Я оказался посредине. Решил было протиснуться между двумя. Тот, что справа, схватил меня за плечо. Я сбросил его руку.

— Уберите руку, приятель.

Он смачно ударил меня в подбородок. Я покачнулся и, отлетев назад, остался сидеть на земле. Сломанная рука заныла. Я накрутил плетку на кисть руки. Поднявшись, прицелился в шею парню и с размаху стеганул по ней. Тот, что был сзади, схватил плетку и с силой выдернул. Я опять оказался на земле. Затем пошел на того, что выдернул плетку. Сзади кто-то пнул меня в поясницу. Я упал навзничь. Сломанная рука отозвалась болью. С трудом мне удалось сесть. Осмотрелся вокруг. Ни души. Город остался за холмами и горными склонами — теми, что справа. Мой кишлак за холмами и горными склонами — теми, что слева. Только небо над головой. Все — далеко. Не докричишься.

Мне стало обидно до слез: какое же кругом одиночество, пропади оно пропадом!

Я огорчился: все моя сломанная рука, пропади она пропадом!

Вытащил из-за пазухи сломанную руку и показал. Сказал жалостливо:

— Когда я упал с гнедого Джуры-бобо, братья, то повредил себе руку. Смотрите...

Они громко расхохотались. Заговорили между собой:

— Кем он ему приходится?

— Никем!

— Как это никем? Быть не может! Выходит, он по своей воле решил показать себя рыцарем?

— Гляди-ка, рыцарь! Рыцарь двадцатого века!

— Дон-Кихот!

— Ха-ха-ха, Дон-Кихот! Дон-Кихот двадцатого века!

Только сейчас я понял, кто они такие. В тысячу раз мне стало обиднее за то, что сказал им про сломанную руку и что плакался им. Я опустил голову. Сломанную руку не спрятал за пазуху. Оперся ею о землю, как здоровой рукой. Рука заныла. Уставился в землю и стиснул зубы. Лицо мое горело.

Я поднялся. Они окружили меня. Один ударил в челюсть. Я отлетел на

стоявшего сзади. Тот, придерживая меня за плечи, ударил по голове. Зашатавшись, я отлетел обратно. Снова получил удар в челюсть, перевернулся и упал. Голубое небо закружилось надо мной. Стало черным-пречерным.

Я снова поднялся. Шатаясь, я подошел к одному из них и повис на шее.

— Что я вам такого сделал, братья?

Обнял его, что есть силы. Тот не глядя ударил меня кулаком в живот. У меня перехватило дыхание. Внутри что-то оборвалось. Руки мои ослабли и сползли с его плеч. Ноги больше не держали. Я повалился навзничь.

— Скажите, братья, в чем я виноват, в чем моя вина...

В ответ получил сильный удар в спину чем-то острым. Потом в бок. При каждом ударе у меня перехватывало дух.

— Братья, я ведь тоже человек...

83

И тут я услышал ржание.

Вся свою жизнь я прожил бок о бок с конем. Разных коней видел, разное слышал ржание.

Когда конь ржал от жажды или от голода, я давал ему поесть или попить.

Когда конь ржал от тоски по своим сородичам, услышав чье-то ржание или почуяв кобылицу, — я седлал его и водил по степи, чтобы он мог остыть, размять ноги и успокоиться.

Когда конь ржал при виде змеи, я выбегал к нему из дома, чтобы он чувствовал, что я рядом.

Когда он подавал голос, почуяв волка, я гладил его по гриве и оставался с ним, пока не успокоится.

От чего заржал Тарлан в эту минуту? Увидел змею? Нет, тогда он заржал бы по-другому. Или он увидел волка? Нет, он ржал бы не так. Наш Тарлан увидел кое-что похуже змеи и волка!

Я попытался приподнять голову, чтобы разглядеть Тарлана, но не смог. Взгляд уперся в небо. Небо высоко, земля тверда.

Конь снова заржал.

Небо было — как черный казан. Повернул голову влево. Сначала ничего не рзглядел. Потом начал отличать белое от черного. И вот тогда увидел Тарлана. Изгибая шею, он глядел на нас. Навострил уши и снова заржал. Посмотрел в сторону кишлака. Опять заржал. В этот раз ржание его было отрывистым и жалобным. От этого ржания сумерки стали печальными, но само оно было еще печальнее сгущавшейся тьмы.

Сильный удар чем-то острым пришелся мне по левому колену. Я закричал. В глазах потемнело. Голова моя раскалывалась. Кто-то из стоявших надо мной сказал:

— Так и будешь тыкать его ногой? Воткни ему разок в бок — и пошли.

— А-а-а! Лошадь, лошадь! Беги! Лошадь скачет!

Я очнулся и открыл глаза. Тарлан, волоча веревку, гнался за ними. Вытянув морду и навострев уши, он грозно хрипел. Оставив одного, погнался за другим. Они сбежали, перепрыгнув через арык, и спрятались в машине. Один все никак не мог спастись от Тарлана. Взял что-то с земли и ударил коня по морде. Тарлан покачнулся и остановился. Тот, не мешкая, перепрыгнул через арык. Тарлан тоже перескочил и приблизился к машине. Скребя передними копытами землю, Тарлан заржал. Машина умчалась. Тарлан погнался было за машиной, но потом повернул назад. Перескочив через арык, подошел ко мне. Мордой коснулся моих ног. Снова заржал, жалобно-жалобно. Обнюхал мое лицо. Я почувствовал дыхание Тарлана. Он дышал прерывисто, будто унес улак. Я обеими руками

обнял его морду. Погладил его челюсти, лоб. Руки мои увлажнились. Поднес их к глазам и посмотрел: кровь. Я всмотрелся в морду Тарлана. Лоб его кровоточил. Я приблизился лицом к окровавленной челюсти Тарлана. Слезы подступили к горлу. Не в силах сдержать себя, я разрыдался.

84

Стало совсем темно. Так темно, что ничего нельзя было различить. Я с трудом повернулся на левый бок. Больно! Обнял ноги Тарлана. Подтянул руку выше. Пошлепал Тарлана по крупу.

Тарлан обнюхал мое плечо. Я поднял голову с его колен. Тарлан медленно начал сгибать передние ноги. Опустился на них. Я левой рукой ухватился за луку седла, припал к нему грудью. Еле-еле сумел вскарабкаться, лег на седло животом. Глубоко вздохнул. Поджав, перекинул ногу через седло. Вдел ее в стремя. Ногу пронзила боль. У меня потемнело в глазах, я обнял Тарлана за шею. Придя в себя, выпрямился. Взялся за поводья. Ветер облизывал мою голову. Только тут я понял, что шапки на голове не было. Осталась на земле. Хотел было слезть, но представил — каково будет снова влезать в седло. Махнув рукой на шапку, дернул поводья. Тарлан пошел по обочине дороге. Через какое-то время я остановил Тарлана. Развязав поясной платок, отер лицо. Туго обвязал им голову.

Мы ехали по обочине большой дороги. Наступила глубокая ночь. Кругом стояла кромешная темнота. Холмы стали подобны темным теням. На душе у меня сделалось черным-черно. Я ехал, покачиваясь в седле и горько рыдая.

85

Эх, Тарлан, Тарлан, что же это за дни такие наступили? Во сне это происходит или наяву? Если и ты не различишь, Тарлан, то я точно не в силах ничего понять. Кем были эти живые существа, Тарлан? На них была одежда, они были о двух ногах. С виду — как люди. Говорят и смеются, как люди. Не знаю, Тарлан, не знаю. Если ты чего и понимаешь, то я не могу взять их в толк. Вот тебя, Тарлан, я понимаю. А те — они мне не братья.

Э, нет, Тарлан, ведь это ты — брат мой. Отныне я не буду называть их братьями. Мой брат — ты. Ты — мой младший брат, Тарлан. Ты и впрямь на меня похож. А ведь младший брат должен походить на старшего. Брат мой, Тарлан, что же теперь мы будем делать, а? Что мы скажем дома нашей детворе? А если люди спросят — что мы ответим?

Э, нет, Тарлан, ты — мой племянник. Отныне я не буду называть их своими племянниками. Ты — мой племянник. Ты весь в меня. Если племянник не похож на дядю — на кого же он тогда должен быть похож? Тарлан, племянник мой, может, скажем, что упали по дороге? А если спросят, где же были ваши глаза? А мы ответим, что арык был в глине, что поскользнулись. Ну как, годится такой ответ, племянник мой Тарлан? А не то станем для людей посмешищем...

Э, нет, Тарлан, ты — мой старший брат. Отныне я не буду их называть братьями. Ты — мой старший брат! Спросят про младшего брата — он у тебя есть, это я. Спросят про старшего брата, он у меня есть — это ты. О чем еще после этого горевать?

Э, нет, Тарлан, ты — мой друг. Отныне я не буду их называть своими друзьями. Мой друг — это ты...

Э, нет, Тарлан, ты — мой самый истинный брат. До самой моей смерти...

1979

Алексей Дьячков

На родину под старость зим

Капельница

Сначала ветра, шелеста травы,
Прибоя звуки, гулкий вой муллы,
Посвистыванье мальчика монгольского,
Потом исчезли мамин крик: Домой!
Тик-так из сказки, монотонный бой
И треск чешуекрылых в складках воздуха.

А в процедурной слышен вздох любой,
Осипший горн давно сыграл отбой.
Тьма по углам, и пыль свалялась войлоком.
При свете немерцающем таком
Ещё родней под самым потолком
Окошко с расползающимся облаком.

Печально пустоту осознавать,
Покачиваться с облаком на ать-
Два! На себя смотреться полупьяного
Со стороны. На лес ресничный свой.
Гравюра по стеклу сухой иглой.
Источник напряженья постоянного.

Когда зарница вспыхнет в окнах всех,
И сучья обломает мокрый снег,
И тишина нависнет над бараками,
Сон, оборвавшись, выпустит меня,
И лишний день, как в Аврааме «а»,
Протянется, продолжится, покапает.

Дьячков Алексей Владимирович — родился в 1971 в г. Новгороде. Окончил строительный факультет Тульского политеха. Работает инженером-строителем. Автор трех книг стихов: «Райцентр» (М., 2010), «Государыня рыбка» (М., 2013) и «Игра воды» (М., 2015). В журнале «Дружба народов» печатается впервые. Живет в Туле.

Возвращение

Никто не расслышал, а я разобрал,
Как клён в тупике отвечал за базар,
Как падала звонко монета,
И мучил гудок абонента.

В реке отраженье Белёв потрошил,
Беляш на вокзале колхозник крошил,
И птицы шумели, пируя, —
Ворона, воробышек, гуля.

А дома другая совсем тишина,
И я, витаминку мою прожевав,
Бродил у подъезда зачем-то,
Качался на детских качелях.

Страдания наши, больничный режим.
Скажи, почему я домой не спешил?
Болел, но светился от счастья —
Качался, качался, качался...

Воронка

Жизнь превращается в дожитие.
Дрожь рук — в воробышка, прыг-скок.
В многоэтажном общежитии
Вращаю свой калейдоскоп.

Вхожу в историю писателем,
В прозрачный потолок дымя.
На выжженном матрасе вмятину
От тела оставляю я.

Не видно горя с подоконника.
Цветные сумерки, и те
Ушли. Какая кинохроника
Моргает с треском в темноте?

Какая птица чистит пёрышки,
Выносит из квартиры сор,
Где кто-то складывает стёклышки
В персидский радужный узор.

Колода

Трын-трава орнамент для ковра.
Собирают музыку для чтенья
Тонкая дисперсия течений,
Воздуха сырого рукава.

Заглядись охотник — старый пруд.
Каждый клён в лесу — сердечный приступ.
В небе купола парашютистов
Медленно над облаком плывут.

Выработка, шахта, белый сад,
Тяжело домой влюбленным топать.
Первозданный облик спрячут копоть
И любви серебряный оклад.

Изразцы

В любом углу сирень, ковры,
А к вечеру и тьма — персидская.
Карман с размякшими ирисками,
И хлеб торчит из кобуры.

В военном детстве высох пруд,
Лес чёрный заварился, выкипел,
И доживая век во флигеле,
Старухи внуков берегут.

Козу там прячут от беды,
Тьма забрюхатила от сырости,
Там боль, которую не вынести,
Отрепетировали мы.

На родину под старость зим
Дорога служит нам наградою.
Темнеет, и рябит закатная
Посадка молодых осин.

Тарсянина возьмёт, когда
Он зарыдает: Неужели я...
От солнечного мельтешения
Водительская слепота.

Милости

Зацвёл забор, сирень в молочной пене.
В подъезде солнцем залиты ступени.
В квартире шум, на тесной кухне гам,
С грехом готовят завтрак пополам.

Соседский отпрыск — сгорбленный подросток —
Ладонью водит по шершавым доскам.
Вращает громкость — шорох, хор гудит.
Шипенье. Тишина. Ichrufzudir.

Из праха храм возносится пред нами.
Молю Тебя, услышь мои стенанья.
Как я запел, взмолился и замолк.
Как я заснул. От ужаса промок.

Мне снятся заусенцы солнца в кроне.
Играют дети — смерть в земле хоронят.
В накрашенной доске ржавеет гвоздь.
И в ходиках стирает втулку ось.

Линолеум на кухне кто-то вытер,
Где мы купали малыша в корыте.
Где слушали, как ночью иногда
Гудят, устав, электропровода.

Ганна Шевченко

Шахтерская Глубокая

Повесть

1

Начало лета выдалось неспокойным. Нехорошие слухи пошли по шахте после третьего июня. Я это запомнила, потому что месяц только закончился и мы готовили зарплатные ведомости. Утром, после ночной смены в наш отдел зашла главная табельщица и рассказала, что после двенадцати часов в коридоре табельной слышались лязг и стуки, словно кто-то таскает по полу металлический прут. Она несколько раз выглядывала из кабинета, но в коридоре никого не было. Еще за окном мелькал луч от шахтерской каски и слышался мелкий грохоток, словно кто-то бросал в окно горсти щебня. А когда шахтеры после ночной смены вышли из забоя, она обнаружила, что книга учета залита чем-то коричневым, похожим на крепкий чай, хотя она ничего не проливала.

Вскоре от ламповщицы Кати Кроль стало известно об исчезновении трех новых рудничных светильников, а старшая банщица рассказала, как три купающихся после первой смены горных мастера поскользнулись в один момент и получили незначительные производственные травмы и теперь готовят документы для оформления регресса по временной потере трудоспособности.

Разумного объяснения всем этим странностям не нашлось, и все сошлись во мнении, что на шахту явился Шубин, а значит, быть беде — либо обвалы пойдут один за другим, либо взорвется метан.

2

Шахта наша называлась «Шахтерская Глубокая», а поселок, в котором жил персонал, — Чумаки. Я работала на шахте бухгалтером. В расчетном отделе нас сидело четверо: я, Марья Семеновна Вдович, Галина Петровна Коломыкина и Аллочка Коломыкина.

Ганна Шевченко родилась в городе Енакиево Донецкой области (Украина). По образованию финансист. Публиковалась в журналах «Арион», «Дружба народов», «Дети Ра», «Новая Юность», «Октябрь», «Сибирские огни», «Современная поэзия», «Футурум АРТ» и др., а также в сборниках и антологиях поэзии и короткой прозы. Лауреат международного драматургического конкурса «Свободный театр», финалист поэтической премии «Московский счет», лауреат литературной премии им.И.Ф.Анненского по прозе (за повесть «Шахтерская Глубокая»); повесть «Шахтерская Глубокая» также номинировалась на премию «Национальный бестеллер» (лонг-лист). Автор книг «Подъемные краны» (2009), «Домохозяйкин блюз» (2012), «Обитатель перекрестка» (2015). Последняя публикация в «ДН» — «Рассказы», № 11, 2014.

Марье Семеновне было под пятьдесят, она носила широкие платья-балахоны и красила волосы в цвет «баклажан». Смуглое, продолговатое лицо ее тоже походило на баклажан, нос своей формой напоминал маленький баклажан, и даже пальцы были похожи на молодые нежные баклажаны. Но мощный, оттопыренный низ скорее походил на арбуз, сзади на нем мог бы удержаться стакан с чаем. К нам в отдел часто заходил ее муж Виктор Вдович, похожий на доброго пса, после смены он получал от жены наряды по хозяйству. Пока Марья Семеновна перечисляла поручения, он слушал и кивал. Иногда заходил выпивши, и тогда Виктор, который все понимает и молчит, превращался в Витьку, который не понимает, что несет. Он пытался нас веселить и так неуклюже острил, что всем становилось неловко. Однажды я спросила у Марьи Семеновны, занимаются ли сексом пятидесятилетние люди. Она ответила: «еще как» и рассказала, что недавно они с Виктором чуть не разбили вазу с флоксами на столе рядом с кроватью, когда страсть достигла высшей точки.

Сорокалетняя Галина Петровна — начальник отдела, наш босс. Она имела красивое, точеное лицо и широкоплечее, мужское тело. Начальница была настоящей язвой. Когда в кабинет заходил кто-нибудь достойный осмеяния, она подписывала бумаги, искоса щупая объект липким взглядом, а потом, когда дверь закрывалась, расправляла насмешливое лицо и начинала словесную экзекуцию. Она давала клички коллегам. Секретаршу Татьяну Адамовну она превратила в Мадамовну, диспетчера Виктора Игоревича Кирися в Карася, банщицу Веру Кукушкину в Какашкину. Прозвища прирастали к жертвам навсегда.

Галина Петровна охотно говорила на сексуальные темы: «не понимаю, чего они там стонут в сериалах, я лежу под Колькой, смотрю в потолок и думаю, скорее бы ты кончил», «залез вчера на меня Колька, а мы свет не выключили, и заходит Денис без стука, что, говорит, родители, трахаетесь? ну-ну!»

Ее муж Колька — чистопородный забойщик, его жилы полны угольной крови. Кольку невозможно представить в другой роли. Только так — с фонарем на голове, с сигаретой в углу ухмыляющегося рта, с черной обводкой вокруг глаз, с рюмкой самогона после смены — способно выжить это привередливое существо. В других условиях он бы задохнулся. Он, как верный солдат из касты древних воинов, всегда готов расстреливать Землю из отбойного молотка. Высокий, широкоплечий, чумазый — его можно было бы тиражировать на рекламных щитах партии «Регионы». Колька Коломыкин — настоящее олицетворение Донбасса.

На шахте работал и его родной брат Сашка, облегченная версия, «Колька лайт» — и ростом пониже, и удали поменьше, и рюмку опрокидывал реже. Этот Сашка был мужем нашей Аллочки, ее по-родственному взяла к себе в отдел Галина Петровна. Аллочка была миловидная, грудастая, розовощекая, как канадская «мельба». Она постоянно бегала в аптеку, то за контрацептивами, то за тетрациклином от женского воспаления, то за грушей для спринцевания. О своей интимной жизни она не рассказывала, и о том, что она у Аллочки есть, мы знали благодаря ее тихим фармацевтическим шоп-турам.

Мой сексуальный опыт в ту пору был небогат. Любовные записки, подброшенные в портфель, таинственные звонки и молчание в телефонную трубку, дискотечные объятия под рассеянным светом зеркального шара, прогулки после танцев, поцелуи в подъезде до умопомрачения — все это было. И

незначительные целомудренные романы, длящиеся месяц-другой, тоже бывали. Но первый секс случился в одиннадцатом классе, когда мы с толпой одноклассников праздновали Новый год. За мной бегал один парень из старших, ему было за двадцать, звали Андреем. Несколько раз он провожал меня с дискотеки, пару раз приходил домой, вызывал меня в подъезд и рассказывал анекдоты. Я ему нравилась. Узнав, где будет отмечать праздник наш класс, он пришел уже после двенадцати, влился в коллектив, стал приглашать меня на медленные танцы, прижиматься, приставать с поцелуями. Ближе к рассвету он взял меня за руку и повел к себе домой, в соседний дом, знакомить с мамой. Мама и впрямь была дома, только она спала в дальней комнате, а мы расположились в гостиной на диване под елкой. Не было никаких эротических переживаний, только ощущение, что меня протыкают тупым предметом. Не знаю, почему это случилось, не было ни любви, ни влечения, одно лишь любопытство. На тот момент моя школьная подруга уже сделала два аборта, а я кроме страстных поцелуев ничего не испытала. Но скорее всего это произошло потому, что Андрей был похож на мега-попзвезду Вадима Козаченко.

После меня тошнило от воспоминаний о той ночи, и я стала избегать Андрея. Мама вынуждена была всякий раз врать, что меня нет дома, когда он, недоумевая, просиживал часы под моим подъездом. Закончилось все неприятным и долгим разговором, после которого Андрей больше не появлялся.

Через год у меня появился Валера. Когда мы познакомились, он учился в Донецком университете экономики и торговли. Валера приезжал домой по выходным, мы встречались каждую субботу в пустой квартире. Его бабушка и дедушка умерли, а квартира ждала Валериной женитьбы. У него были синие глаза и широкий рот. Когда Валера улыбался, казалось, что все его лицо состоит из крупных белоснежных зубов. Мы кувыркались на двуспальной кровати его покойных предков, а после нежностей вели разговоры о том, что мы разумные люди и не должны опускаться до глупой ревности, и если кому-то из нас на пути встретится интересный человек и возникнет желание, никто из нас не обязан хранить эту смешную, мещанскую верность, а наоборот, нужно уступить зову природы, и вообще, мы желаем друг другу только счастья и удовольствий.

Начинались отношения довольно гладко, но вскоре всплыла одна особенность моего характера. Пока Валера был со мной внимателен и нежен, я была холодна, капризничала, кокетничала у него на глазах с другими парнями. Как только он обижался и пропадал, я бросалась на поиски, бегала по друзьям, ждала на остановке, названивала его маме. Но стоило ему вернуться, я снова превращалась в замороженную индейку. Больше двух лет продолжалась борьба противоречий и закончилась тем, что однажды, не дождавшись Валеры в субботу, я пошла с подругами на дискотеку и встретила его там с одной девицей из соседнего поселка. Все мои обеты были нарушены. Я бесилась от мещанской ревности и не желала ему ни счастья, ни удовольствий. Мы расстались.

Мне было двадцать лет, и мои женщины примеряли ко мне молодых холостяков. На поселке девушек, не устроивших свою судьбу до двадцати пяти, считали старыми девами. Коллеги считали, что времени на поиски жениха у меня мало и я должна действовать. По их мнению, больше всех мне подходил Кирюша Ковалев из отдела нормирования. Он закончил Донецкий технический университет и второй год работал нормировщиком, жил с родителями в Шахтерске.

Кирюша ходил в бассейн по вторникам и четвергам, играл в теннис по выходным, не пил и не курил. У него не получалось острить и балагурить, поэтому во время шахтных застолий он либо молчал, либо говорил о теннисе. Молодые экономистки долго не выдерживали Кирюшиных спортивных историй и уходили курить с бойкими на язык маркшейдерами, а Кирюшу, позевывая, дослушивала Марья Семеновна.

Его мама, Тамара Михайловна, работала ревизором в объединении, отец был родственником генерального директора. Все это вызывало пиетет у наших женщин, они считали Кирюшу лучшей партией и заводили о нем разговоры каждый день.

Тамара Михайловна Ковалева — личность известная в шахтных кругах. Она часто приезжала к нам с проверками и ревизиями. Роста невысокого, телосложения крепкого, атлетического, плечи у нее шире, чем бедра. Крупный нос и скошенный подбородок создавали интересную картину: в профиль лицо Тамары Михайловны походило на торпеду. Над верхней губой росли чуть заметные усики. Даже не верилось, что такая мужеподобная женщина родила такого хрупкого мужчину.

Кирюша был невысок и худощав. Все у него было маленьким и узким — глаза, плечи, ладошки. У него были смешные щеки — с небольшими выпуклостями возле уголков рта, казалось, что он прячет там карамельки. Единственной выдающейся деталью его внешности был доставшийся от мамы крупный нос.

Коллеги постоянно изводили меня Кирюшей: подумаешь, худой — откормишь, не беда, что маленький — сейчас модно быть выше жениха, зануда — ну и что, зато у него мама ревизор.

Кирюша мне не нравился, и я отшучивалась от этих предложений. К тому же у меня имелся секрет — я была влюблена в заместителя директора по производству Владимира Андреевича Тетекина.

Тетекин свою должность занимал не больше года, до этого работал начальником семьдесят первого участка. Он был племянником кого-то из замдиректоров объединения «Шахтерскантрацит», поэтому к своим тридцати, при поддержке и протежировании, смог сделать успешную карьеру.

Владимир Андреевич мог быть главным героем популярного сериала. За таких обычно на протяжении всего фильма борются положительные и отрицательные героини, а в конце герой обязательно женится на самой доброй и красивой.

Он был строен, высок, кареглаз. Безукоризненная стрижка, стильный пиджак, дорогой одеколон — мужчина с журнальной обложки. О нем страшно было мечтать, мне казалось, рядом с Тетекиным обязательно должна быть племянница какого-нибудь замдиректора. Я гнала от себя любовные мысли, но когда он заходил в расчетный отдел, я слышала, как стучит мое сердце.

3

В Чумаках проживало около двух тысяч человек. В центре, недалеко от поссовета стояли музыкальная школа, несколько магазинов, чуть дальше, в проулке — библиотека и клуб, на окраине — аптека. Шахта, как голова осьминога, возвышалась стволами и терриконами, а в разные стороны от нее ползли улочки-щупальца.

В 1979-м мы прославились на весь Союз. Шахта наша была самой опасной из-за внезапных выбросов газа и угля. Бороться с этим можно только сотрясательными взрываниями, поэтому ученые решили провести эксперимент — на глубине девятисот метров взорвать атомную бомбу.

Населению чего-то наговорили, объявили учения по гражданской обороне, нагнали автобусов и вывезли из поселка с кормежкой, водкой и культурной программой. Шахту оцепили воинские подразделения. Неподалеку расположились научные лаборатории на колесах, советские и зарубежные обозреватели. Ровно в двенадцать часов дня заряд, заложенный между самыми опасными пластами, подорвали. Даже те, кто находился далеко от шахты, почувствовали, как под ногами дрогнула земля.

После взрыва образовалась остекленевшая полость с десятиметровым диаметром, вокруг нее образовалась зона смятия и дробления радиусом около двадцати метров. Горизонт этот изолировали бетонными перемычками, и шахта продолжила работу. К сожалению, цель не была достигнута, очередной выброс случился на шахте уже через полгода.

Эту подземную конструкцию в документах для служебного пользования назвали «Объектом "Кливаж"». Но вскоре в стране случилась перестройка, республики разделились, и все, кто проводил и контролировал этот взрыв, оказались за границей — о десятиметровой ядерной капсуле забыли. Шахта жила своей обычной жизнью, лишь иногда из объединения приезжал человек с дозиметром и проверял радиационный фон.

Мы с мамой жили в двухэтажном доме — два подъезда, шестнадцать квартир. Таких домов в поселке было немало, их строили заключенные после войны. Бабушка рассказывала, что зэки жили в бараках за поселком и на работу ходили в сопровождении вооруженных солдат и служебных собак. Похожий дом я видела на картине Даниэля Найта. Правда, на полотне этот дом изображен на фоне живописного изгиба реки, увит плющом и плетистыми розами.

Наш рыжебокий, потрескавшийся монстр стоял в череде таких же ветхих уродцев и был окружен угольными сараями. Поселковая котельная работала с большими перебоями, несмотря на то, что уголь лежал у нас под ногами. За несуществующее отопление коммунальщики брали большие деньги, многие жители поселка от него отказались, и работники ЖЭКа обрезали батареи. В наших квартирах стояли печи-пролетки.

Осенью мать покупала на шахте машину угля. Его сгружали возле сарая, и несколько дней мы перебрасывали уголь. Когда наступали холода, топили печь. Квартира наша находилась на втором этаже, мы всю зиму, день за днем, носили тяжелые ведра: вверх — с углем, вниз — с золой.

Комнаты были высокие, под три метра, и все тепло собиралось под потолком. Чтобы прогреть жилье, нужно было сжечь несколько ведер угля. Квартира была небольшая — кухня, гостиная и спальня, но мы постоянно мерзли. До спальни тепло не доходило.

Чтобы собрать теплый воздух, мы завешивали дверь спальни байковым одеялом и всю зиму ютились в гостиной. Спальня так выхолаживалась, что в ней можно было замораживать куриные тушки. Иногда, чтобы согреться, я ставила раскладушку в кухне возле печи и проводила райские ночи, наслаждаясь теплом и слушая вой ветра в печной трубе.

Мама заведовала поселковой аптекой. В девяностые начальник управления

сократил фармацевта и санитарку. Мама осталась одна и работала за троих. Вела документацию, сдавала отчеты в центральную аптеку, ездила за товаром, раскладывала упаковки, надписывала ценники, мыла полы. Начальник ей доплачивал, но денег не хватало, и как только я окончила школу, мать пошла с подарком к директору шахты и попросила принять меня в бухгалтерию. Вскоре в декретный отпуск пошла одна молодая расчетчица, и меня взяли на ее место с условием, что я поступлю в техникум на заочное отделение.

4

Работа мне нравилось. Мы приходили к семи, вместе с первой сменой, а в три уже расходились по домам. Экономическую службу шахтеры пренебрежительно называли «контора». Весь день мы стучали по клавишам калькуляторов, в обеденный перерыв шли в столовую за чебуреками, запивали чаем «Похудей». К нам на шахту заглядывали коммивояжеры и спекулянты, мы рассматривали товар, примеряли кофточки и колечки. В отдел заходили начальники участков, сверялись по зарплате, угощали шоколадками. Иногда заглядывал директор Гаврилов Федор Кузьмич. Если видел продавцов женских тряпочек, хохотал, прикладывая к себе пеньюары и трусики-стринги.

Ему нравилась наша яблочная Аллочка:

— Дай за сиську подержаться, — всякий раз шутил он, обнимая Аллочку за плечи.

На шахте работали две жены Федора Кузьмича — бывшая пожилая в отделе нормирования и нынешняя молодая в отделе кадров.

Наш директор был хорош: небесно-синие глаза, платиновая седина, аристократическое лицо. Ему бы роста добавить сантиметров десять-пятнадцать, получился бы эталон стареющей красоты.

Женщин он обожал, раздавал титулы самым выдающимся: Аллочка — «Миссис сиськи», Татьяна Адамовна — «Миссис пышный зад». Меня из-за длинных ног называл «Мисс ноги» и, встречая в коридоре, говорил воображаемому секретарю: «Приказ по шахте! Бухгалтерам расчетного отдела ходить на работу в коротких юбках. Точка. За невыполнение лишать премии».

Короткую юбку я иногда надевала, но премий мне за это не давали. С тех пор как развалился Союз, шахтам перестали давать дотации. Оклады у нас были маленькие, да и выплаты задерживали. Жители Чумаков выкручивались, как могли: кто-то спекулировал мелким товаром, сигаретами, жвачками, шоколадками, те, у кого были частные дома, заводили кур, свиней и коров, несколько человек в поселке гнали на продажу самогон. Многие уезжали на заработки в Москву. Мы выживали благодаря тому, что мама работала в аптеке и получала зарплату без задержек.

5

Тем летом, пятого июня Марье Семеновне Вдович исполнялось пятьдесят. За окнами установилась чудная погода, в посадке щебетали птицы, цвели дикие груши, бархатным ковром стелилась лиловая хохлатка. Праздновать в комбинате не хотелось, и мы решили, что после сдачи расчетных ведомостей пойдем на природу жарить шашлык.

К тому же после случаев в ламповой и табельной тревожные события произошли в шахтном архиве. Наш архивариус Людмила Николаевна, придя утром на работу, обнаружила, что стеллаж с «Журналами табельного учета» за 1979 год пуст, а все подшивки лежат на полу разложенные веером, словно кто-то всю ночь их читал. Располагался архив в комнате без окон, железная дверь закрывалась на два замка и опечатывалась полоской бумаги с датой и подписью архивариуса. Злоумышленник проник в архив каким-то таинственным способом.

Начальница называла Людмилу Николаевну Головой из-за того, что ее голова была чуть больше, чем того требовало небольшое аккуратное тело. Но мне казалось, что Людмила Николаевна больше походила на царевну-лягушку в зрелом возрасте. У нее были огромные зеленые глаза, длинные ресницы и круглые, словно надутые щечки. Она была аккуратнейшей женщиной, содержала документы в чрезвычайном порядке, и мысли о том, что она забыла закрыть дверь и опечатать архив, не возникало ни у кого. Нашлось только одно объяснение — Шубин.

Это событие укрепило нас в решении идти на пикник в лес, находиться в конторских стенах стало жутковато.

В нужный час я с подарком и букетом цветов подошла к месту встречи.

Парикмахерская в поселке была одна. Мастер первой категории Людмила Головко всем без исключения делала стрижку «шапочка» и химическую завивку. У Марьи Семеновны была кудрявая шапочка баклажанного цвета, у Галины Николаевны темно-русого, у Аллочки белокурая, а у меня светло-русая шапочка без завивки.

Все женщины расчетного отдела были одеты в спортивные брюки из эластичного бархата. Цвет и покрой был одинаков, темно-серый с белыми лампасами, отличались они только размером. У меня был сорок шестой, у Аллочки сорок восьмой, у Галины Петровны пятьдесят второй и шестидесятый у Марьи Семеновны.

Поселковая коммерсантка Танька Шумейко, договорившись с шахтным руководством, делала в конторе особый бизнес. Она покупала в Турции дешевый товар, привозила баулы на шахту и раздавала вещи в долг под зарплату. Операция фиксировалась в шахтных ведомостях и отражалась в бухгалтерских проводках по кредиту. Одевался у нее весь поселок. Местные шопоголики в день зарплаты получали дырку от бублика. Зато Танька, дравшая со своих клиентов три цены, чувствовала себя превосходно.

Ассортимент был невелик, поэтому весь поселок ходил в одинаковой одежде. Наш отдел купил на зиму серые кроликовые полушубки, на весну — укороченные плащи в мелкую черно-белую клетку, на лето — яркие сарафаны из вискозы. Ну и серые спортивные брюки для пикников.

Все уже собрались, и я не могла понять, почему мы топчемся на месте. Но вскоре стали понятны и неловкая заминка, и смешливые покашливания Галины Петровны: из-за угла появился Кирюша в черных брюках со стрелками, с букетом роз и объемным пластиковым пакетом. Чтобы устроить мою личную жизнь, женщины решили пригласить на пикник Кирюшу из планового отдела. Прощай, мой кареглазый Тетекин в модном пиджаке, отныне я помолвлена с Кирюшей!

Двинулись к лесу. По пути мы зашли в овощной магазин и купили

гигантский импортный арбуз. Нести его, как единственному мужчине, начальница приказала Кирюше. Он вздыхал, потел, менял руку, но все же тащил свою ношу.

Когда мы пришли на поляну, муж Марьи Семеновны был уже там. Он привез на мотоцикле выпивку и закуску, раскочегарил мангал. Женщины разбирали пакеты, расставляли пластиковые судки с салатами, резали хлеб и колбасу, а мы с Кирюшей ходили невдалеке, рвали полевые колоски, грызли соломинки и говорили о пустяках.

Потом начался банкет. Кирюша старательно исполнял свои обязанности, подливал мне вино, подавал дальние блюда, поддерживал шампур, когда я стаскивала в тарелку куски мяса, даже спросил один раз: «Тебе не холодно?», когда от леса повеяло прохладой.

Кирюшина мама, собирая сына на банкет, положила ему в пакет консервированный салат «завтрак домоседа» — овощи, тушенные с рисом. Мы ели угощение и расхваливали кулинарный талант Тамары Михайловны. Начальница меня толкала в бок, и когда Кирюша отвлекался, шептала в ухо: «Забирай, пока не увели!»

На десерт разрезали арбуз. Кирюша не зря мучился, мякоть оказалась высококлассной — алой, сахарной, сочной. Кирюша вырезал кубики, выковыривал косточки и протягивал мне сладость, нанизанную на вилку. Я поедала, обливаясь соком, Кирюша протягивал мне салфетки.

Замысел моих коллег был осуществлен, операция по подсадке кавалера прошла успешно, но я чувствовала, что им чего-то не хватает, какого-то всплеска, яркого мазка, завершающего аккорда. И тогда я пригласила Кирюшу прогуляться.

Недалеко от поляны начиналась густая лесополоса и был крутой спуск. Там, внизу, в тенистой прохладе, в гуще деревьев журчал извилистый ручей. Мы с Кирюшей, держась за ветки, спустились по скользкой тропе. Я разулась, взяла в руки босоножки и вступила в ручей. Сквозь прозрачную воду виднелось песчаное дно.

Вскоре послышались хруст ломающейся ветки и шорох листвы. В просветах кустарника мелькнула макушка баклажанной шевелюры. Из центра послали агента. Меня раззадорило вино. Я вышла из воды, подошла к Кирюше, обняла его плечи и поцеловала в висок. Вскоре под могучим задом затрещал сухой хворост. Довольный разведчик возвращался на базу с докладом.

Я развернулась и пошла вниз по руслу. За мной, как мальчик за бегущим по воде корабликом, шел мой кавалер. Вскоре съеденный арбуз дал о себе знать. Я вышла из воды, обулась, попросила Кирюшу меня подождать и стала искать заросли погуще. Я шла и оглядывалась на Кирюшу. Мне казалось, что кустики вокруг чахлые и, если я присяду, Кирюше будем меня видно. Я шла и шла по посадке, все больше удаляясь вглубь. Наконец нашла то, что искала. Передо мной было широкое углубление, заросшая травой воронка, окруженная терновыми зарослями. Я пробралась сквозь колючую поросль и прыгнула на дно ямы.

В мультфильме «Тайна третьей планеты» космические корабли, приземляясь на гладкую поверхность чужой планеты, внезапно проваливались в темноту — под ними разверзалась земля. Я почувствовала, как у меня из-под ног уплыл верхний слой, словно кто-то потянул за травяной ковер. Сначала я увидела зыбкую глубину, потом в глазах потемнело.

6

Я почувствовала запах угольной пыли. Посмотрев наверх, я не увидала света — дыра, в которую я провалилась, затянулась. Вокруг было черно, и я стала ощупывать дно. В момент падения меня словно разделили пополам. Я прежняя была скована страхом и спряталась глубоко внутрь, но другая, новая, прежде незнакомая, оказалась собрана, спокойна и действовала решительно, как солдат на учениях. Я присела, как лягушка, и двинулась вперед, ощупывая перед собой поверхность. Ладони шарили по угловатым кускам породы и царапали руки. Так я проползла, по ощущениям, метра два, пока не уткнулась в стену, потом встала в полный рост и медленно, на ощупь пошла вдоль стены. Если я через шурф попала в штольню, то рано или поздно она выведет меня на поверхность. Если в штрек, то у меня будет шанс добраться до выработки и встретить там забойщиков. Они вывезут маня из шахты, и я спасена. Некоторое время я медленно шла по коридору, держась за стену. Там, на поверхности, было жарко, градусов тридцать, а здесь, под землей, сыро и холодно. К тому же я ощущала давление, как в морской глубине. Иногда я кричала «эй!» и слушала, как мой крик превращается в эхо и медленно тонет в подземной толще.

Я часто видела в приключенческих фильмах, как герой, оказавшись на большой высоте на краю пропасти, боялся смотреть вниз, чтобы не сорваться. У нас в школе на спортивной площадке стояло гимнастическое бревно. Я довольно уверенно ходила по нему туда и обратно, но как только представляла, что подо мной пропасть, тут же теряла равновесие. Главное — не думать, не только на высоте, но и глубоко под землей.

Постепенно глаза привыкли к темноте. Когда в глубине тоннеля посветлело, я прибавила шагу, а потом побежала, чтобы поскорее добраться до светового источника. Приближаясь к нему, я стала разбирать очертания темной фигуры и фонарь на шахтерской каске. Я решила, что попала в забой и сейчас встречусь с одним из рабочих. Я крикнула, но он не услышал.

Я бежала ему навстречу и кричала «эй!» Думала, он как-то отреагирует, что-нибудь крикнет в ответ или помашет рукой, но он молчал и, как мне казалось, безучастно смотрел в мою сторону.

Когда рабочий был от меня метрах в пяти-шести, тоннель закончился, и я оказалась внутри горной выработки эллипсоидной формы, словно кто-то сделал выемку для гигантской таблетки. Шахтер сидел в кресле в самом центре этой сферы. Я замедлила ход и тихо подошла к нему.

Он был черным, как угорь. Его шахтерская роба пропиталась блестящей угольной пылью и, казалось, захрустит от прикосновения, как фольга. Кирзовые сапоги внушительного размера были изувечены вмятинами и царапинами. Черные пальцы имели странную форму, словно их вытянули и утончили. Он держался за подлокотники — кисти рук оплетали их, словно корневища. Глаза были закрыты.

Кресло, на котором он сидел, напоминало деревянный трон. Высокая спинка треугольной формы с тремя набалдашниками — два по краям, один в центре. Мощные подлокотники, изгибаясь, перетекали в толстые ножки. Коричневая краска потемнела от сажи.

Рядом с креслом стоял напольный торшер. Похожие светильники я часто

встречала в поселковых квартирах, но у этого металлический каркас абажура был густо увит узорной паутиной и припорошен блестящей антрацитовой пылью. Вдоль ножки болтался выключатель — кусок технического шпагата с привязанной металлической гайкой на конце. Из-под абажура лился мягкий свет, и шахтер вместе с креслом был очерчен границей светового круга.

Я тронула его за колено. Он открыл глаза и сказал:

— Бледная ты какая-то...

Глядя на меня, он рассмеялся. Смех его был детский, непосредственный, совсем не мужской.

— Я провалилась в шурф, — сказала я.

Он снова рассмеялся, а я думала, что ему сказать. Решила сообщить ему, что перед ним бухгалтер расчетного отдела, которая в дни сверки может дать без очереди талон, шахтеры обычно заводят дружбу с расчетчицами.

— На каком участке вы работаете? — спросила я, — У кого сверяетесь? У Аллочки? Что-то я вас не помню!

Вместо ответа он зевнул и стал задумчив. Его лицо мне показалось странным, оно было продолговатым, как огурец, черты острые, птичьи. Но особенность заключалась в том, что его будто бы перекосило. Словно оно зигзагообразно отразилось в кривом зеркале и навсегда приняло форму своего изображения.

Я сказала:

— Вы мне хотя бы покажите, куда идти, я сама выберусь.

— Мы находимся на глубине девятьсот метров, — сказал он.

Я ничего не понимала во всех этих внутришахтных делах, цифра не произвела на меня впечатления. Но мне показался знакомым его голос.

Он продолжил:

— Хочешь, я сделаю тебе бабочку?

Вспомнила. Таким мягким голосом говорил Арамис из фильма «Д'Артаньян и три мушкетера». Я пожала плечами и равнодушно ответила:

— Ну, сделайте...

Он оторвал руку от подлокотника, сжал в кулак длинные пальцы и протянул мне:

— Дунь!

Я дунула. Он разжал пальцы, и я увидела на его ладони мерцающий трепет. Он мгновенно приняла форму бабочки, и, взмахнув крыльями, вспорхнул с ладони. Бабочка переливалась. Ее крылья были нежно-лилового цвета, а на передних фиолетовым контуром были очерчены карие окружности. Казалось, бабочка смотрела на меня своими крыльями.

Шахтер улыбнулся и сказал:

— Дарю.

Бабочка летала вокруг меня. Я протянула ей ладонь, она села и тут же растворилась в воздухе. И вдруг все эти паззлы — странные беспорядки на шахте, кресло с торшером внутри горной выработки, глубина девятьсот метров, светящаяся бабочка — сложились в одну невероятную картину. И картина эта не была страшной, а напротив, светилась и переливалась тихими спокойными красками. Случись эта встреча там, наверху, в конторе, я бы, наверное, умерла от испуга, а здесь, в шахте, мысль о запредельном, наоборот, раззадорила меня.

Когда поняла, кто сидит передо мной, я спрятала в карман руку, на которой только что сидела бабочка, и сказала:

— Вас зовут Игнат.

Он облегченно вздохнул, словно избавился от тяжелой ноши:

— Хорошо, что ты пришла.

— Говорят, что вы призрак...

— А что еще говорят?

На фоне покрытого сажей лица голубоватые белки светились, как неоновые.

— Ну... что вы были влюблены в откатчицу Христину...

— Не откатчицу Христину, а табельщицу Тамару. А еще?

— Что эта Христина, то есть Тамара, погибла из-за какого-то начальника. Вернее, шахтовладельца. Было, типа, нарушение техники безопасности. Давно, в девятнадцатом веке. А вы потом этого владельца убили. А сами бросились в шурф, не выдержав разлуки с возлюбленной, и стали призраком, который покровительствует шахтерам и ненавидит начальников.

— Какая романтическая история... — он хохотнул, — все было не так.

— А как?

— Мы с Тамарой познакомились в горном техникуме. Я пришел учиться на электрика, она на маркшейдера. Помню, стоим первого сентября на линейке, и она проходит мимо с подругой, такая легкая, нарядная, в светлом шелковом платьице. Меня словно горячим ветром обожгло. Вскоре познакомились, стали встречаться, через два года поженились. Она жила на Собачьем хуторе, в многодетной семье. Отец у нее был пьющий. После свадьбы я привез ее к себе, сначала жили с моей мамой, потом нам дали квартиру. Я ребеночка очень хотел, но она все откладывала. Она хотела сначала обустроить быт. А потом ей «Жигули» захотелось. Я перевелся в лаву крутого падения, там платили до тысячи в месяц. «Жигули» стоили пять-шесть тысяч, я думал — куплю машину, уйду с опасного участка. Жена работала в табельной. И вдруг до меня стали доходить слухи, что во время ночных смен у нее в каптерке подолгу засиживается начальник ВТБ. Я задал ей вопрос. Она ответила, что он инвентаризацию делает. А потом был взрыв...Ты помнишь ядерный взрыв?

— Мне рассказывали.

— Перед взрывом всех выводили из шахты, эвакуировали поселок. Я помогал ученым устанавливать оборудование. А в табельной как раз Тамара дежурила, ее смена. Я задержался, одно крепление долго не мог приладить, последним ушел с участка. Прихожу к клети, жду-жду, клеть не опускается. Никто не собирается выводить меня из шахты. Забыли. А Тамара взяла мой номерок с доски учета и в карман себе положила, а начальству сообщила, что в шахте никого не осталось.

Он замолчал.

— И что потом? — спросила я.

— С тех пор я здесь.

— Вы живете под землей двадцать лет? Но как?

— Давай на «ты». Угнетают меня эти официальные отношения.

— Давай,— согласилась я, — а как ты выжил?

— Не знаю. Со мной произошло что-то странное. Когда бабахнуло, я очутился внутри сияния. Видела северное сияние?

— На картинке.

— До этого я тоже только на картинках видел. Только там полосы изображены вертикальные одного или двух цветов, а там, где я очутился, полосы ходили вокруг меня, как спирали. Яркие. Всех цветов радуги. Там, внутри, я провел двенадцать часов, но времени не чувствовал, словно его не существовало.

— Но откуда ты знаешь, что именно двенадцать?

— Знаю и все. Мне трудно это объяснить.

— И бабочку трудно объяснить?

— И бабочку... Я очень изменился после взрыва.

— Слушай, — спросила я после недолгой паузы, — а как ты узнал, что твоя Тамара тебя предала? Может, это как-то случайно получилось? Может, ее подменили на рабочем месте? Может, ей стало плохо, ее отвезли в больницу, а другую табельщицу забыли поставить в известность, что человек остался в шахте?

— Я все проверил в архиве. В журнале учета за тот день стоит ее подпись.

— Так это ты шухер навел в архиве?

Шубин захохотал:

— Я! — он хохотал, как ненормальный.

— Чего ты ржешь? Что тут смешного?

— А все смешное, — он всхлипывал от смеха и утирал слезы. Казалось, что он сейчас задохнется от смеха.

— Но после взрыва прошло двадцать лет...

Я пыталась вернуть его к разговору, но он продолжал хохотать. Он всхлипывал и вытирал рукавом слезящиеся глаза.

— Да успокойся ты! Расскажи, что ты ешь? Где берешь воду? Как спишь? Как человек может столько лет провести под землей?

Внезапно он замолчал и стал серьезен. Смена настроения произошла так быстро, словно он механически переключил режим во внутренних настройках.

— Теперь я не совсем человек. Еда и вода мне не нужны. Я не ем и не пью. А отдыхаю здесь, в этом кресле. Ты когда-нибудь видела привидение? — внезапно спросил он.

— Нет, ни разу...

— Вот и я ни разу, — грустно сказал Шубин, но тут же заулыбался во весь рот, — ты будешь моим привидением.

— В смысле? — меня насторожили его слова.

— Ты будешь привидением. Не от слова «видеть», а от слова «водить». Ты будешь приводить людей к шурфу, к тому самому, в который провалилась, и сбрасывать вниз. А я здесь буду их встречать.

— Ты это серьезно?

— Да, — ответил он.

— Зачем тебе это?

— Нужно.

— Нормально! Клево ты все придумал! Очуметь! А ты у людей спрашивал, хотят ли они упасть в шурф?

— После того, как я их обработаю в капсуле, они будут мне благодарны. Сначала немножко насилия, но потом они будут счастливы, что с ними это произошло. Это как удаление гнойника.

Мне стало нехорошо. Ядерный взрыв, несомненно, повредил парню мозги.

Сначала меня забавляли его странности, но теперь стало жутко. Я не подала вида и продолжила разговор:

— А что это за капсула такая?

— После взрыва образовалась капсула, и если провести в ней некоторое время...

Шубин замолчал и опустил глаза.

— Что? — спросила я.

Он поднял взгляд и продолжил:

— Если человек проводит двенадцать часов в капсуле, он становится другим.

— Каким другим?

— Представь себе кухню, в которой длительное время готовили и ели, но ни разу не убрали и не помыли. Представила?

— Представила.

— Опиши, как ты ее видишь?

— Ой, ну ты прям, как школьный учитель. Нормально вижу. Грязища везде.

— Горы немытой посуды, залитая горелым жиром плита, стол, засыпанный крошками, фантиками, покрытый пятнами разлитых супов, забитое до краев мусорное ведро, клочья бумажного мусора рядом с ним, пол, усеянный бумажками-фантиками, кран и раковина, покрытые густым слоем известкового налета, кафельная стена в обильный масляных брызгах, засаленный подоконник с бутылью забродившего кваса. Так?

— Ну да. Так.

— А теперь представь, что все это хозяйство в один момент очищается до блеска. Грязь, мусор, хлам — ничего больше нет, все выметено, выбелено, отмыто. Воздух пахнет свежестью и звенит, как хрусталь. Представила?

— Ну, представила...

— Так вот, то же самое делает капсула с человеком. До нее он грязная кухня. После — чистая.

— Значит, ты сейчас чистая кухня...

— Так и есть.

— А это больно?

— Не очень.

— Покажи мне эту капсулу.

— Потом покажу. Тебе еще рано. После превращения ты не захочешь возвращаться, а мне нужна твоя помощь наверху.

— Не захочу я здесь остаться!

— Но и туда больше не захочешь.

— Почему?

— Слушай меня. Мне нужны мужчины. Четыре человека. И не просто мужчины, а мерзавцы, грешники, чем грязнее душа, тем лучше — больше света вольется. Будешь завлекать в лес, подводить к краю шурфа и сталкивать их ко мне.

— И ты всех их будешь в капсулу засовывать?

— Да, санитарная обработка.

— А потом?

— Потом отпущу. Они вернутся очищенными.

— Почему четыре?

— В капсуле осталось энергетического ресурса на четверых, хотя... может и на пятого хватит. Я тебе потом дам знать.

— Но зачем все это?

— С момента возвращения они станут вирусоносителями света. Новая настройка станет для них программой, они будут повторять ее раз за разом, как балерина из механической шкатулки — крышка открывается и плясунья вертится на одной ножке под волшебные звуки. А если проще — образ их мыслей будет накладывать отпечаток на образ их действий, а все, живущие рядом и наблюдающие за механизмом действий, бессознательно будут перенимать образ мыслей. Постепенно, медленно, капля по капле, из года в год этот вирус заразит все души и однажды вызовет всемирное воспаление, планету охватит эпидемия света и добра. Все исправятся, очистятся, переродятся. Наступит мировая гармония.

Он снова захохотал, он ржал так громко, что казалось, от взрывов его хохота начнется землетрясение.

Этот сумасшедший опасен, думала я, глядя в его светящиеся глаза. Отпустит ли он меня? Как избавиться от него? Что делать? Как попасть на поверхность? Буду кивать, изображать послушание и смирение, обещать отряды мужчин, только бы он помог мне выбраться из шурфа.

— А теперь вынужденная мера, — продолжил Шубин, — извини, но мне придется применить шантаж.

Я насторожилась.

— Чтобы гарантировать осуществление моих планов, я вынужден использовать давление. Если ты ослушаешься и не будешь делать то, о чем я тебя прошу, я чихну, когда в забой спустится твой отец. Ты же любишь отца?

— Шубин, ты дерьмо.

— Ну что же это такое! Молодая, симпатичная девушка и так некрасиво выражаешься. Это необходимая мера. Скоро ты поймешь, что наше дело является правым и благородным. А пока я буду следить за твоим отцом и ждать от тебя посланцев.

— Но это же не так просто. Попробуй этих мужиков в лес заманить. Дураки они, что ли? И в шурф как их сбрасывать? Я что, Шварценеггер?

— Ты молодая, красивая женщина, мужчины должны идти за тобой на край света, вот и приводи их на край шурфа.

— Шубин, отпусти меня! У меня мама наверху волнуется. Не смогу я этих мужиков сюда водить! Не получится у меня! Я боюсь, в конце концов! Ты же добрый, ты же вирусоноситель! Ты сказал, что капсула сделала тебя чистым!

Из глаз покатились слезы.

— Тише, успокойся, все у нас получится. Ты главное приводи их к краю шурфа, я буду тебе помогать, если что-то пойдет не так... Да успокойся ты наконец.

Он встал с кресла, взял меня за плечи и помог сесть на свое место. Кресло было теплым.

— Сейчас ты поднимешься на поверхность и пойдешь домой к своей маме. Ляжешь в кровать, поворочаешься с боку на бок, покрутишь разные мысли, а утром проснешься со спокойной и просветленной головой. Вот посмотришь, все так и будет. А сейчас расслабься, вот так. Возьми в руки выключатель.

Шубин вложил мне в правую руку выключатель от торшера и помог зажать его в кулаке.

— А теперь дерни за него, — продолжил он, — дерни, не бойся. Как будто выключаешь свет, ну!

Я дернула за веревку, и свет погас. Сразу же ощутила резкое движение под собой, словно я сидела в парке на аттракционе и начался сеанс полета. А еще через несколько секунд я почувствовала, как мою кожу обволок теплый воздух. Я открыла глаза. Солнце шло к закату, и тени деревьев растянулись во весь рост.

Возвращаясь, я делала зрительные пометки. Заходить на поляну удобнее всего со стороны старого, раскидистого дуба, вот дорожка, ведущая к ручью, здесь недалеко от трех плоских камней, выложенных небрежными ступеньками, я вышла из воды. По руслу двигалась около пяти минут. А вот тропинка, ведущая на поляну, где проходил наш пикник. Я поднялась туда, но все уже разошлись. Костер давно догорел, и там, на пепелище, вперемешку с золой, лежали несколько фантиков от конфет.

Когда я вернулась, мать уже спала, она рано ложилась и рано просыпалась. Светильник горел, голова неудобно откинулась на подушку, сверху на груди лежала книга Геннадия Малахова «Закаливание и водолечение». Я убрала книгу, выключила свет и пошла к себе.

7

Отец оставил нас с матерью, когда мне было одиннадцать лет. Это было скорее закономерностью, чем случайностью, жили они неладно.

Родители познакомились в городе Советске Калининградской области. Молоденькая мама попала туда по распределению после медицинского училища, работала фармацевтом в аптеке.

После окончания политехнического института отец мог в армию не идти, там была военная кафедра, но зачем-то пошел. Так он оказался в Советской военной части, в младшем офицерском составе войск РТБ.

Не знаю, как родители познакомились, они никогда не рассказывали об этом, а я не спрашивала. Возможно, папа съел что-то несвежее в офицерской столовой, у него заболел живот и он пришел в аптеку за бесалолом или пошел в увольнение с другими офицерами, зашел на городскую дискотеку и там увидел танцующую маму. Первую встречу любят вспоминать счастливые пары, моим родителям не повезло.

Я много раз смотрела на фотографию, сделанную в то время в городском фотосалоне, пытаясь что-нибудь о них понять.

Мама в черной водолазке с длинными распущенными волосами. Челку она тогда не стригла, и длинные пряди, разделенные прямым пробором, шелковистыми струйками падали вниз. Милое лицо. Такие девочки в школе обычно играют Снегурочек на новогодних праздниках. Тонкие ниточки бровей, острый подбородок. Сколько я ее помню, она всегда рисовала верхние стрелки, даже тогда, в девятнадцать лет.

Папа в офицерской форме и фуражке. На лице — ирония. Его нельзя назвать красавцем, но обаянием он был наделен сполна. Помню, как только выходил на экраны какой-нибудь громкий фильм, знакомые женщины говорили отцу, что он похож на главного героя, то на Миронова, то на Нахапетова, то

на Александра Михайлова. Была в нем та самая изюминка, которая делает актеров любимыми, а мужчин желанными.

Мама быстро забеременела. Они расписались и поехали в Тверскую область знакомиться с мамиными родителями. Мама рассказывала, что во время этой поездки она чувствовала себя очень неловко, ей казалось, что папу смущала бедность, которую он увидел в бабушкином доме. Мамины родители жили в деревянной двухкомнатной избе, дедушка был плотником, бабушка медсестрой. С ними еще жили две младшие сестры-близняшки.

Оттуда отец повез мать на Украину. Его семья жила в селе на Донбассе. Дедушка работал директором школы, бабушка — учительницей младших классов. Благополучная сельская интеллигенция. У них был добротный кирпичный дом, каменные сараи, строились гараж и летняя беседка. Мама попала в рай.

Папе оставалось дослужить несколько месяцев, он оставил беременную жену и уехал в Советск.

Когда он перестал писать, мама тосковала, отправляла письмо за письмом, ходила на почту за ответами, но их все не было. Вернуться он должен был осенью, а летом родилась я.

Когда вернулся, они долго выясняли отношения, и папа признался, что полюбил другую женщину, генеральскую дочку (кажется, он один раз даже ездил к ней после службы, но этот роман долго не продлился).

В декабре мать собрала вещи, взяла меня и поехала к родителям.

Об этой поездке мать вспоминала не раз. Ехать нужно было больше суток. Она в суматохе плохо продумала детали. В поезде у нее закончились сухие пеленки и ползунки. Когда выезжала, грудь была полна молока, но, как только села в поезд, молоко исчезло. В поезде плохо топили, на улице стояли морозы. Я так орала, что сбегались люди из соседних вагонов. Помогали, кто чем мог, проводница принесла сухих вагонных простыней, кто-то из пассажиров раздобыл молока. Я не раз представляла себя на месте матери в те часы, и меня охватывала паника. Наверное, это же чувство испытывала тогда и я, голодная, мокрая, испуганная, по непонятной причине вырванная из привычного уюта.

Наш приезд не обрадовал ее родню. В доме была небольшая кухня с русской печью и комната, где ютились баба с дедом, две маминых сестры, а теперь еще мы. Я орала дни и ночи напролет. Не знаю, сколько месяцев мы провели там, но все это время украинские бабушка с дедушкой уговаривали отца поехать и забрать молодую жену с ребенком. Однажды он за нами приехал.

Три года мы прожили в селе, еще девять — в поселке Чумаки. Моему отцу дали квартиру как молодому специалисту. Мама работала в аптеке, папа начальником участка на шахте. Меня отдали в детский сад. Из рассказов матери я знаю, что отец много времени проводил в компании шахтного руководства. Они пили пиво в местном баре, играли в футбол, устраивали пикники в лесу за поселком. Родители прожили вместе около двенадцати склочных лет. Потом на шахту в маркшейдерский отдел пришла работать молоденькая, яркая, ягодно-малиновая Эличка. Отец влюбился и ушел к ней. А мы с матерью остались жить в старой обшарпанной двухэтажке с печным отоплением, в окружении угольных сараев.

Помню, когда была маленькой, я липла к нему, как шелковая ткань. Из всех поздних гостей папа носил меня, сонную, на руках. А я говорила всем, что когда вырасту, выйду замуж за папу. Когда подросла, ходила с ним за пивом, на

футбол. Отец ехал заправлять машину бензином — я всегда сидела на заднем сиденье. После школы заходила на шахту, сидела в кабинете и стучала на печатной машинке, пока он не закончит работу.

Когда отец ушел из семьи, наши отношения не прервались. Он познакомил меня с молодой женой, мы подружились. Я часто гостила у них, проводила каникулы.

Не знаю, видел ли Шубин ядерным зрением всю трепетность моей дочерней любви, но своей подземной угрозой он попал в точку.

8

В детстве у меня было живое воображение. Помню, я придумала, что у нас в квартире поселился маленький домовой по имени Юра. Я рассказывала о нем матери, сочиняла приключения, которые переживали мы с Юрой, когда родителей не было дома. Я была так увлечена своим персонажем, что однажды поверила в его реальность, и когда родители оставляли меня одну, шарила под столами и кроватями, пытаясь его найти.

В ту ночь, первую после встречи с Шубиным, в моей голове до утра вертелась карусель. То мне казалось, что никакого Шубина не было, а вся эта история мне приснилась, когда я пьяная уснула на поляне. То мне казалось, что Шубин был, но только лишь как мимолетное видение, как галлюцинация, вызванная страхом после падения. Под утро мне стало казаться, что Шубин всегда был в моей жизни, только раньше я его не замечала, а все мужчины, с которыми у меня были отношения, уже давно поселились на дне забытой штольни на глубине девятисот метров.

Больше всего меня беспокоил отец. А что, если все это мне не приснилось, не померещилось? Если действительно Шубин сидит в своем шурфе и ждет от меня мужчин, а я, думая что все это игра воображения, не стану их доставлять? Что будет с отцом? Вдруг Шубин действительно чихнет рядом с ним и случится взрыв?

Я проснулась от щебета дверного звонка. Тело ломило, и побаливали ладони. Я увидела свежие царапины с въевшейся угольной пылью и тут же нахлынула уверенность: Шубин существует.

Матери дома не было, мне пришлось встать и открыть дверь. На пороге стояла Зоя. Мы дружили с ней с девятого класса и были довольно колоритной парочкой. У меня рост сто семьдесят три, у Зои — сто пятьдесят. Когда мы с ней наряжались на дискотеку, она страшно раздражалась, если я надевала туфли на каблуках. У нее вся обувь была на гигантских платформах, но стоило мне всунуться в свои лодочки, Зойкины платформы тут же теряли эффективность. Еще она комплексовала из-за своего веса. В высоту она была мала, а в ширину велика. Но все остальное великолепно. Она говорила, что ее бабушка по отцовой линии была цыганкой: длинная копна каштановых волос, сияющие, как светофоры, темные глаза, ресницы, как взлетающие лучи, пухлые, изящно вылепленные губы, белоснежные, аккуратно упакованные зубы. Она могла бы сниматься в рекламе шампуней, губной помады или туши для ресниц. Ее голова была идеальна.

— Мамка дома? — шепотом спросила Зоя.

— Неа.

— А где она?
— На рынок, наверное, поехала.
— А чего ты в пижаме до сих пор? — подкрутила громкость Зоя.
— Только проснулась.
— Пойдем за травой?
— Куда?
— В Камышатку.
— Ты посадила там траву?
— Не. Там прям на обочинах растет.
— А разве ее можно курить?
— Можно.
— Не гони. Если бы от нее перло, твои дружки ее бы уже выкосили.
— Они еще не знают, что от нее прет.
— А ты откуда знаешь?
— Знаю.
— Пробовала, что ли?
— Нет. Мне сказали.
— Кто?
— Дед Пихто.
— Ну и иди сама за своей травой!
— Да ты не кипешуй! Хилый сказал, что Циклоп недавно попробовал и ему вставило. Пойдем, а то ничего не останется.

Курить траву Зою приучил ее парень по кличке Хилый. Свое прозвище он получил из-за худой и сутулой фигуры. Звали его, кажется, Сергей, а фамилия вроде бы Яковенко, но об этом давно никто не помнил, кличка, как имплантат, давно стала его частью. Он был ярким представителем поселковой гопоты, и всем худшим в себе Зоя была обязана Хилому.

Я траву не курила, но решила пойти. Зоя работала сменным механиком компрессорных установок и знала много шахтных сплетен. Пока я одевалась и жевала бутерброд, она рассказала, что ее родители уехали с ночевкой к бабушке и мы после Камышатки стразу пойдем к ней сушить траву.

На автобусе до Камышатки не долго, минут десять, но ходили они редко, зачастую ждать приходилось дольше, чем ехать. Зоя предложила идти пешком, чтобы «растрясти булки», она всегда думала о своей фигуре.

Чумаки находились на возвышенности. Мы вышли из поселка, и асфальтовая дорога плавно пошла вниз. Минут пятнадцать мы шли по наклонной. Внизу было поселковое кладбище, поворот и подъем. Возле кладбища — автобусная остановка «Космическая». Выходишь на «Космической» — попадаешь на кладбище. Село лежало в стороне от трассы, чтобы до него добраться, следовало повернуть по асфальтовой дороге вправо, подняться на холм и спуститься вниз. Когда мы с Зоей оказались на вершине, у меня захватило дух: на зеленых лугах паслись коровы, блестела извилистая прожилка реки, берега окаймляли богатырские вербы, издалека едва-едва слышалось хоровое пение лягушек, пахло степью и ветром.

Мы пошли вниз к селу по самой короткой и самой узкой тропе. С детства любила эти холмы. Ранней весной они покрывались гусиным луком — миниатюрными желтыми цветами, похожими на звезды. Они росли неравномерно — то сгущались, то растягивались в дугообразные полосы. А в сумерках ярко-

желтый окрас мерцал, и тогда бугор становился похож на перелицованный купол планетария.

В мае место гусиного лука занимали дикие тюльпаны. Много тюльпанов, тюльпанье иго. Букеты наполняли дом таким густым ароматом, что воздух можно было резать ломтями и использовать вместо мыла.

К началу августа выпускал свои стрелы ковыль. На холмах всегда ветрено, и его пряди тянулись шелковыми струями вслед за ветром, как речные водоросли за придонным течением. Верные адепты воздушного ордена, бьющие поклоны колышущейся стихии. Ковыль — это седина холмов, молитва степей.

— К деду будешь заходить? — спросила Зоя.

— Что я ему скажу? Привет, дед, мы пришли за травой? Не будем.

— Давай зайдем, водички попьем.

— Из колодца попьем.

Когда мы проходили мимо дедушкиного проулка, я опустила глаза, словно взгляд мог выдать меня и тонкими сигналами сообщить деду о моем нечестивом визите. У соседей под забором лежала свежескошенная трава, они готовили сено для своей коровы. Бабушка умерла зимой, когда мне было семнадцать, и дед сразу после похорон поскользнулся и сломал шейку бедра. Восстановиться он так и не смог, с тех пор передвигался только на костылях. Он не выходил из двора, отец раз в неделю приезжал и затаривал деда продуктами. Случайная встреча с дедом была исключена.

Первые три года моей жизни прошли в дедушкином доме. Но почему-то в ранних воспоминаниях нет родителей, словно я сирота. Есть бабушка, которая разучивает со мной стихотворение «У лукоморья дуб зеленый», есть дедушкин директорский кабинет с красным флагом, гигантским столом и россыпью диковинных вещиц на его поверхности: дыроколом, чернильницей, перьевой ручкой, бюстиком Ленина, кусочками мела в жестяной баночке, колодой карт, отобранной у двоечника. Есть залитый солнцем сельский двор, бабушкины флоксы, вареники с вишнями, влажные, только вылупившиеся цыплята, кошка, окотившаяся на чердаке, принцессы из молодых кукурузных початков, печеная картошка, ранняя черешня, быстрые купания в холодной реке, сон в гамаке под яблоней.

Проходя по родной улице, я заметила, как покосился забор у Комаровых, как просела крыша у бабы Нюры, как облупилась краска на Евтушенковых воротах. Мне кажется, я могла бы пройтись по окрестностям с закрытыми глазами и на ощупь опознать каждый камень, каждую скамейку, каждый куст бузины.

Я подтолкнула Зою к разговору о начальнике, но ничего полезного для себя я не узнала. Кирилл Семенович лет пять назад сошелся с молодой бабой с откатки и с тех пор в порочных связях замечен не был. Зато Зоя рассказала, как однажды в ночную смену к ней пришел Евдошин с бутылкой шампанского и...

— Зоя, зачем?

— Я давно хотела Хилому изменить. У меня же кроме него никого не было. А я ни разу не кончила. Он и так старается и сяк. И ничего...Ну я и решила с другим попробовать.

— И что?

— Да ни фига.

Евдошин, начальник бурцеха — известный шахтный ловелас. Когда я

ночью в уме составляла для Шубина примерный список подлецов и грешников, он был в числе первых.

— Блиииин! — вдруг остановилась Зоя. — Офигеть! Посмотри, сколько здесь.

Мы шли по центральной улице села. Дорога вела к магазину. Ряд домов закончился, и впереди виднелся мост, и тут же, по краям тропинки, ведущей вниз к реке, буйствовали заросли сочной конопли с Зоин рост. Она окунулась в зелень и достала пакеты.

Набрав травы, мы вернулись в поселок и пошли к ней домой. Зоя ободрала соцветия, разложила их на противне и включила духовку. Пока трава сушилась, мы резали салат из огурцов и жарили картошку. Зоя сказала, что после укурки всегда нападает жор и нужно быть готовыми. Потом она достала несколько сигарет и стала вытряхивать из них табак. Когда конопля высохла, она положила на газету жменю, прикрыла другой газетой и стала мять скалкой. Измельченную в порошок смесь Зоя аккуратно загнала в одну из выпотрошенных сигарет. Мы пошли на балкон и сели на пол, чтобы не заметили соседи. Зоя подкурила и сделала затяжку — набрала полные легкие, а потом выпускала дым маленькими порциями. Потом еще одну. И еще.

— Ну что? — спросила я.

— А хрен его знает! — ответила Зоя.

— Дай попробовать.

— На. Только с первого раза все равно не вставит. Нужно вкуриться.

Зоя протянула косяк, и я, подражая ей, сделала глубокую затяжку. У меня перехватило дыхание. Мне показалось, что я вдохнула порошковую смесь из ржавых гвоздей. Я закашлялась. Она забрала у меня сигарету и сделала еще несколько затяжек.

— Ну что, прет? — снова спросила я.

— Что-то я не пойму, — ответила Зоя.

Когда она докурила, мы пошли на кухню и сели за стол. Зоя, как школьница, сложила руки на столе и ждала «прихода». Меня разобрал смех. Я представила физиономию Циклопа, который всем рекомендовал камышатскую траву.

— О, ржешь, у тебя приход, — сказала Зоя.

— А ты почему не ржешь? Ты же больше выкурила.

— Может, еще одну выкурим?

— Выбрось всю эту дрянь. И Циклопу не говори, что ходила за травой. Иначе он без косяка оборжется.

— Ты думаешь, развел?

— Конечно, развел.

— Вот козел. Давай хоть картошки пожрем.

Когда я вернулась домой, мать лежала на диване и смотрела передачу о свадебных обрядах на Руси. С экрана лилась чистая мелодия, голос незамутненной народной души, песни, рожденные сотни лет назад.

— Есть будешь? — спросила она.

— Я у Зои поела.

— Что вы там ели?

— Картошку.

— А я толстолобика на рынке купила, пожарила...

Мать работала шесть дней в неделю с восьми до восьми, а в воскресенье падала на свой диван и смотрела какой-нибудь концерт. С мужчинами на поселке было плохо, все нормальные жили с семьями, в холостяках ходили исключительно алкоголики. Когда ушел отец, к матери несколько раз приходили свахи с потенциальными опухшими женихами пить ознакомительный чай. Но все встречи заканчивались разочарованиями.

Через пару лет разведенной жизни к ней прибился рыжий Шурик. Он был моложе на несколько лет и ниже на полголовы. У него были белобрысые ресницы, красноватая кожа и большие кулаки.

Шурик женился еще до армии, но когда вернулся, сразу развелся, до него дошли слухи об измене жены. От недолгого брака был сын, которого воспитывала бывшая жена. А Шурик жил с родителями в частном доме, пас корову, рыбачил, сажал огород.

Он часто оставался ночевать у матери, обожал ее фирменные ватрушки и сырники. Но была в нем одна неприятная особенность. Как только у матери появлялись проблемы — нужно было перебросать в сарай машину угля, посадить картошку, сделать ремонт, или же она попадала в больницу — у Шурика сразу возникали важные дела и он исчезал на недельку-другую.

Яркая была женщина моя мать, целомудренная, работящая и готовила прекрасно, и не пила, и не курила, но личная жизнь не сложилась. Некачественную, бракованную судьбу выдали ей при рождении. И пожаловаться некому. Где небесное общество по защите прав потребителя? Нет его. Некому слать письма.

—Там еще клубника в литровой банке, Шурик притащил, — вспомнила мать.

— А сам где?

— Домой пошел, ему рано утром корову на пастбище выгонять.

Я прошла в свою спальню, легла на кровать и мгновенно отключилась. То ли камышатская конопля подействовала, то ли убаюкала песня из телевизора.

9

Работая в бухгалтерии, я видела, как составлялись липовые договора на невыполненные работы, как рабочие, расписавшись за неполученные деньги, клали в карман свои три копейки и шли в шахтную столовую покупать самогон из-под прилавка. Регулярно списывалось и растворялось оборудование из цветных металлов. В шахтных комбинатах расцветали «подснежники». Так называли людей, которые документально числились на шахте, но не ходили на работу. «Подснежниками», как правило, были либо мелкие коммерсанты, либо местные криминальные авторитеты. Им нужен был подземный стаж для начисления пенсии в будущем, деньги их не интересовали, поэтому начисленную зарплату клали себе в карман начальники участков, растившие у себя на участках эти плодоносные клумбы.

Одним из самых выдающихся цветоводов был Анатолий Петрович Евдошин. Он неплохо чувствовал себя в девяностые, имел большой дом и белую девятку.

Стригся он коротко, но на макушке оставлял длинную прядь, чтобы прикрыть проклюнувшуюся лысину. У него были светло-голубые глаза немного

навыкате и вздутые мешки под глазами. Над губой — узкие, аккуратно подстриженные усы. Когда он надевал в холода свою фуражку, становился похож на пьющего белогвардейца. Он работал начальником бурильного цеха, занимался подготовительными работами.

Евдошин часто заходил в наш кабинет, брал талоны на зарплату всему участку, делал сверку ведомостей. Анатолий Петрович был крут, на его участке числилось около десятка «подснежников».

В то время бухгалтерия еще не была компьютеризирована. Все ведомости и рапорта заполнялись от руки, а потом отвозились в город на вычислительный центр. Каждый месяц наши начальники отвозили документацию. Иногда с вычислительного центра звонили и просили, чтобы документы, для сверки данных, сопровождал кто-нибудь из бухгалтеров.

Однажды меня отправили с Евдошиным на ВЦ. Мы сдали бумаги, сделали сверку и поехали обратно. Когда мы проезжали заброшенный сквер, он остановился и сказал, что машина барахлит, вышел, полез в багажник, потом позвал меня, якобы ему нужна помощь. Я вышла. Он тут же набросился на меня и стал целовать. Да так яростно, что я подумала, он хочет отгрызть мне губы. Я кое-как отбилась, обругала его, и мы вернулись на шахту.

В конторе, в табельной, в диспетчерской, на откатке, в бане, в ламповой, в компрессорной работали в основном женщины. Некоторые специальности предполагали ночные смены, поэтому шахтная жизнь кишела интригами и страстями.

Мои одноклассницы Лида Малиновская и Лена Прозорова работали в табельной. Однажды Лида рассказала, как Евдошин пригласил их с Леной к себе домой.

Они набрали вина, водки и куриных бедер. Лида рассказывала, что у Евдошина в доме четыре или пять комнат, хороший ремонт, дорогая мебель и камин.

Пили весь вечер, пекли в духовке курей, слушали музыку, танцевали. Анатолий Петрович хотел переспать сразу с обеими, но подруги так напились, что облевали всю его двуспальную кровать и ковер.

Евдошин был легкой добычей, и я решила начать с него. По моим наблюдениям, для постельных утех он, как правило, выбирал пергидрольных блондинок до сорока, с ярким макияжем, грудью третьего-четвертого размера, узкой талией и полными ляжками, обтянутыми брюками-стрейч. Но тот случай в сквере и история с Зоей показали, что он всеяден.

Когда в понедельник утром я пришла на работу, начальница встретила меня смешком:

— И где это мы пропали в субботу? Кирюша вернулся перепуганный, ты бы его видела.

Я была не готова к этому вопросу, потому что все последнее время разрабатывала тактику и стратегию сбрасывания в шурф поселковых негодяев, поэтому ответила первое, что пришло на ум:

— Я арбуза объелась, захотела в туалет. Пошла искать кусты погуще, ну и... угодила в коровью лепешку...

— Ну и что, помыла бы ногу в ручье и вернулась бы, делов-то, — хохотнула Марья Семеновна.

— Не ногу... — тихо сказала я.

— А что? — спросила Галина Петровна.

— Дело в том, что меня повело в сторону, видимо из-за вина, ну да, я немного лишнего выпила, и я уселась прямо в кучу ...

Женщины заржали. Я продолжила:

— Ну не возвращаться же мне в таком виде? Ну шо вы ржете? У человека горэ, а они ржут!

Они хохотали еще громче и сквозь смех выбрасывали советы:

— В ручейке нужно было помыться! И-хи-хи!

— Помылась бы дома и вернулась, тебя Кирюша около часа в лесу искал! У-ху-ху!

— А зачем мыться? Пусть бы почувствовал запах женщины! А-ха-ха!

— Да ладно вам, — сказала я, сделала обиженное лицо и уткнулась в документы.

— Ты позвони ему, а то он уже с утра прибегал, о тебе спрашивал. Волнуется, — сказала Аллочка сквозь смех.

— А что я ему скажу? Извини, Кирюша, невеста облажалась?

— Придумай что-нибудь, скажи, что стало плохо от вина.

Я набрала номер отдела нормирования, пригласила к телефону Кирюшу и сочинила историю о том, как мне вдруг стало плохо от сухого вина и как я бежала домой, подавляя позывы.

После этого достала лицевые счета рабочих бурцеха и стала искать, к чему бы придраться: мне нужен был повод, чтобы пойти в нарядную к Евдошину.

В кабинет заглянула главный бухгалтер Марина Александровна и пригласила начальницу к себе. Говорили, что в молодости у нашей главбухши была осиная талия, сейчас в это трудно было поверить, к сорока пяти годам она превратилась в гигантскую осу. Ее мужем был предыдущий директор шахты, Анатолий Степанович Опанасюк. Она покорила его сердце еще во времена осиной талии, увела из семьи и родила сына. В последние годы Анатолий Степанович работал в объединении заместителем генерального директора, а Марина Александровна так и осталась на нашей шахте. Здесь же в геологическом отделе работали бывшая жена и дочь Анатолия Степановича.

Галина Петровна вернулась от главбуха и стала рыться в столе. Она дошла до самого нижнего ящика, распрямилась и бросила на стол стопку ведомостей:

— Ешкин кот! Несколько ведомостей забыли подшить! Нужно срочно везти...

Она вышла из кабинета.

— Ставьте чайник, — сказала Марья Семеновна, — сейчас кого-то погонят ведомости отвозить, а я по куску торта принесла, после дня рождения остался.

— Угадайте с трех раз, кого? — спросила я.

— Кого? — спросила Аллочка.

— Сейчас начальница войдет и скажет: Аня, метнись кабанчиком на вычислительный... — произнесла я, копируя манеру начальницы.

Не успела я закончить фразу, как вошла Галина Петровна и сказала:

— Аня, метнись кабанчиком на вычислительный, ты же самая молодая. Директор машину дал, поедешь с Евдошиным, иди, он тебя ждет возле комбината.

— Торт мой не сожрите, — сказала я уже в дверях.

Вчера днем я думала о Евдошине, ночью думала о Евдошине, все утро

думала только о Евдошине, и вот пространство преподнесло мне такой подарок — Евдошина на машине с голубой каемочкой. И вдруг, сбегая по ступенькам комбината к его девятке, я осознала, что это не случайность, а происки Шубина. Он своим ядерным зрением увидел мои тайные замыслы и выгодно подстроил ситуацию.

— Ну что, Анька, рассказывай, как жизнь молодая, непутевая, — сказал Евдошин, когда мы тронулись с места.

— Плохо, — ответила я.

— Что ж так?

— Марья Семеновна торт принесла, «Птичье молоко». Наши сейчас будут пить чай, а я трястись в машине по жаре.

— Что ты за человек такой, Анька? Сколько с тобой общаюсь, никак не могу понять. Ни нежности в тебе, ни мягкости. Едкая, как щелочь. Вроде и девка симпатичная, а выглядишь, как пацан. Стрижешься коротко, постоянно в штанах, мокасинах каких-то. А к чему эта футболка дурацкая с Микки Маусом? Монстр какой-то....

— Чтобы вас отпугивать, — ответила я, уставившись в окно.

— У тебя же фигура стройная, задница хорошая, ноги длинные, почему ты этим не пользуешься? Перекрасься в блондинку, волосы отрасти...

— Может, мне еще и сиськи отрастить?

— В тебе же все хорошо, без изъянов, — он, как маркером, очертил меня взглядом с головы до ног, — размер ноги, правда, великоват, какой у тебя, сороковой?

— Тридцать девятый! — возмутилась я, хотя у меня действительно был сороковой.

— Юбку короткую надела бы, туфли на шпильке...

— Да я со своим сто семьдесят третьим ростом и тридцать девятым размером обуви на трансвестита буду похожа в этих ваших шпильках!

Он захохотал.

— А что ты мне все выкаешь, может на ты перейдем?

— Давайте перейдем, — равнодушно ответила я.

— Не давайте, а давай.

— Давай, — повторила я.

— Может, заедем ко мне после вычислительного? Шампанского выпьем, я тебя клубничкой угощу. В этом году ее столько, что не знаю, куда девать, соседям раздаю. Вот такая, с кулак! Наберешь себе домой ведерко. Поехали?

Он посмотрел на меня так, что я сразу поняла, какой клубничкой он хочет меня угостить. Я обрадовалась, главное, чтобы рыбка не сорвалась с крючка.

— Не, сейчас не могу. Мне еще ведомости обсчитывать нужно.

— Давай вечером встретимся? — спросил он осторожно.

— Давай!

— У меня?

— Нет! У тебя соседи — глаза и уши. Зачем мне это нужно. Давай устроим пикник в лесу? У меня есть любимая поляна, вся терновником окружена. Рядом дуб раскидистый и трава мягкая-мягкая...

— О! Да ты романтичная девушка, оказывается, — усмехнулся Евдошин, — где встретимся? Во сколько?

— Давай на остановке в восемь? Если кто-нибудь потом спросит, скажу, ехала к деду в Камышатку, а ты, типа, меня подобрал.

— Кто будет спрашивать, что ты чухаешь?

— Ну, если тебя что-то не устраивает...

— Ладно, договорились...

Когда я вернулась в отдел, мой кусок торта ждал меня на блюдце. Я съела десерт, запила остывшим чаем и пошла в плановый отдел за сплетнями. Когда вошла в кабинет, у меня внутри, в районе солнечного сплетения, как в брюхе кипящего чайника, забурлили горячие пузырьки — на стуле перед столом начальницы планового отдела сидел, закинув ногу за ногу, Тетекин Владимир Андреевич. Начальница писала какой-то список, а Тетекин качал ногой и улыбался во весь свой красивый рот. В кабинете помимо плановиков и Тетекина находились главный маркшейдер и начальник техотдела. Вид у них был заговорщический, как у петрашевцев.

— Привет, бухгалтерия, — сказал мне Тетекин.

— Здравствуйте, Владимир Андреевич, — ответила я.

В плановом отделе работали две мои ровесницы — Женя и Света, к ним-то я и направлялась. Начальница планового Тамара Петровна подняла глаза и спросила Тетекина, кивнув в мою сторону:

— Ее записываем?

— Конечно, записываем, — ответил он.

— Куда это? — спросила я.

— Списки на сокращение, — ответил главный маркшейдер.

— Списки на лишение премии, — возразил ему начальник техотдела.

— Списки на увольнение, — ответила начальница планового.

Пока я думала, что бы им такое ответить, Света разъяснила:

— Пьянка в субботу, — сказала она.

— По поводу? — спросила я.

— Юбилей шахты. Сорок лет назад началось строительство. Кадровики пришли с утра на прием с требованием банкета, — сказал Тетекин.

— Нормальный повод, нормальная пьянка ... — сказал, как бы оправдывая кадровиков, главный маркшейдер.

— Для нормальной пьянки повод не нужен, — сказал начальник техотдела.

— Я директору сказал: народ требует праздника! Он обещал выделить транспорт и деньги на водку, остальное, говорит, сами, — продолжил Тетекин.

— Да скинемся все понемногу! Что нам надо! — сказала плановичка.

— Нужно сначала определиться, кто в списках, а потом уже рассчитывать и скидываться, — сказал маркшейдер.

— Бухгалтерия, рассчитаешь? — спросил меня Тетекин.

Мне показалось, что он со мной заигрывает. Я еще немного постояла недалеко от входа и тихонько ушла, сославшись на обилие работы.

— Представляете, шахте сорок лет, пьянка намечается, — сказала я своим женщинам, вернувшись на рабочее место.

— Мы уже слышали, приходили из кадров, когда ты на вычислительном была, — ответила Галина Петровнаа.

— По пятьдесят гривен предлагают сбрасываться, — добавила Аллочка.

— Совсем обалдели, — сказала Марья Семеновна, — я себе лучше босоножки куплю. У меня вон каблуки скоро отвалятся.

— Не пойдете? — спросила я.

— Не знаю, — сказала Аллочка, — я у Сашки спрошу. Да мне и надеть нечего...

Я тоже думала об одежде, но меня беспокоил не столько юбилей шахты, сколько близкое свидание с Евдошиным. Мне хотелось выглядеть сногсшибательно, чтобы достойно провести человека в новую жизнь.

Мы жили небогато, поэтому мать, когда исполнилось пятнадцать, отправила меня на кружок кройки и шитья. Ходила я туда недолго, месяцев пять, но шить научилась. Мать купила мне швейную машинку и пару журналов Burda Moden. Я пересняла оттуда несколько основных выкроек и шила себе юбки, несложные блузы, брюки и жакеты.

После работы я откопала в шкафу недошитую юбку-карандаш светло-коричневого цвета с завышенной талией. Я хотела надеть ее на прошлогоднее рождество, но так и бросила незаконченной. Осталось отстрочить низ, и я тут же села за работу.

Эта юбка отлично сочеталась с шелковой блузой молочного цвета, моей любимой, с глубокой английской проймой и воротником-стойкой. Я купила ее прошлым летом ко дню рожденья. Туфли я решила надеть бежевые, на высоком каблуке, которые мать покупала на выпускной. Они были маловаты, жали, натирали пальцы, но мне хотелось, чтобы поджопник, которым я отправлю Евдошина в увлекательное путешествие, был как можно более изысканным.

Подшив и проутюжив юбку, я выкупалась. Долго укладывала волосы. Шапочка моя отросла и стала походить на короткое каре. Концы я подкрутила вниз, а челку уложила высокой волной а-ля Мэрилин Монро.

Нарисовала верхние стрелки, подкрасила ресницы, губы покрыла кораллово-розовой помадой, надушилась французскими духами «Магнолия», подаренными отцом.

Держись, Петрович, скоро ты упадешь в обморок.

По поселку я не шла, а парила, так приятно было ощущать себя женственной и нарядной. Но когда подошла к остановке, меня перекосило от злости.

— Е-мое, ты дурак? — зашипела я, сев в машину.

— В чем дело? — ответил Евдошин, трогаясь с места.

— Я же тебе сказала, что буду стоять на остановке. А ты подъедешь и как будто случайно меня подберешь! А ты стоишь, как идиот, у всех на виду!

— Что ты кипятишься! Кому какое дело?

— Будут потом языками чесать, мне оно надо?

— Кого ты так боишься? Деда того в очках? Или тетку с ребенком? Они даже не посмотрели в твою сторону!

— Тетка посмотрела!

— Ну и хрен с ней, с теткой. Выглядишь обалденно! Я тебя издалека даже не узнал!

— Для тебя старалась, — сказала я.

— Хватит губы дуть! Нервы — в сторону! Улыбнись, красавица.

— А куда мы едем?

— Ну, ты же на природу хотела.

— Не на эту, на другую.

— Какая разница?

— Поворачивай.

— Слушай, что ты мне голову морочишь. То не так стоишь, то не туда едешь! Ты хотела на природу, я везу тебя на природу.

— Ты везешь меня не на ту природу. Мне нужна другая. Останови машину.

Евдошин остановил машину, раздраженно ударил кулаками по рулю и посмотрел на меня:

— У тебя с головой нормально?

— Нормально.

— Так хули ты мне голову морочишь?

— Мы договаривались, что поедем на мою любимую поляну, а ты везешь меня фиг знает куда!

— Какая тебе разница. Может, та поляна, которую я тебе сейчас покажу, окажется круче.

— На другую не поеду!

Он остановил машину и повернулся ко мне, будто для важного, основательного разговора.

— У меня с тобой еще ничего не было, а ты мне уже начинаешь надоедать.

— Ну, хрен с тобой. Я пошла.

Я надавила на ручку, пытаясь открыть дверь. Он зажал мою руку, притянул к себе и стал целовать в губу. Ничего не изменилось, такой же грубый, деревянный поцелуй. Вскоре он отстранил меня и прошептал:

— Анька, что ты со мной делаешь?

Он снова завел машину:

— Показывай дорогу.

Близко к шурфу на машине подъехать было невозможно, поэтому мы остановились на поляне, где праздновали день рождения Марьи Семеновны. Я сказала Евдошину, что здесь придется немного пройти пешком, и он, подавляя раздражение, достал из багажника пакет с алкоголем и жаккардовый плед. Мы спустились вглубь посадки по той же тропинке, по которой несколько дней назад шли с Кирюшей, перепрыгнули ручей в самом узком месте и оказались на финишной прямой.

Автомобиль — украшение мужчины. Когда Евдошин сидел за рулем, он выглядел уверенным, мужественным, нагловатым. Он словно паразитировал на своей девятке, пил из нее сок осанистости и величавости. Глядя на него в салоне, я понимала, чем он очаровывал своих многочисленных любовниц разных возрастов.

Но здесь, на природе, среди деревьев, Евдошин сморщился, ссутулился, утратил свою значительность. Лес подавил его, превратил в стареющего некрасивого мужичка с мешками под глазами и лысеющей головой. Рубашка на тюленьей спине взмокла от жары и быстрой ходьбы, живот, как сноп сена, опоясывался широким ремнем, дорогие плетеные туфли, как черевички гнома, нелепо задирали вверх свои кожаные носы. Каково было бы мое разочарование, если бы я действительно решила отдаться этому человеку.

— Вот мы и пришли, Анатолий Петрович, — сказала я.

— Толик. Называй меня Толик, — ответил он, доставая из кармана носовой платок и вытирая пот с раскрасневшегося лица.

Мы расстелили плед в самом укромном и тенистом месте, в двух шагах от края шурфа. Я надеялась, что Евдошин сам вступит в опасную зону и провалится, и мне не придется ему в этом помогать. Евдошин достал из пакета

две бутылки шампанского, прозрачный судок с мытой клубникой и два пластиковых стаканчика, снял влажную от пота рубашку, разулся и в одних брюках сел на подстилку.

Мне стало не по себе. То, что мне предстояло сделать, в играх воображения казалась отчаянной, но несложной и даже в своем роде привлекательной процедурой, но чем ближе к ее осуществлению я подходила, тем страшнее и кощунственней мне казалось задуманное.

— Налей мне шампанского, Толик, — попросила я.

— Эх, жаль, нагрелось, — сказал он, открывая бутылку.

Евдошин занимался бутылкой, и я впервые заметила, что большой палец левой руки у него изуродован — он приземист и, как молодой гриб, округло расширен кверху. А из самого центра «шляпки» растет узкий, похожий на крюк, ноготь. Я все еще стояла над ним, и он, глядя на меня снизу вверх, похлопал по пледу рядом с собой, приглашая меня занять свое место:

— Разувайся и садись.

Как же мне стыдно было снимать туфли, мне казалось, что проще обнажить грудь, чем ступни и пальцы. Я разулась, села и зарыла ступни в густую траву. Анатолий Петрович протянул мне стаканчик с шампанским.

— А что у вас с пальцем? — спросила я.

— Ой, ну опять*! У тебя*! Что *у тебя* с пальцем!

— Я еще не привыкла...

— Ну, так привыкай уже. А палец — это в детстве рвануло самопалом. Как шампанское?

— Сладкое.

— Любишь сладенькое?

— А клубничку можно взять?

— Конечно. Я же для тебя собирал.

— Какая огромная!

— Гигантелла. Я ее конским щавелем удобряю. Нужно его нарубить с треть ведра и залить теплой водой. И пусть настаивается неделю или две. А потом этой жижей удобрять.

— Под кусты?

— И под, и сверху. Видишь, какая? Дай свою руку. А теперь сожми. О, клубничина, с твой кулак!

Евдошин разжал мой кулак, склонился и стал целовать ладонь.

— Толик, налей, пожалуйста, еще шампанского.

Он повернулся, нащупал бутылку и наполнил мой стакан.

— А ты почему так мало пьешь? — спросила я.

— Сладкое не люблю.

Я поднесла свой стаканчик к его губам и стала поить. Он сделал несколько крупных глотков. Было начало десятого, начинало смеркаться, от каждого дерева на восток ползли живые, протяжные тени.

— Наконец жара спала, — сказал Евдошин. Он поднялся, расстегнул ремень и стал раздеваться. Делал он это расслабленно и несколько кокетливо, как женщина, осознающая свою красоту.

Анатолий Петрович аккуратно свернул брюки, положил их на край покрывала и уселся рядом со мной. Мой рот сковал тяжелый поцелуй. Евдошин уложил меня повелительным жестом и набросился, как волк, давно не евший

зайчатины. Пока его губы жевали мой рот, рука, словно циркуль двигалась по кругу, постепенно уменьшая радиус и приближаясь к женскому центру. Он задрал мне юбку. Я зажала ноги и брезгливо ждала вторжения. Его губы, наконец, оставили в покое мой рот и поползли к уху, потом вниз от шеи к ключице и закончили движение, присосавшись к левой груди.

Я открыла глаза и, приподняв голову, посмотрела на место военного действия вражеской руки. К моим трусикам приближался палец, изуродованный самострелом, мерзкий инопланетный гад с крючковатой антенной на макушке. Я заорала от омерзения. Евдошин от неожиданности вскочил.

— Что? — только и успел спросить он.

В этот момент я приподнялась, подтянула колени к подбородку, сгруппировалась и со всей силы пнула Евдошина в пах. Мои пятки угодили в теплый, набухший комок. Он сделал пару шагов назад, застонал, присел и, не удержавшись на корточках, завалился на спину.

В этот момент трава зашумела, шевельнулась под ним и, как болото, всосала его в себя.

10

Неделя перед пикником выдалась шумная и хлопотная. По кабинетам ходили плановики со списками, собирали деньги, обсуждали меню, искали транспорт, решали, кто сварит компот.

Из нашего отдела собирались на праздник только я и Галина Петровна. Аллочку муж не пустил, Марья Семеновна пожалела денег, хотя, подозреваю, не обошлось без недоброй воли Виктора. На подобные пиры, организованные шахтной элитой, приглашали только начальников участков и конторских женщин, поэтому горнорабочие мужья всегда держали оборону и старались не пускать своих конторских жен на распутные мероприятия.

Решили, что основным блюдом будет шурпа из баранины и овощей. На закуску хлебные лепешки, колбасная нарезка, домашний сыр, шпроты. На десерт — компот, который согласилась сварить Татьяна Мадамовна, и клубника, ведрами продающаяся на поселковом рынке. Закупкой спиртного заведовал Тетекин. Он же организовывал транспорт, чтобы отвезти веселую толпу на место действия.

У меня тоже хватало хлопот. Прошлым летом на свадьбу двоюродного брата я сшила короткое черное платье на бретельках. Оно идеально подходило для грядущего коктейля, но я пару раз появлялась в нем на шахтных праздниках, поэтому решила освежить этот наряд. У мамы в закромах лежал кусок темно-синего легчайшего тарлатана, и я раскроила из него длинную в пол накидку, застегивающуюся на одну пуговицу на груди.

Еще я решила сбросить к выходным два-три килограмма. На работу вместо картошки и яиц брала с собой французский салат красоты. Две столовые ложки геркулеса с вечера заливала кипятком, утром добавляла горсть изюма, тертое яблоко и ложку меда. Вернувшись домой, включала магнитофон и минут сорок занималась силовыми упражнениями. Ужинала фруктами или овощами.

В эти дни мне пришлось совершать частые прогулки возле леса. Когда Евдошин в одних трусах провалился под землю, я сложила все его вещи в пакет и пошла домой. На обратном пути я достала из брюк ключи, открыла двери

автомобиля и бросила пакет с вещами в салон. На окраине поселка, в просевших домах с покосившимися некрашеными заборами, были несколько точек приема металлолома, где люди с выжженными алкоголем лицами круглосуточно принимали черный и цветной металл. Оставив девятку Евдошина возле леса открытой, я отдала ее судьбу в руки провидения. Каждый день я наведывалась к ней, совершая вечерний моцион, и с каждым днем в ней становилось все меньше деталей и фрагментов. Сначала исчезли колеса, потом стекла и двери, затем капот и внутренняя начинка. Когда я пришла проведать машину в пятницу, о ее существовании напоминала только примятая трава.

В крайнем дворе жила одинокая, пьющая женщина лет пятидесяти, и с ней — слабоумный сын, инвалид детства, по имени Богдан, моих лет, может, чуть старше. В школе он не учился, нигде не работал, а дни напролет стоял возле забора, выглядывая в самую широкую щель. Иногда его видели в посадке купающимся в ручье, на самом глубоком изгибе. Воды там было чуть выше колена, и Богдан с радостным, скрипучим визгом баламутил воду, усевшись на дно. Помню, в детстве одноклассницы рассказывали, как издевались над бедным дурачком. Несчастный парень готов был сделать что угодно, если ему обещали показать «писю». Он ел козьи какашки, спускал штаны до колен, облизывал слизь у себя под носом, ползал с лаем на четвереньках, а девочки, насмотревшись на его старания, с хохотом убегали, не выполнив свою часть договора.

У Богдана было удлиненное лицо с тяжелой челюстью, крупные, влажные от слюны губы и маленькие глаза с недораскрывшимися веками, как у двухнедельного котенка. В узких щелочках бегали светлокарие, диковатые зрачки. Сальные волосы были грубо подстрижены неумелой рукой.

Совершая ежедневный обход, я старалась оставаться незамеченной, сворачивала с дороги, наклонялась, будто завязываю шнурки, если приближался какой-нибудь случайный прохожий. Если же вокруг было пустынно, я подходила к забору крайнего дома и минут по десять играла с Богданом в гляделки.

Исчезновение Евдошина ни у кого не вызвало вопросов. Когда в четверг с вычислительного привезли готовые ведомости, сверять зарплату пришел его заместитель, Пал Геннадич, тихий старик со вставным стеклянным глазом. Он сказал, что Анатолий Петрович в отпуске, забрал талончики и ушел. Может быть, Евдошин действительно собирался в отпуск и в понедельник, перед нашей встречей, написал заявление? В любом случае мне было на руку это совпадение.

Неприятным сюрпризом было то, что в списках участников юбилейного пикника я увидела Кирюшу. Все мои старания — тарлатановая накидка, тающие килограммы, новая карминово-розовая помада и лак в тон — были посвящены Тетекину, и я опасалась, что Кирюша своим присутствием спутает карты.

На Кирюшу в последние дни я посматривала как на кандидата в команду Шубина, взвешивала все за и против. Он был зануден и неумен, но разве это грех? Поглощен игрой в теннис, но это ведь спорт, а не азартная игра. Перечитал тонны фантастической попсы, но кому он принес вред этим занятием? Кирюша хорошо учился в школе, получил высшее образование, был исполнительным служащим, уважительно относился к конторским женщинам. В будущем я видела его начальником отдела нормирования, в безукоризненном черном пальто с острыми плечами, с кожаным портфелем в руке, в каракулевой «горбачевке», седеющего, тонкого, как игла, исполнительного работника, верно-

го мужа, доброго отца. Что в нем порочного? Из него получится хороший гражданин. Но почему же мне так хотелось отправить его вслед за Евдошиным?

Мои душевные метания продолжались бы еще долго, и возможно закончились бы для Кирюши удивительным полетом, если бы в пятницу, в самом конце рабочего дня в расчетный отдел не зашел Монгол с обходным листом. Последний раз я видела этого гада пять лет назад. Он почти не изменился, только под глазами появилась сеть длинных, как паучьи лапы, морщин. Увидев его, я сжалась в комок, но он меня не узнал. Я подстриглась, перестала осветлять волосы, меньше и аккуратней пользовалась косметикой.

Он сказал свой табельный номер, протянул паспорт, и Марья Семеновна завела ему карточку. Я не знала его настоящего имени, и, когда он вышел из кабинета, я спросила Марью Семеновну, как его зовут.

— Петрунин Сергей Петрович, тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения, проживает в городе Шахтерске, на улице Вильямса, 48, — прочитала она только что записанные данные.

— А на какой участок поступил?

— На семьдесят первый. А что это ты так им интересуешься? Он старый для тебя. Да и потрепанный какой-то. Еще и горнорабочий. Плохой жених.

— Ага, горнорабочий. Полезет он вам в шахту, ждите. Акимов еще одного подснежника взял.

— Вид у него несолидный. С чего ты взяла, что он подснежник?

— Он из блатных.

— Точно! Вспомнила! — сказала Галина Петровна, — Думаю, где же я его видела. Весной на Красную горку на кладбище. Мужики напились и драться начали. А он подошел к одному и вот так пальцем ткнул вбок, и тот свалился.

Галина Петровна выставила кулак и подняла большой палец вверх, показывая «все хорошо». Затем опустила руку и большим пальцем, как ножом, проткнула воздух.

— Мне Сашка рассказывал о таком приеме. Но нужно точно знать, куда бить. Где-то на теле есть точка, нужно попасть именно в нее, — сказала Аллочка.

— А что он делал на нашем кладбище? — спросила Марья Семеновна. — У него кто-то здесь похоронен? Он же из Шахтерска.

— Наверное, кто-то из родных. Он здесь родился, — ответила я.

— Петрунин... знакомая фамилия, — задумалась Галина Петровна. — Он не Людки Петруниной с откатки сын? И похож на нее, лицо, как поганка.

— И правда, похож, — ответила Марья Семеновна.

Наш поселковый клуб располагался в небольшом двухэтажном здании. На первом этаже фойе, кинозал и несколько комнат для кружков. На второй этаж вела крутая лестница, и там, в тесном зальчике проходили дискотеки. Мы называли это помещение «курятником», потому что напоминало оно то ли чердак, то ли мансарду.

Профессиональной аппаратуры в клубе не было, кто-то из местных парней приносил из дома магнитофон с усилителями. Пол в зальчике был деревянный, по углам висели самодельные мигающие лампы. Местные дискотеки не пользовались популярностью, здесь редко появлялась заезжая молодежь, поэтому мы большой компанией ходили на танцы в соседний поселок. Там был даже не клуб, а дом культуры с уютным сквером перед воротами, широкой парадной лестницей и массивными колоннами. Дискотеки проходили в просторном фойе, дом

культуры держал в штате диджея, имел на балансе хорошую аппаратуру и светотехнику.

Обычно мы собирались большой толпой, потому что возвращались заполночь пешком. В один из танцевальных вечеров, в самый разгар дискотеки в фойе появился незнакомый молодой мужчина лет тридцати. Одет он был в спортивный костюм с оттянутыми коленями. Худой, роста невысокого. Его стриженная машинкой голова напоминала картофельный клубень. Лицо скуластое, глаза широко поставлены, казалось, он, как камбала, смотрит в разные стороны.

Он прошел сквозь гущу танцующих. Останавливался, покусывая губы, рассматривал девушек. Мы его видели впервые и подумали, что это пришел с шахты рабочий. Иногда, напиваясь, они заходили, минуя баню, темные, как нечистая сила, кого-то искали среди парней и тихо исчезали. Этот был чисто одет.

В танцзале было душно, и, вволю напрыгавшись, мы вышли подышать на крыльцо. Вот тут он ко мне и подошел. Взял за руку и сказал:

— Видишь, красная машина?

На площадке стояло несколько иномарок, одна из них была красной.

— Ну, — нагловато ответила я.

— Иди и садись на заднее сиденье. Сейчас поедем в гости.

— Я никуда не поеду!

Он крепче сжал мое запястье, дернул за руку и потащил к машине.

Я упиралась и пыталась вырваться. Он сжимал руку все больнее и продолжал тянуть за собой. Возле машины мне удалось стать в удобную стойку, я вывернулась и почти освободила руку, и тут он ловким, обезьяньим движением зажал мою голову у себя под мышкой и стал бить кулаком по макушке.

Когда я была маленькой, мы с бабушкой смотрели программу «Танцы народов мира». В одной передаче, посвященной Нигеру, я видела, как один абориген исполнял нелепый танец с барабаном под мышкой. Он дергался, стучал по барабану и вскрикивал. Наша борьба возле машины напомнила мне тот жуткий танец, только барабаном была моя голова и вскрикивал не играющий, а инструмент. Ни мои приятели, ни одноклассники, ни ухажеры, которые весь вечер приглашали на медленные танцы, сжимали в объятиях и в темноте искали мои губы, не осмелились заступиться.

Вскоре ему на подмогу прибежали братья — Лелик и Болик.

Они работали где-то в городе, сутками охраняли частную фирму и на поселке появлялись редко. Говорили, что их работодатель — криминальный авторитет Троян, их боялась и уважала вся поселковая гопота. Помню, Зоя рассказывала, как один из них, то ли Лелик, то ли Болик, пытался за ней ухаживать, приходил к ней, зазывал посидеть на скамейке возле подъезда и рассказывал анекдоты. Зоя называла его ужом.

Лелик и Болик и впрямь походили на ужей. Они были погодками, оба ростом под два метра, с длинными конечностями и продолговатыми, небольшими головами. Все вместе они скрутили меня, втолкнули в машину и повезли в ночь. Я была зажата на заднем сиденье между Леликом и Боликом, а мужик с картофельной головой сидел за рулем. Я рыдала и причитала: «Отпустите!», но они не смотрели на меня. Вскоре им, видимо, надоел мой вой и водитель сказал:

— Заткнись!

Он резко развернулся и метнул мне в лицо кулак. Он попал в переносицу, из носа потекла кровь. Я не стала ее вытирать, она лилась и лилась. В тот день я надела новую шелковую блузку цвета «пепел розы» и светло-коричневую юбку из микровельвета. Летом перед одиннадцатым классом мать устроила меня на два месяца на шахту, я сидела в архиве и стирала пыль с документов. Блуза и юбка были куплены на деньги, которые я получила за свою работу. Это были мои первые настоящие — не перешитые, не перелицованные, не заказанные в ателье из завалявшегося отреза, а настоящие, импортные, купленные в городе на рынке. Но когда я увидела, как на них ложатся безобразные бурые пятна, мне вдруг захотелось получить еще один удар и залить кровью все нетронутые промежутки. Я стала стонать «Отпустите! Отпустите! Отпустите!», но водитель больше не реагировал. А Лелик и Болик, отвернувшись от меня, смотрели на мельтешение фонарей за окном.

Ехали мы минут тридцать. Сначала машина повернула в сторону города, затем, не доезжая до окраины, возле переезда свернула вправо и потарахтела по гравию. Остановилась возле частного дома, обнесенного высоким забором. Меня вытолкнули из машины и, взяв под локти, повели к воротам. Человек с картофельной головой шел впереди. Мы попали в обычный заасфальтированный двор. Из окон лился свет на палисадник. Там, за низкой резной изгородью, росли несколько кустов роз, пионы и два куста крыжовника. Картофельный взошел на крыльцо и открыл дверь. Свет из прихожей хлынул к моим ногам.

Однажды мне приснились инопланетяне. Я видела, как они приземлились на своем звездолете рядом с бабушкиным домом, прямо в саду возле яблони. Я в страхе бегала от окна к окну и пыталась что-нибудь увидеть сквозь густую яблоневую листву, но вскоре почувствовала странные импульсы. Мое тело, помимо воли, как пылинку в пылесос, стало тянуть в сторону космического корабля. Как будто звездолет создавал мощное магнитное поле, а мою кожу изнутри пронизали металлические нити. Силе воздействия противостоять было невозможно, но и невозможно описать тот животный страх, который испытало тогда мое маленькое беспомощное сердце.

В момент, когда передо мной распахнулась дверь этого на первый взгляд уютного дома, я, как в том детском сне, испытала непреодолимый, космический ужас.

С крыльца мы попали в прихожую, и первое, что я увидела, — бежевые велюровые тапочки с еще не успевшей затоптаться цифрой «38» на приклеенной круглой бирке. У тапочек были собачьи глаза, нос и уши. Тапочки стояли в углу, у самой входной двери, и жались друг к другу, как испуганные щенки. Полы были вымыты до блеска, на красно-коричневой полосатой дорожке — ни соринки, на белоснежном подоконнике стояла ухоженная монстера в пластиковом горшке.

Гостиная была пуста. В центре стоял стол, заставленный бутылками и закусками. В интерьере не было никаких изысков, обычная комната — стенка с хрустальной посудой, диван, два кресла, на полу турецкий ковер.

Человек, который бил меня по лицу, остановился у входа и крикнул:

— Петр Афанасьевич, мы приехали!

— Чого ты орэшь, Монгол? — послышался голос из-под стола, и тут же появились голова и торс.

Монгол. Эту кличку я слышала не раз, она действовала на местную шпану,

как имя Каа на бандерлогов. Зоя рассказывала, что однажды он вызывал Хилого на серьезный разговор и предлагал ему торговать ширкой на поселке. Хилый сдрейфил, конечно, но отказался. Зоя говорила, что он ночей не спал, боялся, что с ним что-нибудь случится.

Петр Афанасьевич выровнялся, вальяжно расправил плечи и облокотился о спинку стула.

— Привезли, — сказал Монгол.

На вид Петру Афанасьевичу было лет шестьдесят. Он походил не на бандита, а на директора школы — интеллигентное лицо в очках, серебристая волна волос.

— Нехай подойдет, — сказал он.

Монгол толкнул меня в спину. Я подошла к Петру Афанасьевичу и простонала:

— Отпустите...

— А чего у ней рожа разбитая? — спросил он.

— Упала, — сказал Лелик.

— Он меня ударил, — указала я на Монгола.

— Я вам кого сказал привезти? Шмару с «Центрального», чтобы к дедушке Пете бежала и радовалась. У меня нет желания с детским садом возиться.

— Фигасе, детский сад! — заржал Монгол.

— Отпустите... — завела я свою шарманку.

В этот момент я увидела, что Петр Афанасьевич сидит босой и трет пятки об деревянный пупырчатый массажер. Ступни у него были маленькие, видимо, тапочки с песьими мордами принадлежали ему.

— Останешься со мной? — спросил он. — Я тебе денюжку дам.

— Отпустите, — прошептала я, потому что горло мое парализовал испуг.

— Цепочку золотую подарю. Сережки с красивыми камушками.

Мне показалось, что я падаю, и в этот момент что-то изменилось в пространстве, словно кто-то выключил верхнюю люстру и включил маленькую подсветку в дальнем углу. Комната наполнилась водой. Стало пасмурно и запахло йодом. Хлынули волны. Мое тело, как донная водоросль, понеслось за течением. Я видела себя со стороны, откуда-то сверху, из-под потолка, и слышала голоса:

— Ой, й-е-е-е... Поднимите ее.

— В спальню несите!

— Она без сознания.

— Вот тварь! Она обоссалась!

— Монгол, увези ее нах отсюда.

Я пришла в себя от холода. Не знаю, сколько времени я пролежала на обочине — час, два, может быть три. Я сразу же принялась себя ощупывать: белье было на месте, значит, не тронули, побрезговали. Я встала и пошла домой. Шла наугад, как кошка, нащупывая дорогу животом, и до дома добралась часом к четырем.

Долгое время после той истории я не ходила на дискотеки, боялась снова встретить Монгола. Я ненавидела его, посылала девичьи проклятия на его картофельную голову. И вдруг через несколько лет такой поворот. Когда я увидела Монгола после пятилетнего перерыва, со дна всплыла вся годами устоявшаяся муть, словно меня взболтнула злая рука. Все мои давние слезы,

проклятия, зароки отомстить вихрем носились на поверхности. Монгол. Собака. Гад. Скотина. Тварь. Загрызу. Удавлю. Уничтожу.

11

Стоял жаркий, ветреный день, в воздухе клубилась угольная пыль. Перед комбинатом длинной колонной выстроились машины. У изголовья, как регулировщик, махал руками Тетекин. Вокруг толпилась шахтная элита. Владимир Андреевич рассаживал сотрудников по машинам согласно иерархии. В первые машины сели все самые главные, в следующие — любовницы самых главных, дальше — остальные. Нас с Кирюшей и Галиной Петровной посадили на заднее сиденье последней машины, туда же, рядом с водителем, отдав последние распоряжения, сел Тетекин.

Окно было открыто, клубы теплого ветра трепали мою прическу. Мы тряслись по проселочной дороге. «Эх, красота!» — приговаривал Владимир Андреевич, глядя по сторонам. А я сидела и взглядом ласкала его затылок.

Перволетье на Донбассе — самая благостная пора. Поля и холмы еще не выжжены солнцем, буйствуют луговые травы, в степях наливаются силой зеленый колос, кукуруза, подсолнечник. Сельские жители, размахивая косами, готовят к зиме первое душистое сено. На деревьях полно гнезд с молодняком, воздух звенит от птичьего счастья.

Поднимая хвост пыли, мы ехали мимо полей люцерны и подсолнечника, которые готовились взорваться цветением. Кое-где узкими полосами встречались насаждения акации и дикого абрикоса.

Минут через двадцать машина въехала в сырую прохладу ивовых зарослей, послышался лягушачий гомон, между деревьями заискрилась вода. На берегу кипела работа — накрывался стол, расставлялись скамейки, под огромным котелком дымил костер. Руководила кухонными делами секретарь директора, Элеонора Владимировна Звягина. Тетекин первым вышел из машины и убежал хозяйничать. Мы с Галиной Петровной направились к Звягиной предложить свою помощь.

Волосы у Элеоноры Владимировны были осветлены до цвета рисовой лапши и подстрижены под каре. На мраморном лице — точеный носик, ледяные глазки, капризные губки. Наш комбинат был построен буквой «П», и мы из окон своего кабинета ежедневно наблюдали, как подъезжала к парадному входу красная девятка забойщика Звягина, как выпархивала из машины его жена, статная Элеонора Владимировна, как изящно хлопала она дверью и взбегала по ступенькам крыльца, виляя красивым задом. Приемная директора всегда была полна ожидающих начальников, там неизменно витали запахи растворимого кофе, французских духов и звенел кокетливый хохоток прекрасной Элеоноры.

Мое присутствие на пикнике раздражало Звягину. Она считала, что в списки «элиты» я попала случайно, благодаря непонятным капризам Тетекина. Когда мы с Галиной Петровной предложили помощь, она, не глядя в нашу сторону, отказалась. Я пошла к воде. Узкий пляж был засыпан мелким гравием, справа на пару метров в воду вдавалась деревянная кладка для рыбаков, а дальше, с двух сторон густой стеной стояли сочные, сильные камыши. Я зашла на кладку, потопталась пару минут, попробовала рукой воду и направилась к Кирюше, который стоял рядом с треногой и помешивал ложкой шурпу в котле.

Пахла она невероятно. В ярком овощном соусе бурлили крупные куски баранины, аромат душистого перца сводил с ума. Неделя диеты дала хороший результат, я похудела на пару килограммов, но от вида и запаха шурпы у меня разыгрался такой аппетит, что казалось, я съем сейчас весь котел вместе с Кирюшей.

Позвали к столу. Случилось то, чего я боялась, — Кирюшу посадили со мной. Тетекина властным жестом подозвала к себе Звягина и усадила рядом. Все разбились по двое. По шахте нередко проносились слухи об очередном служебном романе, но теперь все любовные парочки явились перед моими глазами. Мой босс, Галина Петровна, любовника не имела, к ней подсел Павел Иванович Хилобок, замначальника ВТБ.

Они дружили семьями. Жена Павла Ивановича, Ирина, работала заведующей складом и всегда участвовала в бухгалтерских пьянках. Но сейчас ее не было, потому что за несколько дней до пикника Ирина попала в больницу из-за гинекологических проблем — у нее загноилась внутриматочная спираль. Хилобки много лет дружили с Коломыкиными, кто-то из них крестил чьего-то ребенка. Галина Петровна называла Павла Ивановича кумом.

Поступила команда наполнить бокалы, и по столу покатился приятный, праздничный шумок. Откупоривались бутылки, булькала жидкость, шелестели салфетки. На нашем крыле хозяйничал Хилобок. Мне, Галине Николаевне и Кирюше он налил вина, себе — водки. С тостом выступил краса и гордость нашей шахты, заместитель директора по производству, журнальный мужчина и герой моего сердца — Владимир Андреевич Тетекин. Он сказал, что сорок лет непотопляемый корабль нашего предприятия плывет по волнам бушующей жизни и добывает из подземных глубин такой необходимый для обогрева домов, школ и детских садов, такой полезный и ценный уголь. Он пожелал большому кораблю большого плаванья и предложил выпить за шахту «Шахтерская Глубокая». Выпили. После него речь произнесла Элеонора Владимировна. Она предложила выпить за всеми любимого и уважаемого капитана корабля с названием «Шахтерская Глубокая», за директора Федора Кузьмича Гаврилова, хоть его и нет с нами на празднике, но благодаря своему природному уму и таланту руководителя он ведет корабль в нужном направлении. Выпили. Третьим взял слово Павел Иванович Хилобок. После выпитых двух рюмок водки он оживился, стал резв и словоохотлив. Он сказал, что хочет выпить за весь состав непотопляемого корабля с названием «Шахтерская Глубокая», за всех юнг и матросов, и даже за женщин, которых вроде бы не принято брать в море, но без которых так невыносимо в плаваньи морякам. После этих слов он потянулся ко мне и потрепал по волосам, будто я была единственной женщиной на этом непотопляемом корабле. Выпили третий раз. И понеслось. Дальше официальных тостов не было. Толпа разбилась на группки, и каждая из них выпивала сама по себе. В нашем кругу оказались мы с Кирюшей и Галина Петровна с кумом Хилобком.

Выпивая три первых торжественных бокала, я скромно закусывала огурцом и куском белого хлеба. Я отщипывала по крохотке и, как Дюймовочка, пыталась себя накормить половинкой зернышка. Но алкоголь, который впитал мой ослабленный диетой организм, раскочегарил задавленный аппетит. Проснулся жор.

Тарелку шурпы я проглотила в два счета.

— Хочу еще, — сказала я Кирюше.

Алкоголь лишил меня тормозов.

— Возьми мою, — сказал Кирюша, — я не люблю баранину.

Я опустошила Кирюшину порцию, как медведь, очнувшийся после спячки, ушат с медом.

— Хочешь еще? — спросил он.

— Хочу! — решительно ответила я.

Он взял мою тарелку и пошел к костру. Там набрал из котелка еще порцию шурпы. Третью тарелку я ела уже через силу, но вскоре и она оказалась пуста.

— Все! Наелась! — сказала я, похлопав себя по животу, и тут же вспомнила про Тетекина. Я посмотрела в его сторону и увидела, что они со Звягиной смотрят на меня и улыбаются. Тетекин и Звягина наблюдали, как я пожираю шурпу, и посмеивались надо мной. Позор. Я попросила Хилобка налить мне еще вина и залила свое горе полным стаканом. Я вышла из-за стола и поплелась к ставку. Села на кладку и расплакалась. Неделя диеты. Черное коктейльное платье. Тарлатановая накидка. Карминово-розовая помада. Маникюр. Педикюр. Свежая стрижка в салоне Людмилы Головко. И все это перечеркнуто моим безобразным жором.

Вскоре к воде стали подходить парочки. Они раздевались до белья и, взявшись за руки, входили в воду. Кадровичка с начальником сорок девятого участка поплыли в правую сторону, плановичка и начальник ВТБ — в левую, Татьяна Мадамовна с замом Евдошина, Пал Геннадичем, плавали прямо передо мной.

— Анька, с тобой все нормально? — спросил Пал Геннадич.

— Напилась Анька, — сочувственно сказала Татьяна Мадамовна.

И в этот момент наступила кульминация моих внутренних терзаний. Я — жалкая ничтожная личность. Я обжора. Я — Робин Бобин Барабек, который скушал сорок человек, и корову, и быка, и кривого мясника. Я крокодил, который все калоши проглотил. Нет мне места на этой земле. Я недостойна вашей любви, Тетекин.

Я выпрямилась, в последний раз посмотрела на солнце и, как была, в одежде и обуви прыгнула в воду. В детстве, купаясь в реке, мы с сельской детворой играли в игру, кто дольше продержится под водой. Часто я выигрывала. Тренировка у меня была.

Когда я бросилась в пучину ставка, я сжалась в комок и остановила дыхание. Я сидела и сидела в воде. Но удушья не наступало. Вдруг я почувствовала, что кто-то с силой тянет меня за волосы. Явившись на свет, я увидела раздетого по пояс Тетекина, который тряс меня и что-то кричал. Не разбирая слов, я прижалась к его плечу и разрыдалась. В том месте, где я топилась, воды было по пояс. Он обнял меня за плечи, вывел из воды и посадил на берегу.

— Посиди. Я сейчас... — сказал он и куда-то исчез.

Я представила, как ужасно выгляжу — с намокшими волосами, с размазанной по лицу косметикой, в обтекающей одежде. Я не хотела, чтобы Тетекин смотрел на меня такую. Я вскочила и побежала в сторону посадки.

Домой, срочно домой. Я примерно знала, где мы находимся, поэтому скрывшись в деревьях, взяла курс на Чумаки. Я хотела скорее уйти от позора, и, как лесной олень, с шелестом металась меж кустов.

И тут я услышала слабое мычание. У меня под ногами, отплевываясь от ползающих по лицу муравьев, лежал пьяный Павел Иванович Хилобок. Он заметил меня и протянул мне руку.

— Помоги... — сказал он.

Его речь сильно изменилась. Если после трех рюмок он разглагольствовал, как Цицерон, то сейчас мямлил, как пожилой Брежнев.

Я помогла ему подняться.

— Ты куда идешь?

— Домой, — ответила я.

— И я домой. Пойдем вместе.

Мы обнялись за плечи, как старые боевые товарищи, и, пошатываясь, отправились восвояси. Павел Иванович имел фигуру медведя. У него было обтекаемое, без острых углов, грузное тело. Но лицо ему досталось миловидное: маленькие хлопающие глазки с загнутыми вверх ресницами, изящный вздернутый носик и острый девичий подбородок. Шли медленно. Мы, словно два маятника, ногами привязанные к земле, шатались с разной амплитудой. Вскоре на перелесок опустилась темнота. Нас окружили ночные звуки — стрекот сверчков, уханье филина, со ставка доносился ночной лягушачий ор. Павел Иванович споткнулся, завалился в кусты и потянул меня за собой. Я грохнулась прямо на него. И тут он сошел с ума. Он впился губами в мою шею, а рукой стал шарить под юбкой.

Ах ты, старая козлина. Ах ты, нафталиновый ловелас. Ах ты, потный донжуан. А я-то думала, что ты нормальный человек. Обессиленная алкоголем, я вяло сопротивлялась его напору. Он принял это как согласие и навалился на меня всей своей тушей. Я заорала. Он застыл.

— Ты чего? — спросил Павел Иванович.

— А вы чего?

— Ты что, не хочешь?

— Не хочу.

— Почему? — удивился он.

И тут меня осенило. Он ведь тоже грешен. И договора фальшивые составлял, и по липовым ведомостям деньги получал, начальница еще хихикала, когда их подписывала, мол, кум мой тоже свое дело знает. И еще, оказывается, на беззащитных девушек набрасывается в лесу. К Шубину его.

— Потому что здесь, под кустом я не могу, — ответила я.

— А где можешь?

— В другом месте...

— Пойдем в другое место.

— Пойдем, — согласилась я.

С нашим темпом до шурфа нужно было идти еще минут сорок, но подогреваемый открывшимися перспективами Павел Иванович прибавил ходу, и минут через тридцать мы переступали через ручей. Вскоре перед нами возникло темное углубление шурфа.

— Здесь, — сказала я.

— То есть под тем кустом ты не могла, а под этим можешь?

— Здесь трава мягкая, — сказала я.

Он присел и стал руками щупать траву.

— И правда мягкая, — сказал он и стал укладываться на землю, увлекая меня за собой.

— А тебе здесь не впервой, да?

— Я сейчас обижусь, — горько сказала я.

— Да ладно тебе, иди сюда...

— Нет, подождите, не так...

— А как?

— Прыгайте туда, в углубление, там самая шелковистая трава и ждите меня, а я разденусь и приду к вам голая, как русалка.

Он прыгнул, и больше я его не видела.

Не знаю, как добралась до дома, все покрыто мраком. Помню только, что мать, услышав грохот в коридоре, заспанная вышла из комнаты.

— Не стыдно? — спросила она.

— Стыдно... — ответила я.

— Еле на ногах держишься...

— Иди спать.

— Посмотри на себя в зеркало, — сказала мать и ушла к себе.

Я подошла к зеркалу и увидела кикимору. Слипшиеся волосы стояли козырьком, видимо, я пыталась убрать их с лица и они послушно засохли в нужном положении. Макушка была всклокочена, словно птицы свили гнездо и нанесли туда сухих веточек и травинок. Тушь расползлась причудливыми змейками, помада нарушила границы губ и придала лицу трагичность грустного клоуна. Я пошла в свою комнату и, не раздеваясь, рухнула в постель.

Ночью явился Шубин. Он сидел посреди комнаты на деревянном троне под своим абажуром и смотрел на меня мерцающими глазами. Потом он дернул за выключатель и исчез, а из темноты появилось улыбающееся лицо Тетекина.

Я проснулась. Меня мутило. Я встала, но меня повело в сторону. Комната превратилась в каюту попавшего в шторм корабля. Чувствуя, что не добегу до туалета, я открыла окно и отправила туда первый поток непереваренного позора. Потом еще и еще. В сопровождении мерзких звуков и брюшных спазмов из меня выходила вчерашняя срамота. Я вернула миру все — и корову, и быка, и кривого мясника, и дюжину новых калош. Облегчившись, я снова упала на кровать и провалилась в сон.

Проснувшись утром, я услышала тихий, словно извиняющийся голос соседа снизу. Он о чем-то разговаривал с матерью в коридоре. Закрыв за ним дверь, мать вошла ко мне и сказала:

— Вставай.

— Не встану.

— Иди, мой окно.

— Не могу.

— Нагадила — убирай.

— Не буду.

— Свинья! — заключила мать и вышла из комнаты.

Поругиваясь в мой адрес, она набрала в ведро воды и пошла мыть окно. Я вскочила, быстро помылась, переоделась и улизнула к Зое. Меня ждали великие дела.

12

— Сейчас мы все узнаем, — сказала Зоя и вырезала из обувной коробки картонный круг размером с десертную тарелку. Затем с помощью линейки и карандаша она разделила его, как арбуз, и заполнила дольки буквами и цифрами.

— Чей дух будем вызывать, Пушкина?

— Снова Пушкина? Он в прошлый раз фигни всякой наговорил.

Зоя взяла иголку и вдела черную нитку.

— Сталина?

— Да ну его, страшно...

— Не боись, — сказала Зоя, — мы как-то на работе Гитлера вызывали. И ничего, он Галке правду насчет мужа сказал.

— Давай Есенина попробуем?

— Ну, давай...

Зоя закончила приготовления. Она положила перед собой на стол «арбуз» и три раза опустила иголку в его центр. В комнате повисла зловещая тишина.

— Задавай вопрос, кажется, он здесь...

Я спросила в уме, будет ли у меня любовь с Тетекиным. Зоя погрузилась в транс и стала следить за иголкой:

— Да!.. А теперь на «нет» перешла... Странно, то «да» показывает, то «нет»... А давай я у него спрошу, как будут звать твоего будущего мужа?

— Спроси.

Я напряглась, пытаясь силой мысли подтолкнуть иголку к букве «в», но она качнулась в сторону «ж».

— Ж-е-ж-о-в, — медленно проговаривала Зоя, — и еще: Т-е-ж-о-в.

— Это что еще такое? Жежов какой-то...

— Или Тежов? А, Ежов! Ежов его фамилия будет! Анька Ежова, а-ха-ха!

Я подняла голову к потолку и крикнула:

— Есенин! Ты чего?

— Ты что, с ума сошла! Он сейчас как вваляет тебе!

Я подняла перед собой сомкнутые ладони и взмолилась, глядя на потолок:

— Есенин! Прости меня, ты лучший поэт всех времен и народов!

— Ни фига себе! — вскрикнула Зоя.

Я застыла в ужасе.

— Что это у тебя, — испуганно прошептала Зоя, глядя на мою шею.

— Где? — обомлела я.

— Вот здесь, — Зоя дотронулась до моей шеи,— подойди к зеркалу...

Я подошла и увидела засос.

— Е-мое, как я на работу завтра пойду?

— Кто это тебя так?

— Придурок один, присосался вчера, как пиявка, еле отодрала.

— У вас было?

— Ты чего! Нет, конечно. Я сбежала, на фиг надо.

— А расскажи, что там интересного на пьянке было?

— Что там может быть интересного, все нажрались и попадали в ставок.

— И ты?

— И я.

— Вот так элита! — Зою немного задевало, что меня удостоили чести выпивать с начальством.

— Знаешь, кого я видела в пятницу? — мне хотелось поменять направление разговора.

— Кого?

— Монгола! Заходит, такой, в кабинет, я чуть в штаны не наложила, думаю, вдруг узнает.

— Не узнал?

— Нет вроде.

— Мне Хилый говорил, что он снова на поселке стал мелькать, вроде из бегов вернулся.

— Разве он был в бегах?

— Он в Шахтерской ментовке по одному делу проходил как свидетель, но могло оказаться, что он и соучастник, вот он и слинял. Сейчас вроде все утряслось. А что он на шахте делал?

— На работу устраивался, горнорабочим.

— Монгол? Горнорабочим? Даже не верится...

— Ты думаешь, он в шахту полезет? Будет подснежником на участке.

— А, понятно. Я слышала, что он часто у Таньки Шумейко ошивается.

— У них роман?

— А я почем знаю? Что это ты Монголом интересуешься? Хочешь, чтобы он тебе снова нос расквасил?

— Я не Монголом интересуюсь, а Танькой. Хочу костюмчик летний в долг взять, она недавно в Турцию ездила, тряпья навезла. Давай сходим, посмотрим?

— Давай, — согласилась Зоя.

— Сегодня вечером!

— Не. Я сегодня не могу, мы с мамкой идем полоть картошку. Я обещала.

— Тогда завтра, после работы.

Мать со мной не разговаривала. Когда я вернулась от Зои, она оделась и куда-то ушла, а я принялась рыться в шкафу. Если Монгол ошивается у Шумейко, мы можем его там застать. После вчерашних приключений моя тарлатановая накидка стала похожа на рыболовную сеть, наловившую россыпь мелкого мусора, и пахло от нее не духами «Магнолия», а лягушками. Но черный чехол остался цел и невредим. Я надела его и стала размышлять. Первым делом мне нужно было прикрыть засос на шее. Для этого подошел бы легкий шарфик. Я откопала шелковый отрез, который еще в школьные годы мама покупала для шитья новогоднего костюма. На нежно-лиловом фоне яркими мазками выделялись зигзагообразные полосы разных цветов и оттенков. Наш класс на утреннике исполнял композицию «Дружба народов», где вокруг елки кружились представители союзных республик. Я была узбечкой.

Из оставшегося куска я выкроила узкий длинный шарф. Набросила на шею. Наряд заиграл, но напрашивалось еще одно яркое пятно. Выкроила пояс. Стало еще интересней. Но все же чего-то не хватало. Я шаманила несколько часов, кроила, вырезала, строчила, и к вечеру помимо шарфика и пояса у меня были обтянутые этой же тканью клипсы, браслет и сумочка-клатч. Обтянуть старые вещи тканью мне помогла брошюра «Новая жизнь старых вещей»,

которую мне, зная, что я занимаюсь рукоделием, подарил Дед Мороз за участие в композиции «Дружба народов» на том самом утреннике.

Когда я вертелась перед зеркалом, оценивая результат, из гостей вернулась мать.

— Опять праздник намечается? — грустно спросила она.

— С чего ты взяла?

— Наряды шьешь.

— Ходить не в чем.

— Зачем ты так напилась? Стыдоба.

— Ой, ма, проехали.

— Замуж тебе нужно.

— За кого?

— Вот был же у тебя Валера, хороший парень...

— Ма, ну хватит, одно и то же...

— Ко мне в аптеку заходила твоя начальница, Коломыкина, говорит, что Кирилл из отдела нормирования за тобой ухаживает.

— Ой, ма, он же дэцельный.

— Какой?

— Маленький! Он ростом ниже меня!

— Ну и что. Шурик тоже ниже меня.

— Толку от твоего Шурика...

— Тебе нужно выходить замуж.

— Не за Кирилла же.

— Хороший парень, из приличной семьи...

— Ма, отстань.

— Мне сказали, что неделю назад ты в машину к какому-то мужику садилась...

— Да я просто на остановке стояла, меня подвез один с шахты!

— Вчера пришла чуть живая. Что дальше будет? Заработаешь дурную славу, кому ты нужна будешь?

— Ма, давай закроем тему, меня уже тошнит от этих разговоров!

— Тебя всегда тошнит от нормальных разговоров.

— Разве это нормальные разговоры? Замуж нужно выходить по любви, мама.

— Какая любовь? У кого она есть, любовь? Кто ее видел, эту любовь?

Я сняла платье и пошла в ванную выстирывать из него запах камышей. Закончив, повесила на балконе, чтобы до утра оно высохло на теплом ветру.

13

— Ух ты! Вот это прикид! У Шумейко купила?

— Я сама себе Шумейко! Ловкость рук и никакого мошенничества.

— И сумочку сама?

— И сумочку.

— И клипсы с браслетом?

— Я их просто тканью обтянула...

— Ну, ты мастерица...

Я стояла посреди кабинета, как новогодняя елка, Аллочка ходила вокруг

меня, по-детски вскидывая руки. Мы пришли на работу раньше других, но не спешили садиться за калькуляторы. Аллочка сходила в комбинат за водой и включила чайник. В кабинет зашла чем-то обеспокоенная Галина Петровна, бросила сумку на стул и стремительно вышла. Мы с Аллочкой нехотя сели на рабочие места.

— Что это с ней, даже не поздоровалась...

Я пожала плечами.

— Расскажи, как вы в субботу погуляли.

— Не спрашивай! — я пощелкала пальцем по челюсти.

— Напилась?

— Полный аут.

— А начальница?

— Не знаю, я раньше ушла.

В кабинет снова вошла Галина Петровна.

— Хилобок пропал, — сказала она, садясь за свой стол.

— Как пропал? — спросила Аллочка.

— После пикника не вернулся домой. Его нет вторые сутки. Ирка всю милицию на ноги поставила, прочесали лес, ставок — ничего.

У меня все замерло внутри.

— А ты куда пропала в субботу? — спросила начальница.

— Домой ушла. Мне было плохо.

— Да уж, хорошего мало... Двое детей без отца остались...

У меня громко застучало сердце, я боялась, что коллеги услышат его стук.

— А что милиция говорит? — спросила Аллочка.

— Предполагают, что утонул. Все ж понажирались и давай лезть в воду. Пора прекращать эти массовые пьянки.

Зазвонил телефон. Галина Петровна подняла трубку. Через мгновение ее лицо вытянулось. Она посмотрела на меня так, словно перед ней сидел дух Есенина.

— Тебя Тетекин к себе вызывает. Разговор у него к тебе.

Меня бросило в жар. Пол шатался под ногами, стены проплывали мимо медленными волнами. Пока шла от расчетного отдела до кабинета заместителя директора по производству, успела несколько раз умереть и воскреснуть. Я решила, что кто-то видел, как я уходила с пикника в обнимку с Хилобком, и готовилась к тяжелому разговору.

Постучала.

— Войдите! — послышалось из кабинета.

Вошла и поздоровалась.

— Вызывали?

— Садись, — Тетекин указал на стул, стоящий возле его рабочего стола.

Села.

— Какая же ты красивая...

Я чуть не упала со стула от неожиданности.

— Ты меня боишься?

Я опустила глаза.

— Почему ты убежала в субботу?

— Мне было плохо, — с трудом выговорила я.

— А почему плакала?

— Мне было плохо, — повторила я.

— Что случилось?

Внутри защемило, словно огромная невидимая рука пыталась раздавить меня, как грецкий орех.

— Тебя кто-то обидел? Это ведь я пригласил тебя на праздник, и теперь мне неловко, что с тобой случилось что-то нехорошее.

Рука сделала свое дело. Скорлупа треснула, из прорех хлынуло мое горе.

Владимир Андреевич засуетился, полез в карман брюк, достал белоснежный платок и подошел ко мне. Чуть согнувшись, он вытирал душистым ситцем мое лицо, затем поднял меня, прижал к себе и стал целовать слезы.

В этот момент в кабинет постучали. Он отпрянул от меня, потом засмущался из-за этой своей первой реакции, улыбнулся, сунул в руку платок и тихо сказал:

— Не плачь больше. Мы с тобой еще поговорим, хорошо?

Я пошла к выходу, а он сел за стол и крикнул:

— Войдите!

Я выскользнула, а вместо меня в кабинет вошел высокий серьезный человек в милицейской форме. Я тихо плыла в свой кабинет по самому дну комбината и, как испуганная рыбешка, шарахалась от каждого встречного. Ах, мама, мамочка. А ты говорила, что нет любви.

Весь день коллеги говорили о пропавшем Хилобке. Милиционер, которого я видела у Тетекина, ходил по шахте, разговаривал со свидетелями. Под конец рабочего дня начальница озадачила меня. Она сказала, что Ирина, жена Хилобка, якобы наняла экстрасенса, который приедет в поселок и с помощью ясновидения попробует выяснить, что случилось с Павлом Ивановичем, жив он или нет. Я весь день сосредоточенно обсчитывала ведомости, молилась, чтобы эти слухи оказались пустой болтовней, и время от времени подносила к лицу платок, пахнущий Владимиром Андреевичем. Ах, мама, мамочка.

Без пяти минут три за мной зашла Зоя, и мы отправились смотреть шмотки. Танька Шумейко жила в частном доме. По дороге я попросила Зою разузнать, часто ли и в какие дни бывает у Шумейко Монгол, для того якобы, чтобы не напороться на неприятности и обходить его десятой дорогой, если вдруг не найду сейчас подходящую вещь и вынуждена буду приходить к Таньке еще не раз. Мы нажали кнопку на калитке, и вскоре вышла хозяйка в спортивных шортах, темной майке, с перепачканными мукой руками. Таньке было около тридцати. Она была невысокая и пышная, словно выпеченная из теста. Круглое лицо-блинчик, нос-пончик, губки-бублики. Груди-пирожки, рубенсовский животик, ягодицы-булочки. Пережженные пергидролем волосы собраны на макушке в раскидистую пальму. Я сказала, что хочу посмотреть вещи, она провела нас в дом.

Кухня у Таньки была просторная. Возле окна стоял стол-тумба, на котором Танька лепила пельмени. На противоположной стороне печь-пролетка, в летнее время застланная клеенкой и заставленная пустыми банками. Дальше пенал для посуды, старый сервант, обеденный стол, окруженный несколькими табуретками — вот и все убранство.

В углу за шторами прятались две двери. В одну из них провела меня хозяйка. Это была гостиная. Она вся была завалена товаром. На полу стояли

сумки с барахлом, на диване, на креслах и стульях кучами были навалены турецкие одежки.

— Ройся, — сказала Танька и пошла лепить пельмени. Зоя осталась на кухне и предложила Таньке свою помощь. Не прошло и пяти минут, а Зоя и Танька, как старые подруги, хохотали и складывали готовые пельмени на большой деревянный поднос.

Я стала выбирать себе наряд. Надевала одно платье, крутилась возле зеркала, выходила в кухню, советовалась с Зоей, выслушивала восхищения, затем возвращалась в гостиную и надевала следующее. Переменив несколько одеяний, я остановилась на одном из них, договорившись с Танькой, что верну его на днях, если маме не понравится.

Маме, конечно, моя обновка не понравится. Я планировала зачастить, прибиться к Танькиному дому, чтобы рано или поздно она вывела меня на Монгола.

Когда возвращались с Зоей из коммерческих гостей, она рассказала, что у Таньки роман с Колей Волошкой. Он тоже «подснежник» на сорок пятом участке, женатый, из блатных, приезжает на шахту отмечаться. Когда попадают ночные смены, врет жене, что спускается в шахту, а сам ночует у Таньки. Несколько раз с ним вместе заезжал Монгол. Всю ночь играли в карты. Пить они не пьют, иногда курят травку. У Монгола бабы вроде нет. Была какая-то Лена, когда он в Алчевске отсиживался, но сейчас ничего серьезного. Вот такие сведения выдала мне агент специальной разведки Зоя.

14

Пустая комната с большим, трехстворчатым, опутанным занавеской окном. Одна створка приоткрыта, сквозь нее в комнату сочится дыхание мира: вдох-выдох, вдох-выдох — белоснежная гардина вздымается, как грудь великанши.

Стены покрыты сияющим мелом. В центре комнаты, на ковре, лежу я, на мне нет одежды. Глаза мои открыты, я смотрю на потолок, жду начала передачи. Вскоре потолок делится пополам, раздвигается, как автоматическая дверь, и передо мной является широкий, от стены до стены, экран.

Изображение снежит, подрагивает, бурлит обилием молекул, но вскоре из хаоса точек рождается маленькая, закрученная спиралью Вселенная. Космические ветра, пробравшиеся в открытое окно, касаются новорожденной, она вертится, заворачивается в плотный клубок и, наконец, превращается в Белого карлика.

Экран темнеет, но ненадолго, через минуту надо мной уже шумит студия для шоу-программ: зал аплодирует, декорации переливаются неоном, ведущий, облачением похожий на Кота в сапогах, делает реверансы, уступает место кому-то еще не видимому, но уже приближающемуся.

Звучит барабанная дробь. Из-за кулис на сцену, кувыркаясь, выкатывается Белый карлик. Но это не остывающая звезда, а миниатюрный мужчина, одетый в белый фрак. Он вскакивает на ноги и с криком «Алле-оп!» стаскивает штаны. Молниеносно, как шутиха, из-под рубахи выстреливает его мужское естество. Оно чудо как велико.

Карлик бьет чечетку, зал рукоплещет, за кадром слышатся радостный визг и похотливые женские вопли. Маленький мужчина падает на пол, его природа

возвышается над ним, как труба. Из этого инструмента вырываются лирические звуки, тонкие и нежные. Двигаясь в такт этой музыке, на сцену выходят две полуобнаженные мулатки, зигзагообразно вращая бедрами. Они пластично вращаются, используя, как шест, поющий мужской инструмент.

В этот момент экран темнеет, покрывается рябью, и я снова вижу только хаотичное мельтешение точек. Они бурлят, вращаются, расходятся кругами, превращаются в серебристую мишуру и начинают падать с потолка, как медленный снег. Тонкая музыка страсти, которая лилась из плоти Белого карлика, не смолкает, она звучит где-то за кадром, развивается и обрастает сопровождением других мотивов.

Ветер, бьющийся в окно, подхватывает падающее серебро и носит его по комнате, как поземку. Бутафорский снегопад усиливается, и наконец из самой гущи рассеянного блеска появляется лицо Тетекина. Оно нависает надо мной, рассматривая и любуясь, и вскоре я вижу все его тело, явившееся из глубин дрожащего снега.

Он надвигается, расправив крылья и медленно планируя надо мной. Птица небесная. Сокол ясный. Спустившись, он покрывает мое тело легкими поцелуями, бережно клюет меня, превратившуюся в пшеничное поле.

Насытившись, Тетекин достает из гущи падающего серебра оружие, ветеринарный пистолет, и целится в меня, в самую нежную низость. Я испытываю страх, пытаюсь вырваться, но он наваливается всем телом и держит меня, как взбесившуюся самку.

И вот я чувствую выстрел, в меня вливается лекарство. Кипящая нега разливается по телу, от центра к самым границам. Ползет медленно, обволакивает, как сон, достигая кончиков пальцев.

Сквозь дрему я смотрю на Тетекина, обросшего белым халатом, он врач, я — пациент.

Я корчусь, но мне не больно, мне сладко. Внутри меня снежит изображение, бурлит обилие молекул, и вскоре из хаоса точек рождается маленькая, закрученная спиралью Вселенная. Космические ветра, пробравшиеся в открытое окно, касаются новорожденной, она вертится, заворачивается в плотный клубок и наконец превращается в Белого карлика.

Когда проснулась, мать на кухне тарахтела посудой, собиралась на работу. У меня в кулаке был зажат белоснежный платок Тетекина, всю ночь я прижимала его к себе, чем и накликала этот странный сон. Я вскочила — предстоял ответственный день. Во-первых, нужно узнать, в какие дни у Коли Волошки будут ночные смены и выследить Монгола. Далее — Тетекин. Он сказал «Мы с тобой еще поговорим». Но когда? Где? К этому нужно быть готовой.

Я надела вчерашний наряд, несколько дней без шарфика мне появляться на людях нельзя. Мать все еще разговаривала со мной сквозь зубы, сказала, если не буду помогать ей полоть картошку, зимой мне придется есть собственные локти. Ну и ладно. Может, я к зиме уже выйду замуж.

Я вышла пораньше и на работу пришла первой. У Галины Николаевны на столе в рамочке были записаны номера всех нарядных. Я позвонила начальнику сорок пятого. Изменив голос, представилась заведующей столовой и попросила назвать, по каким дням их работник Николай Волошка бывает на шахте: он, мол, задолжал деньги за два беляша, и мне нужно забрать долг, потому что скоро

намечается ревизия. Сергей Петрович озвучил график выходов. Как только я положила трубку, дверь распахнулась и в отдел вошел худощавый человек невысокого роста с бритой налысо головой. Светлая футболка висела на нем балахоном, из широких рукавов, как вермишель из слоновьих ушей, свисали согнутые в локтях руки. Кожа лица была помятой и несвежей, как промокашка, которой только что вытерли пыль со стола. Перед собой он держал две согнутые буквой «Г» медные проволоки. Они, как тараканьи усы, шевелились в его руках.

— Где у вас север? — спросил он.

Я пожала плечами, а он принялся ходить по кабинету, исследуя воздух своими тараканьими проволоками.

— Слабое биополе...— сказал он, вращая «усами» над Аллочкиным столом.

— А здесь сильное, — сделал он вывод, испробовав поле над столом начальницы.

На пороге появились Аллочка и Галина Николаевна.

Незнакомец поздоровался и прекратил сеанс.

— Вы кто? — спросила начальница.

— Пропал человек... — начал объясняться мужчина.

— А! Так вы экстрасенс?! — обрадовалась Галина Николаевна.

— Совершенно верно.

У меня потемнело в голове. «Союз нерушимый республик свободных...» — молниеносно запела я про себя. Если он способен читать мысли, мне нужно громовым пением заглушить свои внутренние сигналы, чтобы он не понял, что я имею отношение к исчезновению Хилобка.

— Ну и как там дела? Выяснили что-нибудь? Жив Хилобок или нет?

«Сплотила навеки Великая Русь!»

— Очень слабый сигнал, — ответил он, — но среди мертвых его нет. Мне мог бы помочь человек, который виделся с ним последним.

«Да здравствует созданный волей народа!!»

— Я виделась, — сказала начальница.

«Единый могучий Советский Союз!»

— Подойдите ко мне, — сказал экстрасенс.

«Славься-а-а Отечество!»

Галина Николаевна подошла к нему, и он стал водить вокруг нее проволоками.

«Наше-е-е свободное!»

— Закройте глаза — приказал он.

Начальница закрыла.

— А теперь призовите образ пропавшего. Видите его перед собой?

«Дружбы народов надежный оплот!»

— Ну, вижу, да, вижу, наверное...

— А теперь давайте спросим у него мысленно...

«Па-а-артия Ле-е-енина!!!»

— Что спросить?

— Где он сейчас? Ну, спросили?

«Си-и-л-а-а народная!!!»

— Спросила, но он ничего не отвечает...

— А что он делает?

«Нас к торжеству коммунизма ведет!!!!»

— Исчез куда-то... а что это значит?

— Я вижу, что он жив, но находится где-то далеко... больше пока ничего сказать не могу...

В отдел, тяжело дыша и обливаясь потом, вкатилась Марья Семеновна. Она принялась извиняться за опоздание. Экстрасенс подошел к ней, обнюхал проволоками и сказал:

— Есть риск сердечного заболевания.

Марья Семеновна вскинула руки и прижала к взмыленной груди:

— Что же делать?

— Худеть! — ответил целитель.

— Худеть? — удивилась Марья Семеновна.

— Предлагаю вам уникальную методику — кодирование от лишнего веса.

— А что для этого нужно?

— Ничего не нужно! Садитесь...

Экстрасенс поставил стул в центр комнаты, Марья Семеновна села.

— Закройте глаза и представьте два стола с едой. На одном стоит сахарница, тарелка с дрожжевыми пирожками, кусок сала, жареная картошка, пельмени, шашлык из свинины... Видите все это?

— Да, — ответила Марья Семеновна.

— На втором столе — морковь, огурцы, помидоры, капуста, свекла, яблоки, клубника, абрикосы, бездрожжевые хлебцы, кефир, гречневая каша. Видите?

— Да...

— А теперь давайте сожжем первый стол. Разложим под ним дрова, поднесем спичку и подожжем. Получается?

— Дрова отчего-то не загораются, — сказала Марья Семеновна.

— А давайте мы подложим бумагу! О! Сколько у вас здесь бумаги. Возьмем несколько листов, сомнем и положим между чурок. А теперь поднесем спичку. Ну?

— Горят! — радостно воскликнула Марья Семеновна.

— Пусть горят это жирное склизкое масло, эти бесформенные куски теста с трупной начинкой... Отойдите подальше от костра, чтобы не обжечься...

— Сгорели! Сгорели...

— Открывайте глаза!

Марья Семеновна открыла глаза и горделиво посмотрела на нас, жалких, незакодированных обжор, обреченных до конца своих дней поглощать жирное склизкое масло и беляши с трупным мясом.

— Сто гривен, — сказал целитель.

— Сколько? — не поверила своим ушам Марья Семеновна.

— В Шахтерске эта услуга стоит сто пятьдесят, а в Донецке двести, я вас со скидкой закодировал.

Марья Семеновна принялась потрошить кошелек:

— Девочки, у вас есть деньги? Займите до зарплаты...

Мы вытряхнули содержимое кошельков, но денег все равно не хватало.

— А можно я домой сбегаю? Подождете минут двадцать, я недалеко живу? Галина Николаевна, отпустишь?

— Беги, раз такое дело, — ответила начальница.

— Может, еще кто-нибудь? Я и от алкоголизма кодирую.

— Вовку своего закодировать, что ли... — задумалась Галина Николаевна.

В дверях показались начальник планового отдела, кассир и старшая банщица. Все три женщины принадлежали к супертяжелой весовой категории, с их появлением наш кабинет погрузнел килограмм на триста с лишним. Мария Семеновна на бегу рассказала им об экстрасенсе, и теперь все толстушки шахты пришли в расчетный отдел, чтобы избавиться от лишнего веса. Проводить сеансы погружения в расчетном отделе было неудобно, в кабинет часто заходили рабочие на сверку, это помешало бы пациенткам расслабиться, а целителю настроиться на нужную волну. Решили попросить у главного бухгалтера ключ от просторной кладовки, там хранилась бумага, чистые ведомости, канцелярские товары и прочая утварь бухгалтерского хозяйства.

Целителя посадили в кладовку, и начался прием. Проблемные коллеги записывались в очередь, занимали друг у друга деньги, обзванивали родителей-пенсионеров, приводили тучных бабушек, трясущихся дедушек, жены со скандалами втаскивали в кладовку пьющих мужей, после сеанса ходили по кабинетам и рассказывали о своих ощущениях. К концу рабочего дня треть поселка была закодирована от лишнего веса и алкоголизма.

О Хилобке забыли. Весь день я дефилировала по комбинату с бутафорской папкой документов по прямой линии от бедра. Тетекин сказал, что мы с ним еще поговорим, и мне хотелось спровоцировать случайную встречу. Его кабинет находился в одном крыле с приемной директора. Бессчетное количество раз я прошла мимо его кабинета, прижимая бумаги к груди и делая вид, что озабочена очень важными, требующими срочного решения делами. Его дверь безмолвствовала. Пару разу к нему стучали рабочие, один раз стучала старшая банщица, а в конце рабочего дня, проходя мимо приемной директора, я услышала, как секретарь Эвелина говорила кому-то по телефону, что заместителя директора по производству сегодня на шахте нет, он уехал на совещание.

15

— Ма, дай денег.

— Зачем?

— Хочу купить у Таньки кофточку.

— У меня нет денег.

— Есть!

— На кофточку нет.

— Мне ходить не в чем.

— Не выдумывай.

— Хожу в каком-то тряпье, то перешитое, то недошитое. У меня день рождения через месяц. Я хочу новую кофточку. Давай, ты мне ее купишь, и это будет твой подарок?

— Через месяц и куплю.

— Ну, ма!

— Что, ма? Я тебя просила картошку прополоть, ты мне помогла? А теперь кофточки ей подавай. Обойдешься.

— А как я, по-твоему, буду замуж выходить в этих обносках? Ты же хочешь, чтобы я замуж вышла?

— Мужчина в жены не шмотки берет, а женщину.

— Мужчине для начала понравиться нужно, а кто ко мне подойдет, если у меня даже платья нормального нет?

— А вот это на тебе сейчас что?

— Старье с косметическим ремонтом!

В аптеку зашел старик, и мама всем видом показала, что больше разговаривать со мной не будет. Я зашла к ней сразу после работы, в надежде раздобыть денег и отправится к Таньке за новой кофточкой. Но она все еще злилась за мою пьяную выходку и за то, что я не пошла с ней в огород. Но я все равно отправилась к Таньке. Сегодня Тетекин был в отъезде, но завтра он будет на шахте. А что если он снова меня вызовет к себе, чтобы продолжить разговор? Он так деликатно успокаивал меня, когда я разревелась у него в кабинете, так нежно смотрел мне в глаза. Даже если не вызовет, я ведь могу столкнуться с ним в комбинате. Я хочу хорошо выглядеть. Мне нужна новая кофточка.

Я забежала домой, чтобы взять вчерашнее платье, Танька обещала обменять, если не подойдет. Когда уже подходила к ее дому, вспомнила о той бумажке, где я набросала график выходов Танькиного любовника. Записка осталась в сумочке, и я уже не помнила, есть вероятность встретиться с Монголом или нет. Но меня это не волновало. К черту Монгола. Мне нужна новая кофточка, я хочу вскружить голову Тетекину!

Танька бросила к моим ногам несколько кулей. Главной для меня деталью был высокий воротничок-стойка, на моей шее все еще виднелся засос. Затем цвет — кофточка должна освежать меня и подчеркивать красоту глаз. Ну и конечно же, она не должна меня полнить. Я приступила к осмотру. Те, которые стоило примерить, я складывала на диван, не заинтересовавшие меня модели — в один их освободившихся пакетов. Перебрав, как Золушка, по зернышку весь запас кофточек, я принялась их примерять. Первая, бежевая, плохо села. Вторая, изумрудная, висела балахоном. Третья, нежно-голубая, придавала мне романтичности, но лишала сексуальности. У четвертой, бордовой, была открытая английская пройма, она невыгодно оголяла руки. Черная, на первый взгляд неприметная, оказалась самой удачной. Сшита она была из вискозы с добавлением эластина. Высокий воротник мягко опоясывал длинную шею, чуть присборенный рукав-фонарик зрительно расширял линию плеча, талия и бедра казались стройнее. Я крутилась перед зеркалом, рассматривая себя спереди, сзади и с боков.

— Как иностранка! — вдруг услышала я мужской голос.

За шторой, прислонясь к дверному косяку, стоял Монгол. На мне были только кофточка и трусики.

— Черная пантера, — добавил он и удалился из комнаты.

Я быстро переоделась и позвала Таньку. Мы договорились с ней о том, что я на шахте запишусь в ведомость, и стоимость блузы будет удержана из следующей зарплаты. Выйдя из Танькиного двора, я снова столкнулась с Манголом. Он стоял возле машины и копался в багажнике.

— О-па-па! Черная пантера! — воскликнул он, увидев меня, и в этот же миг я почувствовала, как что-то холодное уткнулось мне в спину.

— Руки вверх!

Я обернулась. Коля Волошка стоял позади, уткнув в меня дуло охотничьего ружья.

— Не ссы, красавица, все будет путем! Коля, не пугай девушку.

Коля заржал и опустил ружье.

— Да я пошутил, — заржал Коля, — разве можно дырявить такую красоту!

— Куда собралась? — спросил Монгол.

— Домой, — ответила я.

Из калитки вышла Танька:

— Ну, где ваш заяц?

Монгол достал из багажника ведро, накрытое крышкой.

— Мы уже все сделали, и в уксусе вымочили, можно жарить.

— Ой, нет, на сковороде он жестким получится. Я его немного обжарю и потушу с чесночком.

— С чесночком! — заржал Коля, — А как потом целоваться?

— Кверху каком, — ответила Танька и, забрав у Монгола ведро, пошла в дом.

— Кверху каком! — хохотал весельчак Коля, — Не уходи, красавица. Пойдем кушать зайчика!

— Тебя как зовут? — спросил Монгол.

Я ответила.

— Нельзя отказываться, Аня, когда мы приглашаем к столу, это может нас обидеть, — сказал Монгол, — а нас не нужно обижать, Аня.

— Я и не думала отказываться, я люблю зайчатину, — ответила я и пошла в дом следом за Танькой.

Она разделывала тушку, заяц с треском распадался на куски.

— Кости хрустят, как человеческие, — сказал Монгол, входя.

Он вальяжно, засунув руки в карманы, несколько раз прошелся по кухне взад-вперед. Затем достал из кармана колоду карт и принялся их тасовать. Броски, вертушки, мельницы, веера — карты порхали в его руках, как живые. Я сидела на табурете рядом с Танькой и чистила картошку.

— Где Коля? — спросила Танька.

— Вот он, твой Коля, — сказал Монгол, глядя на входящего Волошку.

— О, картишки! — захохотал Коля.

— Погоняем бычков? — сказал Монгол.

— Погоняем! — ответил Коля.

Они сели на пол, посреди кухни, и стали играть, скрестив ноги по-турецки. Монгол напоминал собаку-ищейку, которая не расслабляется и всегда держит нос по ветру — он дергался, недоверчиво щурился, вертел головой, словно ожидал нападения сзади. Речь его была медлительная, будто сонная.

Коля же сыпал слова, как металлические шарики, они звенели вокруг, прыгая и хохоча. Круглый, спокойный, как сытый кот, он сидел, зыркая масляными глазками, время от времени подергивая себя за усы.

Танька суетилась возле электроплиты — перчила, подсаливала, пробовала, добавляла и убавляла температуру. Иногда выходила на улицу, в огород, выкопать молодого лука, чеснока, сорвать пучок свежей зелени.

Закончив чистить картошку, я села на табурет у окна и стала думать о Боге, о том, что он не плох и не хорош, не черен и не бел. В эти цвета его окрашивают люди, исходя из опыта взаимодействия. Он как океан.

Один заплыл за буйки и чуть не утонул, или его дом на берегу смыло девятым валом, или часто не везло с уловом, или, стремясь к океану, человек ожидал увидеть Афродиту, выходящую из пены, но не увидел.

Другой нежился в тихих волнах, благодаря йодистому воздуху исцелил болезнь легких, его сети всегда были полны рыбы, и однажды на пляже он встретил девушку своей мечты.

Но Бог — не просто неодушевленная стихия, он, как Солярис, находится в постоянном контакте, но в отличие от Соляриса, не удален от Земли на расстояние тысяч световых лет, а находится рядом, разлит вокруг нас, растворен внутри.

Общаться с этим непознанным явлением нужно осторожно, соблюдая правила техники безопасности. Ими являются те самые десять заповедей. Нарушаешь, идешь на красный свет — однажды попадешь в аварию. Исполняешь — имеешь гарантии на спокойное существование и мирное плавание. Если же действуешь во имя добра и справедливости — всегда будешь ощущать попутный ветер, дующий в спину.

Похожее отношение у меня сложилось к Шубину. Зная, что я действую в его интересах, я приобрела твердость, уверенность в том, что пока мы с ним в одной команде, никаких неприятностей со мной не случится и ничто не помешает осуществиться задуманному.

— Аня, ты вся такая умная! Да, Аня?

— Сидит, молчит, задумчиво смотрит вдаль, а-ха-ха!

— Иди к нам, сыграем в очко, Аня.

— На интерес, а-ха-ха!

— Я не умею в очко.

— А во что умеешь? — спросил Монгол.

— В дурака.

— Давай сыграем в дурака.

— А-ха-ха! А давайте так. Кто первый выходит — тот вне игры. Бодаются два оставшихся. Кто выиграет, загадывает желание. Дурак исполняет. Идет?

— Идет, — ответил Монгол, — Аня присоединяйся, не обижай отказом хороших людей.

Я села рядом с ними, поджав колени. Монгол тасовал, карты разлетались, как павлиний хвост. Я была спокойна, как никогда.

Как и должно было случиться, первым из игры вышел Коля. Вместе с ним вылетел туз, Коля бился им в последнем сражении. Мне везло, у меня на руках были козырные валет, дама и король. Монгол отбивался громкими шлепками:

— А солдатика! А мамочку! А бардадымчика!

Принимал, протяжно завывая:

— О-па-па-а-а-а...

В конце игры, переняв у Монгола манеры и жаргон, я оставила его в дураках, хлестко забросав козырями:

— А козырного солдатика!? А козырную мамочку!? А бардадымчика!?

— О-па-па-а-а-а-а... — выдохнул побежденный Наполеон.

— Загадывай желание! — захохотал Коля.

Монгол сощурился и посмотрел на меня с интересом.

— Прямо сейчас хочу уйти домой, — сказала я, — и пусть Монгол меня проводит, вон темень какая на дворе.

— А зайчика покушать? — спросила Танька, молча наблюдавшая за игрой.

— Поздно уже, я после семи не ужинаю.

— Так не пойдет! Мы за ним, как псы, бегали по полям!

— Почему же не пойдет? Договор у нас какой? Кто выиграет, тот загадывает желание.

Я выиграла. Желаю сейчас уйти домой и чтобы Монгол меня проводил.

— Эх, какая девка! — захохотал Коля. — Наш человек! Ну идите, голуби, воркуйте, если зайца не хотите, нам больше достанется!

Воздух был свежим и бодрящим, в траве стрекотали сверчки.

— На машине поедем или прогуляемся? Говори. Ты заказываешь музыку.

— Пешком, — ответила я.

— Эх, хорошо, — сказал Монгол и взял меня за руку, — давно я не прогуливался с девушками по поселку. Со школьных лет.

Мы шли по пустынной улице, как влюбленные пионеры.

— Тебе не холодно? — спросил он.

— Прохладно, — ответила я.

Он снял спортивную куртку и набросил мне на плечи. Я улыбнулась:

— Ну, теперь мы точно, как школьники.

— Школьники, да. Хорошие были времена. Тогда романтика имелась, сейчас ее нет. Хочешь, я покажу тебе свое любимое место, Аня? Я водил туда своих девушек.

— Покажи, — сказала я, — потом я покажу тебе свое.

Мы прошли улицу до конца и вышли на дорогу. Мимо нас проехал последний рабочий автобус, повез людей с третьей смены.

— Куда мы идем? — спросила я.

— В горы,— ответил Монгол.

Мы прошли еще несколько проулков, завершившихся длинным строем гаражей.

— Когда был пацаном, смотрел на эти гаражи и завидовал мужикам, которые ставили здесь машины. Они после работы здесь собирались, машины чинили, бухали, в карты играли. А я думал, вырасту, обязательно стану шахтером, полезу в забой, заработаю денег. Потом понял, что больше всех имеют те, кто не работает, а честно отбирает заработанное. Заработал ты, дядя, денег, поделись с хорошим человеком. Я всех окрестных барыг крышую. Они мне деньги — я им спокойный сон. Спокойный сон, Аня, стоит дорого.

— Ты в нашей школе учился? — спросила я.

— Конечно, моя матушка здесь живет.

— Это она на откатке работает? Невысокая такая, седая?

— Она... Сто раз говорил, бросай эту говнороботу, я тебя всем обеспечу, а она — нет, и все! Совковое воспитание. Каленым железом не вытравишь. А вот здесь мы свернем.

Он потянул меня за руку, и мы пошли по полю в сторону холма.

— Обожаю эту горку, здесь весной растет сон-трава, тюльпаны, ирисы, — сказала я.

— Мы сон-траву «котиками» в детстве называли. Я однажды нарвал букет, принес матери, а отец избил меня.

— За что?

— Он пьяный был. Ну, за то, что нужно быть мужиком, а не бабой. Он, когда напивался, моей головой об батарею стучал.

— А где он сейчас? Развелись?

— Сдох от водяры.

Мы шли быстро, поднимались все выше, Монгол тяжело дышал.

— А вот эти камни мы называли «скэля», — сказал он, забираясь на их вершину и подавая мне руку.

— Мы тоже, — ответила я — Какой здесь ветер!

Мы стояли на верхней площадке каменного утеса. Справа перед нами лежал поселок, слева — кладбище, а между ними, как аппликация на фоне серого неба, чернела шахта, украшенная гирляндой производственных огней. Монгол обнял меня и прижал к себе:

— Родишь мне сына? — хрипло сказал он.

— Прямо сейчас? — растерялась я.

— Когда я тебя увидел там, у Таньки, в одних трусиках...

— А давай теперь я тебе покажу свое любимое место?

Чтобы попасть на нужную поляну, нам пришлось немного обогнуть поселок. Весь путь занял минут пятнадцать. Монгол курил, пускал дымные колечки, блякал, рассказывал про армию. Когда спускались к ручью, он вел себя, как кавалер, шел впереди меня, подавал руку на самых крутых участках.

Ночь была звездная и ясная, кусты возле шурфа кучерявились у края, как темная пена. Мы стояли у самого края.

— Полная луна, — сказал Монгол, глядя на небо сквозь ветви.

— Не, пока еще не полная, полнолуние через пару дней, — ответила я.

— Красиво здесь, Аня, одобряю, — рассмеялся Монгол, — будем делать сына?

— У тебя есть трава?

— В Греции все есть!!

— Может, курнем?

— Хочешь раскумариться?

— Хочу, чтобы луна стала еще полнее.

— Хорошая ты девочка, Аня, — сказал Монгол, доставая из кармана сигаретную пачку и открывая коробку. Там плотно, как патроны в обойме, сидели косяки.

— Выбирай! — он протянул мне пачку.

Я достала наугад одну папиросу:

— Они что, разные?

— Да, трава разная.

— А какую я выбрала?

— Сейчас покурим и узнаем.

— От разной травы разный приход, да?

— Слушай, ты вообще курила когда-нибудь?

— Пробовала...

— Оно и заметно, что ты не в теме...

Монгол подкурил, сделал три шумные, голодные затяжки и протянул мне косяк. Он сел на траву по-турецки и посадил меня рядом с собой. Нас окружил запах жженой конопли.

— Теперь ты хапани, Аня.

Я затянулась. Та придорожная трава, которую я пробовала у Зои, была намного грубее. Это шла мягче, но обжигала горло.

Мы курили, поочередно делая по три затяжки. Я слышала много рассказов о том, что может случиться после курения конопли, и ожидала каких-то чудес.

Но ничего не происходило. Я затягивалась и затягивалась, страшась ничего не почувствовать.

— Я буду раздеваться, — вдруг сказал Монгол и стал расстегивать ширинку. Расстегнув, он попытался сидя освободиться от брюк, но у него не получилось. Он решил встать, но его не держали ноги.

— Не могу подмутиться, — сказал он и попробовал еще раз, держась за мое плечо. Кое-как встал, но тут же пошатнулся и одной ногой вступил в углубление шурфа. Его нога увязла в траве, как в болоте.

— Измена! — крикнул он. — Это измена!

Вторая нога тоже стала погружаться в гущу травы, Монгол оказался по колено в земле. Он осматривал себя с недоумением, руками вырывая клочья травы из-под себя.

— Аня, — сказал он, — дай мне руку!

Я сидела и, не двигаясь с места, смотрела на него.

— Дай руку, дура!

Его все затягивало и затягивало. Когда увяз по самую грудь, он, как ребенок, протянул ко мне две руки. Его глаза стали чистыми и испуганными, как у того мальчика, который принес маме букет сон-травы.

— Аня, — повторил он спокойно, — это измена...

Вскоре шурф поглотил Монгола, и я представила, как летит он вниз, по сырому вертикальному коридору, расправляя руки, подобно птице, как машет ими медленно и печально, планируя над темной бездной, как неторопливо приближается ко дну.

Я представила Шубина, сидящего на троне. Вот, он, величественный царь сырой земли, встречает новобранца, поднимается ему навстречу, обнимает за плечи, и уже текут из широких глаз Монгола слезы радости и любви. Ведь отныне никто и никогда не посмеет бить его головой о батарею.

И вдруг мне стало радостно. Как же хорошо и радостно мне стало. Я засмеялась. Смех ударился о дерево, упал и поскакал по лесу, как заяц. Я еще засмеялась, и следующий звон поскакал ему во след. Потом еще и еще. Я хохотала, и все мои радости скакали по лесу, как зверьки по темному залу.

Далеко в небе всполохнула зарница. Я встала и пошла домой. Кусты касались ветвями моего платья и тихо шептали о чем-то летнем. Шорох усилился. Я подняла голову и увидела стаю летучих мышей, они кружили надо мной, пытаясь сесть на волосы. В детстве я слышала множество историй о том, как летучая мышь впивалась намертво в кожу головы. Я пошла быстрее, потом побежала. Черная туча преследовала меня. Чтобы уберечь свои волосы от мышей, я попыталась задрать подол платья и натянуть его на голову. Ничего не получилось. Я побежала еще быстрее.

И вот тогда, именно в этот момент, я поняла, что жизнь конечна. Не то чтобы я не думала и не знала об этом раньше. Думала и знала, но это знание всегда плавало где-то на поверхности, как сухой безжизненный лист, теперь же оно превратилось в металлическую ось и пронзило меня, как кол во время византийской казни. Жизнь конечна. Она оборвется. Однажды меня не станет. Останутся летние травы, запах чабреца, заросли терновника над выемкой шурфа, а меня здесь не будет, я исчезну, все закончится. Мыши летели за мной, как темная фата, а я неслась по лесу, охваченная ужасом бытия.

Мимо меня проносились застывшие деревья, изогнутые кусты, тихие травы и камни, разбросанные вдоль дороги. Я споткнулась об один из них и упала

лицом в пыль. Подняв глаза, увидела перед собой огромный раскидистый лопух. Сорвав самый большой лист, я стала мастерить головной убор в виде конуса, скрепляя расходящиеся полы длинными стеблями вьюнка. Надев на голову это величественное сооружение, я поднялась и пошла смелее.

— Аня, что с тобой?

Мать не спала. Когда я ворвалась в квартиру, она стояла в ночной сорочке в дверном проеме и растерянно смотрела на меня.

— Что? — не поняла я.

— Что это?!

— Где? — снова не поняла я.

— На голове у тебя что?!

— Это мыши...

— Какие мыши, что с тобой? Ты опять напилась?

— Нет...

— Господи! Что с твоими глазами?

— Мама, они гнались за мной...

— Кто?

— Мыши...

— Ты с ума сошла? Что случилось?

Я оглянулась, внимательно изучила стены и потолок. Мышей нигде не было.

— Аня!

— Мам, я пойду спать, мне завтра на работу.

Я сбросила босоножки и пошла в спальню. Мать шла за мной, кричала, плакала и требовала объяснений. Я пообещала, что завтра все расскажу, рухнула в постель и укрылась с головой. На случай, если мыши вернутся, я положила под подушку скрученный жухлый лопух — остроконечную шляпку Филифьонки.

Разбудил меня звук разрывающегося целлофана, словно кто-то прорывался из вакуумного пакета. Открыв глаза, я осмотрела комнату, залитую луной, и заметила едва уловимое шевеление на стене напротив. Прорывая обои, из стены показались несколько черных червей. Они шевелились, продвигаясь и высвобождая свои длинные тела из-под слоя штукатурки. Вскоре их стало больше, они соединились в два букета по пять штук и стали походить на кисти рук, выросшие из стены и ощупывающие пространство. На этом движение не закончилось, они вытягивались и вытягивались, и вот уже из стены росли две черные руки, то сгибаясь, то разгибаясь в локтях.

Не успела я опомниться, как вдруг стена вокруг этих рук вскрылась, будто консервная банка, и в комнату с тихим свистом въехал Шубин на своем деревянном кресле вместе с тускло мерцающим торшером. Он остановился в центре ковра и замер, как египетский сфинкс. Стена всколыхнулась и с тихим шелестом затянулась, как масляная пленка.

Шубин сидел и смотрел на меня, а я, приподнявшись на локте, — на него. Прошла минута, другая, третья, пять, десять минут, а мы все смотрели и смотрели, гипнотизируя друг друга взглядами. Потом он протянул руку к выключателю и дернул за металлическую гайку. Свет потух, и Шубин растворился в воздухе, словно его и не было.

Зачем он ко мне явился? У него что, мало дел там внизу, на глубине девятисот метров? Я уже отправила ему трех прекрасных грешников: Евдошина,

Хилобка и Монгола. Прошли они уже санацию, побывали в капсуле? Теперь я должна Шубину только одного, последнего человека, и я свободна.

Проснувшись утром, я первым делом осмотрела стену. На ней не оказалось никаких следов ночного визита, и трудно было понять, являлся ли Шубин собственной персоной или же он мне просто приснился. Но как бы там ни было, мой день начался с уверенности, что сегодня произойдет нечто особенное, чрезвычайное.

16

В босоножках-лодочках на каблуках, в короткой юбке, в кофточке «черная пантера», с прической а ля Мерлин Монро я шла по шахтному двору к крыльцу комбината. Недалеко от входа в баню стояли три шахтера. Они посмотрели в мою сторону. Один из них восторженно присвистнул. Я гордо отвела взгляд и полетела вверх по ступенькам. И тут в дверях появился он.

— Привет, красавица, — улыбнулся Тетекин.

У меня внутри вспыхнула люстра.

— Здравствуйте, Владимир Андреевич.

— Почему не заходишь?

Люстра обожгла меня своим невозможным светом.

— Не звали...

— Я вчера на совещании был...

Из дверей комбината показалась голова главного инженера:

— А, вот ты где! — крикнул он, увидев Тетекина, — а я тебя ищу, зайди ко мне!

Тетекин пожал плечами и ушел за инженером.

Меня ожидала еще одна встреча — в нашем отделе перед начальницей сидела Ирина Холобок. Лицо ее было бледным, осунувшимся, глаза припухли от бессонницы и слез. Рядом с ней стояла хрупкая девочка лет семи в кружевном сарафане. Она была копией отца — те же маленькие хлопающие глазки с загнутыми вверх ресницами, изящный, вздернутый носик и острый подбородок.

Ирина принесла в расчетный отдел больничный лист и задержалась, чтобы поделиться своими горестями. Спасатели несколько раз прочесали ставок, но тела так и нашли, милиция разводит руками, экстрасенс не может настроиться на нужную волну и постоянно требует денег. У нее из глаз полились слезы. Она достала платок и, приложив к лицу, вышла из кабинета. Девочка, испуганно глядя по сторонам, пошла вслед за матерью.

Горячий свет, который зажегся при встрече с Тетекиным, сжался в напряженную точку и исчез. Внутри стало темно и холодно, как в подвале. Мне захотелось вскочить с места, побежать вслед за Ириной, схватить ее за руку, прижать к себе, погладить по волосом и пообещать, что однажды Павел Иванович вернется! Вернется, честное слово, и вы заживете новой жизнью, потому что это будет другой человек, чистый, обновленный, благородный, и все у вас будет хорошо, честное слово, только не плачьте, пожалуйста, и немного подождите, время еще не пришло...

Зазвонил телефон. Начальница взяла трубку и взглянула на меня.

— Хорошо, сейчас пришлю, — ответила она кому-то, и в трубке послышались короткие гудки.

— Возьми папку с банковскими платежками и дуй к Тетекину, там у них какая-то сумма на счет вернулась, нужно разобраться, — сказала она мне.

То ли мои женщины заметили, как у меня задрожали руки, то ли не поверили в миф о затерявшейся сумме, но на их лицах играла ирония. Я схватила папку и выскочила из отдела.

Я прошла мимо соседних кабинетов и свернула в переход. Стены коридора, который соединял здание экономической службы с главным корпусом, состояли из ряда состыкованных окон.

В мае, перед летним сезоном, мать отнесла мои босоножки-лодочки в ремонт. Она пожалела денег на полиуретановые набойки, и сапожник поставил металлические, теперь мои каблуки стучали как лошадиные подковы.

Цок-цок, цок-цок, цок-цок. Каждый шаг отзывался металлическим лязгом и уносился вместе с эхом в глубину комбината. Многочисленные окна перехода светились от солнечной радости, а я несла папку с платежными ведомостями заместителю директора шахты по производству Владимиру Андреевичу Тетекину. На моем лице замерла маска профессиональной непосредственности. Да, я иду к начальнику разбираться, что за странная сумма вернулась на расчетный счет предприятия. Что здесь такого? Это всего лишь рабочий момент. И счастье не кипит у меня груди, и глаза не светятся от радости, и сердце не стучит, как заводное. Не стучит мое сердце. Не стучит. Это всего лишь металлические набойки бьются о пол коридора — цок-цок, цок-цок, цок-цок.

Возле кабинета я поправила прическу и постучала. Услышала «войдите» и открыла дверь. Увидев меня, Владимир Андреевич встал из-за стола и направился к двери. Я подумала, что он собирается уйти, но он выглянул в коридор, осмотрелся, вернулся, закрыл дверь, два раза провернул ключ в замке и нахлынул на меня, как волна.

В детстве родители возили меня на Азовские курорты. Мы отдыхали на пляжах, где море было мелкое, самое безопасное для детей. Заходишь в воду и идешь, идешь, идешь, кажется, зашел за край, а воды все еще по грудь. Идешь дальше, но вместо того, чтобы уходить вглубь, песчаное дно начинает подниматься, и ты вдруг оказываешься на широкой отмели, где вода едва достает до колен. И вот здесь, если море гонит волну, начинается самый настоящий конец света.

Волны встают на дыбы, как молодые жеребцы, солнце, просвечивая сквозь их белоснежные гривы, отливает перламутром, бирюзовая вода торжествует и бурлит, как кипящая лава. Здесь, на отмели, собираются гурьбой все детишки пляжа и с визгом бросаются в озверевшие волны.

Теперь я испытала похожие ощущения. Его теплые руки завертели, опоясали меня, закружили по кабинету, и начался конец света.

Он: Как ты пахнешь, боже, как ты пахнешь...

Я: Документы рассыпались...

Он: Ты сводишь меня с ума...

Я: Владимир Андреевич...

Он: Нежная такая...

Я: Владимир Андреевич...

Он: Какой я тебе Владимир Андреевич....

Я: Что вы делаете?

Он: Не бойся...

Я: Куда вы...

Он: Это комната отдыха...

Я: Что вы делаете?

Он: Иди ко мне.

Я: Нет.

Он: Почему?

Я: Я здесь не могу...

Он: А где? Скажи, где можешь?

Я: Не знаю...Но не здесь... Что вы делаете?

Он: Я хочу тебя...

Я: Не здесь...

Он: А где?

Я: Не сейчас...

Он: Когда? Скажи, где и когда?

Пока длился этот диалог, комната кружилась вокруг меня, как птица: крылья — столы, туловище — диван, хвост — порыжевший стул. Я слышала, что и у заместителя директора по производству, и у директора, и у главного инженера есть комнаты отдыха, но ни разу в них не бывала. Сейчас, после головокружительного волнения, я рассматривала ее скудную обстановку. Владимир Александрович сидел рядом со мной на диване и копался в кармане брюк.

Небольшой локон, спадающий на лоб, прямой римский нос с чуть заметной горбинкой, вкусные губы, скула, словно вырезанная уверенной рукой, и задорные, смеющиеся глаза цвета спелой вишни.

Самое трогательное в Тетекине — это профиль. Мне хотелось обводить его простым карандашом, вырезать из бумаги, касаться подушечками пальцев, пробовать на вкус. Мне казалось, что, глядя на него, я плавлюсь, как зажженный целлофан. В мир явлено миллионы профилей, но почему, когда я смотрю именно на этот, во мне меняется химический состав. Кто нарезал этот контур, почему он как единственно возможный вариант вскрывает во мне всю затаенную нежность.

— Вот! — сказал он, протягивая мне ключ.

Что это? — спросила я.

— Ключ.

— Вижу, что ключ.

— Это ключ от квартиры, где мы будем лежать!

Я нахмурилась.

— Извини, дурацкая шутка, — сказал Владимир Андреевич и обнял меня за плечи.

— Мне не нравятся такие шутки...

— Ну, я же извинился... — сказал он, улыбнувшись, и продолжил, — а ключ этот от бывшей квартиры моих родителей, они дом построили в городе, а квартира стоит, никак продать не можем. Что-то не так?

В этот момент я почувствовала слабый импульс, словно кто-то кольнул меня в темя наэлектризованной иголкой. Нет сомнений, это Шубин подслушивает наш разговор своими всемогущими ушами и ждет, что я сейчас начну нести Тетекину свой дежурный романтический бред, что, мол, квартира, это, конечно хорошо, но не лучше ли нам прогуляться на свежем воздухе, пройтись нехоженными лесными тропками к бархатной поляне, окруженной зачарованными кустами, и там я отправлю вас в увлекательное путешествие в глубины родной земли, и мы с вами никогда больше не увидимся... Нет, Шубин, не дождешься, Тетекин мой... Мой! Слышишь, Шубин, я тебе его не отдам!

— Да, нет... В смысле, да... В смысле — нет, все так! — я смущенно рассмеялась.

— Я тебе напишу адрес, квартира находится в Александровке, это недалеко. Была там когда-нибудь?

— Конечно, у меня там папа живет...

Владимир Андреевич встал, заправил выбившуюся рубашку и пошел к столу. Из верхнего кармана достал ручку и небольшой листок для записей, сел за стол, склонился над запиской.

— Вот, — сказал он, протягивая мне листок с завернутым в него ключом, — здесь все написано. Откроешь дверь и жди меня, я после восьми подъеду... Ты сможешь остаться на ночь?

Я смущенно пожала плечами.

— Что ты пьешь? — спросил Владимир Андреевич.

Я снова пожала плечами:

— Вино, шампанское... не знаю... лишь бы не водку.

— И шоколад?

— Нет, фрукты.

В кабинете на столе зазвонил телефон.

— Это внутренний, по нему только директор звонит, все, я ушел в работу, до встречи вечером...

Он снова обнял меня, поцеловал в губы и помчался утихомиривать телефон. Я собрала разбросанные документы и тихо, на цыпочках, чтобы не стучали каблуки, вышла из кабинета. Пока шла в свой отдел, читала записку, написанную затейливым почерком с завитушками: «Улица Брайляна, дом 18, кВ. 7! 20.00!» Почему-то в сокращенном слове «кв» большая буква «в», и эти милые восклицательные знаки, похожие на распрямляющиеся зигзаги.

— А-ха-ха! Еще одна праздношатающаяся! — этими словами встретила меня Аллочка.

— А ну-ка пиши объяснительную, где была! И-хи-хи, — подхватила Галина Николаевна.

— И на стол директору! — грозно завершила Марья Семеновна.

Я только вынырнула из сладкого сиропа, в который погрузил меня мой возлюбленный, и слушала бред, который несли мои женщины, пытаясь понять, не узнали ли они, случайно, что только что произошло между мной и Тетекиным.

— Почему это я праздношатающаяся, — начала я осторожно, — я усердный работник расчетного отдела, который проводил профессиональное расследование, пытаясь выяснить причины...

— И-хи-хи, — заржала Галина Николаевна, — ну что, выяснила?

— Неизвестная сумма, которая пришла на корреспондентский счет — это плата населения за электроэнергию, а ее провели в банке, как за отгрузку, вот и началась катавасия, там уже разобрались... — ответ был у меня заготовлен заранее, я знала, что никто не будет перепроверять.

— А у нас тут директор с ума сошел, увидел Аллочку в рабочее время в аптеке и заставил писать объяснительную.

— Написала?— спросила я у Аллочки.

— Ага! Написала, что у меня критические дни и мне срочно понадобились прокладки...

— Чего это он на тебя взъелся? Ты же его любимицей была? «Алка! Дай за сиську подержаться!» — скопировала я интонацию директора.

— Вот и взъелся, что не дала, — заключила Галина Николаевна.

Весь рабочий день я провела в сладкой дреме, мои мысли были далеки от бухгалтерских проводок, я витала в квартире номер семь по улице Брайляна. Представляла, как все будет, несколько раз ныряла рукой в сумочку, проверяла, на месте ли ключ и записка, не привиделось ли мне все это.

После работы помчалась домой приводить себя в порядок. Принять душ — раз. Новое, кружевное белье — два. Новая укладка, новый макияж — три. Платье мое коктейльное с летящим шарфиком— три. Лодочки-каблучки — четыре. Да ноготок подкрасить, на котором лакированный уголок стерся, да прижать непослушный локон и лаком фыркнуть, чтобы лежал красиво, да за ушами подушить любимой «Магнолией». Я чувствовала себя невестой, которую готовят к венчанию, все это время в голове играла песня из той передачи о свадебных обрядах на Руси, которую мама смотрела на прошлой неделе:

В лунном сиянье снег серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится.
Динь-динь-динь, динь-динь-динь —
Колокольчик звенит,
Этот звон, этот звон
О любви говорит.

Я летела по поселку к остановке, ожидая встретить мать, она как раз в это время должна была возвращаться с работы. У меня для нее уже была заготовлена маленькая ложь, я собиралась сказать ей, что меня пригласила на день рождения подруга Катя, и я, может быть, даже останусь у нее ночевать, если веселье затянется допоздна. Такая знакомая действительно существовала, я даже маме несколько раз о ней рассказывала, но мы были не так близки, чтобы приглашать друг друга на праздники, единственное, чего я боялась, чтобы мать не принялась меня уговаривать переночевать у отца, не стала звонить ему, давать указания, чтобы он проконтролировал меня.

Каблучки мои не стучали по асфальту, я, окрыленная, неслась над землей. С детских лет начало июня было любимой порой. В конце мая, после линейки, мы сдавали старые учебники и свысока смотрели на малолеток, которые тут же их раскладывали по сумкам. Родители мыли парты, снимали шторы, убирали цветы с подоконников, повсюду стоял запах краски. В начале июня у нас была отработка, мы пололи грядки на школьном участке. Эта работа не была утомительной, помахав тяпками, мы прерывались на перекус. Пили воду из пластиковых бутылок, жевали вареные яйца и бутерброды, угощали подруг и самых симпатичных мальчиков карамельками, хвастались друг перед другом первым, красноватым загаром, который молниеносно прилипал к рукам. Анекдоты, шуточки, приколы — воздух был залит солнцем и радостью, а впереди — бескрайнее лето. Прямо, как сейчас. Только вот с тяпкой на прополку я снова не пошла, мать будет пилить...

Вскоре я увидела ее. Она приближалась с большой сумкой, полной продуктов — после работы зашла в магазин. Она шла быстро, широким, размашистым шагом, резко выбрасывая в сторону свободную руку. Так она ходила, если куда-то опаздывала. Увидев меня, остановилась, чтобы отдышаться и поставила у ног тяжелую сумку.

— Твоего отца в шахте привалило...

У меня внутри словно взорвался метан. Ребра задрожали, затрясся рот.

— Жив?!

— Вроде, жив, говорят, по голове стукнуло, серьезное сотрясение.

— Он в больнице?

— Не знаю, позвони им.

— Я сейчас же к ним поеду!

Я направилась к остановке, но пройдя совсем немного, вернулась, взяла у матери сумку и пошла к дому.

— Ты куда? — спросила мама.

— Тяжелая. Донесу.

Я летела на высоких скоростях, мать едва поспевала за мной. В подъезде я бросила сумку возле нашей двери и полетела вниз по ступенькам. Мать только поднималась:

— Ну что ты делаешь? Капуста вывалилась...

— Поднимешь свою капусту! Я к отцу!

— Ты останешься там ночевать?

Но я ей ничего не ответила, меня душили слезы.

Однажды мы с отцом ехали на машине, и внезапно забарахлил мотор. Мы остановились, вышли, отец открыл капот, погрузил руку во внутренность и сразу же отдернул, словно обжегся. Отец никогда не матерился при мне, а тут спокойно и твердо сказал «бля@!» — большой палец правой руки был распорот, из раны обильным ручьем текла кровь. Чтобы не испачкать машину, он отставил раненую руку, заглянул в салон и достал целой рукой из бардачка медицинский клей. Отец выправил разорванное мясо, слепил подушечку пальца, словно пластилин, и залил рубцы клеем. Пока он высыхал, отец оттер кровь, расползшуюся по руке, и пошел дальше ремонтировать машину. Вскоре мы завелись и поехали. И все. Ни слова о травмированной руке. Лишь изредка он поглядывал, не кровит ли заклеенное место.

Это, конечно, пустяк, ерунда, но в этой мелочи ярко проявилась одна из главных черт папиного характера — он никогда не говорил о своей боли. Мог, конечно, сказать «бля@!», но сразу заливал поврежденное место клеем, садился за руль и ехал дальше.

Я представляла, что увижу полуживого отца, с ног до головы обмотанного бинтами, пропитанными кровью. Эта жуткая картина стояла у меня в голове, пока я ехала в Александровку.

— Анечка приехала! — крикнула Эля, открыв дверь.

— Вот она и порежет картошку! — услышала я голос отца.

— Мы решили сделать окрошку, — сказала Эля, — а я страх как не люблю картошку резать, она к рукам противно липнет. Всегда папа резал, а сейчас ему вставать нельзя, вот мы и думаем, кто же нам картошку порежет?

Вообще-то мне полагалось не любить Элю, отец променял нас на нее, из-за нее распалась наша семья, но я не могла. Она была такой милой, дружелюбной, обаятельной. Эля умела и любила ухаживать за своим телом, и мы часто, закрывшись от папы в кухне, пили домашнее вино, обсуждая, какой ингредиент добавить в маску для бархатистости кожи, какой силуэт подчеркивает линию талии, какое упражнение делает пресс твердым. Я испытывала к ней искреннюю симпатию и скрывала от матери это чувство. Мне было неловко перед ней за свою предательскую дружбу.

— Эля, что с папой? — спросила я тихо.

— Бандитская пуля, — усмехнулась Эля, — заходи, он сам все расскажет.

Это папина любимая шутка. Какими бы сложными ни были рана, порез или ожог, на вопрос, что случилось, он всегда отвечал — «бандитская пуля».

Отец лежал на диване в спортивных штанах и байковой рубашке, обложенный подушками, книгами и журналами. Его шея была закована в белоснежный гипсовый воротник, похожий на жабо средневекового дофина. Он держал пульт от телевизора и, поглядывая на экран, переключал каналы.

— Эля, где газета с программой? По «Интеру» футбол должен быть... Или я что-то путаю...

— Па, что случилось?

Я подошла и села рядом с ним. Он улыбнулся, на щеке блеснула его фирменная ямочка:

— Эля же сказала, бандитская пуля.

— Я серьезно!

— Если серьезно, то ничего серьезного. Полежу три недельки на диване, телек посмотрю.

— Пообещай мне, что никогда больше не спустишься в шахту!

— Обещаю. Ближайшие три недели не спущусь.

— И после больничного не спустишься!

— Так окрошки хочется. Поможешь Эле картошку порезать?

У меня перехватило дыхание, я вскочила и побежала в туалет. Санузел у них совмещенный, и я некоторое время сидела на крышке унитаза, включив воду и пытаясь утихомирить слезы. Как мне объяснить отцу опасность этой ситуации? Даже если бы я рассказала ему правду, он только бы посмеялся надо мной.

Рядом с ванной стояла стиральная машина, сверху, на крышке, лежало изогнутое, как ушная раковина, полотенце. Я схватила это махровое ухо и стала шептать в него: «Шубин, я знаю, ты здесь, и ты слышишь меня. Прошу, оставь меня в покое, Шубин. Отпусти меня. Я столкну в шурф любую красивую девушку поселка, какую ты только пожелаешь. Самую красивую. Ты поговоришь с ней, и она приведет тебе мужчин. Сто мужчин. Тысячу мужчин. А я больше не могу.

Вот Надя, например. Мы дружили с ней в школе, сидели за одной партой. Она хорошенькая! Говорят, мы были с ней похожи — сладкие девочки, отличницы — мальчики жужжали вокруг нас, как пчелы. В десятом классе Надя стала встречаться с парнем по имени Славик. Он был такой невзрачный, со сморщенным носом, как будто ему постоянно плохо пахнет. После школы Надя забеременела, и Славик на ней женился. У них родилась девочка. После декретного отпуска Надя устроилась в табельную. Однажды Славик застал Надю с кем-то из горных мастеров. Он избил ее. Они развелись. Надя красивая, она будет водить тебе отборных начальников, Шубин, оставь меня в покое».

Я всхлипывала, сморкалась и шептала в ухо Шубина: «Есть у меня еще одна одноклассница, Лена. В школе она умела хорошо считать. По математике у нее были одни пятерки. Была она нескладным подростком — худое тело и пухлое лицо с двойным подбородком. Но после школы она модно подстриглась и осветлила волосы. Сейчас она выглядит хорошо. Лена поступила в институт и выучилась на менеджера. Потом стала работать на химзаводе и делать постельную карьеру. Вскоре один из коммерческих директоров ушел из семьи и женился на Лене. Потом она стала возглавлять дочернюю фирму и приезжала к родителям на иномарке и в норковой шубе. Но недавно она развелась со своим

химическим мужем и часто бывает на поселке. Шубин, хочешь, я приведу ее к тебе?»

Я высморкалась и продолжила: «А если тебе не нравится Лена, я приведу к тебе Свету. Света — это звезда! Она похожа на певицу Мадонну. Просто копия. Ты же знаешь певицу Мадонну? Только Света — стовосьмидесятисантиметровая Мадонна. Мадонна в квадрате.

Недавно она рассталась с югославом по имени Чедо. Он приехал в Шахтерск по контракту. Монтировал иностранное оборудование на заводе. Он катался на своей машине по окрестностям и увидел на остановке роскошную Свету. Он остановился, она села в машину, у них начался роман.

Но вскоре у Светы появилась соперница Наташа по кличке Башня. Ее так прозвали за худобу и высокий рост. Она тоже осветляла волосы, обводила глаза черным карандашом и красила ресницы в три слоя. Однажды Чедо, возвращаясь от Светы, увидел на остановке красавицу Наташу. У них тоже начался роман.

Света узнала об этом, и они с Наташей подрались. Света победила, и Чедо остался с ней. Но однажды Чедо исчез. Наверное, закончился контракт. Не знаю, зачем я тебе все это рассказываю?! Хочешь, я приведу к тебе Свету? или Башню? Нет, лучше Свету, она сильнее...»

Раздался стук. Эля звала меня взволнованным голосом. Я вышла, обняла ее и попросила извинения, что не смогу порезать картошку. Она увидела мое заплаканное лицо. Я не стала ей ничего объяснять, просто тихо ушла.

Оказавшись на улице, я побежала в переулок, затем свернула на улицу Брайляна. На углу стоял хлебный магазин. Я подошла к витрине и увидела свое отражение. Оно было некрасивым. Мой старательный макияж смыли слезы, глаза опухли, прическа сбилась. Как я могу в таком виде явиться к любимому? Как я буду ласкать его тело? Как буду прикасаться к соскам, если мои ледяные пальцы дрожат от страха? Как буду вдыхать запах его ключиц, если мой нос похож на красную сливу? Как я буду губами прокладывать путь от солнечного сплетения к пупку, если мой рот сжат и перекошен от беспомощности? Как я стану его женщиной с таким лицом?

Часы показывали семь пятнадцать, до свидания оставалось сорок пять минут. Я достала записку с адресом и ручку. Восемнадцатый дом оказался в двух шагах от магазина. Я вошла в первый подъезд, и, перевернув клочок бумаги, написала: «Сегодня ничего не получится. Извини».

17

Марья Семеновна сидела, обмахиваясь зарплатой ведомостью, как веером. Она всегда так делала после сверки с рабочим, наевшимся чеснока.

— Тамара Михайловна пожаловали, — сказала она, когда я уселась на свое рабочее место, — Аллочка и Галина Николаевна понесли ей ведомости за три месяца.

— Угу, — ответила я и достала калькулятор.

— Заболела ты, что ли? — спросила Марья Семеновна.

— Нет. Не спала всю ночь. Папу на шахте травмировало.

— Да ты что! Сильно?

— Могло быть хуже. Сотрясение мозга. И трещина в черепе. Три недели будет в гипсовом ошейнике лежать.

Я замолчала, а Марья Семеновна больше ни о чем не спрашивала, только

громко вздохнула несколько раз. Я взяла стопку больничных листов, накопившихся за несколько дней, и принялась высчитывать средний и умножать на сумму дней. Эта алгебра немного успокаивала меня после ночи хаоса и страхов. Зазвонил телефон.

— Мама звонит, — сказала Марья Семеновна, протягивая трубку.

— Вася заходил только что, участковый, — взволнованно начала мать, — спрашивал, где ты была в пятницу вечером. Аня, что случилось?

— А я знаю? — я пыталась сделать голос как можно более равнодушным, но чувствовала, как внутри заколотилось.

— Он просил, чтобы ты после работы зашла в участок, он хочет с тобой поговорить.

— Хорошо, зайду.

Положив трубку, я почувствовала, как мне на плечи лег холодный гриф штанги. Тяжелой походкой я пошла на свое место, но не успела сесть, как открылась дверь и в проеме показалась Зоя. Она, ничего не говоря, жестом поманила меня из кабинета. Я вышла. Зоя отвела меня к окну и зашептала:

— Тебя блатные разыскивали вчера вечером. Просили зайти к тебе домой, мама сказала, что ты у папы в Александровке. Это из-за Монгола. Ты знаешь, что он пропал? Именно в тот вечер, когда тебя провожал?

— Он меня провел и ушел! Я здесь при чем?

— Не кричи. Это ты им будешь доказывать. Мне пох на этого Монгола. Я просто предупредить тебя хотела... Сегодня к концу рабочего дня к комбинату подъедет Волошка с Трояном, для разговора, будут разборки чинить.

— Да, извини. Спасибо тебе.

Зоя добавила вес, штанга на моих плечах потяжелела, не хватало сейчас еще экстрасенса со своими усами. А вдруг он, наконец, поймал нужною волну и уже все видит своим метафизическим зрением. Мне стало нехорошо.

Я вернулась в кабинет. Там уже хихикали Аллочка и Галина Николаевна, они только что вернулись от ревизора.

— Иди, отнеси своей свекрови подшивки, — Галина Николаевна вынула из стола три пачки ведомостей, — посмотришь, в каком она костюме сегодня, французский, говорит. Не слушаешь ты нас, взяла бы в оборот Кирюшу, ходила бы сейчас во французских нарядах.

— В каком она кабинете? — спросила я.

— В архиве.

Я взяла документы и направилась в архив. Мне казалось, что из-за тяжести, которая на меня навалилась, я стала меньше ростом. И хотя на мне были босоножки с каблуками, я чувствовала себя карлицей.

— Что случилось?

Я подняла глаза и увидела Тетекина. Он оглядывался, нет ли кого поблизости. Коридор был пуст.

— Извини. Я не смогла. Вчера в шахте отца травмировало, я была у него. У меня твой ключ, я занесу, — сказала я.

— А я смотрю, ты какая-то расстроенная. Хорошо, заходи.

Тамары Михайловны в архиве не оказалось, архивариус сказала, что она пошла к нам за какими-то недостающими ведомостями.

— Так вот же. Я принесла. Странно, как мы с ней разминулись? — удивилась я.

— Может, она в туалет зашла? Или к плановикам, она к ним собиралась вроде.

Когда я вернулась, Тамара Михайловна уже сидела на стуле перед Галиной Николаевной.

— Здравствуйте, Тамара Михайловна. Я документы в архиве оставила...

— Анечка, Марья Семеновна сказала, что твоего папу травмировало вчера, сочувствую, очень-очень сочувствую. Ты, прям, осунулась, под глазами синяки...

— Спасибо, Тамара Михайловна. Я не спала всю ночь, в зеркало страшно смотреть...

— И все равно красавица, каждый раз смотрю и радуюсь.

— Тамара Михайловна, посмотрите, какая невеста хорошая, мы их с Кирюшей женим, женим и все никак, — сказала Галина Николаевна.

Тамара Михайловна рассмеялась:

— Кирилл мой застенчив ужасно. Даже не знаю, как у него жизнь сложится...

— Ну, смотрите, а то опоздаете, на нее уже Тетекин глаз положил. То одну бумажку просит принести, то другую.

— Какой еще глаз? Галина Николаевна, что вы придумываете! Ну, были проблемы с банковскими проводками, вот мы и разбирались! — возмутилась я.

— А Тетекин скоро уйдет от вас. Не слышали? — спросила Тамара Михайловна.

— Нет, — удивилась Галина Николаевна, — а куда?

— В Мариуполь переезжает. Женится он скоро. У него там девушка. Они года два встречались, он к ней ездил постоянно, теперь вот решили оформить отношения. Это нам его дядя сказал.

— Так пусть сюда ее забирает! У него же здесь должность приличная.

— Папа невесты — заместитель директора металлургического комбината, ему там уже теплое местечко готовят. То ли финансовым директором он будет, то ли главным экономистом, точно не знаю...

Подо мной открылась черная дыра. Я, как канатная плясунья, замерла над этой ужасающей пустотой. Чтобы не упасть, я вжалась в стул и почувствовала подступающую к горлу тошноту. Внутри меня затикала мина с часовым механизмом. Шестьдесят, пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь... Женщины продолжали обсуждать будущую женитьбу Тетекина, но я их не слушала. Не хотела слушать. Я, как и во время визита экстрасенса, принялась орать советский гимн внутри головы: «Союз! Нерушимый! Республик! Свободных! Сплотила! Навеки! Великая! Русь!» До меня долетали фрагменты фраз и охов — «я слышала, она очень хорошенькая, Катей зовут, так дядя его говорил... да моложе его на пару лет...» Сорок, тридцать девять, тридцать восемь, тридцать семь... «Славься! Отечество! Наше! Свободное! Дружбы! Народов! Надежный! Оплот!» «Там уже и квартира трехкомнатная ремонтируется, и машина в гараже стоит... с мебелью, с мебелью квартира, а машина — иномарка, мерседес, вроде...» Двадцать, девятнадцать, восемнадцать, семнадцать... «Сквозь грозы! Сияло! Нам солнце! Свободы! И Ленин! Великий! Нам путь! Озарил!» «Кто его знает, может и беременная... Ей уже под тридцать, пора ребеночка рожать...» Шесть, пять, четыре, три, два, один.

Я сорвалась с места и вылетела из кабинета. Я неслась по коридорам, как комета, задыхаясь от собственного огня.

— А я тебя ждал... — сказал Тетекин, когда я ворвалась в его кабинет.

Я, не говоря ни слова, провернула ключ, как всегда, торчащий в двери, подошла и села перед ним на стол, расставив ноги. Он опешил.

— Круто, — сказал он.

— Ты же хотел?

— Хотел...

Я спрыгнула со стола и села к нему на руки. Он принялся меня ласкать, но когда его рука нырнула в трусики, я его остановила:

— Не здесь.

— Что ж ты меня мучаешь! То здесь, то не здесь...

— Пойдем сейчас со мной.

— Куда?

— В одно красивое место.

— У меня работа.

— Мы быстро.

— Что значит быстро? А ключ ты принесла?

— Зачем он тебе сейчас?

— А куда мы пойдем?

— Я же сказала, в одно красивое место. Либо сейчас, либо никогда, понял?

— Почему ты мне дерзишь?

— Извини, мне нехорошо...

— Что с тобой?

Я спрыгнула с его колен.

— Значит так. Сейчас я выйду из комбината и пройду за автобусную остановку. Ты выходи следом за мной, но держи дистанцию. Не упускай меня из вида, но и не догоняй. Просто иди за мной и все. Понял?

— Слушай, может позже? Я жду звонок из объединения...

— Либо сейчас, либо никогда, — сказала я и вышла из кабинета.

За шахтной остановкой была тропинка — самый короткий путь на поляну. Я ждала Тетекина несколько минут, думала, он передумал идти за мной, но вскоре он появился. Я, не оглядываясь, пошла по пустырю. Возле первых зарослей обернулась. Он шел за мной. Я немного подождала, чтобы он не потерял меня из вида, и двинулась дальше. Тетекин догонял меня, его светлая рубашка просматривалась сквозь кустарник. Как же я ненавидела его в тот момент! Если бы я могла превратиться в волчицу, я набросилась бы на него и разорвала горло. Ярость терзала меня, небо и земля перевернулись. Я пробиралась сквозь рухнувшие облака и чувствовала, как небо царапает меня своими грозовым воздухом.

Спустившись к ручью, я остановилась. Он подошел, вытирая лицо платком:

— Ну ты и бегаешь!

— У нас мало времени. Ты же говорил, тебе должны звонить из объединения...

— Я жалею, что пошел за тобой.

— Пошел же...

Когда мы добрались до места действия, я остановилась. Он приближался ко мне как-то неуверенно, боязливо. Как только он оказался рядом, я набросилась на него с кулаками. Махала руками и била по чем придется, приговаривая: «За Катю! За Мариуполь! За Катю! За Мариуполь!».

— Вот оно что, — сказал он и зашелся едким, сволочным смехом.

Потом схватил меня за талию, притянул к себе и стал целовать. Я дергалась, уворачивалась, пыталась оттолкнуть. Мне был противен его гадкий смех. Я вцепилась зубами в его нижнюю губу и почувствовала солоноватый вкус. Он вскрикнул и попытался меня оттолкнуть. Я, как взбесившаяся собака, рвала его плоть. Тогда он вскинул правую руку и выбросил кулак мне в висок. Потемнело в глазах. Я обмякла и сползла на траву. Пришла в себя, когда он срывал с меня белье и холодной рукой шарил по телу. Заметив, что я очнулась, заспешил, стал расстегивать свой ремень. Я попыталась освободиться, он навалился на меня всем весом. И тогда я собрала все силы и лбом боднула его в переносицу. Он вскрикнул и скатился с меня. Я вскочила. Он лежал на самом краю шурфа. Я налетела на него и столкнула в углубление. Бездна принимала его, чавкая и смакуя. Он погружался, с ужасом гладя вокруг себя.

В этот момент из меня хлынуло. Внезапная тошнота скрючила меня, я оказалась на четвереньках. Спазмы душили, и я выхаркивала на траву сгустки красноватой слизи — смесь своей слюны и его крови, которую успела высосать из разорванной губы. Казалось, что душа, сжавшись от ярости, желает вырваться из тела и остаться здесь, на краю обрыва, утонуть в лужице нашей смешанной боли.

Я села на траву, обхватила колени руками и зарыдала. Я выла, как волчица, кусая пальцы и запястья, мне хотелось, чтобы сердечная рана из грудной клетки переместилась на кожу и мясо. Минут тридцать я просидела на краю шурфа, глядя на него, как на морскую гладь, потом сорвала лопух, высморкалась и пошла домой.

Лес вокруг меня изменился, стал бумажным и низкорослым, верхушки деревьев едва достигали уровня груди. Я перестала быть человеком, превратилась в зверька из детского спектакля, пробирающегося сквозь игрушечный лес. Я бежала на месте, а бутафорские деревья и кусты пролетали мимо меня с целлофановым шелестом. Потом полетели маленькие одноэтажные дома, магазины и двухэтажки, чуть достигавшие колен. Очнулась я рядом со своим домом. Солнце заливало двор спокойным, сладковатым светом. Когда я вошла в подъезд, рука автоматически потянулась за ключом, и тут я вспомнила, что оставила сумочку на работе.

Я вышла и увидела паркующуюся под кленом черную машину, а на переднем сиденье, за рулем — Волошку. Рядом с ним сидел кто-то еще. Я подошла к машине, открыла дверь и плюхнулась на заднее сиденье. Второй оказался Трояном. Он повернулся ко мне, увидел мое лицо, скривился и полез в карман за платком.

— На, вытрись, вся морда грязная, — сказал он, протягивая белоснежный комок.

Я взяла платок, плюнула на него и размазала по лицу подсохшую кровь.

Волошка и Троян переглядывались и что-то друг другу пытались сказать взглядами.

— Что это у тебя с лицом? — спросил Волошка.

— Кровь, — ответила я.

Волошка взорвался своим фирменным, скачущим смехом.

— Съела кого-то, что ли? — спросил Троян.

— Монгола, — ответила я.

— Чего? — хрюкая от смеха, спросил Волошка.

— Монгола убила и съела, — сказала я, — поэтому вся в крови. Вы же это приехали выяснять.

— Девочка, иди-ка ты домой, — сказал Троян.

— Не пойду, — ответила я, — вы приехали разборки чинить, вот и чините, где ваш утюги?

— Какие утюги? — удивился Троян.

— Гладить чем меня будете? А иголки, чтобы под ногти загонять, взяли с собой? Нагайка? Испанский сапог? Где все это?

— Пошла на хрен отсюда, — спокойно сказал Троян.

— Не пойду, — ответила я.

— Коля, — выкинь ее из машины и поехали.

— Как поехали? — не унималась я, — А как же независимое расследование, по факту исчезновения Монгола?

Волошка вышел, открыл заднюю дверь и стал тянуть меня за руку. Я сопротивлялась, упираясь коленями в переднее сиденье. Волошка сопел и матерился, но я плотно, как винная пробка, сидела внутри. Ему на помощь пришел Троян — он открыл противоположную дверь и стал выталкивать меня из машины. Они удалили меня из уютного нутра и бросили на землю, лицом в пыль. Машина уехала, а я отползла в траву, перевернулась, заложила руки под голову и стала смотреть на небо.

Синее, синее, синее, синее небо.

Я услышала шаги — из-за угла вынырнул Вася-участковый и пошел к моему подъезду.

На нем была форменная рубашка с коротким рукавом и фуражка. Меня он не заметил, я тихо лежала в густой траве, а он не смотрел по сторонам. Когда он скрылся в подъезде, я вскочила и побежала за дом — там, в палисаднике, росло несколько густых кустов сирени, в детстве мы вооружались брызгалками с водой, прятались в зеленую гущу и вели артобстрел тонкими струями по ногам прохожих.

Отсидевшись некоторое время в кустах, я вышла из укрытия и побрела в сторону леса. Когда я оказалась рядом с домом Богдана, я заметила, что на поляне, на том самом месте, где мы всегда проводили пикники, топчется небольшая кучка людей. Меня кольнуло нехорошее предчувствие, я остановилась. Прятаться было негде, с одной стороны пустырь, с другой — забор. Я пошла к калитке вдоль частокола, подергала за ручку, она оказалась закрытой изнутри. Дальше, у самой широкой щели увидела фрагмент полоумного лица. Я подошла к нему вплотную и прошептала: «Привет, Богдан».

Он ничего не ответил, только заулыбался своей дикой, слюнявой улыбкой.

— Хочешь, я тебе писю покажу? — спросила я.

Он замер и посмотрел на меня с интересном.

— Открой, слышишь?

Богдан сорвался с места, побежал к калитке и громыхнул железной задвижкой. Я нырнула во двор и задвинула щеколду. Щель в заборе давала хороший обзор, я заняла наблюдательную позицию. Вскоре кучка людей с поляны двинулась в нашу сторону, и я стала различать участников шествия. Впереди, выставив перед собой изогнутые проволоки, шел экстрасенс. По правую руку от него — Ирина Хилобок, по левую — старшая банщица, сзади семенили еще несколько человек.

Я отпрянула от щели и присела переждать, пока эта компания пройдет

мимо и исчезнет из поля зрения. Богдан, все это время стоявший в стороне, подошел ко мне, схватил за руку и потянул в сторону дома. Я сопротивлялась, а он возмущенно крикнул что-то бессвязное.

— Тише, идиот, — прошипела я, но Богдан снова дернул меня за руку. Чтобы он не шумел, я перестала сопротивляться. Мы оказались в коридоре, выкрашенном выцветшей, потрескавшейся голубой краской. Несколько дверных проемов были занавешены старыми грязными шторами. Богдан увлек меня в один из них. Мы оказались в душной, маленькой спальне. У окна, занавешенного серой гардиной, стоял стол, заваленный мусором — фантики от конфет, засохшие огрызки, хлебные крошки, засахаренные лужицы, усыпанные мелкой мошкарой. У стены стояла кровать с железными спинками — грязная простыня, подушка без наволочки, убогий клетчатый плед. Над кроватью висел старый гобелен с оленем на берегу реки. В углу деревянный стул, заваленный хламьем.

Богдан усадил меня на кровать, а сам сел на пол, его лицо оказалось рядом с моими коленями. Он мычал что-то бессвязное и гладил мои ноги, едва касаясь грязными, костлявыми пальцами.

В уголках его крупного рта пенилась слюна. Зрачки метались, как испуганные рыбки в глубоководных ущельях слипшихся век, сальные волосы торчали неровными пучками.

Я не могла оторвать от него глаз. Уродство так же притягательно, как красота. Красота — величина постоянная, нерушимое сочетание симметрии и золотого сечения, математическое проявление гармонии. *A* деленное на *B* равно *B* деленное на *A* минус *B*. Какая ошибка допущена природой при расчете формулы изготовления этого парня? Где произошел сбой? В какой точке? Предусмотрела ли природа пару для такого существа или он обречен все свои дни провести в ящике для бракованных изделий?

Всю жизнь девочки издевались над Богданом, заставляли проделывать разные унизительные действия, давали обещания показать свое сокровенное, женское и никогда не выполняли этих обещаний, и вот он сидел передо мной и гладил мои ноги, потому что сейчас осуществится его мечта — он увидит женскую плоть.

Богдан резким движением раздвинул мои колени. Юбка поползла вверх, перед его лицом явились светлые трусики. Он засмеялся и стал их ощупывать. Он водил по ткани вверх-вниз, облизывая влажные губы.

И тут я почувствовала, как внутри под его уродливыми пальцами зашевелилось желание, черное и гадкое, как змея. Эта тварь просыпалась, разворачивалась, окольцовывала меня, наполняла своим ядом. Я закрыла глаза и увидела как там, в темном низу, увеличивается она до размеров удава и душит меня своим сильным током.

Богдан водил и водил пальцами, а мне хотелось, чтобы он сдвинул трусики и прикоснулся к тому, что ни разу не видел. Стыда я не испытывала, будь на его месте какой-нибудь другой парень или даже Тетекин, во мне проснулись бы тысячи комплексов, но сейчас, рядом с этим несчастным дурачком я чувствовала себя абсолютно свободной.

Он сидел завороженный, наблюдая, как искажается мое лицо. Тело мое дрожало, мне хотелось втолкнуть Богдана в себя, как обезумевшей матери, увидевшей, какого урода она произвела на свет. Приближался конец, и когда это случилось, я застонала так громко, что Богдан отдернул руку и отскочил от меня. Эх дурачок, никто и никогда не доставлял мне такого наслаждения. Я встала,

одернула юбку, подошла к Богдану и в знак благодарности поцеловала в слюнявые губы.

Когда я вышла за калитку, увидела, что по дороге со стороны поселка надвигается многолюдная толпа. Кого там только не было, и экстрасенс со своими металлическими усами, и Вася-участковый, и Хилобок Ирина, и заместитель начальника бурцеха Пал Геннадич, и Татьяна Мадамовна, и Галина Петровна, и Элеонора Владимировна Звягина, и ламповщица Катя Король. А заключала колонну плывущая медленно, как катафалк, машина Коли Волошки.

Другого пути у меня не было — я побежала к лесу. Толпа увидела меня и с гомоном ускорила шаг. Теперь я стала маленькой, совсем маленькой, как жук-пожарник. Я перебирала миниатюрными ножками, утопала в пыли, падала, вставала и снова бежала. На поляне, перед входом в лес, у меня порвался ремешок на босоножке. Я сняла обе и бросила в сторону своих преследователей, сначала одну, потом другую. Они рухнули и взорвались, как фугас, поднимая вокруг себя облако пыли. Я нырнула в лес, скатилась к ручью и уже через несколько минут летела к шурфу.

Оказавшись рядом с ним, я остановилась, сделала несколько шагов назад, разбежалась, как на уроке физкультуры, и совершила прыжок в длину, в самый центр выемки. Земля просела подо мной и поехала вниз, как лифт.

18

Я оказалась в зрительном зале, в первом ряду. Передо мной качались ярко-красные бархатные кулисы, откуда-то сверху лился голубоватый свет. Я сидела так, в ожидании представления минуту, две, три, четыре, пять, десять, пока не послышались нетерпеливые аплодисменты. Я оглянулась, но в зале было пусто, я была единственным зрителем.

Наконец кулисы разъехались. В самом центре сцены, на своем деревянном троне, положив руки на подлокотники, сидел Игнат Шубин. Одет он был в черный сюртук, белую рубашку и бабочку. Но на голову была надета все та же шахтерская каска.

Сцена была слабо освещена. Слева от Игната располагался кухонный гарнитур темно-синего цвета с серебристой фурнитурой и столешницами. Из-под навесных шкафов лился свет встроенных лампочек. Заднее пространство стены занимал широкий пятистворчатый шкаф-купе с зеркалами, такой же темно-синий, как кухонные шкафы. А справа, от потолка до пола, широкими фалдами свисала легкая, полупрозрачная серебристая штора, закрывающая вечернее окно, с обилием городских огней.

Шубин некоторое время молчал, потом поднял руку и произнес:

— Очень хочется окрошки, но я не люблю резать вареный картофель. Из-за крахмала он липнет к пальцам. Это неприятно.

Из пустоты снова послышались аплодисменты.

— Может быть, в зрительном зале найдутся желающие? Кто мне поможет порезать картошку?

Из пустоты послышались гэги. Меня подхватила какая-то невидимая сила, и я мигом оказалась на сцене.

— А вот и желающая нашлась! — крикнул Шубин. — Давайте поприветствуем!

Из пустоты грохнули аплодисменты.

Я подошла к плите. На ней, как четыре гриба, выросли сверкающие сталью кастрюли. Я открыла одну из них, оттуда повалил ледяной пар. Я достала картофелину и положила на разделочную доску. Картошка засверкала, заискрилась, скатилась со стола и, брызгая искрами, как петарда, поскакала по сцене.

Все это сопровождалось гэгами и аплодисментами.

— Прекрасно! Прекрасно! — закричал Шубин. — А теперь колбаска! Какая окрошка без колбаски?

Я открыла другую кастрюлю и достала оттуда длинный розовый шарик из латекса, похожий на докторскую колбасу. Мои руки, неожиданно для меня, стали ловкими и умелыми. Делая перегибы, скручивая и закрепляя, в два счета я сделала из шарика воздушную бабочку, которая, несколько секунд посидев на руке, взмахнула крыльями и улетела в зрительный зал, навстречу охам и ахам восхищения.

— Великолепно! — восхитился Шубин. — А теперь огурчики!

Я открыла крышку третьей кастрюли, и оттуда с грохотком стали выскакивать металлические огурцы, тоненькими голосками напевая: «Я сажаю алюминиевые огурцы, а-а, на брезентовом поле, я сажаю алюминиевые огурцы, а-а, на брезентовом поле». Огурцов становилось все больше, они, как хатифнатты, собрались в стаю и сверкающим ручьем потекли к краю сцены. Они хлынули в зал, как водопад, и лились до тех пор, пока голос из пустого зала не крикнул:

— Горшочек, не вари!

Огурцы тут же испарились, словно их не было.

Зал облегченно вздохнул.

— А теперь куриное яйцо! В студию!

Я открыла четвертую кастрюлю, и оттуда выпорхнула курица, с блестками в белоснежных перьях, будто ее нарядили к новогоднему празднику. Она кудахтала и металась по сцене в поисках насеста, ей нужно было снести яйцо. Шубин снял свою каску, перевернул и вытянул на руке перед собой. Курица взлетела, сделала несколько неловких взмахов, приземлилась в это шахтерское гнездо и тут же разразилась громким кудахтаньем. Шубин дунул на нее, и она исчезла. Он достал из каски золотое яйцо, снял фольгу и съел шоколадное лакомство, облизываясь и чавкая.

— А сейчас, пока наша домработница уберет мусор, на сцену приглашаются умирающие лебеди!

У меня в руках, откуда ни возьмись, появились веник и совок. Я принялась подметать куриные перья, фольгу и серпантин, высыпавшийся из искрящейся картофелины. Заиграла музыка — Адажио из балета «Лебединое озеро». На сцену выпорхнули четыре лебедя — Евдошин, Хилобок, Монгол и Тетекин. Одеты они были, как и положено белым лебедям, в белоснежные пачки, пуанты и пуховые веночки. Они, взявшись за руки, проплыли по сцене слева направо, потом справа налево, затем вышли в центр, разъяв руки, повертелись на пуантах, помахали руками и задранными вверх ногами, а потом все в один момент упали на пол и принялись корчиться от боли. Я посмотрела на Тетекина. Казалось, что сквозь него пропускают электрический заряд. В его лице было столько страдания, что я зажмурилась. Когда открыла глаза, его лицо было сведено судорогой, изо рта текла пена.

Я бросила веник и совок, подбежала к Шубину и рухнула перед ним на колени:

— Шубин, голубчик, отпусти Тетекина, я что угодно для тебя сделаю! Я

останусь здесь навсегда и буду готовить тебе окрошку из алюминиевых огурцов, или бутерброды с воздушной колбасой. А хочешь, я станцую тебе танец лебедей или сяду в зрительный зал и буду гоготать? Подмету все твое подземелье? Что тебе нужно? Все сделаю, только отпусти его, пусть он не мучается!

Из зала послышались гэги.

— А кто здесь мучается? — спросил Шубин и оглянулся на «лебедей».

Они, артистично улыбаясь, поднимались с пола, отряхивали свои балетные пачки и кланялись, глядя в зрительный зал.

— А теперь последний, смертельный номер! Полет над бездной!

Послышалась барабанная дробь. Штора, занимавшая правую часть сцены, резко отъехала в сторону, обнажилось светящееся окно. То, что сквозь полупрозрачную ткань казалось огнями ночного города, оказалось открытым космосом. Перед нами в темном эфире вращалась Солнечная система, а за нею в бесконечной дали — миллиарды звезд, комет и пролетающих метеоритов.

Первым разбежался и бросился в космос Евдошин. Он поплыл в невесомости в сторону Юпитера и вскоре скрылся с глаз. Продолжала звучать барабанная дробь. Монгол приготовился к старту, разминаясь, как спортсмен перед забегом. Вскоре и он сорвался с места и прыгнул. За ним, виляя задом, ринулся неуклюжий Хилобок. Они с Монголом взялись за руки и направились к Сатурну. Приготовился Тетекин. Он массажировал мышцы икр, словно готовился к марафонскому забегу. Потом совершил недолгую пробежку на месте, высоко поднимая колени. Я позвала его, а он посмотрел на меня с равнодушной тоской и стремительно выбросился в космос.

Я упала к ногам Шубина:

— Шубин, верни мне его. Мы останемся здесь. Если тебе нужны актеры, мы каждый день будем играть для тебя спектакли. Он будет Буратино, я — Мальвиной, он — Отелло, я — Дездемоной, он — Мастером, я — Маргаритой, он — Орфеем, я — Эвридикой...

— Любовь, любовь... — сказал Шубин и ушел вглубь сцены.

Тогда я вскочила на ноги, разбежалась и бросилась в открытую бездну вслед за белыми лебедями.

Перед прыжком я зажмурилась и приготовилась к легкости и невесомости, но вместо этого почувствовали сильный удар. Придя в себя, я увидела, что окно, за которым вращался космос, оказалось застекленным. Я подошла к стеклу вплотную, а с другой стороны ко мне, как большая рыба, подплыл Тетекин. Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом он сделал несколько оборотов и поплыл по-лягушачьи к Солнцу, разгребая эфир перед собой.

— Что теперь будет?! — закричала я, обращаясь к зрительному залу. — Что теперь будет?! Что будет?!

Мой крик срывался на ор. Пустой зал сначала зааплодировал, потом стих.

И в этой тишине таинственно и зловеще зазвучали последние слова Шубина.

— Будут танцы.

Полились звуки танго. Раскрылась центральная дверь шкафа и оттуда появился скелет. Пластично приплясывая, он подошел ко мне, заключил в объятия и властным движением повел по сцене. Я никогда не танцевала танго, но мое тело внезапно стало послушным и пластичным, словно внутри включилась неиспользованная ранее функция. Я вертелась, делала низкие прогибы назад, выбрасывала ноги выше головы, оплетала своего партнера, как лоза. Он

склонялся надо мной, имитируя поцелуй, заворачивал меня в свои объятия, резко раскручивал, прижимал к себе, отталкивал и вдруг, в один из моментов, когда я, выброшенная резким движением, отлетела от него на расстояние наших вытянутых рук, скелет отпустил мою кисть, и я прямиком влетела в открытую дверь шкафа. Точное попадание. Я, словно мячик для гольфа, нашла свою лунку. Капсула закрылась.

19

Вернувшись на поверхность, я увидела поселок другим, словно изменилась картинка внутри калейдоскопа. Дома осели, заборы осунулись, металлические ворота поржавели. Стало душно и тесно. Меня не отпускало чувство, что я, как чуждый пазл, встроена не в свою карту. Я написала заявление на увольнение и стала собирать вещи. Мама отговаривала, но все же позвонила двоюродной сестре в Москву, чтобы приютила меня, пока буду искать комнату и работу. Вскоре я устроилась кассиром в автосалон, принимала наличность у клиентов. Через пару месяцев в наш салон пришел новый менеджер, Женя, он и стал моим мужем.

Через год после свадьбы у нас родился мальчик Дима, а потом, еще через год, две девочки-близняшки — Оля и Катя. После декретного отпуска я так и не вышла на работу, занимаюсь детьми. Муж неплохо зарабатывает, на жизнь хватает. Семь лет назад мы взяли кредит в банке и купили дом в Подмосковье на берегу Пахры.

Из старых подруг общаюсь только с Зоей. Она до сих пор с Хилым, так и живут не расписавшись, и детей у них нет. Правда, она давно не появлялась в скайпе и телефон недоступен, видимо, поменяла номер. Когда в наш поселок пришли военные и над крышами засвистели снаряды, они с Хилым уехали в Одессу к его двоюродному дяде.

Мама живет с Шуриком. Лет десять назад, в один год, друг за другом умерли его родители, и мама переехала к нему в дом. Когда танки пошли на Донбасс, мы звали их к себе, но они так и не приехали, не хотели бросать корову и курей. Отсиживались в подвале.

Тетекин Владимир Андреевич сделал карьеру и сейчас возглавляет объединение «Шахтерскантрацит», вернее то, что от него осталось. Говорят, его все уважают. Когда военные перекрыли дороги, он ежедневно ходил на работу пешком через блок-посты (десять километров туда, десять обратно), пытался спасти оставшееся оборудование. Он женат на той девушке из Мариуполя, но к ней не переехал, живет в Александровке.

Евдошин женился на Татьяне Мадамовне. Где они сейчас, не знаю, говорят, вроде перебрались в Россию.

Монгол во время конфликта воевал в ополчении. Когда все началось, я плохо спала, звонила матери по несколько раз в день, сидела в интернете и дни напролет читала новостные сводки. Однажды пошла по ссылке на ютуб и посмотрела ролик «Реальное видео от ополченцев». Показывали разбомбленную тюрьму под Дебальцево, где обосновался отряд добровольцев, и там, среди бойцов, одетых в камуфляжную форму, увидела Монгола. У него брали интервью. Он говорил, что ночью снова был обстрел, и показывал на разбитое окно.

О Хилобке знаю только, что когда он вернулся от Шубина, у них с Ириной родился еще один ребенок. Мальчик.

Евгений Солонович

И не вернулся шарик голубой

* * *

Февраль с короткого разбега
впадает в март.
Ещё зима —
и солнце щурится от снега,
скользнув по кривизне холма.

И солнце, и хрустальный куст,
и верба в розоватой дымке,
и щебет птахи-невидимки
как истина из первых уст,

и облако, и лыжный круг,
ведущий под лесные своды,
где истина — из первых рук,
из материнских рук природы.

* * *

Дождь смывает остатки угрюмой зимы,
кладовые её обнажая —
тайны, взятые снегом московским взаймы
до поры.
Тут и там проступает чужая
жизнь следами сомнительной снежной поживы,
откликаются, как на немое ау,
стеклотара, окурки, презервативы
откровенные, слипшиеся, б.у.
Убирая чуть свет эту грязь и другую,
будит дворник весь дом беспощадным скребком.
Я его про себя безнадёжно ругаю,
я бы снова заснул на боку,
если б знал, на каком.

Солонович Евгений Михайлович — поэт, переводчик. Родился в 1933 г. в Крыму, в Симферополе. Его переводы из Данте, Петрарки, Ариосто, Джузеппе Джоакино Белли, нобелевского лауреата ЭуджениоМонтале и других итальянских поэтов отмечены рядом литературных премий, в том числе Государственной премией Италии в области художественного перевода, премиями «Венец», «Мастер», премией журнала «Октябрь». Живет в Москве.

* * *

Календарное полнолуние
ночь бессонную снова пророчит.

Кто скрывает привычно уныние,
кто природе привычно перечит
и, мурлыча мелодию сольную,
телефонную книжку листает
раз за разом, как ты, и в бессонную
ночь придирчиво память латает,
где с кириллицей вкупе латиница
в частоколе арабской цифири...

Позвони, —
может, кто-то откликнется
в этом непредсказуемом мире.

* * *

Чужие не запомнились дорогам,
где ты прошла одна или со мной,
где помолчать успели мы о многом —
на все почти что темы до одной,
где было всё — и слякоть, и пороша
(по Щипачёву), было, не отнять,
где неподъёмная порою ноша
казалась лёгкой пёрышку под стать,
где, далеки от мысли о причале
последнем, ты да я, да мы с тобой
обречены молчать наперебой,
о стольком навсегда не домолчали...

И не вернулся шарик голубой...

На даче

Вечер. Заварить чаёк пора,
чайник в бабу ватную укутав,
дочитать потом успею про
ничевоков и обэриутов.

Жаль не дожили ни те, ни те
до высоких нынешних запретов,
чтобы всё узнать о чистоте
языка своих коллег-поэтов,

чтобы затыкали заодно
с нами уши в театральном зале,
чтобы пикало при них кино
и они про это рассказали,

чтобы от зари и до зари
Заболоцкий лопался от смеха,
чтобы дружно ржали чинари
и геройски материлось эхо.

* * *

Очень жаль мне тех, которые
Не бывали в Евпатории.
В. Маяковский

В вагоне трамвайной одноколейки
вместо сидений — вдоль окон скамейки,
время действия — детство, история,
место действия — Евпатория.
Возят за деньги, а деньги откуда?
С деньгами у родителей худо,
дома к чаю подушечки (небось не трюфели!),
а насчёт прокатиться —
так можно на буфере
(как сказали бы нынешние мальчишки:
«круто!»).
У трамвая два или три маршрута,
город маленький (тогда ещё), ездить некуда,
даже тем, кто торопится, кому некогда.
Не Москва с метро —
школу можно прогуливать
на своих двоих: за угол повернули ведь,
и сентябрьское море — вот оно
(система предшественниками отработана).

В эти дни о себе не случайно напомнила
Евпатория,
не случайно грустью наполнила
душу,
и без этого чувства щемящего
не укрыться в прошлом
от настоящего.

* * *

К. С.

Часовых поясов чресполосица
не меняет для нас ничего,
к нам с тобою она не относится,
час вперёд, час назад — что с того!
Стрелки предусмотрительно замерли
там, где мы их застали врасплох...
Впрочем, не ожидали и сами мы,
сосчитать не успели до трёх.

* * *

Мы друг друга без слов укачали,
потому что такими ночами
счастье проще простого спугнуть,
и молчат воспалённые губы,
только дышат органные трубы,
разрывая дыханием грудь.

Владимир Некляев

Реинкарнация

Рассказ

С белорусского. Перевод Галины Красоткиной

— Я могу сказать, что я о вас думаю. Я ничего о вас не думаю!

Это неправда. Он обо мне думает. Скорее всего, думает что-то нехорошее, потому и говорит, что не думает ничего.

— Вы напрасно в это влезли. Оно не могло у вас получиться, потому что это не ваше.

Возможно и так. А говорит, что ничего не думает.

— А вы никогда ничем НЕ своим не занимались, доктор?

Он молчит, погрузившись в свое, из чего следует, что ничем НЕ своим не занимался он никогда.

— И не принуждали вас?

Молчит.

Что ж, оно и вправду не могло у меня получиться, потому что это не мое. То, что не твое, получиться у тебя не может. Это понятно любому с самого начала. Однако с самого начала любому понятно и многое другое. Например, то, что он умрет, и существует хоть и не точная, но вероятность предстать после смерти перед Божьим судом. И что? Каждый что ли боится суда? Да каждый полагает, что все окочурятся, а он — нет. Неизвестно как, но смерти избежит.

Доктор или человек, которого я считаю доктором, потому что он принуждает меня глотать таблетки, говорит:

— Это вам не поможет.

Он не имеет в виду медицину. Хотя, может быть, и ее, мы как раз о ней говорили. Я стараюсь не молчать, говорю и говорю с ним, чтобы он вслушался, вгляделся в меня. Сообразил, кто я такой, и поспособствовал, чтобы с меня сняли наручники, которыми я пристегнут к кровати.

— Держитесь.

Я держусь. Хочу лишь, чтобы он понял, что нельзя с человеком, который, хоть и не доктор, однако о том, как выстраивают свои цепочки и взаимодействуют нейроны, знает не меньше доктора, так обходиться.

— Не в моих силах прекратить активные допросы.

Владимир Некляев — родился в 1946 г. Известный белорусский поэт, прозаик и общественный деятель. Постоянный автор «ДН». Последняя публикация — рассказ «Кашинская квартира» (2015, № 9).

Ладно, допустим, активные допросы, как тут называют пытки, прекратить он не может, но ведь он же доктор, он давал клятву Гиппократа, и в любом случае должен быть на моей стороне. Уговорить, упросить, убедить, чтобы с меня сняли наручники, отстегнули от кровати, позволили сделать хотя бы несколько шагов от стены до стены. Однако он никого не уговаривает и никого ни о чем не просит.

— Это не в моей компетенции.

В его компетенции нажимать красную кнопку над столом — и как только он на ту кнопку нажимает, появляется худая, со шрамом над левой бровью медсестра. Она молча наполняет шприц какой-то мерзостью, которую передает ей доктор или человек, которого я считаю доктором, поскольку на нем белый халат, и он следит, как медсестра делает инъекции, после которых начинаются такие спазмы, что от боли я теряю сознание. Когда оклемываюсь, мне сначала выворачивает кишки, а затем перекручивает сознание: я становлюсь вроде как бы и не я — и тот, который НЕ я, наговаривает на того, кто Я, все, что угодно. Уже столько всякого-разного на самого себя я наговорил, но им все мало, мало, мало, они меня пытают, пытают, пытают — и у них претензии к доктору:

— Вы уменьшаете дозы, доктор! Или он привыкает?

Доктор дозы не уменьшает, и я не привыкаю. К этому невозможно привыкнуть. Просто я не понимаю, чего они от меня хотят, и, похоже, они уже и сами этого не понимают.

— Зачем вы упорствуете? Выгодное условие...

— Что в нем выгодное?

— Жизнь. Иначе вы окочуриться можете. Для активных допросов ваше здоровье...

Он покручивает пальцами так, будто подтверждает, что мое здоровье не выглядит пригодным для активных допросов.

Жизнь и вправду неплохое условие. Но почему именно они мне ее предлагают? Кто они такие?

— Кто они такие, — спрашиваю я доктора, — чтобы предлагать то, что уже без них дал Бог?

Доктор морщится, он всякий раз морщится, когда я упоминаю Бога. Затем дает мне таблетки, которые всегда дает за полчаса перед каждой инъекцией, и говорит снисходительно:

— Они — власть, которая от Бога. И значит, могут предлагать то же самое.

Полчаса спустя — очередной укол и допрос. Они мне по часам, по минутам расписали активные допросы, и самое страшное — смотреть на часы, которые висят над столом, где красная кнопка, и ждать.

— Это ложь.

Он достает из маленького холодильника, издающего неожиданно громкое для такой малютки гудение, ампулу с мерзостью.

— Что обман?

— Что власть от Бога. В аутентичном тексте Святого писания сказано: «Всякая власть под Богом». Это уже в переводе попы придумали для царей, что всякая власть — от Него, а не под Ним.

Какое-то время доктор о чем-то думает, затем произносит:

— По-моему, там все-таки сказано, что власть от Бога, но это не важно. Бог к Человеку как к человеку вообще отношения не имеет. Потому что человек не есть человек.

Я не понимаю: о чем это он?

— А кто?

— Животное. В изначальном смысле. И не торопитесь возражать! Все определяется механизмами возобновления, создания себе подобных. А какие они у вас? Точно такие же, как и у любого и каждого животного. В таком случае кто вы?

— А вы?

— А если вы не человек, — продолжает, словно не услышав меня, доктор, — так и Бог для вас не Бог. И для них, — кивает он на дверь, за которой в черной форме и черных масках стоят охранники. — Так что напрасно вы с ними про Божий суд. Стыд, совесть... Волку не стыдно зайца сожрать.

Доктор, разумеется, не животное, не с его фанаберией животным себя считать. Что-то в его жизни не сложилось, иначе не был бы он здесь и не занимался бы тем, чем занимается, из-за чего превратился в обычного человеконенавистника. Однако быть просто мизантропом слишком уж банально, поэтому он выдает себя еще и за циника.

Философствует.

Все это из-за того, что он — безбожник. Однако быть просто безбожником также банально, как быть просто мизантропом, и поэтому он выдает себя за верующего, который разочаровался в христианстве. «Сын Божий, — объясняет он причину своего разочарования, — не может быть страдальцем, который сам тащит свой крест на Голгофу, чтобы быть распятым за чужие грехи. Каждый должен отвечать только за свое».

Разочаровавшись в христианстве, доктор исповедует индуизм, но не как религию, а как философскую систему, и тридцать первую часть третьей песни «Бхагавадгиты», посвященную реинкарнации, считает наилучшим из всех, когда-либо написанных, философским трактатом, так как в нем решается проблема сосуществования добра и зла.

— Если Бог — это любовь и добро, откуда тогда зло и страдания? Почему гибнут дети?.. Попы с ксендзами придумывают такое, чего сами не понимают, потому что ответа на это нет ни в Старом, ни в Новом заветах. А в ведах есть: реинкарнация. За грехи, содеянные в предыдущей жизни, в новой жизни настигает кара. Все логично.

У доктора есть качество, присущее всем людям с завышенной самооценкой: они полагают, что никто из живших ДО них о жизни на этом свете ничего не соображал. Вот и о том, что написано о добре и зле в ведах, доктор рассуждает так, будто сам это и написал.

— Бог не в деяниях, а в их причинах.

— Да бросьте... — положив на стол ампулу, нажимает доктор красную кнопку над столом. — Один немец давно изрек: «Бог умер!» Но немец этот, как и все немцы, поспешил. Бог будет жить до тех пор, пока мы не определим источник нашего сознания.

Вот с чего он решил, что все немцы спешат?

— Так уже определили источник... — И я читаю ему наизусть (так в моем мозгу выстраивают свои цепочки и взаимодействуют нейроны, что я дословно запоминаю тексты, которые мне вовсе без надобности): «Предположение, что нейроны не способны к трансформации и изменению связей друг с другом, опровергнуто. Процессы изменения связей зафиксированы пока что на микроскопической частице головного мозга, однако этого достаточно для понимания сути нашего сознания».

Я думаю, что этого все-таки недостаточно для понимания нашего сознания,

но доктора раздражает не то, что я думаю, а то, что лезу не в свое, поэтому он злится, бьет сверху кулаком по холодильнику — и тот замолкает.

— Не лезьте не в свое!.. Немцы снова поспешили — определенное ими ничего не определяет! И ни на что не влияет! Пожалуй, лишь на экспертов Комитета по Нобелевским премиям может повлиять. — И кивнув на троих мрачных мужчин за дверью, которую открыла, входя, медсестра, он добавляет уже потише. — Но не на этих товарищей.

Доктор знает, что процесс изменения связей между нейронами зафиксирован недавно именно немцами, а трое товарищей, входящих за медсестрой в выложенную синим кафелем, похожую на морг комнату, где меня держат уже пятые сутки, об этом не знают и знать не желают. Один из них, товарищ генерал, кивает доктору, тот кивает в ответ, и я никак не могу понять: что означают эти их кивания друг другу?.. — а ко мне подходят охранники, прижимают к кровати, сестра отламывает кончик ампулы, наполняет шприц, перетягивает резиновым жгутом выше локтя мою правую, которая не в наручнике, руку, делает укол — и меня словно током прошивает еще до того, как в кровь мою начинает вливаться мерзость...

— Спокойнее, спокойнее, — наблюдая, как выдавливает последние капли из шприца медсестра, говорит доктор. — Нет от чего дергаться. Так, чтобы дергаться, еще не болит.

Я уже знаю, КАК оно будет болеть, и от этого знания начинаю чувствовать боль еще до того, как она пронзит меня током, скрутит, пробьет от пяток до мозга, в котором в предчувствии боли панически начинают суетиться, разрывая всякие связи между собой и мною, нейроны.

Сестра молча выходит и закрывает за собой дверь.

Те двое, что вошли с генералом, старший и младший, тоже смотрят на доктора, и он также им кивает . Я не понимаю, что это означает, зачем доктор кивает и генералу, и этим двоим, но знаю, что самый молодой среди них на самом деле самый старший. Самый главный, потому что он сын того, кто всех их в эту покойницкую ко мне посылает.

Меня привезли сюда четыре дня тому. Ночью, с завязанными глазами. Была зима, и запахов никаких не чувствовалось, только запах снега, но, судя по тишине, заполнившей уши, когда вывели из машины, привезли меня в лес. Лесная тишина отличная от тишины речной или полевой, я привык распознавать их еще в детстве. Только в детстве я не мог подумать, услышав лесную тишину, что меня в ней убьют, а тут подумал, потому что на первых допросах в тюрьме, из которой среди ночи меня в лес привезли, как раз этим пугали...

Под руки меня повели по ступенькам вниз, значит, в лесу было какое-то строение, и когда развязали глаза, увидел это холодно-голое, выложенное синим кафелем, похожее на морг помещение. Посередине стояла кровать; возле одной стены с часами на ней — стол, кресло и небольшой холодильник, а возле другой — что-то похожее на еще одну кровать, опутанную проводами, обставленную приборами и какими-то приспособлениями, одно из которых было с резиновой камерой, как для мяча, которым в детстве мы играли в футбол. Я решил, что это предназначено для того, чтобы дышать, и не ошибся: опутанная проводами, обставленная приборами кровать оказалась аппаратом для искусственного поддержания жизни.

Они не давали тем, кого сюда привозили, умереть... Если кто-то не выдерживал на кровати, стоявшей посередине комнаты, его перекладывали на кровать у стены. А потом опять укладывали на кровать посередине комнаты.

Господи, что они сделают со мной?

— У вас нет выбора... — в который раз произносит одно и то же генерал. — Вы называете страны, конкретные ведомства и конкретных людей, которые помогали вам готовить государственный переворот. Мы вводим препарат — и боли не будет.

Переворот, препарат... Мне УЖЕ больно, а он: боли не будет. Что значит «не будет?» Они вколят мне что-то такое, от чего я окочурюсь?

— Я не готовил государственный переворот.

— Вы называете страны, конкретные ведомства и конкретных людей...

— Доктор говорит: «У каждого человека свой порог боли, который он может выдержать. За этим порогом — смерть. От боли останавливается сердце». Он мог бы этого и не говорить, я всякий раз удивляюсь, когда боль начинает спадать, что сердце не разорвалось. Я навыдумывал множество стран, ведомств и людей, которые мне помогали, но это не те страны, не те ведомства и не те люди — им нужны другие.

Я спрашиваю: «Какие?..» — а они не говорят. Потому что сами не знают, какие.

Они, похоже, вообще не знают, чего хочет от меня человек, который ими руководит и посылает их ко мне.

— У каждого человека свой порог боли, который он может выдержать, за этим порогом смерть, от боли останавливается сердце, — повторяет слова доктора сын того человека, самый молодой из этих троих, которых послал он ко мне. И поворачивается к доктору: «Так, доктор?» Доктор в который раз кивает: «Так».

Первый спазм!.. Господи, дай мне не выдержать, дай мне умереть!..

Боль невыносимая... и длится, кажется, с того самого дня, когда я родился, и если такие муки ожидают нас после смерти за грехи наши, значит нужно либо не грешить, либо не умирать, а я умираю, услышал меня Господь... услышал, но не принял, я плохой верующий, да и не верующий я никакой, потому что весь в соблазнах, из-за которых вляпался в то, что не могло у меня получиться, потому что оно не мое... и Господь карает, оставляет меня жить в спазмах, в боли, которая дергает, скручивает, прошивает, пронизывает до мозгов, в которых панически суетятся, разрывая всяческие связи между собой и мной, нейроны... И когда я оклемываюсь, их выворачивает наружу, меня тошнит ими, нейронами, моими мозгами, в которых перекручивается сознание: я становлюсь как бы не я — и тот, кто НЕ я, на того, кто я, что-то все наговаривает, наговаривает, наговаривает, а старший из тех двоих, пришедших с генералом, записывает, записывает, записывает на диктофон и в записную книжку...

— Крепкий вы... — говорит доктор, когда генерал и те двое с ним выходят. — Ваш отец в каком возрасте умер?

Я не помню, в каком возрасте умер отец.

— А мать?

И про мать не помню... Я не помню даже про себя... Но помню про доктора, которому пробую сказать: «Пусть вы не можете это остановить, но...»

Мне трудно произносить слова не потому, что не хотят слушаться язык и губы, а потому, что в мозгах порваны связи между нейронами — и мысли тычутся слепыми котятами в поисках тех, что остались целыми, цепочек.

— Что «но»?

— Вы могли бы в этом не участвовать.

Доктор смотрит на меня так,как будто то, что я сказал, его очень удивило.

— Мы же говорили с вами про индуизм, про карму, про реинкарнацию...

Да, мы говорили с ним про индуизм, про карму, про реинкарнацию, про изменения связей между нейронами, мы о многом говорили — и что с того? Меня пытают, а он ведет разговоры о индуизме! О законе кармы, по которому, если ты родился палачом, то первейшая твоя обязанность — как можно лучше отрубать головы. Пусть даже так, хотя оно и не совсем так, однако он не палач, а доктор. Именно это я хочу до него донести, в ответ на что он заявляет: «Возможно, в предыдущей жизни я был палачом, исполнил карму палача и стал доктором».

Он не исполнил карму палача и не стал доктором. Доктора не занимаются пытками.

— Разве я вас пытаю?

— А кто?

Он кивает на дверь... Мол, не он... Те, что за дверью... Я спрашиваю:

— А мерзость кто в меня закачивает?

— Сестра. Каждый должен отвечать только за свое.

Он, значит, отвечает только за то, что нажимает красную кнопку.

Тогда за что отвечает генерал? И тот, кто с ним? И сын того, который всех их ко мне посылает?..

Я не задаю эти вопросы доктору, потому что они — из разряда тех, которых он не слышит, но сам спрашивает: «Я исполняю карму доктора, а вы — чью?..»

Он хочет, чтобы я только о том и думал, что взялся не за свое.

Я думаю, что карму доктора он выполняет не так, как надлежит, однако мало ли что я думаю... Я даже не знаю, думаю ли я вообще или нет?

Боль не может думать — она просто болит.

— Кстати, — говорит доктор, не дождавшись ответа на вопрос, чью карму я выполняю, — вы можете этого и не знать. Поэтому наговариваете на себя лишь бы что.

— Каждый из нас, ничего о себе не зная, лишь бы что на себя наговаривает.

Доктор с минуту молчит, затем кивает головой:

— Пожалуй, это так. Хоть главное о себе знают все.

Я не спрашиваю, что такое главное о себе все знают — он мне об этом уже говорил: «Нажми на любого — и из любого вылезет кусок дерьма. Больше ничего». Когда я пытаюсь возразить: «Дерьмо из себя каждый должен выжимать сам...» — он всякий раз прерывает: «Меня интересуете не вы, а ваша боль».

Я пытаюсь его понять.

Он говорит: «Все решает то, больно тебе или не больно, а если больно, то как?» И в минуты, когда мне не больно, я готов признать, что в его размышлениях есть правда: всем нам жалко, когда кто-то, рыба или птица, гибнет; или что-то, альпийский цветок или моравский язык, исчезает, однако кому-то это болит, а кому-то — нет.

— Вас интересует, доктор, болит ли во мне то, из-за чего меня приковали к кровати в вашем морге?

— Нет. — Он усмехается, и усмешка у него надменная. — Что у вас может болеть? Свобода? Демократия?.. Таких органов у человека нет.

К боли привыкнуть невозможно, а к цинизму — можно. Наверное, я привыкаю, потому что спрашиваю: «А у вас карма болит или реинкарнация?...» — и он, как всегда, не слыша того, чего не хочет слышать, продолжает: «Есть кишки, почки, железы. Еще две-три инъекции — и вы оставите игры в то, во что вам не нужно играть, чтобы выжить».

— Я помню, что во мне есть что-то еще, помимо внутренностей.

— Забудьте. Как в новой жизни забывают о жизни предыдущей. Почему, кстати, мы ничего из нее не помним? В этом заключался основной вопрос, связанный с идеей реинкарнации. Брахманы нашли ответ: мы обо всем забываем через боль рождения. Так написано в ведах. Не рождение, а боль создает нового, или как бы нового, потому что он уже был, человека.

Он что, полагает, что создает во мне нового человека?..

— Вы, может быть, думаете, что создаете во мне нового человека, доктор?

— В некотором смысле... Если мы являемся в этот мир через боль, значит, что?..

Он делает паузу, ожидает, пока нейроны в моем мозгу наладят такие связи, с помощью которых я смогу понять, для чего мы появляемся на свет через боль, а я смотрю на часы, обе стрелки на которых неумолимо приближаются к болевому барьеру, и доктор, выждав, констатирует:

— Значит, боль — путь к истине. Недаром же, когда болит — кричат.

— Что значит «недаром?»

— Недаром, потому что постигают истину.

— Она такая страшная?

— Она такая простая.

Я, кстати, не помню, кричу ли? Не слышу себя сквозь боль.

— Я кричу?

— Еще как... — взглянув на часы, направляется к холодильнику, чтобы взять мерзость, доктор, а я напоминаю:

— Вы не дали мне таблетки.

Он останавливается.

— Вот видите, вы уже что-то стали понимать. Наконец.

— Что?..

Доктор не успевает разъяснить мне, ЧТО я наконец понял. Настежь распахивается дверь, в ней появляются трое — и один, генерал, бросает с порога:

— Доктор, вы готовы?

До инъекции остается полчаса.

— Еще полчаса... — растерянно смотрит на генерала и на тех двоих, что вошли с ним, доктор, а сын того, кто всех их ко мне посылает, говорит отрывисто:

— Давайте пораньше. Чтобы не привыкал.

— Но я не... — начинает и замолкает, наткнувшись на взгляд генерала, доктор, подходит к столу, становится возле него спиной ко всем, нажимает красную кнопку... раз... другой... третий... но сестра, которая обычно является мгновенно, не идет... не идет... не идет... и один из охранников, стоящих в дверях, виновато произносит: «Ее нет. Вышла, будет через полчаса».

Шея генерала под белым воротничком рубашки начинает наливаться краской.

— Как нет?.. Куда вышла?.. Здесь закрытый объект или районная поликлиника? — наступает он на охранников. Затем резко поворачивается и бросает доктору: — Значит, сам!

Доктор также поворачивается:

— Я не...

И снова не успевает договорить.

— Что не?.. Колоть не умеешь?.. — с угрожающим удивлением спрашивает генерал, а тот охранник, который повинился за медсестру, предлагает:

— Давайте я... Я умею, нас учили.

Генералу, раскрасневшемуся из-за того, что начальство привел не на закрытый объект, а в районную поликлинику, из-за чего у него могут быть проблемы, хочется побыстрее все закончить, и он согласно кивает: «Ну, давай, раз учили...» — и охранник направляется к моей кровати, но сын того, кто всех их ко мне посылает, вдруг говорит: «Нет! Каждый отвечает за свое!» — и в упор глядит на доктора, будто подслушивал все, о чем мы с доктором говорили. Может, и подслушивал... Они и в районной поликлинике все слушают.

Долгого взгляда в упор доктор не выдерживает, достает из холодильника ампулу с мерзостью, кладет на стол, снова нажимает красную кнопку... Раз... второй... третий... и рука, которой он кнопку нажимает, начинает дрожать... а сестра не идет, не идет, не идет — и происходит удивительная вещь: мне хочется, чтобы она пришла, несмотря на то, что я должен хотеть другого; ведь какое мне дело до этого доктора, циника, который доказывал тут свою исключительность, а сейчас его ткнут носом в его же дерьмо, покажут, чего он стоит, объяснят, что ничего он не значит, но вот ведь что-то я для него значу, если он хочет показать мне — а кому же еще? — что не такой, как они, что отвечает только за красную кнопку, которую нажимает, нажимает, нажимает, пока третий из тех, что вошли, самый старший из них, не кричит: «Делай, что говорят!» — а генерал, которому перед сыном того, кто всех их ко мне посылает, только бунта в районной поликлинике не хватало, подходит к столу, берет ампулу и подает ее доктору: «Или ты колешь это ему, или он, — кивает генерал на охранника, вызвавшегося сделать инъекцию, — колет это тебе...»

Генерал стоит спиной ко мне, однако даже по спине генеральской видно, ЧТО ожидает доктора, если он не возьмет ампулу: вон как охранники вытянулись в струнку! Доктор замер, стоя ко мне лицом, и по лицу его не скажешь, что он готов сделать шаг на пути к истине, которая постигается через боль. Такого развития событий он не ожидал, в мозгах его рвутся, лопаются привычные связи между нейронами, но почему-то я не чувствую из-за этого никакого удовлетворения или злорадной радости: вот тебе, мол, тридцать первая часть третьей песни «Бхагавадгиты»! Мне даже жалко доктора, потому что, каким бы он ни был циником, он единственный, кто чувствует за то, что здесь происходит, хоть какой-то стыд, или, возможно, не стыд, что-то иное, я не знаю, что в таких случаях чувствуют циники... Но ведь что-то же он чувствует, если пробует сохранить хоть остатки достоинства, пусть и не похоже, что ему это удастся, разве только после реинкарнации, в другой жизни... а может, удастся и в этой, потому что в дверь вбегает запыхавшаяся медсестра: «Извините!» — и берет из рук генерала ампулу.

Возможно, из-за того, что доктор не дал мне таблетки, боль на этот раз была такая, что остановилось сердце. «Вот видите, вы уже кое-то поняли... наконец!..» — слышался в снежной лесной тишине, не похожей ни на тишину речную, ни на тишину луговую, чей-то знакомый голос, и мне все хотелось вспомнить: чей?.. и не терпелось допытаться у него: что же такое я наконец-то понял? Вряд ли я когда-нибудь об этом узнаю, так как, оклемавшись на опутанной проводами кровати, дыша через резиновую, как для мяча, которым играл в детстве, камеру, вижу в холодно-голой, обложенной синим кафелем комнате совсем другого, не знакомого мне человека, которого из-за того, что был он в белом халате, можно было принять за доктора.

12—21 февраля 2011, Минск

ГЛАЗАМИ НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Дина Дубровская

From China with Love

Не помню, как на самом деле звали того моего китайского друга-русиста, который сразу представился: «Леша». Он пришел ко мне в общежитие Гуманитарного университета сам, каким-то образом разузнав о приезде нашей стажерской группы и миновав местного вохровца-портье, защищавшего то ли нас от китайцев, то ли китайцев от нас. Войдя, юноша объявил, что учит русский язык, что хочет дружить и что он Леша. Прошло время, и у Леши все получилось — мы подружились, он чем-то торгует в России и «Лешей» стал настолько убедительным, что никто теперь и не вспомнит, как его зовут на самом деле.

Я давно уехала из того Китая, где остались Леша и дружба с ним, зато сам Леша как-то приезжал к нам в гости, будучи в Москве. Он расцвел, стал похож на настоящего *сюцая*[1], приобрел приятную полноту, привез нам в подарок белую вышитую шелковую скатерть и уехал назад. Тогда, в Китае, Леша как-то раз очень помог мне, найдя возможность отправить срочную телеграмму домой в Москву, проводив на почту и пройдя со мной все необходимые формальности до последней запятой (шел тот самый 1989 год, на пекинских перекрестках стояли автоматчики, была доинтернетная, да практически докомпьютерная эпоха... именно в Китае я впервые увидела персональный компьютер и странную штучку на веревочке под названием «мышь»). Помню, я отнекивалась — да не надо, мол, сама очередь достою, а потом до дома дойду. «Нет, — твердо сказал Леша. — Хорошее дело доводи до конца». Так китайский студент Леша стал для меня не только другом, но и совестью.

Дина Викторовна Дубровская, по образованию (Институт стран Азии и Африки при МГУ) историк-китаевед, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Стажировалась в Китае. Автор двух монографий по истории Китая («Судьба Синьцяна» и «Миссия иезуитов в Китае»), ряда переводов англоязычных авторов и (под псевдонимом Анна Одина) собственной беллетристической трилогии «Четвертый берег» («Амфитрион», «Магистр», «Всадник») в соавторстве со Станиславом Михайловым, выпущенной издательством АСТ.

[1] Традиционно — молодой ученый-чиновник (*кит.*).

И вот мы приближаемся

«Каменные львы на мосту Лугоуцяо — не сосчитать».
Китайская поговорка-недосказание

...Они стояли вдоль железнодорожных путей — справа и слева — навытяжку, в синих, неизбежно чуть помятых формах и фуражках; на лицах не значилось ничего, казалось, и самих лиц не было, смотрели они не на нас, а на въезжающий в Срединное государство поезд. И мы въехали.

Мне хочется рассказать именно о том, давнем, путешествии, когда мне довелось увидеть много провинции и когда еще не весь остальной мир был *«Made in China»*, ибо именно эти впечатления, а не беглые восторги, окружающие какую-нибудь конференцию, оставляют ощущение прикосновения к живому народу. И расскажу я, наверное, не обо всех — даже важнейших — сторонах жизни и культуры Китая, не обо всех чертах «национального характера» китайцев. Попытаемся сложить пусть небольшую мозаику, а что получится из нее — складная картинка или китайский росчерк тушью — будет видно.

Так вот, то была длинная полугодичная стажировка, я только-только защитилась и поехала в «страну изучаемого языка» от тогдашнего МинВУЗа — бесплатно и с огромной стипендией, раз в двадцать превышавшей зарплату моих местных китайских профессоров. В сентябре 1989 года мы въехали в Китай на поезде, отмахав всю Россию-матушку: от Москвы, мимо ристалищ, капищ, славного моря священного Байкала, по КВЖД до пограничного городка Забайкальска, находящегося через границу от китайского городка Маньчжурия (Маньчжоули). Там были строго досмотрены китайскими пограничниками, жертвой одной из которых — длинноволосой красавицы все в той же синей форме — стал целлофановый пакет с яблоками, торжественно конфискованный в соседнем купе. Та торжественная встреча поезда — то ли встреча, то ли конвой — произвела довольно тягостное впечатление. Зато совсем не тягостное, а восторженное впечатление произвела китайская провинция. Вот только что окрестности советского Забайкальска окружало двое-трое суток пустоты, великое и никому не нужное ничто, а после условной черты перехода, существующей лишь на карте, но не в природной действительности, та же самая стылая степь почему-то превратилась в колосящийся гаолян[1] ростом с человека и прочие агрокультуры.

В Китае мало пахотной земли. Популярная шутка гласит, что распаханы в нем даже промежутки между рельсами. Вот и колосится степь, ведь китайцы, кроме всего прочего, очень трудолюбивы — не сами по себе, а по необходимости. Традиционно у крестьянина не было никаких выходных — только сезонные праздники, свадьбы да похороны. Не менее традиционна, впрочем, китайская бытовая ксенофобия. Белых и любых *не*желтых лиц в стране очень мало, поэтому европеец до сих пор будет вызывать повышенное внимание, какой-нибудь ребенок наверняка назовет его *гаобицзы* — «высоким носом», *янгуйцзы* — заморским или рыжеволосым дьяволом, и в принципе никакого доверия к иностранцам в традиционном Китае — а мы попытаемся поговорить именно о нем — не было и нет.

[1] Гаолян — однолетний злак, напоминает кукурузу, со стеблем, доходящим до 4 *м* высоты. Гаолян занимает большие площади в Китае, Манчжурии и Корее.

Да и откуда взяться этому доверию? Ведь Китай в собственном сознании всегда был именно Срединным государством, окруженным варварами, различавшимися лишь расположением по сторонам света (идея для античной Греции, скажем, вполне понятная). Не нужен был Поднебесной внешний мир, все приезжали к императору сами, привозили дары, клали земные *коутоу*[1], вступали в номинально даннические отношения (как, например, расценивала Палата внешних сношений приезд европейских посольств тех держав, которые потихоньку пилили Китай на части в XIX веке). Между тем, «дань» и дары были формой международного обмена и торговли — отдаривали данников еще более щедрыми дарами. И все же самооценка великого Срединного государства отнюдь не была беспочвенно завышенной: на Западе был Рим, а на Дальнем Востоке — Китай. Его иероглифика, календарь, системы мышления, культура и управленческие структуры копировались или моделировались странами, входившими в *pax sinica*[2] — от Вьетнама до Японии, — по образу и подобию Срединного государства.

Но наш поезд миновал торжественный конвой пограничников, и мы въехали в Китай, направляясь к Пекину. А пока мы едем, я расскажу вам про Китай не по учебникам, про Китай без гнева и пристрастия и, главное, про Китай без придыхания, а для этого нам нужно будет понять...

Что больше всего ненавидят китаисты?

Удивительным образом это будут три совершенно прекрасные вещи: чай, иероглифы и ушу.

Это все наше время — время повышенных возможностей виновато, счастливая эпоха доступного и нескончаемого образования. Люди, закончившие «для родителей» какой-нибудь юрфак, с облегчением выдыхают и идут (или едут) учиться тому, о чем всегда втайне мечтали. Любители индийского кино в худшем случае едут в Гоа или по маршруту Дели—Агра—Каджурахо, а в лучшем обучаются индийским танцам и языку хинди. Любители Ренуара в худшем случае покупают книги Паолы Волковой, а в лучшем открывают для себя искусствоведение в Высшей школе экономики или в РГГУ. Любители Александра Дюма в худшем случае осваивают французский язык по самоучителю, а в лучшем едут в Париж и находят там площадь Вогезов. Ну а любители Востока? Вот мы и подошли к ответу на заглавный вопрос. Любителем Дальнего Востока быть очень просто: тут тебе и афористичная философия, и красивые понятия типа «благородного мужа», и Брюс Ли с Шаолинем, и жасминовый чай, доступный в любой окрестной «Магнолии». И рисовать по-китайски кажется просто! Купил китайские кисти и тушь (тоже в наши дни не проблема), сел по-турецки, напитался чем-то типа энергии *ци*[3] (которую чаще назовут у нас «чи») и давай расчеркивать! Тут недалеко и до иероглифов.

---

[1] Коутоу (*кит.*) — обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья, который по китайскому дипломатическому этикету было принято совершать при приближении к особе императора.

[2] Pax Sinica (*лат.*) — китайский мир.

[3] Ци, иногда чи — одна из основных категорий китайской философии, фундаментальная для китайской культуры и медицины. Ци выражает идею пространственно-временной и духовно-материальной субстанции, которая лежит в основе устроения Вселенной, где все существует благодаря ее видоизменениям и движению.

Все описанные практики не имеют ничего общего с предметом любви нашего гипотетического любителя. Заниматься руко- и ногомашеством в полуподвальной секции тайцзицюань или в пекинской школе ушу здоровью западного человека не намного полезней, чем фитнес-пилатесом в каком-нибудь клубе «World Class», а с точки зрения меридианов и параллелей традиционной китайской медицины-физиологии, в лучшем случае впустую, а в худшем — опасно. Любой китаец умеет заниматься и занимается тайцзицюань — дыхательно-двигательной гимнастикой, доступной здесь любому от мала до велика. По утрам в пекинских (и остальных — по всей стране) парках можно увидеть группки и отдельно стоящих старичков и старушек, красиво «гоняющих облака» плавными округлыми жестами рук, при этом одинокий практик чаще всего будет стоять спиной к дорожкам и лицом к кустам — чтобы прохожие не сбивали концентрацию. Рядом, если повезет и если вы пришли совсем рано, вы увидите людей с птичьими клетками — в Китае принято выгуливать своих пернатых. Но как это — быть в Китае и не освоить тайцзи?!

Мы ответственно принялись учиться этой великой системе дыхания и физической активности у наших китайских друзей, но вскоре оставили это занятие. Механически повторять плавные движения мне с моим боевым фигурнокатательным прошлым слишком легко и бесполезно, нет нагрузки, а неуловимая энергия *ци,* которая так и норовит правильно протечь через учителя, через европейца не течет и все — хоть ты тресни; так что уж лучше степ-аэробика. Ушу, как известно, — боевая проекция тайцзицюань, и на то, чтобы освоить даже только внешнюю сторону этого восточного боевого единоборства, нужно положить жизнь, но внешняя сторона не имеет никакого смысла без того онтологически естественного для китайца ощущения жизни в потоке *ци*, которую мы и перевести-то толком не можем, не то что использовать. В общем, как говорят китайцы, не надо «подметать двор, когда дует ветер, и поливать улицы, когда идет дождь». Среди современных отечественных китаистов есть лишь один, всерьез занимающийся ушу, остальные почему-то предпочитают гантели, зумбу[1], бег трусцой и тренажеры. Теперь, приблизительно разобравшись с первой нелюбовью китаиста, оставим чай и иероглифы на потом и поговорим о высоком.

Fluctuat nec mergitur

Это девиз Парижа — «Колеблем волнами, но не тонет», хотя вот уж что действительно не тонет, так это древнейшая в мире, не прерывавшаяся в своем развитии *никогда* китайская цивилизация. Даже Индию завоевали арии, перебив хребет дравидийской цивилизации и принеся на субконтинент ведическую традицию, а вот Китай, сколько ни завоевывали, ничего особо нового привнести в него не могли. Напротив, что чжурчжэни, что чингизиды, что маньчжуры сами оказывались прочно завоеваны завоеванной цивилизацией, слезали с лошадиных спин, обосновывались в древних застенных столицах, называли себя императорами — *хуанди*, принимали китайские тронные имена, основывали

[1] Зумба, или сумба (исп. Zumba) — танцевальная фитнес-программа на основе популярных латиноамериканских ритмов.

новые династии, обзаводились гаремами и евнухами. Учились китайской грамоте. В китайской матрице подобное развитие событий заложено издавна и большого чувства трагизма не вызывает: главное, чтобы Поднебесная продолжала жить, шестидесятеричный годовой цикл — «циклировать», оросительная система функционировать, Хуанхэ особенно не шалила и луга заливало по плану, а не непредсказуемыми наводнениями, чтобы хватало чумизы[1], гаоляна и, наконец, риса. Но прежде чем мы посмотрим, как круговращается, бесконечно повторяясь, китайская династийная государственная схема, обратимся ненадолго к сюжету о том, как французы учились жить по-китайски.

После «Книги Марко Поло», после многочисленных, зачастую восторженных отчетов миссионеров-иезуитов, потрясенных эффективностью функционирования и размахом цивилизации Минского, а потом и Цинского Китая, его прагматической конфуцианской мудростью и слаженностью, философы эпохи Просвещения назначили образцом для государей западного мира не кого иного, как китайского императора. Почему? Да потому что, по мысли просветителей, в Китае нет ни государственной религии, ни священнического сословия, и сам богдыхан лично проводит ранней весной первую борозду возле храма Неба и Алтаря Земледелия в Северной столице — Пекине-Ханбалыке, зачиная, таким образом, годовой аграрный цикл Поднебесной.

Вольтер ехидничал по этому поводу: «Что же сделают наши монархи, когда узнают о подобной практике? Станут восторгаться, вспыхнут... и примутся копировать». Как в воду глядел. Вольтер вообще очень показательно восхитился Китаем, заявив знаменитое: «Когда наши предки еще бегали шайками по Арденнским лесам, в Китае уже существовала развитая государственность, монархи, письменность, философия и сословная иерархия». И он, и Монтескье, и вся эпоха Просвещения увидели в далекой стране Катай[2] этико-политический идеал, обладавший всеми необходимыми качествами такового: он был далек, практически недостижим, непонятен, экзотичен и красив. Истинное положение дел никого, конечно, не интересовало: далекий Китай был не объектом изучения, но фигурой сравнения, оселком, на котором можно было править прогрессивные идеи. В общем, как говорят китайцы, «собака ловит мышей», или, как скажем мы, — все в сад, где короли сажают капусту.

Идея «монарха-первосвященника и пахаря» понравилась, придясь весьма ко двору при европейских дворах, собранных вокруг абсолютных монархов. В 1756 году Людовик XV — не хуже какого-нибудь минского императора Вань Ли или русского писателя Льва Толстого — самолично провел высоко символичную борозду, в 1770 то же самое сделал его внук — будущий Луи XVI, которому это, как известно, не помогло. За год до того бороздил австрийские поля под городом Брунн император Иосиф II, но все попытки сделать из этой акции нечто большее, чем модный финт, были обречены. Для Китая и его императора вспахивание поля являло не столько даже церемониальный, сколько сакральный акт — тот ключик, который заводил часы Поднебесной. Для европейских кесарей то была лишь шинуазри, модная китайщина.

---

[1] Чумиза — черный рис.

[2] Так назвал Китай Марко Поло, и лишь первый миссионер-иезуит в Китае Маттео Риччи (1552—1610) идентифицировал Катай с той «Страной серов», которую Европа знала с римских времен. Помешанные на шелке римляне думали, что серы счесывают его с деревьев.

Распахивая первую в стране борозду после серьезного голодного поста, китайский император выполнял одну из первых своих обязанностей правителя — обладателя Небесного мандата на правление (Тяньмин) — обеспечивал хороший урожай. Там же неподалеку он трижды топал ногой в круглый алтарь-гонг, обращаясь к Небу с молениями и принося ему жертвы. Так что никуда не денешься — давайте посмотрим, как была устроена власть в традиционном Китае, с самых стародавних времен, с 221 и до 1911 года, принадлежавшая императорам.

Китайские пирамиды

«Зонт без распорок — не раскроешь».
Китайская поговорка-недосказание

Почему вообще китайский монарх — «шанди» — это «император», а не, скажем, «король»? Принимаясь за термины такого далекого и отнюдь не индоевропейского языка, как китайский, мы не можем не договориться о соблюдении определенных условностей при переводе. Император — слово латинское, и те имперские коннотации, которые оно приобрело после Гая Юлия, к Китаю прямого отношения не имеют. Тем не менее, китайский носитель Мандата неба — император-«хуанди» — исторически тоже «собиратель земель китайских», объединитель разрозненных царств под своим началом, верховный главнокомандующий.

Китай — страна фантастической вертикальной мобильности, где императором может сделаться крестьянин, если он стоял во главе восставших, опрокинувших зарвавшуюся и утерявшую Небесный мандат династию. Небо выдавало такой «мандат» новому императору — основателю династии, когда прежняя теряла свой «проездной» в силу накопления прегрешений — их свидетельствами могли быть неурожайные годы, какой-нибудь мор, проигранные войны, природные катаклизмы и прочее. Прежнего императора чаще всего убивали, а новая династия могла возникнуть вовсе из ниоткуда, как и случилось, когда монах родом из бедных крестьян — как сказали бы мы, расстрига — Чжу Юаньчжан со товарищи возглавил народное сопротивление, положил конец недолгому семидесятилетнему правлению в Китае монгольской династии Юань и основал новую — великую династию Мин (1368—1644), став императором Тай-цзу (1369—1399 годы правления). То же случилось, когда ослабла Мин и ей на смену пришла чужеродная Цин, последняя династия на территории Поднебесной, свергнутая в 1911 г. уже Синьхайской буржуазной революцией...

Никто не будет проверять кровь нового императора на голубизну, никто не усомнится, что представители рухнувшей династии прогневили Небо недостойным поведением и плохим управлением подданными и что Мандат перешел в руки достойной династии. Еще императору, утерявшему доверие Неба, было полезно повеситься где-нибудь прямо во дворце, в дверях, ведущих на женскую половину.

Традиционное китайское конфуцианское общество — это абсолютная пирамида, идеальная, как пирамиды в Гизе или под Сианью. Просветители были правы: верховным просителем и предстоятелем за народ перед Небом был император. Власть абсолютнее, чем власть китайского императора, представить

сложно — император, сносящийся непосредственно с Небом, и стоит на вершине пирамиды, в основании которой находится китайский народ — *байсин* (сто фамилий). С народом император сообщается через избираемых путем справедливых многоступенчатых государственных экзаменов *шэньши* — ученое служилое сословие, интеллигенцию, в Китае совпадающую с чиновничеством. Кстати, европейская экзаменационная система была списана с китайской, только ограничилась университетами. Существовала в стране и наследственная знать, которая, впрочем, точно так же смывалась с политического лица страны при смене династии, это *гуны*, *хоу*, *бо*, *цзы* и *нань* (в европейской традиции их часто соотносят с князем, маркизом, графом, виконтом и бароном, что достаточно наивно, но, скажем, в случае с *гунами*-князьями помогает, так как они тоже состояли в родстве с императором).

Итак, среди отличительных черт китайского «абсолютизма», не вполне понимавшихся Вольтером и Кесне, были подотчетность императоров Небесам в форме права народа ниспровергнуть обанкротившуюся династию и отсутствие привязанности к вопросам наследования и крови при смене династий. К милым маленьким мелочам относились множественные имена — табуированное личное, храмовое и посмертное. Надо отметить, что правящих женщин-императриц (если они не узурпаторши, как У-хоу, или не регентши, как знаменитая Цы Си, правившие в обход закона), в отличие от Британии, не бывало. Ну и уж до кучи: императорский цвет — желтый, никто другой не имел права носить одежду такого цвета, символ императора — дракон (китайский, без крыльев).

Менялись династии и правители, входили и выходили из моды привозные и местные религии и верования — от легизма[1] первого императора-объединителя Китая Цинь Шихуана до буддизма VI века династии Лян, от несторианства до протестантизма, а Китай в основе своей оставался патриархальным, конфуцианским, ориентированным на семейные, общественные, управленческие ценности. В самом деле, китайские традиционные философские и этико-политические учения — это не религии, Вольтер был прав: у конфуцианцев нет священников и монахов, да и сами конфуцианцы не поклоняются особо ничему и никому, кроме предков.

Конфуций (551—479 гг. до н. э.) для Китая — что-то вроде помноженного на миллион Дейла Карнеги, который раз и навсегда объяснил народу, обществу и власти, что нужно делать, чтобы быть приличным человеком («благородным мужем»), какие обязанности у правителя перед подданными, а у подданных перед правителем, как надо уважать и почитать родителей и вообще — жить не по лжи. Все это было настолько умно, естественно и единственно верно, что император Цинь Шихуан собрал всех современных ему конфуцианцев да и зарыл в землю. Конфуцианство не могло помочь ему объединить разрозненные царства в одну державу, слить разрозненные куски стен, окружавших эти царства, в одну — Великую Китайскую стену, сломить сопротивление объединяемых царств и выиграть необходимые войны, ему нужен был не моральный, а жесткий Закон, и его предоставили легисты.

---

[1] Легизм — философская школа эпохи Чжаньго (Воюющих царств), сформировавшаяся в IV–III вв. до н.э. и известная также как «Школа законников». Основной идеей школы было равенство всех перед Законом и Сыном неба, следствием чего являлась раздача титулов не по происхождению, а по реальным заслугам.

Но как только схема, созданная Конфуцием для небольшого княжества Лу, будучи расставлена в швах, пришлась по мерке всему большому Китаю, ничего нового уже больше придумывать не требовалось (хотя мыслительная активность китайцев отнюдь не снижалась, никто не отменял мистический даосизм, по Великому шелковому пути пришел и прижился в форме чань буддизм, конфуцианство стало неоконфуцианством, и сто цветов со ста школами расцветали и падали под косой правителя не раз и не два). Не случайно же Мао Цзэдун спустя двадцать один век после Цинь Шихуана начал бороться с конфуцианцами. Победить в китайце конфуцианца — это значит победить китайца. Не удалось. Потому и не тонет китайский кораблик-джонка, выправляется.

Мальчики и девочки

Один из примеров самовыправления — китайская демография. В принципе, за редкими исключениями вроде народа наси, где главную роль в жизни общества играют женщины, население Китая традиционно патриархально (мы ведь понимаем разницу между обществом и населением, правда?). Конечно, луковые коммунистические одежки сделали свое дело, и в определенных сферах деятельности женщины могут работать наравне с мужчинами, но практически ни одна семья, которой был разрешен один ребенок в городе и два в деревне, не хочет, чтобы этими детьми были девочки. Таков традиционный взгляд — испокон веку семью, где родилась девочка, поздравляли с «разбитыми черепками». В крестьянской стране, где сын должен продолжить дело отца или выучиться и стать важным чиновником, где *каждому* сыну надо дать равный надел земли, а девочку — просто как-то прокормить, пока не выдашь замуж, раньше поступали жестоко: продавали лишних детей в рабство или оставляли на обочинах дорог на съедение диким зверям. В наше время ситуация изменилась: китайцы лучше других научились диагностировать пол ребенка на ранних стадиях беременности, избавляться от нежелательного плода и всеми силами добиваться рождения желанных мальчиков. Не всегда все тут получается гладко, поэтому в современном Китае часты случаи рождения изуродованных и инвалидизированных детей, но погоня за мальчиками не останавливается.

Китайцы очень чадолюбивы. Здесь не кричат на детей, всячески балуют их (по-хорошему, без фанатизма) и удивляются, почему мы так мало рожаем — «ведь вам же можно». Но теперь можно и китайцам. После тридцати шести лет политики «одна семья — один ребенок» демография страны с разбегу врезалась в проблему старения работоспособного населения, и в 2013 году был снят запрет на второго ребенка для пар, где хотя бы один из родителей был единственным ребенком в семье. Это мало помогло — в 2014—2015 годах работоспособного населения в стране стало меньше почти на четыре миллиона человек, так что осенью прошлого, 2015, года запрет на второго ребенка сняли вовсе.

Мы уже поняли, что китайская цивилизация мудра и работает как часы, но иногда их надежная пружина соскакивает, и история времен культурной революции с нанизанными на ниточку воробьями повторяется. Есть китаеведы, полагающие, что китайцы так и не додумались до понятия *ego* (это правда, не додумались — думали в другую сторону), что значение человеческого фактора как было, так и остается у них низким (и это тоже правда: чем больше людей в

стране, тем ближе их сознание к роевому), что именно поэтому становится возможным приравнять лишнего воробья к лишнему ребенку, работать с цифрами, а не с людьми. Это все верно — и не только для китайцев, хотя они и являют собой сферический образец прагматизма в вакууме. Только вот именно те китайцы, которые умудрились родить и воспитывать своих детей не в нищете, носятся с ними так, как европейцам еще поучиться.

Зато первая конфуцианская обязанность детей — заботиться о родителях. Ради этого ломались карьеры, люди отказывались от выгодных предложений, а хорошие сыновья должны были подарить родителям гроб. Чтоб была уверенность в завтрашнем дне.

От улыбки станет всем больней

Мой университетский учитель — великий китаевед Михаил Васильевич Крюков, читая нам курс этнографии Китая, на первом же занятии объяснил, что исследовать уклад жизни, обычаи и культуру другого народа нужно не с позиции холодного наблюдателя, хихикающего над тем, что «у них» не так, как «у нас». Взялся исследовать — через отличия или просто через описание — изволь понять, почему «у них» так. Так чем же вообще китайское кровообращение отличается от западного? Первое, что тут нужно понимать, — это то, что оно действительно *отличается*. И не потому, что китайцы улыбаются, когда мы плачем; если немного последить за собой, начинаешь улыбаться, а не плакать, в абсолютном большинстве штатных ситуаций.

Когда мой второй китайский учитель, доцент, с кем мы разбирали деятельность в Китае иезуитов, рассказывал о том, как в годы культурной революции хунвэйбины ворвались к нему домой и вырвали с мясом телефон из стены, он весело улыбался. Разговор шел дома у доцента — красивого густоволосого седого китайца, потерявшего в тот далекий день не только телефон, но и позицию на кафедре, сосланного «поднимать деревню» и лишь чудом восстановившегося на преподавательской должности в нашем нестоличном университете. Он тогда встал, оторвавшись от чаши с *гулаожоу*[1], подошел к двери и показал на косяке эту дырку — от бывшего провода. Я была довольно молода и в ответ только похватала ртом воздух — вести политические разговоры нам было не рекомендовано. К концу стажировки я безвозвратно привыкла не только кланяться, складывая руки на груди, благодаря или прося о чем-то, но и радостно улыбалась по поводу и без.

То, что китайцы как бы всегда готовы к трудностям и разного рода «контрольно-демографическим» соображениям, приводит еще к одному результату: они довольно жестоки и терпеливы к боли. Ну, а откуда еще берутся эти безупречные гимнасты, трехлетние пианисты и глухие танцовщицы, поражающие мир? Дисциплина, терпение, дарвиновский отбор. Отбор, впрочем, не всегда был только дарвиновским. При одном цинском императоре существовала практика периодических рейдов по публичным местам вроде рынков и гульбищ: солдаты быстро выдергивали из толпы подозрительных личностей, нищих и бездомных, большинство казнили, уцелевших отправляли в ссылку в Синьц-

[1] Свинина в кисло-сладком соусе с ананасами.

зян — китайскую Сибирь или показательно пороли и заковывали в колодки. Таким образом хоть немного сдерживался прирост того населения, который не «проконтролировали» эпидемия, война или сокрушительное народное восстание.

Так что терпеть было что. Вот и китайские пытки — не легенда и не пустой звук. Казнь с «аппетитным» названием «тысяча кусочков», о которой порядочный европеец вспомнит, только покопавшись в памяти и что-то такое вызвав в ней из романа Стендаля «Саламбо», — реальная практика времен императорского Китая. Можно методично сыпать человеку в нос черный перец, пока не сомкнутся дыхательные пути, можно... можно, скажем, по злобному навету оскопить высокопоставленного чиновника и перевести его из придворных историографов в евнухи. Такова была судьба великого отца китайской истории Сыма Цяня (146/36–86 гг. до н. э.), осмелившегося выступить перед императором в защиту двух полководцев, обвиненных в поражении ханьских войск в кампании против кочевников-сюнну.

Однако китайцы, чинящие подобные безобразия, и сами умеют терпеть. Так, путешествовавший по северному Китаю и Монголии Николай Рерих описывал, как нападавшие на путников бандиты-хунхузы убивали своих жертв по старым монгольским традициям — вспарывая грудную клетку и вырывая из нее сердце. Русские во время этой процедуры страшно кричали, а китайцы лишь скрипели зубами.

К подобной готовности вытерпеть боль — и не одноразовую — отнесем и бинтование ног девочкам (к счастью, ныне устаревшее), и выпускной экзамен в традиционном шаолиньском курсе обучения. После многих лет обучения студенту надо было пройти финальное испытание, чтобы стать полноправным шаолиньским монахом: миновать вошедшие в легенду восемнадцать комнат, наполненных препятствиями, преодоление которых показало бы его силу, мужество и интеллект. В восемнадцатой комнате будущему шаолиньцу предстояло взять голыми руками — в обхват — раскаленный котел и вынести его через ворота так, чтобы отлитые по бокам символические животные тавром отпечатались на внутренней стороне предплечий испытуемого. Чаще всего этими животными были два дракона, иногда дракон и тигр, дракон и феникс, реже всего два журавля. Можно по-разному относиться ко всяческим инициационным легендам, но дерево, на котором шаолиньские монахи тренировались в ударах пальцами, стоит во дворе монастыря и поныне: оно истыкано, как решето.

Интересно, что подобное величие духа разительно контрастирует с обыденными практиками. У китайцев очень распространены разговоры об усталости и необходимости отдыха, причем, говорит об этом обычно даже не сам уставший, а любой человек любому человеку. А как же? Тело надо беречь, холить и лелеять — ведь на это, на программу пестования жизни, и направлены основные усилия любого китайца, китайской медицины и сознания. Жить нужно как можно дольше и как можно здоровее, для этого и энергия *ци*, и плавная тайцзицюань, и боевая ушу — если уж никак нельзя без того, чтобы выиграть тот бой, которого нельзя избежать. Но давайте сделаем очередной разворот и перейдем от физического к интеллектуальному.

Китайская грамота

Китайское сознание в очень большой степени определяется китайским языком и письменностью. А как может быть иначе, если этой самой письменности больше четырех тысяч лет? Конечно, она менялась... немного. Между комментариями на треснувших черепашьих панцирях и современной «Жэньминь жибао», безусловно, есть разница: первые были довольно пиктографичны, последние — результат нескольких упрощений и всего того, что неизбежно происходит с большим массивом информации, когда он записывается при помощи письменности-конструктора.

Что рядовой человек обычно знает об иероглифах?

Что иероглиф — это слово. Это не так. Иероглиф в современном китайском языке, правильно именующемся *путунхуа*, — скорее слог-морфема: большинство слов состоит из двух слогов, времена однослогового языка давно в прошлом. Это, впрочем, не значит, что у каждого иероглифа нет собственного смысла. Он есть.

Что иероглифов много. Это правда: чтобы читать газеты нужно знать около пяти тысяч, в пятитомном словаре Ошанина их около шестнадцати, а в китайском языке вообще — около восьмидесяти тысяч.

Что иероглифы сложны и не поддаются разумению. Это заблуждение. Большинство иероглифов состоят из двух основных частей — ключа, подсказывающего, к какому классу вещей относится обозначаемое иероглифом, и фонетика, подсказывающего, как иероглиф читается. Ключей чуть больше двухсот, а слогов-чтений в китайском языке всего 414. Вот и получается, что запомнить надо не восемьдесят тысяч разных значков, а некоторое количество категорий и сочетаний черт — линий, ударов кисти, из которых состоят и ключи, и фонетики.

Если вам показалось, что задача изучения китайской иероглифики существенно упростилась, не спешите выдыхать: слогов-то, положим, четыреста, да только вот и тонов, которыми они могут произноситься (меняя смысл), — четыре. Добавим к этому фантастическую, совершенно не представимую носителем русского языка омонимию, царящую в китайском, и вы поймете, почему сами ханьцы могут зачастую не понимать друг друга и прибегать к рисованию иероглифов пальцем в воздухе. Ну, а как иначе, если и «торговля», и «меховая одежда, свитер» передаются в устной речи одним и тем же сочетанием слогов — mao-yi, различаются только иероглифы и тоны слогов.

Тут нам очень удобно перейти к тонам и музыкальности китайцев. Итак, мы поняли, что каждый слог дает нам целый куст — нет, два куста использований. Первый куст — четыре варианта произнесения слога тонально (у каждого из этих произнесений-тонов, скорее всего, будут омонимы), а второй — иероглифическая запись слога в зависимости от значения. Тут наши тональные слоги тоже дадут большую омонимию. Ну возьмем, скажем, известный всему миру слог *ma*. Да-да, у китайцев, в отличие от грузин, венгров, финнов, татар и тувинцев, слово «мама» образуется при помощи двух одинаковых слогов *ма* ровного высокого первого тона. Вот этот иероглиф, состоящий из ключа «женщина» и фонетика «ma» (происходящего от чтения иероглифа ma — лошадь), означает в принципе только то, что и означает: маму и ее производные. А теперь возьмем другой иероглиф, читающийся как «ma» и произносящийся

первым тоном. Эта морфема означает «вытирать, меняться» (входит в состав слов «полотенце, сердиться, меняться в лице»). Еще один иероглиф с участием того же фонетика, но с другим ключом означает (в том же тоне) «смеркаться, брезжить».

Примемся за второй тон и иероглиф, который означает: лен, конопля, пенька, шероховатый, отлеживать, затекать (рука затекла), входит в состав слов паралич, холст, мешок, пакля, хлопотный (*mafan* — одно из самых употребляемых слов путунхуа); проказа, хворост, прохудиться, эфедрин, большая хлопушка, дуб острейший, рябое лицо, онеметь, воробей и фразеологизм «воробьиная война» (это когда воюют врозь и малыми силами), слегка, дать наркоз, кунжутное масло, анестезия, корь, наркотик и производные. Этот иероглиф занимает целую страницу крупноформатного фонетического китайско-русского словаря, выпущенного в Шанхае в 1989 г.

В третьем тоне *ма* даст нам ту самую лошадь и целый хоровод производных — от седла и хоровода до пиявки, картона, телохранителя, марки (это будет редкое в языке заимствование), марафона, жести, половника, параши и еще целой страницы того же самого словаря. Другой иероглиф — морфий и производные. Третий — агат, четвертый — цифра, пятый — еще один вид пиявки...

И наконец в четвертом тоне *ма* предстанет перед нами в форме глагола «ругать» с павлиньим хвостом производных, а есть еще и вопросительная или усилительная частица *«ма»,* которая произносится так называемым «легким» тоном — почти никаким.

Итак, наш *«ма»* дал на выходе четыре тона, двенадцать иероглифов и несколько сотен омонимов. Конечно, при понимании помогут сочетания *«ма»* с другими слогами, а при чтении собственно иероглифы, но уловить смысл в общем потоке речи можно, только если у слушателя очень хороший слух.

Теперь понятно, почему китайцы не торопятся переходить на латиницу, хотя дети изучают латинскую транскрипцию иероглифики уже в школе. Что толку писать десятки сотен вариантов одних и тех же слогов? Без иероглифов все это теряет смысл. Можно представить, какой памятью обладает самый что ни на есть среднестатистический грамотный китаец: в сущности, интеллектуально его не остановить. В сочетании же с присущим большинству ханьцев здоровым често- и трудолюбием и укорененным в тысячелетиях коллективизмом иероглифическое мышление дает общество людей, которым по плечу любая задача. Так что для того чтобы не вызывать раздражение профессиональных китаеведов, изучайте иероглифы, ну хоть тысяч пять, не надо просто учиться их «рисовать». А мы пока перейдем к чему-нибудь описательному.

В китайском городе Чанчуне

«Деревенский мужик не знает, что такое игра в шахматы, — двигают иероглифы».

Китайская недоговорка-иносказание

Повторюсь: «пощупать» настоящий Китай можно не в туристическом Пекине, безумном Шанхае или, тем более, в жирном буржуазном Шэнчжэне, а в провинции. Нет, автор далек от мысли, что «Москва — не Россия, а Пекин — не Китай», что же есть Пекин, если не Китай, — не Сантьяго ведь де-Чили,

правда? Просто Китай тоже не обошла приставучая лихоманка глобализации, и здесь строят большие, прозрачные и овальные стадионы-аэропорты, и здесь стараются не отставать от нью-йорков и парижей местные нувориши, а китайские туристы с фото-, видеоаппаратурой наперевес по количеству обогнали даже японцев в своем желании «сделать» Европу за неделю и перефотографироваться в жанре «я и Колизей» со всеми мировыми достопримечательностями. Этому нельзя не радоваться, потому что Китай более или менее открытый — хотя бы через людей, которые выезжают посмотреть на мир, — всяко лучше, чем Китай закрытый.

Так вышло, что в ту первую поездку я прожила в столице провинции Цзилинь (в Северо-Восточном Китае — Дунбэе) несколько месяцев, стажируясь в тамошнем головном гуманитарном университете. И если ни правильное название провинции — Цзилинь, ни смешное название ее столицы — Чанчунь, скорее всего, ничего не говорят читателю, то ему совершенно точно что-то говорит словосочетание «На сопках Маньчжурии», а представителям старшего поколения — слова «марионеточное государство Маньчжоу-го», «император Пу-И», «провинция Гирин» и, конечно, «Халхин-Гол».

Впрочем, про последнего китайского — вернее, маньчжурского — императора Пу-И знают почти все — и благодаря его душераздирающим воспоминаниям («Первая половина моей жизни»), и благодаря великолепному фильму Бернардо Бертолуччи «Последний император». Так вот, этот самый утонченный и европеизированный нервный гедонист Пу-И, вытесненный в 1911 году в результате Синьхайской революции из пекинского Запретного города на северо-восток, в вотчину своих маньчжурских предков, обосновался в том самом нынешнем городе Чанчуне, а тогдашнем Синьцзине («Новой столице»), где я и стажировалась.

Находившееся под контролем Японии государство Маньчжоу-го было, конечно, обречено. В августе 45-го десант майора Петра Челышева захватил бедного императора и передал его по этапу в лагерь под Хабаровском. В 49-м году, после окончательной победы в Китае коммуно-маоистов, Пу-И понял, что дело плохо, и написал Сталину письмо с просьбой не отдавать его Мао... На будущий год он поехал в Китай, где немедленно отправился в другой лагерь и лишь через девять лет был выпущен по личному указанию Председателя, сделавшись поначалу садовником Ботанического сада, а потом и политическим консультантом правительства. Китайская династийная история неторопливо свернулась в кольцо и сладострастно укусила себя за хвост.

Бывший дворец Пу-И, безусловно, главная примечательность Чанчуня («Длинной Весны») — «маленького» двухмиллионного города, на примере которого можно окунуться в обычную китайскую жизнь. Дворец грустный, как любой дом изгнанника, пусть и императора. В нем сохранился трон императора Маньчжоуго, какие-то половинчатые интерьеры, довольно скромные спальни, садик... Бедный, бедный Пу-И.

В Чанчуне суровые сибирские зимы, там до сих пор носят зимой мягкие бесформенные шинели-одеяла, ездят по льду на древних громыхающих гробах-велосипедах семьями по пять человек и живут в многоэтажных домах с турецкими туалетами-дырками в полу без ванных. Тут осенью сушат на зиму китайскую капусту (длинная, по форме напоминающая батискаф; мы считаем ее салатом, а они называют нашу круглую капусту «большая голова»), раскладывая ее на стадионах или нанизывая на все ту же вездесущую веревочку, только

протянутую на балконе. Тут учатся в паре-тройке больших университетов, ходят в зоопарк, гуляют в парке на озере, по праздникам смотрят салют и танцуют под мелодичную музыку. Отсюда рукой подать на поезде как до «русских» Харбина и Даляня, так и до Шеньяна (Мукдена) с потрясающим комплексом гробниц основателей маньчжурской династии Цин. Зимний Харбин холоден, как озеро Коцит на дне Дантова «Ада»; но все это можно вытерпеть, если есть желание увидеть праздник разноцветных фонарей на льду реки Сунгари. Ежегодно там строят фантастический город изо льда команды, съезжающиеся со всего мира.

Здесь гостей из-за границы заставляют пить шестидесятиградусную водку, кормят на убой в ресторанах — а познакомившись получше, и у себя дома, — потом заставляют петь... И мы поем, и пьем, и танцуем, и лепим вместе пельмени, и скучаем по дому — почта оборачивается раз в два-три месяца. По кампусовым склонам бродит тощая корова, но говядину китайцы не очень любят — много с ней мороки, а вот свинина — любимое мясо. На Севере вообще едят довольно много мяса: холодно, иначе не проживешь, тут самые вкусные пельмени — *цзяоцзы*, те самые, что готовят на пару и подают в плетеных бамбуковых решетах. Здесь празднуют положенные календарные праздники — важнейшие дни равноденствия и противостояния, Рождество начинают отмечать с католиками, а заканчивают — с православными, в Китайский Новый год вся страна приходит в движение и возвращается на родину — у кого она где, иначе нельзя, поэтому железные дороги развиты превосходно и поезда по ним ходят без опозданий. По праздникам на окна наклеивают красные бумажные иероглифы с пожеланиями счастья и долголетия, а вкуснее «лунных пирожков» с соевой пастой внутри (их полагается есть на праздник Середины осени — Чжунцюцзе — по традиционному лунному календарю приходящийся где-то на середину сентября) лакомства не придумано.

Здесь на тебя смотрят, как на жирафа, непонятно зачем затесавшегося в лососевый косяк, говорят, естественно, только по-китайски и долго не могут поверить, что ты по-китайски говоришь тоже. Поверив, подозревают у тебя китайских предков. Здесь два христианских собора; мужской буддийский монастырь совмещен с женским, и вымирают оба. Здесь огромная киностудия и огромное всё: пространства, широченные пыльные улицы, бескрайний зоопарк... Даже удивляешься, почему так много места, где же гаолян?!

Здесь не только старики помнят про «большую дружбу» со «старшим братом — СССР», эта память пока передается от отца к сыну, здесь студенты понижают голос, когда обсуждают в твоей общежитской комнате события на Тяньаньмэнь, но все же говорят о них и не боятся, ведь ты все-таки свой, и по сей день попросят выступить с рассказом про Зою Космодемьянскую и Александра Матросова. Здесь по инерции здороваешься с любым обладателем белого лица, так как вы наверняка знакомы. Здесь ты впервые попробовал вареных огурцов, нарезанных ромбиками, научился не вздрагивать от того, что все всё бросают на землю (и на пол в концертных залах), а объявления «Плевать запрещено» висят в присутственных местах неспроста. Одна половина горожан, казалось бы, плюет и бросает, а другая — та, что с метлами, — идет следом и метет. Не будет в провинции и чудес механизации — надо ведь дать работу всем тем, кому эта работа нужна.

Говорят, весной в Чанчуне зацвело что-то нежное и розовое, но я этого не застала — уехала в Пекин, Сиань и дальше, дальше... Так что давайте прервемся на...

Китайский файф-о-клок

Чай в Китае должен быть зеленым в той же мере, в какой маленькое черное платье в Европе — черным, а тюремная роба в США — оранжевой. Давайте сразу оговоримся: китайцы не любят кофе, потихоньку научились пить молоко, но в принципе плохо его переносят, а молочные продукты для них крайне вторичны. Так, угощенный в поезде сыром китайский попутчик изменился в лице, выбежал из купе и больше не вернулся, а попытка купить сливочное масло в Чанчуне вылилась в поездку в Харбин. Зато чай вы найдете в Поднебесной любой — от белого и красного до драгоценного черного прессованного пуэра, продаваемого на аукционах, но пьют тут разнообразный зеленый, попросту насыпая сухие листики в кружку с крышкой — без ситечек, сеточек и прочих ухищрений.

За все время, что я была в Китае и общалась с его жителями, никто ни разу не попытался провести при мне чайной церемонии (а она в Китае существует), не пил чай наперстками и вдумчиво не переливал его из чайничка в рюмочную чашечку. Наверное, в Китае не только рис, но и чай — всему голова. С чая начинается любая еда (чтобы промыть все каналы протекания *ци*), чаем угостят гостя, даже если больше в доме ничего нет, ну а если кончилась заварка, нальют кипятка — наверное, потому, что для его получения нужно затратить усилия и энергию, в отличие от менее ценной холодной воды.

Самая известная чайная история в Китае такая. Один крестьянин преподнес богачу-помещику немного чая. Тот попробовал, решил, что чай хорош, и преподнес его провинциальному чиновнику. Чиновник решил, что чай достоин лучшего ценителя, и преподнес его чиновнику государственному. Тот, осознав, что чай превосходен, преподнес его главе Палаты церемоний, а тот оценил чай и, уверившись, что чай достоин высшей похвалы, преподнес его императору. Император, отведав чая, наградил главу Палаты церемоний алым халатом, а тот, усовестившись, передал халат государственному чиновнику. Последний, исполненный скромности, отдал его провинциальному чиновнику, тот же в свою очередь отдал халат богачу, с которого начался путь чая наверх. Тогда богач — достойный богач из доброй сказки — отнес императорский халат крестьянину. А крестьянин, доведя процесс подъема и спуска дара до абсолюта, пошел и накрыл драгоценным шелковым халатом кустик чая.

И вот, пока чай «Красный халат» или связанный «Небесный цветок» неторопливо распускается в прозрачном заварочном чайнике и гости любуются неземной орхидеей, плавно разворачивающей острые лепестки в объятиях горячей воды, зануда-хронист вспоминает, что не так давно чашечки-пиалки зеленого китайского чая поднимали за четырехсотлетний юбилей пребывания этого напитка на столах европейцев. Благодарить за это можно первую мегакорпорацию в человеческой истории — голландскую Ост-Индскую компанию: образовавшись в 1602 году, уже через семь лет она доставила чайные листья на Запад.

Кажется невероятным, что наши беспокойные предки большую часть прошлых веков обходились без кофе и чая — напитков, способных согревать и тонизировать человека, без того чтобы смущать его разум, как это делает вино, известное людям с античности, или пиво — напиток, любимый еще древними египтянами. Факт остается фактом: чтобы появился чай, понадобилась гораздо

более склонная к медитативности цивилизация, чем та, которую создали беспокойные греки, еще более неуемные римляне или вечно стремящиеся заглянуть за линию горизонта люди Возрождения.

Китайцы научились пить чай в столь незапамятные времена, что простые действия — высуши листья и брось в кипяток — уже до новой эры оказались окружены легендами. Самая распространенная связывает изобретение чаепития с отцом китайского сельского хозяйства и великим травником императором Янь-ди, или Шэнь Нуном, впервые пригубившим этот напиток где-то около 2737 года до н.э.

Янь-ди некогда повелел, чтобы всю питьевую воду в государстве перед употреблением кипятили, а во время путешествия в некий отдаленный уголок случилось неизбежное: ветер швырнул в кипящую воду несколько сухих листков с соседнего куста, и получился благоуханный настой. Любознательный император отважно попробовал взвар и «обнаружил, что он освежает душу и тело». В III веке до н.э. чай упоминается в китайских источниках как замена вина, а в 350 году эры новой — входит в китайский словарь. В те времена чай считали здоровым и бодрящим отваром, но только к великой династии Тан (608—906) он входит в моду и превращается в национальный напиток китайцев.

Интересно, что первыми пропагандистами чая в мире стали люди религии. В Японию вместе со своим учением чай принесли буддийские монахи, а в Европу — миссионеры, проповедовавшие христианство в Китае. Да-да. Промышленному импорту чая голландской Ост-Индской компанией предшествовали многочисленные восточные сувениры, привозившиеся в Португалию торговцами и миссионерами. Конечно же, среди них был и чай, слухи о котором распространились еще во времена караванной торговли по Великому Шелковому пути. Считается, что первым португальцем, описавшим чаепитие в 1560 году, был доминиканец Гаспар да Круц (Португалия, самая передовая морская держава тех времен, открыла кружной морской путь на Дальний Восток через Африку еще в 1515 году). С легкой руки миссионера чай нашел дорогу поначалу на столы богатых людей в Лиссабоне, а позже, когда к делу подключились перевозчики из Голландии — политического союзника Португалии, — дело пошло еще веселее: дарящие бодрость волшебные листья стали поставляться во Францию, Голландию, в прибалтийские земли.

Нам неизвестно, на каком именно корабле приехал первый серьезный груз чая в Европу — на «Голубке», «Амстердаме» или «Батавии», нет сомнений лишь в том, что чай мгновенно вошел в моду в столичной Гааге, несмотря на свою дороговизну (больше 100 нынешних евро за фунт), что, конечно, сделало его напитком богатых. Но чайный поток уже было не остановить: торговля росла, цены падали, и сухие листочки, поначалу приобретавшиеся в аптеках вместе с такими редкими приправами, как имбирь и сахар, уже к 1675 году можно было купить в обычных магазинчиках, торгующих съестным, во всех Нижних Землях.

Чего только не пришлось пережить в своей чуть более чем трехвековой истории на Западе невинному чаю! Жаркие дискуссии о его пользе или вредности, «чайную ересь» (когда жители спокойно гоняли чаи, не обращая внимания на тянувшиеся двадцать два года в середине XVII века дебаты о пристойности чаепитий) и, конечно, смешивание с другими продуктами. В 1680 году мадам Мари де Рабютэн-Шанталь, маркиза де Севинье, впервые упоминает возможность добавить в чай молоко, а в голландских тавернах начинают подавать чай посетителям в переносном чайном наборе, при помощи которого

добропорядочный голландец сам заваривал свежий чай себе и друзьям — часто в садике при трактире.

В третьем тысячелетии в мире ежегодно производится свыше трех миллионов тонн чая — в основном в Индии, где его начали культивировать с подачи англичан лишь в 1836 году, в Китае и Шри-Ланке (туда чайный куст пришел в 1867 году). Китай остается единственной страной, в промышленных масштабах производящей белый, желтый, зеленый, сине-зеленый, красный и черный чай. Производство волшебного листа растет, а 75 процентов продукции продают в страны СНГ, Европейского сообщества, Германию, Японию, Великобританию и США.

А если вернуться к голландцам и чаю, то можно вспомнить памфлет 1670 года, в котором неизвестный автор писал: «Распространение известного растения подобно распространению правды: сначала о ней подозревают, она приятна тем, кто отважился познать ее, ей оказывают сопротивление, когда она распространяется, нападают на нее, когда она достигает пика популярности, и наконец, она торжествует по всей земле — от дворцов до хижин, ведомая лишь медлительным и неутомимым временем и собственными достоинствами».

Хорошо, что мы заговорили о чае — так у нас не останется ни времени, ни места, чтобы поговорить о китайской еде, которая вытеснила бы все остальные темы. Скажу главное: в Китае можно и нужно есть на улице — и нанизанные на палочку засахаренные фрукты-ягоды, и шашлычки, и пельмени, и, в особенности, батат (или ямс), запеченный в большой железной бочке. Нельзя пройти и мимо *цзянбина* — большого и навороченного блина-яичницы, способного заставить покраснеть любой парижский креп. Что уж и говорить о забегаловках шириной в одну дверь. В одной такой я единственный раз в жизни пробовала гордо стоящую на блюде вертикально и ослепительно сияющую в свете люстры карамелизированную рыбу, больше похожую на произведение из муранского стекла, чем на жареного карпа. В Китае невозможно голодать. «Железая чашка риса», о которой говорил Мао Цзэдун, давно достигнута, а основой диеты являются, конечно, не высокохудожественный карп и изыски из мяса и птицы, а рис, лапша и овощи. Китайцы любят угощать и угощаться, и к еде относятся очень серьезно. Пища готовится непосредственно перед едой и не оставляется для последующего подогревания. Но мы ведь уже поняли — все для пестования жизни: гимнастика, питание, здоровье. Так что давайте съездим в Пекин.

Я ехала в Пекин. Кэци, Мафаньдэ и другие звери

«Вдова увидела во сне мужчину — все зря».
Китайская недоговорка-иносказание

«Столица — это столица», — сказала мне еще одна подруга, Кейт, коллега по изучению деятельности иезуитов в Китае. Она не была в восторге от Чанчуня, хотя никаких радикальных мнений о провинции и не высказывала. Заметим в скобках, что противное было бы совсем не по-китайски. Китайцы вообще обходительны и иносказательны, для них самое важное в общении не только знаменитые китайские церемонии, но и понятие *кэци* — вежливости. Если нужна подпись, то это «ваша драгоценная фамилия», если нужно обратиться к кому-нибудь с просьбой или вопросом, то так, чтобы не было слишком *мафаньдэ* —

хлопотно. Если не получается или не хочется ответить на просьбу-вопрос положительно, то вам не скажут «нет», скажут «приходите завтра». А потом еще завтра. А потом... Но если мы что-то с вами уже поняли про Китай — так это то, что китайская редиска, как и любая другая, красна лишь снаружи.

Вежливые и обходительные китайцы с их поклонами, улыбками и сложенными руками — это те же китайцы, что способны встать в одиночку перед танковой колонной, отрезать от вас тысячу кусочков или вытерпеть, если эти кусочки будут отрезать от них. Существование породы «благородных мужей», не могущих осквернять уста вульгарным словом «деньги», не отменяет превосходных навыков торговли, присущих китайским торговцам. Вот и разговор с моей китайской подругой Кейт после сдержанного вздоха о столице перешел на детей, и она призналась, что внешность европейских детей ей милее — такие большие глаза, такие высокие носы! Если с людьми дружить, никакая кэци не помешает им рано или поздно говорить откровенно.

«И вот мы в Пекине». Сколько путешественников писали эту фразу по достижении китайской столицы. В Пекин отправлялись на десятилетнюю службу российские православные миссии, на бывшей территории проживания которых ныне расположено самое большое посольство в мире — бывшее советское, а ныне российское. Принадлежащие дипмиссии шестнадцать гектаров лесопарка, строений с разрушенной церковью и всем, необходимым для жизни и работы, были даже некогда занесены в книгу рекордов Гиннеса. Сюда приехал отец российского китаеведения монах Иакинф — Бичурин, а за ним — великолепный майор Тимковский, прошедший для этой цели Монголию и северный Китай и оставивший записки об этом путешествии, которые уже вот-вот выйдут в свет.

Пекин помнил Хубилая и Марко Поло, вдовствующую императрицу Цыси, одной рукой провоцировавшую резню европейцев, а другой... ну, обеими руками, и ногами тоже, — катавшуюся по Запретному городу на трехколесном велосипеде, подаренном одним из политиков. Пекин не забыл ни остатки непрочной храмовой архитектуры (сакральные строения в традиционном Китае пристало строить из дерева), ни своих кудрявых львов, придерживающих лапой жемчужины, ни белую ламаистскую пагоду Байта над гладью Северного моря — озера Бэйхай, ни танков на площади Тяньаньмэнь, ни расположенных неподалеку Минских могил и более далекой Великой стены. Здесь можно посмотреть, как сидит, меланхолически пережевывая бамбуковые листья, *дасюнмао* — большой панда, действительно большой, похожий на монаха Цицы, послужившего прототипом для веселого и толстого японского будды-божка Хотэя. Но можно увидеть и гораздо более фантастическое животное, *сяосюнмао* — панду малого. Это пушистое огненно-рыжее существо с белыми лапами, то ли кошка, то ли мишка, способно покорить любого.

Пекин поразил меня больше, чем Нью-Йорк: людей в нем больше, и идут они на тебя таким потоком, что кажется, будто пробираешься через весь китайский миллиард с хвостиком. Движение машин может быть по-прежнему хаотичным, а в районах, чуть более отдаленных от туристических центров (я жила на квартире у подруги, приехавшей в Пекин преподавать русский язык), точно так же будут с любопытством смотреть на твой «высокий нос» и белое лицо. Еще в самый первый пекинский вечер — до отъезда в Чанчунь — нас напоили тем самым обычным китайским зеленым чаем, насыпаемым в кружку и закрываемым крышкой. Дело было вечером, и чай пришелся очень кстати...

кабы не реакция на него. Внезапно мне показалось, что к ногам приделали тугие пружины, и приходилось прыгать, а не идти, да и ночью так и не удалось заснуть — это мне-то, кофеману со стажем.

И все же Пекин, облазанный, обнюханный и обхоженный, довершил впечатления стажировки: ты тут чужой, чужим приехал, чужим и уедешь. Ты не Маттео Риччи и не Бичурин-Иакинф, твое кровообращение никогда не перенастроится, и энергия *ци* не вольется тебе в ухо, чтобы вылиться через нос.

Еду в Сиань

«Спрашивать гребешок в буддийском монастыре — не туда зашел».
Китайская поговорка-недосказание

Так что, «отработав» Пекин, я беру билет и еду в Сиань.

* * *

— А ты не боишься одна в поезде ехать?
— Нет, не боюсь: русский с китайцем — братья навек...
— И правда! Здравствуй, товарищ!

* * *

— Ты, наверное, китаянка?
— Нет, я русская!
— Ну, не может быть! Наверняка папа — китаец или мама — китаянка.
— Нет, нет, я правда не китаянка.
— А по-китайски хорошо говоришь, как диктор.
— Меня хорошо учили!
— Да? Ну ладно... Знаешь, скорее всего, дедушка у тебя был китаец...

* * *

— Товарищ!
— Да?
— Как пройти к Даянь-та? (Большой пагоде диких гусей.)
— Простите, я не знаю, я только что приехала в Сиань. Давайте посмотрим на карте!

Окрыленная этими диалогами, я летала по Сиани — одна, с пьянящим ощущением отрыва от «слежки» (это был последний год жесткого надзора за стажировками, и нам не просто нельзя было ходить по Пекину в одиночку, но и покидать город, не сказавшись. Я покинула). Наслаждалась спокойным отношением к себе окружающих, видами обнесенного мощными стенами города, поездкой в Бинмаюн — к могильному кургану и терракотовой гвардии Цинь Шихуана.

Вот старый китаец ведет на веревочке большую усталую обезьяну. Вот они остановились и мирно разделили на двоих один банан. Вот витрина с драгоценными пятилитровыми бутылями крепчайшей китайской рисовой водки. Вот в одной из этих бутылей заспиртованная змея.

А потом у меня из кармана вытащили кошелек со ста юанями, что в поездке было равносильно гибели, и я поняла... поняла, что теперь я здесь совсем своя. И осталась в Сиани навсегда.

Виктор Дятлов

«Черкизон», «Шанхай» и другие...

Этнические рынки в современной России

Феномен, уходящий в прошлое

Ярчайшая примета городской жизни постсоциалистической эпохи — большие и маленькие, иногда огромные, рознично-мелкооптовые рынки под открытым небом. Бывшие стадионы, закрытые фабрики, пустыри, заполненные бесконечными рядами торговых прилавков, контейнеров, ангаров, наскоро приспособленных для торговли заводских цехов. Тысячи, порой десятки тысяч, торговцев и покупателей, огромные потоки товаров, денег, услуг. Первозданный на первый взгляд хаос, в котором, как в муравейнике, сформировался свой порядок, система влияния и власти, своя логика отношений и связей.

Рынки стали неотъемлемой и чрезвычайно важной частью процесса краха социалистической модели организации общества и последовавших вслед за этим глобальных трансформаций. Они возникают на огромном пространстве от Китая до Польши и Германии. Вкупе с гигантским по масштабам и значению «челночничеством» они сформировали новый феномен экономической, социальной, политической, культурной жизни.

Это были не пережившие советский строй рудименты восточных базаров и ярмарок. Традиционных базаров вообще. Это и не советские «колхозные рынки» и барахолки (вещевые рынки), пусть даже гипертрофированно разросшиеся в новых условиях. При некотором внешнем сходстве, иногда при генетическом родстве с ними, — это качественно новый феномен. Новизна предопределялась контекстом — особыми экономическими и социальными функциями в переходную эпоху, огромной ролью, новыми людьми и новыми отношениями.

Торговлей на рынках стали заниматься бывшие советские люди, выросшие в обществе, где профессиональная рыночная деятельность не просто запрещалась государством, но и осуждалась общественным мнением и моралью. Пришла масса

Дятлов Виктор Иннокентьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. Постоянный автор «Дружбы народов». Последние публикации в «ДН»: «Граждане ближнего зарубежья. Динамика формирования стереотипов» (№ 4, 2011); «Великие ксенофобии». Взаимовлияние и взаимодействие на опыте России (№ 7, 2011); «Россия в предчувствии чайнатаунов» (№ 3, 2012); «Благовещенская трагедия»: историческая память и историческая ответственность (№10, 2012).

людей без рыночного прошлого, без соответствующих традиций, ценностных установок, навыков и опыта. Пришли советские люди, вынужденные жить, работать, взаимодействовать в*не* советской ситуации.

Рынки стали механизмом экономического выживания для огромного количества людей, потерявших прежний статус и источники доходов. Торговля для многих, а может быть и большинства из них, была на первых порах способом существования, а не механизмом получения прибылей. Для наиболее предприимчивой, энергичной, мотивированной и удачливой части — это была стартовая площадка для занятия бизнесом, предпринимательством в полном смысле этого слова.

Рынки обрели и другие функции, критически важные для общества. Они стали на какое-то время ключевым элементом механизма снабжения в условиях полного краха социалистической распределительной системы, жизненно важным институтом снабжения для слоев с низкими доходами.

Довольно быстро рынки стали логистическими узлами новой *системы* торговли, почти сразу трансрегиональной и трансграничной. В качестве начальных и конечных терминалов системы челночной торговли, мест, где формировались торговые потоки и где они заканчивались, рынки интегрировались в глобальную систему отношений — не только торговых, но и социокультурных.

В качестве механизма по продвижению на формирующиеся потребительские рынки китайских и турецких товаров, они практически сразу стали притягивать экономическую активность мигрантов, в том числе и трансграничных, превратившись в место и механизм их экономической, социальной и культурной адаптации. Масштабы этого явления оказались таковы, что многие из них стали в глазах городских сообществ этническими — китайскими, киргизскими, кавказскими.

С точки зрения горожан, китайские рынки, например, это место, где китайцы торгуют китайскими товарами, где звучит китайский язык и представлена китайская бытовая и деловая культура. При этом в чистом виде такой набор встречается крайне редко.

«Этнические рынки» стали играть важную экономическую, социальную, символическую роль в городском пространстве. Они быстро переросли простой формат торговых площадок и превратились в сложные и саморазвивающиеся социальные организмы, сгустки социальных связей, сетей, конфликтов, механизмов власти и контроля.

Концентрация иноязычных и инокультурных мигрантов быстро сделала этнические рынки крупным, возможно, крупнейшим этническим кластером на карте многих городов, особенно востока России. В отличие от других, не очень видимых кластеров (гостиниц, общежитий, например), рынки — это публичная сфера. Здесь постоянно встречается и тесно общается масса людей. Это место контакта — повседневного и обыденного — представителей различных культур. Место и механизм их взаимной адаптации.

С первых дней своего существования этнические рынки стали очень важным, видимым и обсуждаемым объектом внимания в городском сообществе, предметом управленческих решений властей всех уровней и их головной боли по поводу сопровождающего их сгустка проблем и конфликтов.

Рынки приобрели огромное символическое значение, олицетворяя в глазах

населения массу новых форм жизни, экономических и культурных практик, способов социальных контактов и отношений.

Постсоветская эпоха в целом закончилась. Или заканчивается. Вместе с нею уходит в прошлое, в историю и порожденный ею феномен. Рынки не исчезают совсем, но меняются сами, главное же — меняются их функции и место в сообществе. Они маргинализируются, оттесняются на периферию, иногда в прямом смысле — выдавливаются на окраины городов. Часто — просто исчезают. Закрываются или радикально меняют формат. На месте прежних оптово-розничных рынков под открытым небом появляются предприятия современных форматов — гипермаркеты, молы и т.д. В качестве отдельной отрасли сформировался крупный, высокомеханизированный транспортно-оптовый бизнес, встали на ноги мощные ретейлерские сети. Рынки под открытым небом становятся маргинальной, окраинной частью городского пространства и системы экономических и социальных отношений и связей.

Уходит натура... Уходит почти не замеченная исследовательским сообществом, почти сразу забытая обществом. Это странно — учитывая огромную роль феномена в переходную эпоху и его воздействие на жизненные траектории миллионов людей. Это ставит сложнейшую исследовательскую задачу — описать и проанализировать текущую ситуацию, попытаться реконструировать ушедшее прошлое.

Это сложная, возможно уже невыполнимая задача. Революционная эпоха не очень-то заботится об архивах, о сохранении исторической памяти. Ее больше устраивают мифы. Да и сам изучаемый объект, большая часть жизни и деятельности которого находилась в «серой», а иногда и «черной» зоне, не стремился к публичности. Скорее — наоборот. Огромная масса информации осталась незафиксированной, не отложилась в письменных и визуальных источниках. Важнейший экономический феномен почти не оставил за собой «статистического следа».

Видимая открытость и простота конструкции рынков создала иллюзию, в том числе и в исследовательских кругах, что здесь и нечего особенно изучать, что нет важной и сложной исследовательской проблемы. В свое время британские антропологи, приехавшие изучать индийских торговцев в Родезии, столкнулись с недоумением среди местных белых. «Но что можно исследовать об индийцах? Они сидят в своих маленьких лавочках, живут в их задних комнатах по полдюжины вместе. Они едят жирную еду, они не очень чистые и не очень честные. Что еще надо знать? Вы можете узнать все об индийцах этой страны за пятнадцать минут»[1].

Политические потрясения и социальные катаклизмы заслонили в сознании людей и в представлениях исследователей эту проблему как второстепенную. Возможно, это также результат отсутствия интереса зарубежных ученых — а именно они формировали в то время исследовательскую повестку дня, можно сказать — моду.

Задачу исследования осложняет — и делает ее одновременно чрезвычайно важной и увлекательной — то, что это очень сложный, динамично развивающийся и практически не прозрачный институт, система связей и отношений. Не

[1] *Dotson F., Dotson L.O.* The Indian Minority of Zambia, Rhodesia and Malawi. — NewHaven: YaleUniversityPress, 1968 — P. 273.

просто место для торговли и много больше, чем хозяйствующий субъект. Российские рынки постсоветской эпохи — это феномен, который находится на перекрестье нескольких важнейших социальных феноменов, соответственно — исследовательских проблем. Каждая из них требует отдельного исследовательского внимания — причем внимания представителей различных наук. В идеале — это предмет комплексного анализа историков, экономистов, географов, политологов, социологов, лингвистов, специалистов по экономической социологии, социальной антропологии, урбанистике. Опыт показал, насколько сложно им взаимодействовать, как трудно состыковать концептуальные и терминологические аппараты, переводить с одного научного языка на другой. Возможно, изучение постсоветских рынков заставит в процессе совместной работы находить общий язык.

Задачу этого текста я вижу в некой инвентаризации, систематизации того, что мы знаем — и чего предположительно не знаем — об открытых этнических рынках постсоветской эпохи. Возможно, это позволит сформулировать повестку дня для дальнейших исследований.

И — как историка по происхождению и культуре — меня тянет начинать работу с исторического экскурса, с исторической традиции.

Базар, «колхозный рынок», «барахолка»...

В каком-то смысле базар вечен, он существовал и играл важную роль в любом относительно организованном и сложном обществ. Но это не означает его неизменности. В различных исторических контекстах он приобретает различные функции, меняет — иногда радикально — внутренние характеристики и параметры, играет разные роли в обществе.

Самый известный тип, вошедший в массовую мифологию и ставший стереотипом — это, несомненно, «восточный базар». О нем много написано европейскими путешественниками, он стал излюбленной натурой для европейских же художников. Он породил яркие образы в художественной литературе. Для меня в этом смысле эталонным стал образ бухарского базара в блестящей книге Леонида Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине».

Несомненно, это феномен другой эпохи и иного типа общества, чем постсоветские рынки. Это важный, возможно системообразующий, элемент традиционного общества — с соответствующими функциями, местом в обществе, внутренней организацией, повседневными практиками. Прямая преемственность здесь, скорее всего, отсутствует. Хотя возможно, где-то (скажем, в Центральной Азии) могли сохраниться, пройдя через советскую эпоху хотя бы в виде рудиментов, и генетическая преемственность, традиция, стиль жизни, система ценностей, практики...

«Колхозные рынки» и «барахолки» советских времен — в каком-то смысле — это прямые исторические предшественники постсоветских рынков. Отчасти и генетические — в качестве площадок, с которых они начали развиваться, главное же — как носитель идеи и отношений рыночности в официально нерыночном обществе. Конечно, базар — это не рынок, но в базарности неизбежно присутствует рыночный элемент. Принципиально важно, что «колхозные рынки» и «барахолки» были не очень любимым и совсем не

уважаемым феноменом социалистического общества, однако вполне законным. Служили они при этом еще и легальной «крышей» для незаконных и сурово караемых «спекулянтов», «теневиков», «фарцы» и прочих представителей незаконного предпринимательства.

Строго говоря, это отдельная, самостоятельная и невероятно интересная проблема. И крайне загадочная. Рынки были неотъемлемой и очень важной частью реальных социалистических отношений. Это важнейший, неискоренимый — несмотря на свою сомнительную идеологическую природу — институт советской социалистической системы. Без их изучения наше понимание социалистической эпохи будет заведомо неполным и неадекватным.

По официальным правилам, рынки были местом примитивного обмена, купли-продажи личных вещей, площадками для сбыта излишков с приусадебных участков колхозных крестьян. Важным подспорьем в снабжении жителей городов. По сути же, набор функций был неизмеримо богаче. Это было место легитимного обмена и торга; канал обмена и механизм жизнеобеспечения города и деревни; площадка, на которой формировался и функционировал рыночный механизм межрегионального обмена; терминал «теневой экономики»; зародыш «этнической экономики».

При крахе социалистической государственной распределительной системы рынки стали важнейшим механизмом снабжения потребительскими товарами огромной массы людей. Площадкой и механизмом формирования слоя массового мелкого бизнеса, механизмом кристаллизации рыночных отношений и связей. Они послужили стартовой площадкой для развития бизнеса и «бизнеса» массы начинающих мелких торговцев и «челноков». Рынки достались им по наследству от социалистического прошлого как место привычного и законного обмена и торга.

Однако новые времена и новые задачи радикально изменили и функции прежних колхозных рынков и барахолок, их место в новой системе отношений. Изменился сам их характер (новые формы собственности, новый менеджмент, новые функции), произошла экспансия на новые площадки. Старые оказались неадекватно малыми и не очень хорошо организованными для новых задач. Поэтому создаются новые рынки на стадионах, разорившихся фабриках и т.д. Там где простор, коммуникации, чистое место с точки зрения организации и собственности. Старые рынки и барахолки стали не самой крупной и влиятельной частью новой системы, утратив при этом советские черты организации и стиля.

Уже только перечисленное говорит об огромной роли феномена. Поразительно при этом то, что он почти не изучен и даже толком не описан. Практически это историографическое «белое пятно». Можно предположить, что и советский рынок, его функции и способ существования, роль в обществе не были статичными. Он претерпевал радикальные изменения: от «Сухаревки» времен Гражданской войны до «колхозного рынка» и «барахолки» времен застоя. Но все это, повторюсь, «белое пятно». Все остались только в виде легенд и мифов в исторической памяти. В виде распространенного сюжета в художественной литературе, в фильмах, но в основном относящихся к кризисным моментам — войнам и послевоенным временам.

Можно строить предположения о причинах. Возможно потому, что социалистическая эпоха — одна из наименее изученных и осмысленных в истории

нашей страны. И дело не только в патологической страсти властей к засекречиванию, в общей закрытости общества. Даже открытие архивов, свободный доступ к самой засекреченной информации советской эпохи не решит проблемы. Одна из причин — нормативность описания социальной действительности. Чего не должно было существовать, то вообще не откладывалось в документах, письменных источниках. Существовал богатый язык эвфемизмов, умолчаний, намеков, «взаимных подмигиваний» и неформальных практик. Почти по С.Довлатову: «Я не был антисоветским писателем, и все же меня не публиковали. Я все думал — почему? И наконец понял. Того, о чем я пишу, не существует. То есть в жизни оно, конечно, имеется. А в литературе не существует. Власти притворяются, что этой жизни нет».

Возможно, такой сомнительный с идеологической точки объект, как базары, был табуирован для изучения. И даже если не было прямого запрета, изучение задворок социализма грозило выходом на запретные для проговаривания сюжеты. Поэтому сейчас изучать базары чрезвычайно трудно в силу острого дефицита источников и их заведомой неполноты и односторонности. Объект окончательно ушел в прошлое, оставив пугающе мало информационных следов. И следы эти — заведомо односторонние. Масса информации, очевидной для участников процесса, не просто закрывалась, засекречивалась. Это было бы полбеды. В чудовищно забюрократизированном обществе существовал гигантский документооборот. И сокрыть хотя бы часть его, засекретить — невозможно. Как и полностью уничтожить пласты документов. Но масса информации вообще не откладывалась на бумаге. Многие вещи (очень важные) или устно проговаривались, или скрывались за эвфемизмами, или не проговаривались вообще, совершаясь «по умолчанию».

Конечно, существует острая потребность «поднять архивы» советской эпохи, извлечь из них максимум возможного. Ведь «колхозные рынки» и «барахолки» были юридически оформлены, они имели бухгалтерии и отделы кадров, профсоюзные организации и партийные ячейки. Должны остаться приказы, отчеты, протоколы. Некоторую надежду внушают архивы правоохранительных органов и судебные дела. Но необходимо понимать, что это «официальное лицо» феномена, то, что положено было видеть. Теневая сторона рынков, их рутинные практики, их реальная жизнь, реальные функции, масштабы и формы экономической деятельности могут быть отражены в архивных документах случайно, отрывочно, косвенно. Или не отражены вообще. Есть слабая надежда на свидетельства очевидцев, участников, но по понятным причинам этот источник уходит в прошлое безвозвратно.

Будем реалистами — мы уже не сможем реконструировать, выявить и описать мир советского базара во всей его полноте и разнообразии. Тем важнее задача ухватить то, что еще можно.

Инкубаторы мелкого бизнеса

Новое качество и новая роль открытых рынков в постсоциалистическую эпоху стали результатом кумулятивного воздействия целого ряда факторов. Рухнула социалистическая система производства и распределения товаров народного потребления. Потребовалась, причем немедленно, альтернативная

система жизнеобеспечения. Из государственного сектора экономики было выброшено огромное количество людей, сразу потерявших средства к существованию. Произошла фактическая девальвация их прежних жизненных стратегий, статусов, квалификаций. Были легализованы рыночные отношения и открыты границы.

Рынки, рыночная деятельность стали средством выживания, областью обретения новых ресурсов и статусов, территорией самореализации. Здесь можно было начинать почти с нуля, не имея за спиной первоначального капитала, связей, рыночного опыта и системы ценностей. Конечно, имевшие это нелегальные и полулегальные предприниматели-профессионалы старого режима получили огромное стартовое преимущество. В рыночную деятельность пришла масса высокообразованных и готовых к географической и социальной мобильности горожан. Насколько это было возможно для людей, выросших в рамках социалистической системы.

Товарный голод в сочетании с открытыми границами и проторенными первопроходцами — польскими челноками — путями и созданной ими инфраструктурой породили массовый *феномен челночничества*. «Челночная» торговля — это отдельная огромная и сложная исследовательская проблема, Нас здесь интересует та ее сторона, которая прямо связана с открытыми рынками. «Челночная» торговля сыграла огромную, возможно даже решающую, роль в снабжении населения в критический момент краха социалистической экономики. Для сотен тысяч занятых в ней людей она стала школой предпринимательства, инкубатором для мелкого и среднего бизнеса. Были сформированы огромные товарные трансграничные потоки, почти не учтенные, кстати, официальной статистикой.

Уже сейчас очевидно, что это явно недооцененный и недостаточно изученный феномен. Хотя, конечно, и не в той степени, что советские базары. Изучается история феномена, а она естественно связана с катаклизмами, пережитыми Россией в XX веке. Большая работа проделана по изучению масштабов «челночничества» и его роли в экономике страны и отдельных регионов, его довольно сложной организации, описаны различные типы челноков и их мотивации и стратегии. Однако обобщающие монографические исследования еще ждут своего часа.

Масштабы челночной торговли быстро породили специализацию и разделение труда. Сформировался спрос на инфраструктуру, особенно на стабильные стационарные площадки, терминалы формирования и распределения товарных потоков. Торговля с рук и «знакомым» себя быстро исчерпала. Ситуация, когда один человек закупал товары, вез их через границу и сам же распродавал, резко сужала деловые возможности.

В результате происходит быстрый переход от торговли с рук к прилавкам, контейнерам, ангарам. Рынки обрастают обслуживающей инфраструктурой и сопутствующими услугами. Особое значение имело обеспечение безопасности. Был стремительно пройден путь от первоначального хаоса и индивидуальных усилий (где рынок был просто площадкой для торговли) к системе — от конгломерата отдельных торговцев к структурированию, сетям, параллельным институтам власти и управления. К рынку как сложно организованному организму. Индивидуальный и действующий на свой страх и риск челнок быстро и на разных условиях интегрируется в систему.

Когда ограничительные действия властей, конкуренция крупных компаний, создавших эффективную и конкурентоспособную систему импорта и крупного опта, постепенно вытеснили челноков, рынки приспособились и к этой ситуации. В качестве входных и выходных терминалов они остались частью меняющейся системы, меняясь при этом сами.

Три элемента системы

Российские рынки очень быстро, практически сразу, стали очень важной частью международных сетей, по которым огромным потоком шли товары, деньги, люди, информация, встречались и притирались друг к другу деловые культуры, где формировались и эффективно функционировали нормы, правила и санкции за их невыполнение.

В самом общем виде эта система состояла из трех важнейших элементов. Товарные потоки начали формироваться во «входных терминалах», особенно в Китае и Турции, для которых обслуживание российской «челночной торговли» стало значимой отраслью экономики. Ими могли быть специализированные «русские рынки» в Пекине, Стамбуле, специализированные города-терминалы в Китае (Маньчжурия, Суйфуньхе, Хэйхе). Как вариант — транзитные рынки в Киргизии, куда поступали китайские товары, которые шли затем в Россию или через Ферганскую долину в страны Центральной Азии. В функции этих терминалов входили отслеживание эволюции спроса в России, формирование листа заказов для местных производителей, опт и розница, формирование мелкооптовых партий, консалтинг, услуги («помогайки»), сервис (рестораны, сауны, проституция).

Второй элемент — это «челноки», вслед за которыми пришли и в конечном счете вытеснили их специализированные фирмы. Их функция — закупка, формирование товарных партий, транспортировка, оптовый сбыт в России. Иногда челноки сами и сбывали привезенные товары. Но побеждали специализация и разделение труда.

И наконец, рынки в России, а также отчасти в Восточной Европе, как опорные базы новой системы торговли и снабжения. Их наиболее заметная, но, возможно, не главная функция — розница и мелкий опт для непосредственных потребителей. Именно из них состояли огромные людские потоки, достигавшие иногда десятков тысяч человек в день. И хотя сумма покупок большинства из них была невелика, но в массе это давало огромные обороты. Покупателей, особенно людей с низкими доходами, привлекали низкие цены, возможность торговаться, широта выбора. Импонировал и весьма демократический стиль общения, позволявший чувствовать себя свободно и раскованно.

Однако главной функцией крупных рынков была все-таки логистика. На иркутском рынке «Шанхай» регулярно делали оптовые закупки не только торговцы из ближайших городов, но из Улан-Удэ и Читы. О масштабах этого бизнеса говорит информация, ставшая доступной после закрытия Черкизовского рынка в Москве. Он обеспечивал работой до ста тысяч человек, 70—80 процентов из которых, по оценкам Федерации мигрантов России, были гражданами КНР. По оценкам китайской газеты «Дунфан цзаобао», на рынке

остался товар на сумму около пяти миллиардов долларов, принадлежащий китайским торговцам[1].

Таким образом, рынки вряд ли можно охарактеризовать как чисто российское явление.

Рынки одевают, обувают, кормят...

Рынки стали не просто ключевыми элементами формирующейся рыночной системы снабжения, а значит, и жизнеобеспечения низших и средних слоев населения страны, но и площадкой, полигоном, на котором происходило формирование слоя массового мелкого предпринимательства. Сюда сходились огромные товарные и денежные потоки, здесь концентрировались самые разнообразные интересы; происходила стыковка формальной и неформальной экономик. В конце концов, регулярные походы на них входили в стратегию экономического выживания основной массы горожан.

На круглом столе «Трудовая миграция и розничные рынки» (2007 г.) заместитель председателя Объединенной комиссии по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений при Совете Федерации Владимир Слуцкер отметил, что в России насчитывается около 6 тысяч розничных рынков, на которых занято 1,2 миллиона человек. «Рынки полностью одевают, обувают, кормят и поят все население России...Большинство потенциальных покупателей рынков — малообеспеченные россияне, поэтому любые непродуманные действия по регулированию рынков могут существенно подорвать их жизненный уровень»[2].

На обслуживании челночной торговли и открытых рынков в России выросли заметные сектора экономики в Турции и Китае. О масштабах этой торговли может многое сказать таможенная статистика этих стран.

Рынки, став школой предпринимательства, породили новые массовые социальные и профессиональные группы, с собственным образом жизни, типом поведения, с особой субкультурой.Есть примеры того, как организованно и энергично они могли отстаивать свои корпоративные интересы. Борясь против решения муниципальных властей о закрытии иркутского рынка «Шанхай», торговавшие на нем местные торговцы объединились в собственный профсоюз, провели несколько публичных акций, даже обратились с посланием к президенту страны. Для защиты своих интересов они основали газету «Восточно-Сибирский Шанхай», которая почти год вела энергичную борьбу против решения о закрытии рынка. Рынок это не спасло, но ярко продемонстрировало властям, что это реальная сила, с которой необходимо считаться и искать компромиссные решения.

Массовость рыночных торговцев, их происхождение из различных социальных слоев и социальных страт, сохранившиеся тесные связи с ними — все это способствовало легитимации в прежде нерыночном обществе рыночных ценно-

---

[1] *Габуев А., Козенко А.* Китай торгуется за Черкизовский рынок // Коммерсантъ. — 2009, № 131, 22 июля.

[2] Московское Бюро по правам человека.Хроника МБПЧ: март-апрель 2007 г. (http://antirasizm.ru).

стей, привычек, образа жизни, понимания законности и необходимости рыночной торговли.

Для меня важным свидетельством того, как далеко зашло привыкание к рыночности, к людям рынка, стала последняя повесть В.Г.Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана». Новые времена и новые буржуазные отношения писателю категорически не нравятся. Еще больше, чем старые, социалистические. Рынок предстает символом зла. И в то же время в повести есть рыночная торговка, «угарная баба», грубо, решительно и весело выстраивающая не просто бизнес, а и жизнь — свою и окружающих. И она писателю симпатична.

«Этнические рынки» и «этническое предпринимательство»

Постсоциалистические рынки формировались в контексте открытости границ, перехода к рыночным отношениям, в симбиозе с трансграничным «челночничеством», они стали логистическими центрами по продвижению импортируемых потребительских товаров и продовольствия. Дополнительным и очень важным обстоятельством стали беспрецедентные в истории России трансграничные трудовые миграции. Все это вместе создало феномен, который население обозначило как «китайские», «кавказские» или «киргизские» рынки и торговые ряды.

В исследовательской литературе их чаще всего называют «этническими рынками». Условность этой терминологии очевидна — на этих рынках торгуют и оказывают разнообразные услуги люди различных национальностей и гражданств. Все они в той или иной мере этнофоры[1], но прилагательное «этнический» у нас привычно относят только к представителям меньшинств. О терминах не спорят, о них договариваются — и коль скоро они прочно вошли в оборот, ничего не остается, как ими пользоваться. С соответствующими оговорками и пояснениями.

Наиболее распространенным феноменом этого ряда стали «китайские рынки», которые возникли в больших и многих малых городах востока России, а также часто и в городах Европейской части. Китайскими они были названы населением этих городов, что очень часто маркировалось и названием рынков («Шанхай» или «шанхайка», «Маньчжурия», «Китайский рынок» в Иркутске, например). Иногда названия были в этническом смысле нейтральными — но это не мешало считать их китайскими. Так или иначе, это взгляд извне.

Если попытаться понять, что дает основание для такого взгляда, можно выделить следующие факторы: китайские товары, китайские торговцы, китайские капиталы, китайский менеджмент (обычно закулисный). В целом, это констатация не преобладания китайских торговцев, а типа отношений, определяемого китайским товаром. Этот тип отношений включает дешевизну товара, его не очень высокое качество, возможность торговаться, стилистику поведения китайских торговцев, их деловую культуру. С течением времени «*китайскость*» становится брендом, торговой маркой — и такое понимание далеко выходит за

[1] Этнофор — индивидуальный носитель определенной этнической культуры и национальной психики.

этническое поле, определяя по большей мере параметры экономические и даже социальные. Тогда появляется смысл осознанно, в качестве деловой технологии, формировать и «китайский облик» рынка через нехитрый набор символов (название, китаизированный дизайн в оформлении и т.д.). *Китайскость* становится специально производимым товаром для продажи. И, видимо, далеко не случайно выстроенный на месте снесенной знаменитой иркутской «шанхайки» торговый пассаж был назван «Шанхай Сити-моллом».

Это предполагает возможность ситуаций, когда рынок мог маркироваться как «китайский» без видимого преобладания китайских торговцев. Материала для анализа мало — и можно лишь предполагать в качестве гипотезы, что на рынки городов Западной Сибири и Урала китайские товары продвигались через государства Центральной Азии. Удобнее и выгоднее было использовать услуги граждан этих стран и их деловые сети.

К слову говоря, Турция, одно время сопоставимая с Китаем по объемам товаров, производимых для продажи по «челночным» каналам, не включилась в процесс их транспортировки и продажи в России. Турецкие товары шли сюда без турецких челноков и без турецких капиталов и менеджмента. В результате турецкие товары не породили «турецких рынков».

Зато китайские товары породили не только китайские, но и киргизские рынки. Имеющиеся наблюдения показывают, что буквально в считанные годы в России сформировались многочисленные (особенно учитывая небольшую численность населения этой страны) киргизские общины. Для нас важно то, что в отличие от таджикских и узбекских мигрантов они активно вторглись в бизнес на открытых рынках и завоевали там довольно сильные позиции. В большинстве сибирских и дальневосточных городов сформировались киргизские рынки или киргизские ряды. Можно предположить, что этот интенсивный миграционный поток был вызван не только совокупностью выталкивающих факторов — слабостью экономики страны, бедностью населения, регулярными политическими потрясениями. В силу либерального таможенного режима Киргизия стала важным транзитным пунктом для продвижения потребительских товаров из Китая (и не только) на российские рынки. Эти потоки в значительной части обслуживаются киргизами.

И здесь мы подходим к чрезвычайно важному вопросу о роли мигрантов в деятельности и структуре рынков, особенно этнических. Роль это не просто заметна — она велика настолько, что стала одной из сущностных характеристик феномена. И дело не только в численности. Конечно, и один только китайский товар сам по себе может быть важным знаком, символом отношений и статусов. Но когда за ним стоит человек — проблема приобретает дополнительные измерения.

У присутствия мигрантов на рынках имеется советская предыстория. В 1960—1980-е годы на «колхозных рынках» сложился устойчивый, довольно многочисленный и очень заметный слой выходцев с Кавказа. Они обслуживали, в основном, трафик и продажу овощей, фруктов, цветов, производимых у них на родине. Масштабы и регулярный характер их деятельности позволяют говорить о ней как о профессиональном предпринимательстве, полулегальном с точки зрения властей и не одобряемом общественной моралью.

Тогда и сформировался «образ кавказца» — человека, не просто отличающегося особенностями культуры и поведения, внешним обликом, но и олицет-

воряющего в моральных категориях тех лет «торгашество». Можно предположить, что привычные этнические категории стали способом стереотипизации явлений социально-экономических. Навязанный государством и в целом принятый обществом взгляд на этничность («национальность» в терминах того времени) как на феномен скорее не культурный, а определяемый «кровью», происхождением провоцировал и появление расовых коннотаций в этом стереотипе. «Кавказцев» выделяли как группу — и относились как к группе, олицетворяющей не просто непривычные культурные нормы и практики поведения, но и осуждаемый общественной моралью тип экономического поведения.

Когда же с распадом Советского Союза и крахом социалистических отношений в Россию хлынул поток трансграничных мигрантов, значительная их часть в поисках работы и экономических возможностей пришла на рынки. Челноки изначально были разных национальностей и гражданской принадлежности — русские, украинцы, китайцы, киргизы и т.д. Преобладание или заметная роль тех или иных групп определялась не столько тем, что иногда называют «этнической предрасположенностью», сколько ситуацией и экономической целесообразностью. Ведь и саму стратегию челночничества, практики, навыки, инфраструктуру бывшие советские граждане переняли от поляков. Не зря многие русские рынки в Китае и Турции первоначально были польскими.

Те же «кавказцы», которые в советские времена специализировались на обслуживании товарных потоков из родных мест, постепенно переориентировались на общую торговую и посредническую деятельность. Уже отмечалось, что экономически эффективнее обслуживать потоки китайских товаров через Центральную Азию стали жители этого региона. Многочисленные китайские челноки или занялись в России стабильным бизнесом, или вступили в кооперацию с русскими торговцами.

Открытые рынки стали местом и механизмом экономической и социальной адаптации трансграничных мигрантов, площадкой концентрации их экономической деятельности и социальной организации. Анклавом «этнического бизнеса».

Все это делает чрезвычайно насущным и важным вопрос, сформулированный в продолжающихся дискуссиях об «этнической экономике»: коллективные или индивидуальные стратегии избирают мигранты в качестве инструмента достижения экономического успеха на рынках? Если коллективные — то на какой основе формируются их группы? Их поведение на рынках определяется экономической целесообразностью или соображениями групповой лояльности? Дополняют или исключают друг друга эти мотивы? Какова роль этнического фактора в их рыночной деятельности, да и в образе жизни в принимающем обществе? Возможно или невозможно использование ими сети внутриэтнических (внутригрупповых, но маркированных этнически) связей, отношений сотрудничества, зависимости и власти в качестве ресурса в предпринимательстве?

Хотелось бы подчеркнуть, что эти вопросы возникли в концепциях «этнической экономики» в результате изучения огромного количества самых разнообразных случаев и ситуаций. Предлагаемые ими исследовательские подходы, утверждения и гипотезы важны не для получения априорного ответа, не как источник единственно правильного знания, а для того, чтобы задать вопросы изучаемому феномену.

Относительно сформулированных выше вопросов высказывались прямо противоположные гипотезы. Одна из них состоит в том, что торговец руководствуется чисто экономическими мотивами и стимулами, поэтому этнические, земляческие и другие групповые лояльности не определяют выбора его стратегии и практик. Есть и противоположная точка зрения — модель поведения торговца предопределена его принадлежностью к своей этнической группе и групповой лояльностью.

Для обоснования или отрицания этих гипотез по отношению к современной России катастрофически не хватает эмпирического материала. Представляется однако, что ответ на этот вопрос может быть разным в различных обстоятельствах и контекстах. Главное же, такая постановка вопроса может увести от признания того, что групповые связи и лояльности (земляческие, семейные, клановые, этнические или маркируемые в качестве этнических) могут быть мощным рыночным, экономическим ресурсом. Опыт «торговых меньшинств» традиционного общества свидетельствует об этом со всей очевидностью[1]. Конечно, специфика постсоциалистических рынков в том и состоит, что это институт общества современного, не общинного. Поэтому прямые аналогии здесь невозможны. Но постановка вопроса представляется не просто корректной, но и чрезвычайно важной и перспективной.

Использование эвристического инструментария «этнической экономики» позволяет вновь вернуться к проблеме того, что же такое «этнические рынки». Сложившееся понимание, как уже было отмечено, определено взглядом принимающего общества. Оно исходит из безусловной презумпции того, что на «китайском рынке» действуют не торговцы (в том числе и китайского происхождения и гражданства), а китайцы как группа, люди, чье экономическое поведение, деловые практики, человеческие лояльности определяются их *китайскостью*. Принимающее общество видит на рынках группы, а отдельных людей воспринимает как органическую их часть.

Исследовательская задача состоит, видимо, в том, чтобы поставить здесь знак вопроса. И пытаться отвечать на вопросы на основании изучения конкретных ситуаций и кейсов. Причем крайне желательно — в динамике. «Этнические рынки» — это площадки, где действуют отдельные люди, мотивированные прежде всего мотивом прибыли? или это поле деятельности групп, организованных по этническому принципу? или не по этническому — но этнически маркированному? Противоречит ли одно другому? Являются ли «этнические рынки» просто торговыми площадками, на которых действуют на свой страх и риск отдельные торговцы — или там сложились устойчивые и эффективные внутренние механизмы регулирования, контроля и власти? Если да — то являются ли они этническими — или клановыми, но этнически маркированными? Или власть определяется наличием экономического и силового ресурса? Существует ли разделение труда по этническому признаку? При этом необходимо иметь в виду ярко выраженный феномен этнизации миграционных процессов в современном российском обществе. Ситуацию, когда процессы социально-экономические (миграция например) привычно описываются в категориях

[1] *Дятлов В.И.* Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. — М., 1996.

культурных, в том числе и этнических. Когда логика и практики поведения мигранта приписываются этнической группе.

Вопросов куда больше, чем ответов. Однако опыт изучения иркутских рынков позволяет утверждать (не распространяя это априори на все «этнические рынки»), что это не просто торговые площадки и хозяйствующие субъекты. Там сложилось и разделение труда (в том числе и по этническому принципу), и внутренние механизмы организации и контроля, и социальные сети, в том числе и на этнической основе.

Можно предположить, что формируется и особая субкультура таких рынков. Одним из свидетельств этого стало формирование и довольно широкое распространение пиджинов — особенно в российско-китайском торговом приграничье. Возрождена на новой основе и в новом историческом контексте дореволюционная традиция кяхтинского пиджина как языка приграничной торговли.

Контекст. Рынки в городской среде

Рынки — не просто место, где товары и деньги переходят из рук в руки. Теперь это место встречи и взаимного привыкания людей различных культур. Место и механизм привыкания к феномену этнического и культурного многообразия как норме.

Они стали неотъемлемой частью городского пространства в качестве олицетворения не только торговли и рыночных отношений, но и особого культурного феномена. Природа этой особости требует отдельного изучения. Но может быть далеко не случайно в телевизионном сериале «Черкизона. Одноразовые люди» рынок предстает неким воплощением сталкеровской «зоны». Местом запредельно чужим и уже только поэтому опасным. Но и привлекательным своей экзотикой и возможностями. Скорее всего, это гипертрофированный взгляд, художественное преувеличение. Вряд ли обычный посетитель рынка испытывает там чувство риска или опасности, но ощущение настороженной отчужденности явно присутствует.

Рынки не были изолированными институциями в городской среде. Вокруг них естественным образом формируется самая разнообразная инфраструктура сервиса и развлечений. Не случайно, например, именно в районах рынков, особенно «этнических», наблюдается высокая концентрация самых разнообразных предприятий «этнического общепита». Мелкая уличная торговля также притягивается сюда, ближе к сложившимся потокам покупателей. Поближе к рынкам предпочитают селиться мигранты, формируя здесь хотя и размытые, пока еще не очень явно выраженные, но этнические кластеры.

Рынки — предмет постоянной озабоченности городских властей, так как являются важным источником ресурсов и механизмом жизнеобеспечения и одновременно — причиной или поводом разнообразных проблем и конфликтов. Проблемы транспорта, санитарии, затрущобливания окружающих территорий, уклонения от налогов и нарушения миграционного законодательства, повышенный уровень преступности, коррупция — все это создает у властей и населения справедливое ощущение слабой подконтрольности и управляемости этих стратегически важных для города объектов.

Поэтому «этнические рынки» постоянно находятся в центре общественного внимания, это предмет регулярных дискуссий в прессе и в интернете. И внимание это редко бывало доброжелательным.

Закрытие «шанхайки»: современные тенденции

Конечно, открытые рынки, в том числе и этнически маркированные, не исчезнут совсем. Своя ниша у них останется — в формате «блошиных рынков», продовольственных рынков, да и в какой-то мере оптово-розничных тоже. Вряд ли исчезнет и «этнический бизнес» — он уже сейчас эффективно осваивает современные форматы, эффективно реагируя на все запреты и ограничения. Однако время процветания открытых рынков позади — если конечно страну не постигнет какой-нибудь новый политический и экономический катаклизм. Российский опыт XX века показал, что экономическая и общественная роль открытых рынков радикально возрастает в переходные и кризисные моменты истории.

Что же происходит после закрытия или маргинализаци этнических рынков? Куда уходят их обитатели и в каком направлении концентрируется их энергия? Стоит поискать ответы в опыте не раз упомянутой иркутской «шанхайки».

С первых же дней существования рынка было объявлено о его временности. Об этом постоянно заявляли представители городских и областных властей, руководители пожарных, правоохранительных, санитарных служб. От властей требовали закрыть «эту клоаку», а те охотно обещали это сделать. Но рынок эффективно функционировал тринадцать лет, пережив даже эпидемию атипичной пневмонии в 2003 году. Это был прекрасный повод для атаки. Два вице-губернатора жестко потребовали от мэрии закрыть рынок по соображениям эпидемиологическим, а также безопасности и общественного порядка. В очередной раз заявили о необходимости радикально решить проблему депутаты городской думы. В сентябре 2006 года городская администрация все же ликвидировала рынок. Это встретило отчаянное сопротивление торговцев: подавались иски в Арбитражный суд, проводились публичные акции (пикеты, перекрытие улиц), подписывались коллективные обращения, распространялись листовки, был организован профсоюз работников рынка, его представители встречались с мэром. Дело дошло до телеграммы президенту страны. Городские власти оказались непреклонными. На организованное сопротивление они ответили конфронтационной риторикой, обычно им не свойственной. Единственной уступкой стала отсрочка закрытия рынка до начала 2007 года.

По словам представителя мэрии, по новому закону о местном самоуправлении город был обязан к 2009 году продать все свои коммерческие учреждения. Не исключено, однако, что причиной решительности и непреклонности стало то, что, как проницательно заметила журналистка, «рынок "Шанхай" стал символом целой эпохи»[1] . Проблема «шанхайки» переместилась в символическую плоскость. Она олицетворяла «китайскость», трущобность («клоака»), неприкрытую бедность («рынок для бедных»), огромные финансовые потоки и подозрения в

[1] *Трифонова Е.* Шанхайское «ополчение»// Восточно-Сибирская правда. — 2006, 2 нояб.

том, что городские чиновники используют их не по назначению. Для муниципальной власти рынок был не только источником доходов, но и головной болью. «Шанхайка» была только частью единой торговой площади, на которой расположены еще несколько частных рынков, создающих абсолютно такие же проблемы для города. Та же трущобность, антисанитария, скученность, транспортные проблемы, запутанные финансовые и налоговые проблемы, те же китайцы. Но об их закрытии речь не шла.

«Шанхай» ликвидирован как хозяйствующий субъект, ушел в прошлое как торговая площадь. Означает ли это прекращение деятельности китайского рынка в городе? Показательна реакция китайских торговцев. Чрезвычайно активные, боевитые, организованные, способные на риск во время борьбы за передел ресурсов рынка, они полностью отстранились от борьбы за его спасение. Это выявилось еще на стадии подспудной борьбы в администрации города, в ходе которой и было принято решение о закрытии. Тогда, в ноябре 2004 года, произошло уникальное для России событие — была создана газета под замечательным названием «Восточно-Сибирский "Шанхай"». В разговоре с автором ее основатель и журналисты подчеркивали, что инициатива и ресурсы исходили от русских торговцев и что главная задача газеты — воздействовать на общественное мнение иркутян с целью сохранения рынка. Газета выходила до лета 2005 года (около десяти выпусков) двадцатитысячным тиражом и довольно умело и профессионально боролась за жизнь рынка. Осенью 2006 года в арьергардных боях также участвовали только русские торговцы.

Китайский рынок перерос границы официального «Шанхая», соответствующая инфраструктура переместилась на другие торговые площадки города, особенно соседние. Фактически сформировался «Большой Шанхай». И решение городских властей обрушились только на символ китайского рынка.

Закрытие «шанхайки» остро поставило вопрос о судьбе китайского бизнеса в условиях радикального снижения экономической роли открытых розничномелкооптовых рынков и мер по их административному выдавливанию. Что будет в этой ситуации с их китайской ипостасью? Каковы перспективы китайских торговцев, китайского бизнеса? «Китайские рынки» — «уходящая натура»? Феномен, который сыграл свою роль — и роль огромную, — а теперь власть при явном одобрении значительной, возможно даже преобладающей, части общества добивается его ликвидации?

Внимание исследователей привлекли только немногие «китайские рынки» страны. Поэтому об общих тенденциях можно говорить только предположительно. С этой важной оговоркой можно констатировать, что если неорганизованный «челночный» бизнес и преобладал, то только на ранних стадиях формирования феномена. Довольно быстро крупные предприниматели или корпорации установили контроль над деятельностью рынков, используя экономические и внеэкономические («патрон-клиент») механизмы подчинения мелких торговцев. Китайский бизнес эффективно функционировал, используя труд китайских мигрантов, но мог обходиться при необходимости и без них или с их минимальным участием, делая упор на китайские товары, капиталы и менеджмент. Ключевой здесь видится функция продвижение китайских товаров. Уверенно же можно говорить о том, что за два прошедших десятилетия китайский капитал, китайские товары, труд китайских торговцев стали важным,

необходимым и интегральным компонентом принимающей экономики. И важнейшим инструментом этого были «китайские рынки».

Потеряв прежние позиции, рынки под открытым небом вряд ли исчезнут окончательно. Они останутся, хотя и будут оттеснены на окраины городов и периферию экономической жизни. Однако кластеры, «сгустки» китайской торговли, в том числе и розничной, не исчезнут благодаря освоению новых торговых форматов. Залогом этого является то, что китайский бизнес в России накопил большие ресурсы (не только капиталы, но знания, опыт и связи). Он продемонстрировал огромную адаптивность к суровым и стремительно меняющимся условиям. Он не откажется и от такого мощного ресурса, как опора на общинность, на клановые связи и механизмы.

В ответ на правительственные меры по вытеснению иностранцев с рынков были мгновенно и эффективно задействованы система подставных лиц, маневра ресурсами, механизм смены юридического статуса. На смену открытых «шанхаев» идут крытые пассажи, торговые ряды и супермаркеты с китайскими капиталами, товарами и рабочей силой. Иркутский «Шанхай» ликвидирован как юридическое лицо. И тут же на его месте был построен «Шанхай Сити-молл».

В 2012 году городские власти резко активизировали борьбу с комплексом из одиннадцати открытых рынков в районе Центрального рынка («большим Шанхаем»). Они принадлежат частным владельцам, поэтому просто закрыть их (как «шанхайку», которая была муниципальным предприятием) власти не могут. Аргументация властей та же — антисанитария, трущобность, помехи дорожному движению, массовые правонарушения, «китайскость». Кроме того, с 2014 года вступили в силу новые нормы закона «О розничных рынках», по которым в городах, имеющих численность населения свыше ста тысяч человек, торговля может осуществляться только в капитальных строениях. Мэр Иркутска потребовал от хозяев рынков возвести современные торговые центры с парковками или перебраться из центра города, угрожая в случае неповиновения «навести порядок» с помощью интенсивных рейдов и проверок санитарных, пожарных, миграционных служб, Роспотребнадзора и т.д.

Одновременно при участии городских властей на этой территории был открыт новый торговый центр «Шанхай сити-молл». Хозяева рынка специально подчеркнули: «Прежнее название рынка... решили сохранить, потому что это популярное у горожан место, где можно недорого купить любые вещи». Подчеркивание символической реинкарнации рынка говорит и о том, что само слово «шанхай» обрело новые устойчивые коннотации, превратившись из имени собственного в имя нарицательное.

Китайский бизнес пришел в Россию навсегда. Он будет меняться, приспосабливаться к экономической и политической конъюнктуре, но не уйдет. Он уже перестал быть чужеродным для экономической и общественной жизни России, стал своим и необходимым. Теперь это неотъемлемая часть российской социально-экономической системы. А обогащение словаря русского языка новыми словами, типа «шанхайка» свидетельствует о том, что теперь это уже часть культуры.

Владимир Делба

Сухумские антики

Чудаки, сорванцы и поэты недавнего прошлого

Всякий раз, проходя по памятным местам моей юности, я испытываю смешанное чувство грусти, восхищения и пронзительной ностальгии по былому Сухуми, утонувшему, как былинный град Китеж, в темных водах времени.

Воспоминания о нем и побудили меня в конце концов взяться за перо. Не знаю, удастся ли мне хоть частично воссоздать на бумаге тот город моего детства, солнечный, уютный, интернациональный, веселый и озорной. Смогу ли рассказать о населявших его удивительных людях... Но попытаться, я уверен, стоит.

В моем письменном столе дожидаются завершения и, надеюсь, публикации два сборника сухумских воспоминаний. Один я собираюсь назвать «Амра», другой — «Мой брат Хозе». Предлагаю вашему вниманию главки из них.

Амра

В советские времена встреча друзей в одном из сухумских ресторанов не казалась чем-то особенным. Это было по средствам многим, чуть ли не каждому. Но поход в «Амру» всегда был событием...

Фасад ресторана увенчивал сверкающий зеркальный шар, окруженный лучами и символизировавший солнечный диск, ибо *амра* — это и есть по-абхазски солнце. Заведение выигрышно отличалось от прочих увеселительных заведений и совмещало в себе сразу два достоинства. На нижнем уровне помещался хороший ресторан для тех, кто побогаче. А на втором — демократически открытая терраса. Это были совершенно различные миры. Терраса являлась, пожалуй, единственным в городе рестораном, где заказ чашки кофе не вызывал у официанта недоумение.

К тому же располагалась «Амра» в удобном месте — в центре города. Ресторан помещался на подобии уходящей в море эстакады. Свежий морской ветерок постоянно обдувал террасу, с которой открывался потрясающей красоты

Делба Владимир Михайлович — художник, прозаик, поэт, эссеист. Автор четырех книг и многочисленных рассказов, очерков, эссе в газетах «Советская Абхазия», «Апсны Капш», журналах «Амцабз», «Алашара». Член Ассоциации писателей Абхазии. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

вид на береговую линию. Где-то далеко внизу лениво бормотали волны... Неудивительно, что «Амра» быстро сделалась очень популярной среди горожан.

Но особым местом террасу сделали люди. Здесь, на верхотуре «Амры», прописалась и стала своей, привычной, даже обязательной средой разношерстная творческая братия, веселая, озорная, любопытная и вечно голодная до знаний, новостей и общения. Студенты, актеры, художники, музыканты, молодые ученые...

Для меня лично «Амра» была неотделима от музыки.

Случилось так, что я заболел. Три моих друга — Рома Хахмигери, Менаш Ефремашвили с братом Эпиком заразили меня вирусом неведомой болезни, имя которой джаз.

У братьев Ефремашвили была уникальная по тем временам коллекция «фирменных» американских виниловых пластинок. И мы часто собирались в их уютном гостеприимном доме, чтобы слушать и обсуждать великую эту музыку. Кто-то привозил магнитофонные кассеты с записанными джазовыми концертами. И очень выручал радиоэфир. Власти глушили «вражеские голоса», но нас они не интересовали. Мы слушали радио Бейрута, которое не входило в список вредных и баловало нас новинками западной эстрады в отличном звучании. Каждую полночь с программой «Время джаза» в эфир выходил легендарный джазовый комментатор «Голоса Америки», обладатель уникальных знаний и не менее уникального бархатного голоса — Уиллис Коновер. Это был час волшебства, час блаженства.

Джаз стал очень популярен в городе. На террасе собирались любители джаза и профессиональные музыканты. Восторженные обмены мнениями переходили порой в ожесточенные споры, но заканчивались посиделки, как правило, попытками голосового озвучивания новых джазовых тем, своего рода джем-сейшенами а капелла.

Здесь блистали вечно теоретизирующий пианист Роланд Баланчивадзе, по прозвищу «Куса», медлительный ностальгирующий трубач Вахтанг Мгалоблишвили, доброжелательный улыбчивый саксофонист Женя Землянский, всеобщий любимец Джумбер Беташвили, сдержанный, всегда изысканно одетый виолончелист Альбик Митичян с братом Рафиком, братья Миносян, Рома Хахмигери, постоянно отстукивающий пальцами замысловатые джазовые квадраты. Почти исчез из памяти образ тихого, стеснительного юноши, но сохранилась необычная, вызывающая улыбку фамилия — Чижик. Для этих и некоторых других сухумчан джаз стал не просто увлечением, а жизненной философией, смыслом жизни.

На «Амру», естественно, зазывали и редких гостей-джазменов. Редких, потому что джаз относился к искусству «буржуазному», а значит, опальному, и если власти кое-как терпели местные джазовые коллективы, то гастроли чужаков отнюдь не поощрялись.

Как-то зимой в Сухуми выступал эстрадный оркестр из Баку. Одно отделение было типично советским, а во втором неожиданно для зрителей выступил классный джазовый квартет, мастерски исполнявший сложнейшие музыкальные темы. Был теплый вечер. После концерта бакинцы вышли на променад, были окружены и доставлены на верхотуру «Амры», где испытали шок, обнаружив в сонном полупустом городе шумную компанию людей, так сильно любящих и отлично знающих джаз. Просто разойтись было невозможно,

нашлись ключи от ближайшего дома культуры, где имелось пианино, гости сбегали за инструментами... и начался джем-сейшен, на всю ночь. Только влюбленные в джаз могут понять, какое это было событие и какой оно было наполнено мощнейшей, безумной творческой энергетикой, которая, казалось, способна зарядить человека до конца жизни.

А что касается моего личного романа с музыкой, он, к сожалению, был недолгим и закончился драматично. В возрасте восьми или девяти лет меня отдали в музыкальную школу, на подготовительное отделение. Нотная грамота, сольфеджио, разучивание гамм...Все привычно и рутинно. Особого усердия я не проявлял, но перспектива играть на пианино и самому подбирать мелодии была мне по душе.

Все шло своим чередом, кроме одного, самого главного. Мои руки отказывались играть синхронно. Сначала я относился к этому достаточно спокойно. Потом же меня с нарастающей силой стала охватывать тревога. И в момент, когда тревога переросла в панику, когда я полностью потерял надежду, произошло чудо! Как-то утром я сел за инструмент и... заиграл обеими руками, да так слаженно, как будто был профессиональным пианистом. Каким же счастливым я был в течение нескольких дней.

Однажды вечером, позволив себе небольшой отдых, я отправился в парк имени Ленина. Находился он недалеко от нашего дома, и обычно по вечерам здесь собирались мальчишки из ближайших дворов, чтобы поиграть в пинг-понг или просто пообщаться.

Обычно веселые и добродушные ребята встретили меня с каменными лицами и в полнейшей тишине. Это было настолько необычно, что я почувствовал нечто похожее на страх. Смутился и спросил: что случилось?Не умер ли кто, не дай бог? Пока нет, ответили мне, но кое-кто отмереть может. Этот загадочный ответ еще больше меня запутал.

И тут они без лишних слов перешли в атаку:

— Так ты, как оказалось, баба! Как это «нет»? А кто из нас на музыку ходит? А в музыкалке, как известно, учатся одни только бабы. Так что выбирай, мы или музыка.

Наверное это был розыгрыш.В музыкальной школе училось немало мальчиков, так что обвинения были липовыми. Но я, к сожалению, был наивным ребенком и принял все за чистую монету.

В шоке я явился домой и закатил родителям истерику. Не помню, что говорил в тот вечер, но мои родители, добрые и мягкие люди, пошли у меня на поводу. Музыкальную школу я бросил.

Как-то раз много лет спустя отец моего друга, фронтовик, рассказывал мне историю, случившуюся с ним во время войны. Он, тяжелораненый, пообещал врачу госпиталя, что бросит курить. И слово свое сдержал.

— Знаешь Вова, прошло несколько десятилетий, а я ежеминутно испытываю болезненное желание выкурить папиросу. Ночами не могу уснуть, чувствую запах табака физически. Засыпая, курю в каждом сне, а просыпаюсь со слезами на глазах. Но курить реально? Нет, конечно. Я же дал слово.

Вот и я часто мучаюсь ночами, но не от отсутствия табака. Хуже! Во сне я сажусь за инструмент и с упоением играю джазовые мелодии. Но, увы, после ночи всегда наступает утро.

Гора имени Сталина

Древнее абхазское название этой невысокой двуглавой горы — Самтаа-рху. Верхняя ее часть невзрачна, и горожане непочтительно отзывались о ней как о «лысоватой». Облысела она в середине девятнадцатого века, когда все деревья на склонах были вырублены для строительства городских построек. Но случались в ее прошлом и более возвышенные периоды. На одной из вершин археологи раскопали участки древней стены, сложенной из булыжного камня и известкового бута. А во время войны на горе стояла зенитная батарея, и по сей день в густой траве местами угадываются остатки дороги, которой теперь никто не пользуется.

Вообще-то горой имени Сталина она именовалась, по историческим меркам, совсем недолго. Во второй половине девятнадцатого века местный краевед Чернявский построил здесь дачу, и с тех пор более ста лет сухумчане именовали эту местность «горой Чернявского».

Но вот на стыке сороковых и пятидесятых годов прошлого века здесь началось строительство большого парково-архитектурного комплекса, которое преобразило скромную горку в подобие райского сада, осененного именем вождя всех народов.

Мне довелось в раннем детстве видеть начало этих работ.

Однажды вечером отец вдруг позвонил маме и предложил взять детей — то есть нас — и вместе с ним посмотреть, как идет строительство фуникулера на горе Сталина (к слову, канатная дорога так и не была построена, однако незнакомое, но красивое слово запомнилось и понравилось настолько, что после окончания стройки горожане нередко называли парк на горе именно этим словом — фуникулер). Предложение было необычным. Отца в то время мы практически не видели дома, так как госслужба сталинских времен предполагала работу на износ, почти без сна и отдыха...

В автомобиле я, разумеется, прилип к окну.

Асфальт заканчивался как раз рядом с бывшей дачей краеведа, а дальше к вершине вела временная дорога, укатанная колесами самосвалов. Вечернее, уходящее за горизонт солнце будто пыталось поджечь гору оранжевыми лучами и окрашивало один из склонов тревожным заревом. Длинные черные тени только подчеркивали ощущение пожара.

Склон был совершенно голым. Ни единого деревца или кустика. Ни травинки. Над землей клубились облака пыли, поднимаемые в небо колесами и гусеницами строительных машин, сотнями человеческих ног. В тот вечер на горе собрались тысячи горожан, почти невидимых в пылевой завесе. Рев моторов, выкрики рабочих, рваный свет прожекторов и автомобильных фар, выхватывающих из пыли и темноты то неясные человеческие фигуры, то очертания ползающих по склону гигантских железных монстров, — все это напомнило мне кадры из виденного недавно фильма...

В кино так же клубилась пыль, так же хищно шарили по экрану прожекторные лучи и какие-то матросы штурмовали крепость, а из бойниц крепости их косил огонь вражеских пулеметов. Мне было очень жаль храбрых матросов, я рыдал так горько, что няне пришлось срочно эвакуировать меня из кинотеатра.

Здесь, на горе, было еще страшнее, хотя никто не стрелял из пулеметов. А вдруг начнут? Ведь это не кино! И не спасут от пуль толстые стекла «паккарда», предусмотрительно поднятые шофером Арутом. Я физически ощущал, как помимо моей воли кривится рот, готовясь к отчаянному реву. И в этот момент я посмотрел на брата. Его лицо светилось восторгом, глаза блестели.Он буквально засыпал отца вопросами о строительной технике, о мощности бульдозеров и экскаваторов, производительности самосвалов, маршруте и конструкции фуникулера.

Его восторг передался мне. Я почувствовал, что рядом с отцом и старшим братом защищен ото всех опасностей. И пересилил страх. Лицо разглядилось, и я принялся с интересом разглядывать то, что творилось за окном. Пожалуй, это была первая в моей жизни осознанная победа над самим собой.

Торжественного открытия парка я не помню. Видимо, был еще слишком мал, чтобы придавать значение подобным событиям. Зато врезалось в память одно из посещений этого замечательного места несколько лет спустя. Отец уже не был на госслужбе и мог уделять больше времени семье. Как-то раз он взял меня за руку и повел прогуляться на гору, которая к этому времени называлась уже просто Сухумской.

Мы медленно поднимались вверх по тенистой, идеально гладкой асфальтовой дороге. Шли мимо обшарпанных старинных особняков, давно превращенных в коммунальные жилые дома. Миновали своды белоснежной въездной арки, поддерживаемой псевдогреческими колоннами, и оказались в подобии зеленого коридора. А вернее, в трубе диковинного калейдоскопа, в котором кроны экзотических деревьев, пронизанные солнечными лучами, переливались всеми оттенками зеленого, серого, фиолетового, голубого... Стволы их тянулись из густой травы и подстриженных кустов самшита вверх к высокому небу. Легкий теплый ветер разносил над дорогой густые, незнакомые ароматы листвы и цветов.

Мной овладело странное чувство, ощущение восторга и нереальности происходящего.Это была какая-то пьянящая эйфория (что-то похожее я испытал несколько лет спустя, впервые в жизни выкурив папиросу с анашей).И пока мы под шелест листвы шли в гору, отец показывал на то или иное дерево и увлеченно рассказывал, из какой заморской страны его привезли специально для города, как оно приживается в нашем климате и, главное, как оно называется на латыни.Eucalyptuscineria, buxussempervirens, cinnamomumcamphora... Эти названия звучали для меня как музыка, как гимн окружавшему нас рукотворному великолепию. Меня распирало от гордости за то, что отец, чью руку я с волнением сжимал, не просто один из организаторов чуда, сотворенного людьми на горе Чернявского, но и может так увлекательно и с таким знанием рассказывать обо всех подробностях того, как оно возникало.

Особенно поразил меня способ, каким гору излечили от «лысости». Все ее склоны от подножия до вершины были выложены дерном! Вручную клали один к другому сотни тысяч лоскутов земли с высаженной травяной рассадой.

Нужно сказать, в городе ходило много слухов о том, какой ценой строился комплекс на горе. И заключенных якобы нещадно эксплуатировали, и местное население якобы рекрутировали по принципу трудовой повинности.

Данными насчет заключенных не располагаю, но помню фотографии того периода и рассказы моих старших родственников.Помню моих улыбающихся

тетушек в спортивной одежде с лопатами в руках, отбывающих в кузове грузовика на строительство. И помню, что записаться в строительные отряды, со слов старших, было для горожан честью и почетной обязанностью.

Как бы то ни было, именно тогда, в голодные послевоенные годы, Сухуми стал преображаться.Именно тогда построили драмтеатр с экзотическим фонтаном, филармонию, обустроили набережную, привели в порядок скверы и парки. Слова «город-сад» в те годы не были метафорой.

Это уже потом, в эпоху так называемой хрущевской «оттепели», в более сытое и благополучное время появились безликие серые коробки, которыми бессистемно засоряли городское пространство. И если бы не море и природа, «хрущобы» низвели бы цветущий курортный город до уровня какого-нибудь пыльного степного Целинограда.

Хаджарат, абрек и носильщик

Хаджарат работал носильщиком на вокзале. Небольшого роста, субтильный и сутулый, тихий незаметный человек средних лет. Не воевал, поскольку не прошел медицинскую комиссию, хотя, как говорили соседи и друзья, на фронт рвался. Но сильнейшее косоглазие и укороченная в результате детской травмы нога шансов уйти на фронт не оставляли.

И Хаджарат, как часто бывает в подобных случаях, закомплексовал. Свои переживания носил в себе, с завистью поглядывая на ордена и медали сверстников, прошедших войну. Но все это до первого стаканчика чачи. Хаджарат не любил шумных и долгих застолий, витиеватых тостов и пьяных разговоров, но и пить в одиночку считал ниже своего достоинства. Спиртное действовало на него как магический эликсир. Метаморфоза поражала даже тех, кто наблюдал ее достаточно регулярно. После одной-двух рюмок из-за стола поднимался уже совершенно другой человек. Ровная прямая спина, гордая посадка головы, мягкая, танцующая походка, решительный и задорный блеск в глазах... Поразительно, но куда-то уходило косоглазие, да и поврежденную ногу будто вытягивал на время неведомый волшебник.

Теперь Хаджарату было необходимо другое общение, не застольное. Хаджарат нуждался в публике, аудитории! И он умел найти слушателей. Как правило, шел на плохо освещенную вечернюю набережную, пустынную в «мертвый», некурортный сезон. Высмотрев стайку подростков, наш герой неожиданно возникал из темноты и, прижав палец к губам, знаками увлекал мальчишек в сторону от бульвара. И уже в безлюдном месте завораживал речами заинтригованную юную аудиторию...

Надо сказать, что Хаджарат был от природы сообразительным человеком. Он много читал, был внимательным и благодарным слушателем, а если учесть, что жил он в самом криминогенном районе города между вокзалом и поворотом на Маяк, застроенном бараками, то можно представить, сколь много самых разных историй — от леденящих кровьдо романтических и отчаянно смешных— хранилось у него в памяти. Так что ему было что рассказать. Он никогда не повторялся и постоянно импровизировал, как хороший джазовый музыкант.

Общий же сценарий был обычно таков. Вначале он приводил слушателей к своеобразной присяге — требовал, чтобы они пообещали ему хранить в тайне все,

что он расскажет. А затем сообщал, что он не кто иной, как легендарный «вор в законе», грабитель эшелонов по кличке Сипа. Иногда представлялся именами столь же известных бандитов — Народного комиссара или же Маляки. Затем вводил мальцов в курс дела. У него есть «наколка» — то есть наводка — на дело о десятках миллионов. Мол, из Тбилиси в Москву отправляют вагон золота, вывезенного еще в годы войны из Персии. В Сухуми поезд будет стоять только три минуты, чтобы залить в паровоз воду. Этого времени достаточно для ограбления, но ему, Сипе (Наркому, Маляке), требуется команда единомышленников, смелых и рискованных.

— Пацаны, вы не бздите, у меня все подготовлено. Дам вам «шмайсера» и пару «воробелов», век свободы не иметь. Пишитесь, короче, пока я добрый... Не то вы же в курсе дела, валить вас придется, — с этими словами Хаджарат опускал правую руку в карман пальто и, выдержав небольшую паузу, начинал заразительно хохотать.

Когда окаменевшие от ужаса мальчишки немного приходили в себя, он продолжал доверительно-заговорщицким тоном, сменив тембр голоса и стиль речи:

— Это я вас, ребятки, проверял. Знаете, есть у нас, у чекистов, метод такой — будущих разведчиков готовить сызмальства, устраивать проверки всякие. Я-то знаю, все вы парни надежные, комсомольцы, но порядок есть порядок. Теперь-то вы проверку прошли, и я могу смело записать вас в молодежный отряд содействия органам, сокращенно — МОСО. Слыхали о таком? А насчет вагона с золотом и плана Сипы — все истинная правда. Захват или уничтожение банды Сипы и будет вашим первым заданием. Понятно? А насчет оружия не беспокойтесь. Получите из спецарсенала автоматы ППШ и пистолеты ТТ. Ну а сейчас тихонечко, по одному расходимся. Встречаемся завтра в четыре утра у павильона «Голубой Дунай». Пароль — «афыртын»[1].

А затем следовал главный, основной номер программы. Хаджарат поднимал правую руку, как бы отменяя предыдущий приказ, откашливался и почти театрально поставленным голосом объявлял уже полностью обалдевшим, потерявшим дар речи подросткам, что и второе задание было проверочным, невсамделишным. Он не Сипа, даже не тайный чекист, а о том, кто он такой, никому вообще нельзя говорить ни слова. Любопытно, что у него неожиданно появлялся сильный акцент.

— Хаджарат я, Хаджарат Кяхба. Знаете такой? А если лицо не узнали, уара[2], значит харашо, так и должен бить. Радуйтесь, уара, ни кажды ден так на жизнь павезет, что сам Кяхба Хаджарат вам на дарога встретиц-ца!

Настоящий же Хаджарат Кяхба жил в начале прошлого века, в дореволюционные времена. Был он бандитом, абреком, но при этом человеком добрым и справедливым. Бедных не обижал, наоборот, частенько раздаривал им награбленное у князей и купцов. Этакий Робин Гуд абхазского розлива. Советская пропаганда романтизировала его образ, превратив неграмотного крестьянского сына в высокоидейного революционера-большевика. О нем написаны книги, создан фильм «Белый башлык», его именем назван небольшой теплоход.

---

[1] Афыртын — буря, ураган (*абх.*).

[2] Уара — общераспространенное обращение к мужчине в разговоре (буквально «ты», местоимение 2-го лица единственного числа) (*абх.*).

И вот теперь наш Хаджарат, фамилия которого была совсем не Кяхба, с упоением рассказывал успокоившейся вконец публике, как создавал он революционные боевые группы «Киараз», как возглавлял вместе с Нестором Лакоба подпольную партийную ячейку, как весной двадцать первого брал с боем Сухум...

— Но, дядя Хаджарат, в книжке написано, что враги подло убили вас еще до советизации...

— Уара, эта бил гасударственный тайна. Меня направил абком на другой участка и кроме вы, уара, не один чалавек не знает, что я, уара, живой. Сейчас в Испания руководит собака, пес империализмы, фашист Франко. Меня, уара, тайно пашлют в Испания, на партизанский вайна, уничтожить гаду, — доверительно произносил джигит, как бы проходясь пальцами по газырям воображаемой черкески.

И именно Хаджарат Кяхба и его революционные приключения являлись обязательной темой каждого выступления нашего героя. И заканчивал их он одинаково — просил слушателей приподнять его и водрузить на основание фонарного столба. Возвышаясь над аудиторией, Хаджарат начинал с чувством декламировать стихи:

На гора Шамил стаял,
Шашка, пушка и кинжал
На адын рука держал.
А внизу народ стаял.
Ах, какая маладца,
Уара, красный армии байца...

Хаджарату аплодировали и снимали его со столба.

Представление было завершено, и наш герой, прижав палец к губам и постоянно оглядываясь, нет ли «хвоста», потихоньку уходил в темноту. А еще чуть позже вдали можно было разглядеть сутулого согбенного человека, с трудом волочившего деформированную, больную свою ногу. Хмель выветривался, часы били полночь, карета превращалась в обычную тыкву.

Но однажды обычное течение спектакля одного актера было нарушено.

В тот день слегка накрапывал теплый летний дождь. Во дворе на скамейке под персиковым деревом, защищавшим от дождя, сгрудились несколько подростков, которые бурно обсуждали некую техническую проблему. Вел заседание мой брат Хозе. Наконец проблема была решена, соседский парень сгонял домой за инструментами, и вся кампания вышла из ворот на улицу и направились в сторону горы Сталина. Не успели ребята пройти и квартала, как вдруг из переулка выплыл... сам Хаджарат Кяхба. Или, если быть совершенно точным, носильщик Хаджарат, воплотившийся в великого абрека. Как занесло его в рабочее время в противоположную от вокзала часть города и под хмельком, так и осталось загадкой.

При виде подростков глаза у Хаджарата засветились предвкушением грядущего спектакля. Но его опередили. Мой брат Хозе прижал палец к губам и, постоянно оглядываясь, как бы опасаясь слежки, сообщил Хаджарату о задании высочайшей государственной важности, которое ребята получили от органов госбезопасности в кабинете первого секретаря обкома комсомола. В чем состоит задание, можно рассказать только на том месте, куда все направляются.

— Уара, пачему меня не сообщил? — усомнился джигит.

— А почему, уара, мы шли вам навстречу, дядя Хаджарат? Ведь мы и должны были найти вас и передать, что руководить операцией будете вы. Мы же просто исполнители...

Хозе выпалил этот текст как из пулемета, не давая Хаджарату собраться с мыслями, и повел абрека в гору.

Не помню, была ли в то время уже построена гора имени товарища Сталина, но помню место, где стоял автомобиль... Ну, автомобиль — это слишком громко сказано. На самом деле грузовик представлял собой жалкое зрелище. От бывшей полуторки остались лишь металлическая рама с кабиной и обломки деревянного кузова. В кабине чудом сохранились сидения, покрытые толстым слоем отвратительной липкой грязи. Приборный щиток был разбит, из него торчали обрывки проводов. Педали управления проваливались до пола, поскольку двигатель под капотом отсутствовал, а тормозов, естественно, не было. Но колеса оставались — спущенные лысые шины на ржавых дисках. И что было самым важным — сохранилась баранка, рулевое колесо. Располагалось это чудо техники передком к спуску.

Тут-то Хозе огласил суть секретного задания. Автомобиль не был бесхозным хламом. Как выяснилось, вражеские агенты смонтировали в его металлической раме суперсовременный прибор для наведения самолетов. И поскольку империалисты всех мастей не могут смириться с достижениями Страны Советов, то и задумали они гору имени товарища Сталина взорвать, дабы не дать советским людям насладиться ее красотами. Был срочно подготовлен специальный набитый бомбами самолет с пилотом-камикадзе, который ждал, что со дня на день поступит приказ о вылете. Но и наши доблестные органы были, как всегда, начеку. Они выследили осиное гнездо шпионов и диверсантов в районе Маяка и приняли мудрейшее решение. Полуторку следовало перегнать на Маяк и скрытно разместить рядом с шпионской базой, расположенной вдали от города в отдельном доме. Следовательно, атака заминированного самолета придется не на гору Сталина, а в аккурат на осиное гнездо. С агентурной сетью будет покончено раз и навсегда.

— Так что командуйте, дядя Хаджарат!

Попыхтев и поработав инструментами, подростки сдвинули полуторку с места и вытолкнули ее на асфальт. Хозе сел за руль, в кабине поместилось еще двое мальчишек, Хаджарат важно уселся рядом с ними на липкое, вонючее сидение, куда услужливо уложили несколько газет. Остальные ребята по команде Хозе вытолкнули полуторку с ровного пятачка на спуск, а сами быстро вскочили кто на подножки, кто на сохранившиеся доски кузова.

С жутким скрежетом прокручивались кривые, ржавые диски колес. На влажном асфальте автомобиль болтало от одного края дороги до другого, но он упорно набирал скорость на крутом спуске. Хаджарат важно восседал в кабине с улыбкой на лице и привычным огоньком в глазах. Вероятно, он воистину ощущал себя пупом земли, руководителем и вождем масс.

Грузовик вылетел на перекресток у виллы Алоизи, на приличной уже скорости промчался по крутому спуску Горийской улицы и, подпрыгнув, продолжил путь по улице Берия. Представьте на минуту, как по одной из центральных улиц сонного, спокойного курортного города несется какая-то адская колесница с десятком гогочущих и визжащих мальчишек.

Хаджарат же напоминал человека, который только что спал и видел прекрасные сны и вдруг проснулся в кабине самолета, оставшегося без управления. Посерев от ужаса, он возопил неожиданным фальцетом:

— Тормуз давай, тормуз!

— Нет, дядя Хаджарат, не могу. Тормоз и мотор враги вывели из строя, — спокойным голосом отвечал Хозе.

— Тормуз! — продолжал орать бывший джигит.

Тем временем автомобиль выскочил на плоский асфальт и начал постепенно замедлять ход. Проскрежетав еще немного, он остановился у входа в Ботанический сад прямо напротив городского отдела милиции.

— Делаем ноги! — скомандовал Хозе.

Мальчишки моментально исчезли. В искореженной кабине грузовика еще некоторое время маячил силуэт мужчины, но вскоре и он незаметно растворился в моросящем дожде.

Вокруг адской колесницы собралась толпа зевак. Подошли несколько милиционеров из горотдела, но все расспросы ничего не прояснили. Народ только охал-ахал и в недоумении разводил руками.

Останки полуторки куда-то поспешно уволокли, и скоро все забыли о странном автомобиле без мотора, появившемся в центре города непонятно откуда и каким образом.

А как же Хаджарат? — спросите вы.

А Хаджарат после этого случая исчез. Нет, не носильщик. Его-то, как и прежде, постоянно видели на вокзальном перроне, нагруженного чемоданами и узлами. Исчез Хаджарат Кяхба, секретный революционный абрек. То ли сгубили народного героя агенты мирового империализма, то ли и впрямь забросили бедолагу в стонущую под гнетом диктатора Франко братскую Испанию. Кто теперь знает?

А про носильщика ходили слухи, что молился он тайно в святилище Дыдрыпш, принес в жертву белого козленка и дал обет — чачу проклятую никогда больше в жизни в рот не брать.

И не брал.

Как арестовывали Бухту

«Уа-уа-уа»... Исторгая леденящие кровь звуки, несется по улице допотопный, громыхающий автомобиль красного цвета. Летит как на пожар...

Впрочем, это на самом деле пожарный автомобиль. А на пожар ли он мчится? Может, это просто учения? Кто знает... Но сирена будоражит полусонный город.

— Что случилса, уважаимый Христо? Уара, вы не знаете?

— Нет, Адица, ризам[1], но я слышал стрельбу.

— Саседи, дарагие, на городе слухи идет! Пожари, канечно, эсть, но это мелочь жизни, а настаящий катастроф жизни ешо до пожари был. Бухта Гулиа на мелиция стреляла, мелиция многа убила, патом граната взривала. Вот!

— Да вы что, дядя Абессалом, неужели правда?! А сам Бухта жив?

— Мамой клианусь, чистый правда! А Бухта и его жена пагибли, я думаиу.

[1] Ризам — дорогая (*абх.*).

Оставим на время рассказ о пожарном автомобиле и обеспокоенных соседях. Запомним одну только фразу из их разговора: «На городе слухи идет».

Слухи ходят обычно вместе с легендами и мифами, но на полшага впереди. И с каждым пересказом того или иного факта он, этот самый факт, приобретает все новые и новые, часто выдуманные, детали. Поэтому не могу полностью поручиться за достоверность излагаемой истории, которую я слышал от разных людей. В разное время. И с разными толкованиями. Но все, чему я сам был свидетелем, — правда.

Братья Гулиа жили в районе Турбазы. Было их четверо, насколько я помню. Старшего звали Ален, потом шли Вахтанг, известный больше как Бухта, и Миша. Младшим был Котик. Еще у них было несколько сестер. Мне приходилось бывать в доме Гулиа, так как мой старший брат Хозе дружил с Котиком. Иногда, отправляясь к другу, он брал с собой меня.

Старшие Гулиа — Ален и Бухта — были людьми легендарными, хорошо известными в городе. За обоими тянулся шлейф яркого криминального прошлого. Если мне не изменяет память, они входили в банду, прославившуюся громкими и дерзкими ограблениями, в том числе почтовых поездов. Мише, помнится, тоже приходилось бывать «на зоне».

Но лихие годы уходили в туман прошлого, времена менялись, и возраст уже давал о себе знать. Потихоньку старшие братья Котика угомонились и приспособились к «гражданской» жизни. Но былой авторитет остался. И частенько к братьям обращались горожане с просьбой рассудить их, «разрулить» сложные жизненные ситуации, быть третейскими судьями.

Вот что поразительно! Не только братья Гулиа, но все криминальные сухумские «авторитеты», которых я помню, отличались удивительной щепетильностью в вопросах справедливости и чести. Казалось бы — парадокс. Человек, не таясь, подтверждает: он действительно «вор в законе», то есть преступник, стоящий за гранью норм и правил общественной морали. Но почему люди зачастую искали защиту не в прокуратуре или милиции, а у таких личностей, как Ален и Бухта Гулиа? Откуда бралось у преступников обостренное чувство справедливости? И почему истина была для них важнее всего? Самый захудалый горожанин мог быть абсолютно уверен: если он прав в конфликте с родственником или другом третейского судьи, то судья, невзирая ни на что, встанет на его сторону.

Я плохо помню старших братьев Гулиа. У Алена были больные ноги и передвигался он по дому на костылях. Мишу не помню совсем. Бухта запомнился добродушным, улыбчивым и подвижным крепышом. И очень шумным. Вписавшись в гражданскую жизнь, он начал работать в торговле и вскоре получил под свое начало продуктовый магазин. Торговый павильон, обшитый металлом и выкрашенный в ядовито-зеленый цвет, стоял на улице Кирова по соседству с пустырем и недалеке от пересечения с улицей Фрунзе.

Посадил Бухта за кассу собственную жену и стал трудиться в поте лица во благо советской власти. Вернее, работал он сугубо на себя, хоть и в системе государственной торговли.

В сталинские времена торговля еще не была столь криминализованной, какой она стала спустя всего несколько лет. Над ней, как и над всей огромной страной, витал страх. Конечно, торговцы подворовывали всегда, но в те годы делали это, видимо, с осторожностью. Аресты торгашей и суды над ними были

редкостью. Термин «хищение социалистической собственности» был еще не в ходу. Пойманных на воровстве торговых работников судили как «растратчиков».

Бухте было неведомо чувство страха. И на вождей разного уровня ему, видимо, было наплевать. Думаю, что в его магазине «левым» был почти весь товар. А может, и полностью весь. С неизменной улыбкой на лице, с пистолетом за поясом таскал на себе неутомимый Бухта мешки с сахаром и макаронами, ящики с пивом и огромные бутыли с чачей.

Кстати, об оружии. Я думаю, именно с легкой руки Бухты стала обыденностью небольшая хитрость. Каждое утро Бухта писал заявление на имя начальника милиции с просьбой принять пистолет, якобы найденный им сегодня в кустах у дома. В милиции все прекрасно знали и о пистолете, и о «левом» товаре, но никто Бухту не трогал. Может быть, решили: пусть уж лучше торгует «паленой» чачей, чем совершает налеты.

Что послужило причиной внезапной немилости, мне неизвестно. Ходили слухи, что МВД Грузии проводило в Абхазии свою тайную операцию. Такое изредка практиковалось. У тбилисцев была в регионах своя агентурная сеть, и они, как правило, местных коллег о начале действий заранее не информировали. Возможно, так и было на сей раз.

Операция же против Бухты напоминала войсковую.

К павильону подъехали несколько машин и картинно, со скрежетом тормозов, влетели на тротуар. В несколько секунд магазин был оцеплен вооруженными людьми. Несколько командированных оперативников ворвались в магазин, держа руки на расстегнутых кобурах. Расчет делался на неожиданность.

Но надо было знать Бухту!

Представьте себе его магазин. Небольшое помещение было перегорожено узким прилавком, позади которого высились стеллажи с продуктами и стояли на полу мешки и бочки. В левой части прилавка помещался кассовый аппарат, за которым восседала дородная супруга Бухты. Справа в дальнем углу магазина был выгорожен небольшой фанерный закуток, где хранились мыло, синька, керосин в бутылках... Рядом располагался небольшой столик, а на нем лежали журналы бухгалтерского учета с надписью «Амбарная книга». Под столом стояли две десятилитровые бутыли с чачей. В магазине был всего один продавец, дальний родственник жены. С ним-то и беседовал Бухта, стоя за прилавком рядом с кассой.

Увидев оперативников, он и бровью не повел. Изобразив на лице великое удивление, Бухта медленно извлек из нагрудного кармана рубашки сложенную вчетверо бумажку и с широкой улыбкой протянул ее вошедшим. С места, правда, не тронулся. Остался стоять позади прилавка.

— И зачем же? Стоило ли вам беспокоиться? Я вот как раз с этим пистолетом в милицию и собираюсь.

Тбилисские опера опешили:

— С каким пистолетом?

О пистолете они ничего не знали и прибыли, чтобы задержать крупного растратчика. Взять его собирались максимально шумно, картинно. В назидание другим. Так что первый ход Бухта выиграл. Внес в ряды неприятеля хоть небольшое, но смятение и выиграл время.

— Как с каким? Да с тем, что я сегодня нашел. А как вы о нем узнали? Да в нем, небось, и патронов-то нет. Вот, возьмите, посмотрите сами, раз пришли.

Медленно, чтобы не дать милиционерам повода для радикальных действий, он двумя пальцами брезгливо выудил пистолет из-за пояса. Затем все так же держа оружие левой рукой за ствол, двинулся вдоль прилавка в сторону оперативников. Они с любопытством наблюдали за Бухтой, совершенно потеряв бдительность. То, что произошло потом, присутствующие, не сговариваясь, сравнивали со сценой из фильма «Дилижанс», который был первым американским вестерном, появившимся в советском прокате, и шел как раз в те годы под названием «Путешествие будет опасным».

Бухта, совсем как актер Джон Уэйн, в долю секунды перекинул пистолет из левой руки в правую, сдвинул предохранитель и стал палить... в дальний угол магазина. В баллоны с чачей.

И пока опера вытягивали из неудобных кобур наганы и ТТ, наш герой швырнул им свое оружие, грохнулся на пол под защиту хлипкого прилавка и завопил:

— Не стреляйте! Не хотел я, все случайно получилось, руки затряслись! Сдаюсь, сдаюсь!

Невидимый за прилавком, он щелкнул зажигалкой и швырнул ее в угол. Крепкая как спирт чача запылала. Затем раздался громкий хлопок. Это взорвался керосин, залив пламенем бо́льшую часть помещения.

Оперативники в ужасе бежали. Вслед за ними Бухта вытолкнул на воздух свою жену и родственника. Сам же полез на оперативников с кулаками:

— Что же вы, уроды, наделали? По миру мою семью пустили! Это вы виновны в пожаре. Сейчас же иду к прокурору.

Ошеломленным милиционерам пришлось всерьез отбиваться от Бухты.

К этому времени павильон был охвачен огнем. Горели «левые» сахар и макароны, «паленая» чача, взрывались бутылки с шампанским. И что самое важное для Бухты, сгорели липовые бухгалтерские книги. Когда к павильону добрался наконец пожарный автомобиль, вызванный соседями, тушить было нечего. Хнычущего Бухту оперативники, конечно, арестовали. Но через два дня по настоянию прокуратуры отпустили. Предъявить ему было нечего.

Бухта в очередной раз стал героем дня.

История же его захвата долго гуляла по городу, обрастая неимоверными подробностями. В них Бухта обстреливал оперов из пулемета Дегтярева, положил батальон солдат, забрасывал бронеавтомобили привезенными из Сванетии немецкими противотанковыми гранатами (интересно, думал ли рассказчик о том, зачем германским альпийским стрелкам, воевавшим в сванских горах, понадобились противотанковые гранаты?). Освободили же его якобы по личному указанию Лаврентия Берии и увезли в Москву преподавать в диверсионной школе.

На самом деле Бухта Гулиа из советской торговли уволился. Работать же начал, как говорится, по железнодорожному ведомству. Директором вагона-ресторана.

Веселого, хлебосольного, острого на язык крепыша в белом халате и железнодорожной фуражке знали многие граждане огромной страны. Ибо отдых в Абхазии предполагал передвижение по железной дороге. Самолеты в те годы были транспортом экзотическим. А какой же путешествие без задушевных разговоров за чаркой водки или бокалом вина в вагоне, называемом рестораном!

Младший же брат Бухты, Константин Гулиа — Котик, школьный друг моего брата Хозе — стал известным журналистом, поэтом и общественным деятелем.

Комбинации форм и смыслов в мире хаоса и неврастении

Литературные итоги 2015 года

В этом номере — ответы Натальи ИВАНОВОЙ, Ольги ЛЕБЁДУШКИНОЙ, Валерии ПУСТОВОЙ, Даниила ЧКОНИИ, Владимира ШАРОВА

На этот раз мы предложили участникам заочного «круглого стола» три вопроса для обсуждения:

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2015 года?

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего» зарубежья?

3. Чем вам запомнится Год литературы?

Наталья Иванова, литературный критик, г.Москва

Жизнь короткими стежками

1. «Нет границ между фактом и вымыслом», — сказала Светлана Алексиевич в своей Нобелевской лекции. Очень серьезная тенденция — и нам напоминание: все движется, меняется не только в реальном мире, но и в мире, который мы называем литературным. Был шок от решения Нобелевского комитета — но нам это знак.

Увлеченные выбором — новацией либо традицией, — мы порой забываем о серьезности, о смысловой нагруженности слова, проступающей сквозь настоящую литературу, как кровь сквозь бинты. Светлана Алексиевич оказалась неугодна и доморощенным эстетам, и неореалистам. На самом деле этот *сдвиг* уже опробован в докудраме с ее поэтикой предельного обнажения *чужого слова*.

Еще одна явственно обозначившаяся тенденция — размечать жизнь короткими стежками. Это и я сама, мой «роман с литературой в кратком изложении» «Ветер и песок» («Знамя», № 3, 10). Я попробовала себя в совершенно ином жанре — если уж поздно переменить судьбу, попробую сменить жанр. Я этот жанр опробовала еще в 2003-м, в книге «Ностальящее» у меня был такой раздел, «И так далее». И книгу хотелось бы так — необязательно — назвать. И еще вот что было там опробовано: когда я там анализировала «советское прошедшее», то дополняла эссе подробнейшими примечаниями-комментариями — кто сейчас, подумала я, поймет, что такое «сталинский кирпич», или фильм «Девушка с характером», или передача «Старая квартира».

Окончание. Начало см. «ДН» № 1, 2015 г.

Жанр свободного комментария широко развернут в новой книге Сергея Чупринина «Вот жизнь моя», издательство «Рипол классик». Эту книгу я отмечаю как одну из самых мне симпатичных — на фоне всего 2015 года. А свою книгу с условным подзаголовком «Роман с литературой в кратком изложении» надеюсь выпустить в 2016-м.

Так вот: жизнь короткими стежками. Этот жанр востребован и Евгением Бунимовичем («Вкратце жизнь»), и Андреем Аствацатуровым, и Денисом Драгунским, и Львом Симкиным («Завтрак юриста»). Мне это все близко — как бы необязательные, непритязательные, веселые (хотя и очень грустные), игровые даже тексты.

Ощущение, что авторам было хорошо, когда они их писали. Непринужденно. Без пафоса. Не надувая щек.

2. Писателям Армении был посвящен специальный номер (№ 11) журнала «Знамя», над которым работали больше, чем над любым другим. Потому что «в темноте ощупывали слона» (мало знаний, мало информации у нас о современной армянской литературе). «Новый мир» уже не первый год пристально следит за украинской литературой, спасибо ему. И «Дружба народов» — в этом году отдельный номер посвящен грузинам.

Наш номер открыли поэты — и я здесь выделю блестящего армянского поэта Эдуарда Аренца, совсем молодого (1981 г.р.), и русскоязычную молодую поэтессу, переводчика и филолога Анаит Татевосян. Потрясла докупрозой Нелли Григорян — уж сколько я читала свидетельств, и все равно ее слова пробивают до слез.

3. Год литературы запомнится тем, что удалось в его рамках слетать в Ереван на презентацию «армянского номера». В Чистополе состоялись Первые Пастернаковские чтения, а в Воронеже — фестиваль «Улица Мандельштама», и там тоже я была и увидела воочию настоящий энтузиазм нестоличной литературной России. А так — годы все должны быть, по моему разумению, годами Литературы. Мы (имею в виду не только себя — не только свое поколение — не только толстые литературные журналы — но все общество, народ) без нее ничто.

И — создать его. Далее по тексту.

Ольга Лебёдушкина, литературный критик, г.Балашов

«Современность говорит на разных художественных языках»

1. Событий, на мой взгляд, было много, хотя новых романов Петра Алешковского, Николая Кононова, Марии Галиной уже было бы достаточно, чтобы год получился отличным.

Что касается тенденций, начну с той, которая мне не очень нравится, правда, поделать с этим можно примерно то же, что с климатическими изменениями. Литература все больше уступает кино право на масштабный общественный резонанс. Ничего нового здесь нет, просто случай «Крепости» Петра Алешковского — ровно об этом. Роман, над которым автор работал шесть лет, был задуман, когда и в помине не было ни «Левиафана» Андрея Звягинцева, ни «Дурака» Юрия Быкова. Но история археолога Мальцова, которого система «закопала» не только в переносном, но и в самом прямом смысле, рождена той же общественной атмосферой. Такого острого и трагического ощущения современности в нашей литературе, которая смотрит, в основном, в прошлое, и в лучших своих образцах по-прежнему пытается изжить его травмы, честно говоря, не припомню. При этом центральный конфликт эпохи

обозначен в романе предельно точно. Потому что, каким бы невероятным это ни казалось, все главное сегодня происходит в области культуры, и подлинные герои нашего времени — ученые, археологи, библиотекари. Впрочем, с тем, что конфликт между культурой и варварством определяет нынче судьбы мира, не только нашей страны, никто, кажется, и не спорит. И в этом смысле «Крепость» — стопроцентное попадание в цель, «портрет времени», как принято было говорить раньше. Разумеется, роман гораздо больше и сложнее этой социальной линии, но она очень значима, и поэтому как-то грустно понимать, что время, когда «Один день Ивана Денисовича» или «Не хлебом единым» переворачивали сознание целых поколений, осталось в истории. Книги с таким потенциалом пишутся, но эффект совсем другой. Сериал бы что ли сняли по роману Петра Алешковского, чтобы народ очнулся и содрогнулся...

Совсем по-иному современен и злободневен роман Николая Кононова «Парад» — внешне ретроспективное повествование о 1970-х годах, о легендарном саратовском фарцовщике Льве, позднее (и уже за пределами повествования) превратившемся в столь же легендарную звезду раннего постсоветского гламура. На самом же деле получилось тонкое, как всегда у Кононова, на болезненной грани между жестокостью и нежностью, иронией и ностальгией исследование русского дендизма, и шире — русского эстетства с их трогательной доморощенностью и неизбывной провинциальностью. А если брать еще шире, то «Парад» — роман о соблазне и соблазненности неким эрзацем недоступной красоты, который, впрочем, вполне реален, как «паленые» джинсы с саратовского базара. И в этом смысле книга Кононова превращается в прощание с эпохой русского гламура, стремительно, прямо на наших глазах, канувшего в небытие.

Так же быстро уходит в прошлое и «новая русская готика» и вообще та сказочно-фантастическая мода, которая совсем недавно определяла одно из основных направлений в современной русской прозе. «Королева русского хоррора» Анна Старобинец пишет детские детективы о зверятах. Мария Галина в своем новом романе «Автохтоны» устраивает «сеанс черной магии с ее последующим разоблачением», взрывая изнутри свою собственную манеру. Мистики и хоррора в «Автохтонах» хоть отбавляй, но все это в конце концов окажется впечатляющей театральной декорацией, на фоне которой разыгрывается драматическая история Европы XX века. «Время сказок», страшных и волшебных, становится фактом истории литературы. О причинах стоило бы поразмышлять, когда контуры нового облика литературной современности станут более ясными.

Пока же о ней можно сказать, что современность эта очень разная и говорит на разных художественных языках, и это обнадеживает. По крайней мере, такой она представляется в серии «Новая классика/ Novum classic» издательства «Рипол классик» (редактор-составитель — Юрий Крылов). Эту серию я бы назвала издательским проектом года, прежде всего потому, что она создает новую и очень неожиданную картину современной русской литературы. Диапазон здесь впечатляющий: от прозы «русских европейцев» — «Картахены» Лены Элтанг и «Бизар» Андрея Иванова (частично начинаю отвечать на второй вопрос) до поэтического эпоса о металлургах Сергея Самсонова («Железная кость»), от вполне традиционных документально-художественных повестей Игоря Воеводина («Последний властитель Крыма») до борхесианских «длинных сюжетов» Ивана Зорина («Аватара клоуна»). Так что русской прозе есть куда развиваться.

Открытием года назвала бы Гузель Яхину («Зулейха открывает глаза»), и вряд ли тут буду оригинальна. Раскулачивание, репрессии, спецпоселение — все эти трагические страницы истории нашей страны вдруг самым неожиданным образом отражаются

---

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2015 года?

в судьбе маленькой крестьянки Зулейхи из татарского села Юлбаш, что в пору говорить о том счастье, которому несчастье помогло. При этом книга Яхиной явно намечает еще один путь развития современной русской прозы на ближайшее время. Для «Дружбы народов» тут, правда, никаких особых новостей нет, но тем интереснее наблюдать за тем, как основные направления работы журнала становятся мэйнстримом. «Этот роман принадлежит тому роду литературы, который, казалось бы, совершенно утрачен со времени распада СССР. У нас была прекрасная плеяда двукультурных писателей, которые принадлежали одному из этносов, населяющих империю, но писавших на русском языке. Фазиль Искандер, Юрий Рытхэу, Анатолий Ким, Олжас Сулейменов, Чингиз Айтматов... Традиции этой школы — глубокое знание национального материала, любовь к своему народу, исполненное достоинства и уважения отношение к людям других национальностей, деликатное прикосновение к фольклору» — абсолютно справедливо сказано в издательской аннотации к роману Гузель Яхиной. Одно из свидетельств тому, что сейчас эта школа переживает второе рождение, — то, что в коротком списке «Русского Букера–2015» оказались сразу две книги, которые вполне к ней можно отнести: «Зулейха открывает глаза» и «Жених и невеста» Алисы Ганиевой, тоже жестокий женский роман о современном Дагестане.

Новое в обоих случаях заключается в том, что оба эти романа явно скроены по лекалам современной англоязычной прозы, в которой в последние годы «этнические» писатели и писательницы тоже образуют некое устойчивое направление — достаточно просмотреть списки лауреатов Букеровской и Пулитцеровской премий «нулевых» и 2010-х годов.

А еще минувший год был годом 70-летия Победы, и вот это тот случай, когда юбилейная дата оказывается настолько важной в отношении литературы. Было много замечательных изданий и переизданий художественной и мемуарной прозы, и, казалось бы, давно написанные страницы истории русской литературы стали вдруг дописываться. Книга военной прозы «Жили-были на войне» киносценариста Исая Кузнецова, которая вышла в замечательной серии «На краю войны» (АСТ: Редакция Елены Шубиной) сразу поставила автора в один ряд с классиками — Василём Быковым, Вячеславом Кондратьевым, Виктором Астафьевым. И это еще одно главное открытие года.

2. Если продолжать разговор о так называемых «нерусских русских», то здесь, конечно, событие номер один — завершение и выход отдельной книгой эпопеи Сухбата Афлатуни «Поклонение волхвов». Несколько лет назад, начиная над ней работу, автор сам с собой заключил пари на возможность исторического романа в эпоху невозможности исторического романа. Похоже, что на момент окончания трилогии само пари стало неактуальным. «Поклонение волхвов» — еще одно подтверждение глобального тяготения к «длинным сюжетам», максимально протяженным во времени, выхватывающим некий исторический пунктир, некую тайнопись судьбы внутри отрезка длиной в столетие и больше.

Что касается литературы переводной, то этот год для меня прошел под знаком Грузии (спасибо «Дружбе народов» за «грузинский» 8-й номер и сборник современной грузинской прозы «За хребтом Кавказа», сложившийся из публикаций журнала за последние два десятилетия и вдруг обнаживший целостный сюжет современной истории). Самое сильное впечатление — поразительная «Считалка» Тамты Мелашвили, с которой познакомилась с опозданием, в книжном варианте, который, впрочем, оказался очень ко времени, потому что это книга не просто о грузино-абхазской войне, но обо всех современных войнах и судьбе мирных жителей, оказавшихся в

---

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего» зарубежья?

3. Чем вам запомнится Год литературы?

западне между фронтами, и одновременно — о нежности, любви и человеческом достоинстве.

3. Честно говоря, ничем таким особенным не запомнится, и вовсе не потому, что было сделано мало хорошего. Просто, если твое основное занятие —читать книжки и о них рассказывать, каждый год — Год литературы. Думается, сам смысл этого жанра тематических дат — в том, чтобы как-то напомнить, что литература у нас на самом деле есть, всем, кто по разным причинам забыл о ее существовании. Если это хоть немного получилось, значит, Год прошел не зря.

Валерия Пустовая, литературный критик, г.Москва

«В современный роман возвращается эпос»

Для меня самое интересное и острое в минувшем году — противостояние моделей романа, да и концепции «большой прозы» вообще, которое увенчалось альтернативными, можно сказать конфликтными, итогами самых наших крупных национальных премий «Русский Букер» и «Большая книга». Романы Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Александра Снегирёва «Вера» воплощают для меня способы сборки долгого повествования. Премиальный сюжет позволяет представить себе эти романы как две головы орла, глядящие одна в прошлое, другая в будущее.

Это не просто модели романа — это предложенные модели общественного сознания, структуры реальности.

Роман Гузели Яхиной ценят прежде всего за попадание в реальность старинной сборки. Это последовательное повествование, обещающее внятное развитие характеров, выражающее гуманистические идеалы, возвращающее читателя к главным сюжетам общенационального прошлого.

Роман Александра Снегирёва отталкивает прежде всего своей современностью. В этом романе трудно обжиться, как в постоянно меняющемся, как бы достраивающемся доме. Современное общество представлено в романе портретами, собранными из достоверных типических признаков — и медийных ярлыков. Современная реальность сложена из мелких фрагментов — сценок, диалогов, вспышек памяти. Гуманистические ценности автора, равно как вообще сочувствие к героям, не вычитываются — автор разглядывает людей так хладнокровно и пристально, что, кажется, никого не щадит.

Однако роман Гузели Яхиной, на котором хочется отдохнуть от романа Снегирёва, не исполняет своих обещаний. Эволюция характеров в нем схематична, проходит по заранее намеченному и быстро угадываемому плану (героиня отбрасывает виктимные привычки задавленной традиционным укладом женщины — но так и не берет на себя ответственность за свою любовь, духовно оставаясь под пятой у свекрови-самодурки; герой проходит путь от плохого до хорошего энкавэдэшника благодаря постепенно оживающей для него тетради с перечнем репрессированных). В последовательном повествовании совершаются пробные, неумелые броски то к документу (в нескольких главах появляется курсив — комментарий от многознающего автора, но потом прием отброшен), то к новелле (совершенно булгаковская история о профессоре, жившем в яйцевидной сфере, могла бы составить отличный, хоть и подражательный, рассказ), то к сценарию (перипетийные, замирающие на острие стыки эпизодов;

1.Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2015 года?

разделение заключенных в лагере на взятых крупным планом «звезд» и «статистов», обозначенных яркими деталями в гриме или пластике). Наконец, сама национальная история отступает в романе на второй план, так что все повествование приобретает черты женской любовной прозы, где история страсти разыгрывается на выигрышно подсвечивающем ее фоне катастрофы — так что это уже не модель сборки национального исторического романа, а модель сборки, например, «Унесённых ветром».

В то же время роман Снегирёва, который критиковали за отсутствие психологизма, непоследовательность, преувеличения, как раз исполняет принятые в нем законы. Это не вполне реалистичное повествование, отражающее саму скользящую, «протеистичную» — как пишет Евгений Ермолин — природу современности. Ни цельности характеров, ни линейной их эволюции, ни единого, связно развивающегося сюжета тут не предполагается — самим типом текста. Гротеск в романе исходит из авторского видения национального российского бессознательного. Роман не движется линейно — а разворачивается, открывая кластеры коллективного ума, присосеживая деревню Ягодку к заграница, домострой к апокалипсису, гламур к панку, новый ренессанс к новому варварству. Реальность современной России, равно как и населяющие ее персонажи, не соответствуют сами себе — потому что не принимают себя, свое прошлое и настоящее, живут в шизофреническом дрейфе между достоверными и желанными сущностями.

И вот какое дело — традиционный, последовательный роман Яхиной, несмотря на то, что посвящен катастрофическим явлениям в истории, своеобразно утешает, обуючивает — усыпляет читателя. Он о боли — но не так болит, потому что сказанное в нем относится к завершенному, и более того — много раз осмысленному и изложенному. Тогда как роман Снегирёва не дает отсидеться с книжкой в сторонке — он включает читателя в современность, побуждает лично разрешить назревший шизофренический конфликт между Россией реальной и Россией-конструктом.

Романы Яхиной и Снегирёва для меня тоже выражают это противостояние конструкта и реальности: консервативная модель сборки романа в первом случае читается как имитация образцов, а новаторски емкое, раскованное и цепкое повествование во втором кажется прорывом к достоверности.

Намеченное движение романа подтверждает для меня и одна из лучших книг года — для меня так и главное событие года — роман Леонида Юзефовича «Зимняя дорога». Это исторический роман, переосмысляющий способ художественного моделирования истории. Роман имеет принципиально сборную, разрозненную природу. Мало того что он создается на стыке документального исследования и художественной интуиции. Еще и само повествование, хоть и излагающее связный, последовательно развивающийся сюжет, составлено из микроповествований, сюжетной мелкой мозаики. В ходе реконструкции Леонид Юзефович собирает множество сюжетов в одно долгое метаповествование — собирает и в то же время парадоксально игнорирует их.

Читая, скажем, о том, как брат разыскивает угнанную в якутский плен сестру, давно порубленную и выброшенную в реку, но оставившую по себе легенду о том, как дочь народа книги ушла жить лесной женщиной за мужем-якутом, — думаешь: вот ведь Верди. Сюжет и правда просится в либретто, как многие до и после него — в роман, повесть, новеллу. Зерна больших и малых книг разбросаны по дорогам генерала Пепеляева и анархиста Строда, «белого» и «красного» военачальников, сталкивающихся в пору Гражданской войны в Якутии, но ни эти большие и малые судьбы, ни биографии главных героев эпической осады Сасыл-Сысы — затерянного селеньица из пяти юрт — не становятся предметом принципиального интереса автора.

Приближаясь к краю своего космоподобного, хоть и умещенного в ледяном

---

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего» зарубежья?
3. Чем вам запомнится Год литературы?

уголке мировой истории повествования, автор признается, что успел уже и сам забыть, зачем писал эту книгу: «То, что двигало мной, когда почти двадцать лет назад я начал собирать материал для нее, давно утратило смысл и даже вспоминать об этом неловко». И все же смысл, сообщающий этому плетению из битв и писем, романтических драм и бытовых казусов, протоколов и легенд единство и гармонию жизни, образ «связи всего», промелькивает в автобиографическом эпилоге. Рассказчик, потерявший близкого человека, получает утешение от сына одного из своих главных героев: «Вечером, — посоветовал он мне в ответном письме, — встаньте один в темной комнате и скажите вслух: да будет воля Твоя. Увидите, вам станет легче».

Смысл, пафос и ценность романа «Зимняя дорога» — вот в этом утверждении «воли Твоей», а не «моей». В самоумалении писателя, ощущающего себя средством выражения того, что, хочешь не хочешь, было, а значит должно быть рассказано. Проводником, а не творцом, потому что сотворить эту связь всего — человеку не под силу.

Так в современный роман возвращается эпос — и возможность охватить реальность взглядом Творца: одновременно широко и пристально, масштабно и углубленно. Национальный эпос, выстроенный из мельчайших решений души и мириадов затерянных в большой истории, частных судеб, — вот новационная модель в самом деле большой книги.

Даниил Чкония, поэт, г.Кёльн

«Заявку на Букера можно писать уже сегодня!»

1. Только что прочитал отрывок из романа моего товарища Юры Малецкого «Улыбнись навсегда», опубликованный в 12-м номере журнала «Знамя». Как всегда у Малецкого, блестящая стилистическая игра, передающая диапазон его образной художественной речи, его фантастическую метафорику, пронизывающую глубину мыслительного процесса. Опять же, текст Малецкого соткан из концептуальной системы аллюзий, работающей на традиционное повествование, что характерно в большей или меньшей степени для всей его прозы. Легкий, искрящийся юмор вдруг проникает на такую глубину постижения жизненных реалий, что диву даешься, как автор переключает регистры повествования и художнического осмысления времени. Остается дождаться выхода всего текста романа, чтобы понять масштабность творческой задачи писателя! А заявку на Букера можно писать уже сегодня!

Нынешний год сложился у меня таким образом, что за прозой почти не следил, уделив внимание поэтическим книгам. Даже привычка «осваивать» произведения, вошедшие в шорт-лист Русского Букера, до финального вечера была нарушена, но в последний момент ринулся к двум вещам: к роману Александра Снегирёва «Вера», прочитанному на одном дыхании, зацепившему жизненной драмой героини и способностью этой Веры упорно противостоять сложным житейским коллизиям, и к «Зоне затопления» Романа Сенчина, где борьбу с тяжелыми житейскими коллизиями приходится вести жителям этой самой зоны затопления, что дается далеко не всем из них. А в общем контексте романа «Зона затопления» возникает образ России, которой приходится бороться за своё существование как таковое.

Но еще об одной книге прозы, прочитанной в этом году, сказать хочу. Это

1.Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2015 года?

«Черновик человека» Марии Рыбаковой. В основу романа положена история Ники Турбиной — нашумевшей в свое время девочки-вундеркинда, 12-летней поэтессы, распиаренной взрослыми дядями, которые не задумывались над будущим юного дарования. Гибель Ники Турбиной — не единственный случай, когда ранний успех стал губительным для неокрепшей психики. Но роман Рыбаковой — больше чем роман о судьбе одной талантливой девочки. Это портрет времени и суровый приговор поколению, которое поспешило объявить себя стойкой идейной оппозицией системе, господствовавшей в стране в 60-е годы, но в романе уличенной в неприкрытом конформизме. Это еще и книга, в которой отражена бездуховность общества, где нет места поэту, творческой личности.

Книги поэзии, которые довелось прочитать, не заставили удивиться и порадоваться новым именам, хотя такая перспектива просматривается в журнальной публикации донецкого поэта Дмитрия Трибушного («ДН», № 2, 2015). Слово его значимо и печально созвучно времени:

Над городом гуманитарный снег.
Патрульный ветер в подворотнях свищет.
Убежище — читает человек
На школе, превращённой в пепелище.

У всякой твари есть своя нора.
Сын человечий может жить в воронке.
Артиллеристы с самого утра
Друг другу посылают похоронки.

Впечатлили новые книги стихов Алексея Цветкова, Бахыта Кенжеева, Андрея Грицмана, Веры Зубаревой — американские русские поэты идут широким строем. Не прошли мимо сознания поэтические книги Александра Кабанова, Бориса Херсонского, Ирины Евсы — украинских русских поэтов. В Германии прозвучали поэтические книги Михаила Юдовского и Михаила Шерба. В Москве вышла замечательная книга живущей в Люксембурге Марины Гарбер и необычная книжка поэтических миниатюр живущей в Лондоне Лидии Григорьевой («Стихи для чтения в метро»). В последние недели уходящего года успел на одном дыхании прочитать книгу москвички Марии Ватутиной — она, на мой взгляд, вообще одна из самых интересных сегодняшних русских поэтов. В Москве же увидела свет книга тбилисской поэтессы Инны Кулишовой. А еще несомненной творческой удачей явилась вышедшая в ОГИ антология современной грузинской поэзии. Нерасторжимая связь русской и грузинской поэтической музы прочитывается и в очень русской книге стихов и дневниковых записей Владимира Леоновича, которую поэт успел составить перед уходом из жизни («Деревянная грамота»).

Из книг о поэтах и поэзии отмечу эссеистику (а также короткую прозу) того же Андрея Грицмана («Поэт и Город») и в малой серии ЖЗЛ книгу Ильи Фаликова о культовом поэте молодого поколения Борисе Рыжем (журнальный вариант печатался в «ДН»).

О времени, о литературе, о людях и событиях книга Сергея Чупринина «Жизнь моя. Фейсбучный роман», книга «вспоминательной прозы», получившая популярность у широкого круга читателей, следивших продолжительное время за фейсбучными постами известного литератора. Замечательное чтение.

2. Продолжаю внимательно следить за публикациями Сергея Жадана и Юрия Андруховича. И отдельно отмечу армянский (№ 4) и грузинский (№ 8) номера «ДН».

3. Мне кажется, что, как всякая кампания, он имел свои плюсы и минусы, но

---

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего» зарубежья?
3. Чем вам запомнится Год литературы?

мимо Кёльна, где я живу, он прошелестел невидимо. Правда, задел соседний Бонн, где в русской школе при российском консульстве прошел замечательный конкурс сочинений по русской литературе — как раз в рамках Года литературы. На конкурс я был приглашен как член жюри и мог убедиться, что учителя этой школы успешно прививают своим ученикам любовь к русской литературе и стремление к самостоятельности мышления.

Владимир Шаров, прозаик, г.Москва

«Благодаря Году литературы я довольно много ездил...»

1. То, от чего, казалось, остались одни ошметки — дневники, воспоминания людей, писавших их в 30—40-е годы и у нас, и за рубежом, начинают печататься во все большем числе, и ситуация с сохранением обычной человеческой жизни уже не выглядит столь безнадежной. Я имею в виду дневник Варвары Малахиевой-Мирович «Маятник жизни моей...», отлично откомментированный Натальей Громовой (издательство АСТ, редакция Елены Шубиной). В.Г.Малахиева-Мирович была то революционеркой, то поэтом, то театральным критиком, то переводчиком. Она вела дневник с 30-го по 54-й год, год своей смерти. С редким тщанием, вооруженная блистательной памятью, писала она о людях известных — Льве Шестове, Данииле Андрееве, Анатолии Луначарском, и о тех, кого назвала «безвестными, безобидными, безответными мучениками Истории». Издательство «Новое литературное обозрение» опубликовало (раньше, но попала книга ко мне сейчас) мемуары М.Н.Семёнова «Вакх и Сирены», тоже в высшей степени хорошо откомментированные, а отчасти и переведенные с итальянского В.И.Кейданом. Семёнов — небесталанный литератор, один из издателей «Мира искусства» и человек, близкий к Дягилеву, бабник, пьяница, авантюрист и стукач. Третьей книгой назову подготовленные к печати Натальей Корниенко и Еленой Шубиной письма Андрея Платонова к жене — одну из самых трагических книг, которые в жизни мне доводилось держать в руках. В общем, некоторые лакуны заполняются, и все уже не выглядит такой безлюдной пустыней, какой было раньше.

2. К сожалению, нет. У меня проблема с глазами, и я сейчас читаю куда меньше, чем раньше.

3. Благодаря Году литературы я все последнее время довольно много ездил и по России (Мурманская область, Алтайский край, Охотск с Хабаровском), и в Европу и Северную Америку. Встречался с самыми разными людьми, отвечал на самые разные вопросы, очень многое видел и по дороге, и так. Красно-буро-фиолетовая гречиха — еще на корню и положенная валками: настоящие слои песка в каком-нибудь геологическом разрезе — это Алтай. А потом в контраст с этим степным пейзажем — тундра и северные сопки, Кольская губа с ледоколом «Ленин» и Североморск с подводной лодкой. Все это — и люди, и сама страна — во многом было для меня ново, и я очень благодарен тому, что смог это повидать. Вообще так мы, как белки в колесе, крутимся среди привычных и давно знакомых отношений, а тут вдруг из всего этого вырываешься.

1.Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2015 года?

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего» зарубежья?

3. Чем вам запомнится Год литературы?

Ольга Балла

Pax Sovietica: большое послесловие — или?..

«Национальные» номера «толстых» журналов

В минувшем году сразу несколько центральных «толстых» журналов посвятили отдельные свои номера литературам бывших советских республик. Почти все они вышли в рамках связанного с Годом литературы проекта Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (кроме литовского номера «Иностранной литературы» и украинского номера «Нового мира»). Увы, Азербайджан, Туркмения, Киргизия и Таджикистан остались за пределами проекта.

Что происходит на бывших имперских окраинах спустя четверть века после распада Pax Sovietica? Как идут их выздоровление от империи, работа с травмами XX века, освоение собственных, суверенных исторических смыслов? Как там сегодня видят самих себя и Россию? Все ли еще длится послесловие к советскому опыту — или уже пишутся совсем новые главы другого, неведомого нам текста?

«Национальные» номера журналов отвечают на эти вопросы — и даже ставят их — с разной степенью полноты.

По идее, опыт бывшего имперского центра должен был бы — мог бы — научить нас особенному роду зоркости, внимания к тем, кто раньше был с нами в одном трюме чудовищного, как броненосец в доке, государства, а теперь плывет своими путями. Нас должна (может) научить этому новообретенная дистанция. Все время хочется думать — хотя, быть может, ошибочно, — что уже прошло время и слепоты друг к другу из-за рутинного сосуществования в одном всеусредняющем государстве, и (за исключением особенного, трагического украинского опыта) обид друг на друга и отталкивания друг от друга. Самое время учиться друг у друга.

Что же получается на самом деле? Попробуем составить себе представление об этом.

* * *

Больше всего повезло литературам Литвы и Казахстана — а вместе с ними и нам: каждой из них досталось внимание сразу двух журналов, нам же — счастливая возможность узнать о них гораздо больше, чем о словесностях других постсоветских стран. Литовской литературе посвящены мартовская «Иностран-

ка» целиком и часть сентябрьского «Октября» (в котором она делит пространство с эстонской и латышской). Литературе Казахстана — декабрьские номера «Невы» и «Нового мира».

Повезло нам тем более, что в каждом из случаев свой общий предмет эти издания рассматривают по-разному.

И дело не в составе авторов — хотя да, он почти не совпадает. В двух «литовских» журналах одно общее имя все же есть — это Томас Венцлова, без которого, согласитесь, разговор о Литве, о литовской мысли и слове обречен на неполноту. В обоих журналах — его стихи в переводе Владимира Гандельсмана, а в «Иностранке», кроме того, — его же эссе о Москве шестидесятых. В «Иностранке» круг авторов шире — и основная их часть доселе оставалась русскому читателю неизвестной.

Все вошедшие сюда тексты — переводы. Почти все — с литовского, кроме тех двух, что составили совсем небольшой раздел «Россия—Литва»: Венцлова переведен с английского, Юргис Балтрушайтис (его письма к Джованни Папини) — с итальянского. По-русски здесь говорит только московский литовец — главный режиссер театра имени Маяковского Миндаугас Карбаускис со своим интервьюером Георгием Ефремовым; да Рута Мелинскайте с Марией Чепайтите — кстати сказать, составители номера — пишут по-русски о книгах, связанных с Литвой, и о русских тоже — в разделе «БиблиофИЛ». И все.

И это, среди прочего, значит, что русскоязычная литература Литвы оставлена в этом варианте разговора о литовской словесности практически без внимания. В отличие от «Октября», где тексты трех из шести авторов литовского раздела — то есть ровно половина его — опубликованы в их русском оригинале: рассказ Далии Кыйв, стихи Лены Элтанг (пишущей только по-русски, но принципиально наднациональной, — и это второе, после Венцловы, известное и знаковое имя в литовской части журнала) и Таисии Ковригиной. (Забегая вперед — остальные разделы «балтийского» «Октября» организованы так же: переводы из латышских и эстонских авторов и там соседствуют с примерами литературы, пишущейся по-русски либо жителями этих стран — как Игорь Котюх, родившийся и живущий в Эстонии, либо выходцами оттуда, давно обитающими в иных краях — как Таисия Ковригина, выросшая в Литве, живущая в Абу-Даби).

Вряд ли так вышло потому, что люди, работавшие над номером «Иностранки», считают русскую компоненту литовской литературы незначительной или недостойной внимания. Просто там разговор в принципе — о другом. В «балтийском» «Октябре» речь скорее о взаимоналожении, взаимопроникновении, взаимодействии разных культур, литератур, языков, волею исторических судеб оказавшихся на одной территории. В литовской «Иностранке» — об обретении Литвой самой себя, о проведении границ. (Не отсюда ли — кажется, характерно литовская — тема границы, «пограничных ситуаций, вернее — проблема человека в условиях пограничья (или приграничья)», с упоминания которой Ефремов начинает разговор с Карбаускисом? Вспомним, что именно так — «Пограничье» — назывался и вышедший в минувшем году сборник эссе и публицистики Томаса Венцловы, рассмотренный, кстати, в «библиофильском» разделе «Иностранки». Типично литовское беспокойство?) Здесь важна работа самоопределения, выработки себя — «Рождение нации», как называется таинственный (ни слова о Литве! ни единого литовского имени! хотя все вполне

прозрачно, но... такое могло происходить где угодно) рассказ Саулюса Томаса Кондротаса.

Номер в целом недаром называется «Рассеяние и собирание» — именно это, считают составители, происходило с литовцами в XX веке. Два этих процесса, оба травматичные, стали для них формами самоосознания.

Составителей «Иностранки», при всем их внимании к разнообразию стилистических пластов литовской литературы, к широте диапазона ее возможностей, занимает, похоже, даже не в первую очередь литература как таковая, но судьба и историческое состояние народа, которые словесность отражает, как, может быть, ничто другое. Она — точный слепок с исторического состояния.

Этот номер журнала — в отличие от «Октября», повествующего исключительно о современности, — во многом ретроспективный, открывающий русскому читателю едва (если вообще) известное ему литовское прошлое и, насколько это возможно на ограниченной журнальной территории, соединяющий разные ее потоки в сложное и живое целое. «Оборванные звенья, — пишет Юрате Сприндите в статье «Вызовы постцензурной свободы», — соединились в живое целое, и стало ясно, что литовская литература, "расколотая" пополам в 1944—1945 годы, вопреки прежней искаженной оценке, едина и неделима».

То, что мы хоть сколько-то знали в советское время под именем литовской советской литературы — лишь малая ее часть. Теперь нам показывают другие, не менее (не более ли иной раз?) полноправные ее части: написанное в эмиграции и в противостоянии советской власти. Мы прочитаем — кроме названного рассказа Саулюса Томаса Кондротаса, с советских лет живущего в эмиграции, — стихи и фрагменты дневника за 1938—1975 год Альфонсаса Ника-Нилюнаса (1919—2015) — поэта, переводчика, критика, бежавшего в 1944 году на Запад и проведшего основную часть жизни в США; записи журналиста Балюкявичюса, который в 1948—49 годах возглавлял сопротивлявшийся понятно кому партизанский отряд и погиб 25-летним; эссе священника-диссидента, проведшего семь лет (1979—1986) в сибирской ссылке... И эти тексты здесь — на равных правах и в одном ряду с тем, что писал, скажем, заслуженный деятель культуры Литовской ССР (1990) Ромуальдас Гранаускас (1939—2014).

Номер получился не просто представительным, но весьма аналитичным. Сам его тщательно подобранный состав — уже рефлексия. «Осмысление опыта рассеяния и воссоединения <...> — пишут составители, — принесло плоды, которые не созрели бы раньше». Травматический опыт XX века, полного разрывов и утрат, парадоксальным (ли?) образом способствовал богатству и сложности литовской литературы. (Ей пошел на пользу даже советский период с его навязанным упрощением образа мира и самих себя: «Советское время, — сказала некогда президент Ассоциации литовских издателей Лолита Варанавичене, — подарило нам одну хорошую вещь — любовь к книге».) Литература литовцев, пожалуй, и для них самих до сих пор еще во многом — в стадии открытия и освоения. Мы же и вовсе стоим только на ее пороге — и уже понятно, что тут есть что осваивать и над чем думать.

* * *

В отличие от «исторической» «Иностранки» балтийский номер «Октября» скорее культурологичный и даже отчасти экзистенциальный. Здесь нет речи ни о преодолении имперского наследия, ни о собирании насильно разрозненного,

ни об изживании травмы. Здесь, главным образом — о человеке в мире, проживающем себя и мир в ситуации двукультурья и двуязычья. О парадоксах и возможностях этой ситуации. О людях — междумирья ли? Двух ли миров сразу?

Таких здесь большинство. Таков уже самый первый из авторов номера — Ян (Яан) Каплинский, эстонский поэт, в 2014 году выпустивший первый сборник своих стихов, написанных по-русски, — и в «Октябре» он тоже опубликовал русские стихи. Из представленных здесь русских Эстонии таков буквально каждый. Журналист Андрей Хвостов, родившийся и всю жизнь живущий в Эстонии, автор эссе о запахах и звуках Таллина; поэты, прозаики и переводчики Елена Скульская (говорящая о себе: «Моя родина — это русский язык и литература» — и так могли бы сказать здесь многие) и Николай Караев; П.И.Филимонов — русский поэт и специалист по английской филологии, получивший премию фонда «Eesti Kultuurkapital» за лучшую книгу на русском языке. Людмила Глушковская — главный редактор русскозычного журнала «Вышгород» и директор Эстонского культурного центра «Русская энциклопедия». Полурусская-полуэстонка Света Григорьева — вообще многомерная личность: хореограф, режиссер, актриса, поэт и критик (стихи — эстонские, даны в переводе). Олеся Ротарь — редактор выходящего в Эстонии русскоязычного журнала о культуре «Плуг». Борис Балясный — поэт и переводчик с эстонского, финского, украинского, болгарского, — родившийся в Житомире, переселившийся в Эстонию взрослым («после института попал по распределению в Эстонию, где остался жить. — пишет о нем Игорь Котюх, — выучил эстонский язык, основал Литературно-переводческую школу-студию, стал крупным переводчиком эстонской поэзии»). Наконец, сам Котюх — поэт и переводчик, специалист по эстонской литературе: ему здесь принадлежат не только стихи (русские), один из «рассказов с ладонь» (тоже русский) и переводы большинства эстонских текстов, но и цитированная выше статья «Русская литература и Эстония». Она интересна тем, что написана не просто о «приграничных явлениях русской литературы в Эстонии» (самое известное — Игорь Северянин, невольный эстонский житель и первый русский «последовательный переводчик эстонской поэзии»), но — что важно особенно — изнутри собственного, весьма нетривиального культурного, языкового, литературного опыта. Какую культурную нишу — и языковую картину мира — создает себе человек (сложного происхождения — но с русским самосознанием), родившийся в крохотном городке на юге Эстонии и с самого начала живущий в окружении нескольких языков? «Дома и в школе это русский. На дворе эстонский. В библиотеке и книжном магазине <...> это вырусский диалект. Его отец с бабушкой говорят между собой на сетуском диалекте. А летом их семья посещает родственников по линии мамы, говорящих на украинском и белорусском. В России бывает проездом». Что при этом способно получиться? Сразу хочется ответить, что — редкая возможность полноты и объемности видения мира. Сам Котюх видит это сложнее и осторожнее:

Причислять себя к эстонцам — родной язык русский.
Причислять себя к русским — не тот темперамент.
Называться европейцем — привилегия избранных.
Гражданином мира — слишком абстрактно.

Остаётся быть просто человеком.
Но поймут ли?

Нервность, проблематичность ситуации двойной принадлежности — она же и двойная непринадлежность? — проговаривает и Света Григорьева. Не прямо, скорее интонациями и общим напряжением, скрытым вызовом возможным, только предполагаемым еще упрекам в чуждости с любой стороны:

я родилась в 1988

нет я не говорю по-эстонски
с акцентом
тем более
когда не называю свое имя
и я не говорю по-русски с акцентом
тем более когда не называю имя своей матери-эстонки

читай это стихотворение
только не смотри на мое имя

читай это стихотворение
без моего имени

и скажи ещё
что я говорю с акцентом...

Многокультурны (очень мне нравится тяжеловесное, но точное словцо «многопринадлежностны», пусть будет здесь хотя бы в скобках) и авторы латвийской трети номера. Может ли быть отнесен к латышской литературе — хотя бы к литературе Латвии — открывающий эту часть журнала уроженец Риги Александр Генис, русский, давным-давно живущий в США и по-латышски, насколько известно, никогда не писавший? По крайней мере, без этой земли он не был бы самим собой — поэтому он тут. Скорее всего, многим в себе и в своей поэзии обязан Латвии и поэт Олег Ленцой, родившийся в Приморье, учившийся в Риге русской филологии и пишущий русские стихи. И русские рижане Семён Ханин и Сергей Тимофеев (их тексты — снова в оригинале!). Лишь пятый по счету автор этой части — поэт (а также переводчик, художник и ученый-лингвист) Валт Эрнштрейт — оказывается наконец переведенным с латышского, и мы видим латышскими глазами Ригу — город трудный и жесткий:

Волки воют в ледяной темноте ноября.
Последняя волчица Риги вышла из логова,
встала из пыли металла, стальных балок, электромоторов,
идёт стребовать свою долю.

Идёт, чтобы перегрызть Риге
сонную артерию...

Далее рядом с латышскими авторами — Артисом Оступсом, Рональдом Бриедисом, Кришьянисом Зельгисом, Карлисом Вердиньшем — снова возникают люди междумирья: живущий на два города, Ригу и Москву, уроженец латвийской столицы Андрей Левкин с его штучной работой с русским языком и сознанием — и рижским пространством, писатель и художник Свен Кузьмин, активно работающий в латышской культуре, но пишущий и по-русски (в «Октябре» — его русский рассказ), и снова русские рижане — поэты Дмитрий Сумароков (показывает нам свою Ригу, город странного постисторического безвременья: «Пуэрто-Рига, / забытая кем-то на пляже немецкая книга / с

ленивой рекой-закладкой...») и Елена Глазова, прозаики Владимир Ермолаев и Елена Катишонок...

Русскоязычные междумиряне оказываются в конечном счете в большинстве. Почему? Они ли определяют общую картину?

И, к сожалению, — ни единого аналитического текста о сегодняшней латышской литературе.

В целом же в балтийском «Октябре» рефлектируется не конфликтная сторона многокультурной и пограничной ситуации (которая уж наверное есть!), но, скорее, само ее устройство — и плодотворность.

Конечно, темы самообретения и самоопределения было не миновать. Виргиния Цыбарауске обозревает тенденции литовской поэзии последних трех десятилетий, группируя авторов по дате рождения и дебюта, и разбирается с вопросами, претендующими на статус вечных: «действительно ли полемика с доминирующей традицией означает кризис культуры, а поиски личного взаимоотношения с культурной памятью всегда являются десакрализацией?» (Полезно читать вместе с мартовской «Иностранкой» — здесь мы встретим имена некоторых ее авторов — например, поэта Сигитаса Парульскиса.) Нам представлены и чистые, без всяких пограничностей, образцы воплощенного в литературе мировосприятия и душевного устройства жителей балтийских стран (яркий пример — рассказы эстонца Мехиса Хейнсаара, вполне, кажется, понятные человеку русской культуры, но резко экзотичные для него).

Вообще же составителей сентябрьской книжки «Октября» занимает не столько разделение, сколько симбиоз и синтез — даже если он не вполне удается или небезболезнен. «...Освоение "чужого", — пишет Людмила Глушковская, — одна из созидательных функций русской культуры». А Олеся Ротарь на примере своего журнала показывает, как (и почему вообще!) работает русское интеллектуальное предприятие в эстонской культурной среде. Неплохо, оказывается, работает.

* * *

Первое, что бросается в глаза в декабрьском номере «Невы», посвященном Казахстану: решительно все, без изъятия, тексты, написаны по-русски — независимо от происхождения авторов, от нынешнего их места жительства, от принадлежности к тому или иному поколению (то есть от возраста, в котором они встретили крах империи). Эта литература продолжает создаваться на русском языке, даже когда речь идет о чисто казахских обстоятельствах (как, например, у Данияра Сугралинова или у Заира Асима). Ничего подобного мы не видим, скажем, в грузинском или литовском номерах.

Ведущая тема номера — посткатастрофическое состояние. О нем, с той или иной степенью интенсивности и художественной силы — почти у каждого из авторов. Тексты Олжаса Сулейменова, открывающие номер, полны живой памятью о катастрофе:

<...>Эти стены полгода горели от масляных молний,
Двести дней и ночей здесь осадные длились бои.
Перекрыты каналы. Ни хлеба, ни мяса, ни сена,
Люди ели погибших и пили их теплую кровь.
Счёт осадных ночей майским утром прервала измена,
И наполнился трупами длинный извилистый ров.

Только женщин щадили, великих, измученных, гордых,
Их валяли в кровавой грязи возле трупов детей,
И они, извиваясь, вонзали в монгольские горла
Исступлённые жала изогнутых тонких ножей.
Книги! Книги горели! Тяжёлые первые книги!
По которым потом затоскует спалённый Восток!<...>

И одновременно с этим — тоска по мировой культуре и языческая, хтоническая мощь, нерастраченные силы, не оплакивание жизни, но страстное требование ее, желание начать мир заново:

Я бываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!
...Так я буду стоять, пряча зубы, у братских могил...
Я согласен быть Буддой, Сэссю и язычником Савлом!...

Восьмидесятилетний поэт — старший среди авторов номера — превосходит их всех по дикой жизнеутверждающей силе и согласен быть начинателем мира, основополагателем его будущих коренных течений! Кроме него под этой обложкой на подобное не отваживается никто.

И вот еще одна бросающаяся в глаза особенность представленной нам тут казахстанской литературы: внимание не столько к густому и горячему центру жизни, сколько к ее окраинам: к началу и концу. К тем областям, в которые заглядывает небытие. И это тоже независимо от возраста авторов.

Два рассказа Бахытжана Канапьянова (родившегося в 1951-м) — о восходе жизни и о ее закате: о детстве художника (автор оставляет его на пороге юности) и о последних часах и минутах старого ученого, успевающего перед смертью вспомнить всю свою жизнь и проститься с нею.

Данияр Сугралинов (родившийся в 1978-м, заставший конец Союза тринадцатилетним) пишет моралистические сказки из казахстанской жизни. Пожалуй, это наиболее благостные и наименее глубокие тексты номера (за исключением, может быть, одной сказки, в середине которой читателю, даже взрослому, становится по-настоящему страшно: у мальчика, по одному его эгоистичному, моментально исполнившемуся желанию, бесследно исчезает брат, как будто его никогда не было. И мальчик чувствует бессилие перед неустранимыми последствиями собственного желания... пока автор не избавляет его от этого одинокого ужаса, возвращая брата вместе с прежней жизнью).

Стихи бывшего карагандинца Владимира Шемшученко, живущего теперь в Ленинградской области (1956 года рождения), — об усталой, больной, сожженной жизни в родном — и навсегда оставленном — городе автора:

Вечер сыплет крупу антрацитовой пыли
На усталых людей, доживающих век.
Город мой, ведь тебя никогда не любили!
Сказки здесь так похожи на страшные были,
Что кровит под ногами карлаговский снег.
<...>
На сожжённую степь, на холодный рассвет
Дует северный ветер — гонец непогоды.
На дымящие трубы нанизаны годы...
В этом городе улицы в храм не приводят,
Да и храмов самих в этом городе нет.

Любви к Казахстану, похоже, нет и у него самого: «Я задохнусь в каганате. Я уезжаю. Прости». В другом стихотворении он, правда, говорит о казахах: «А мы ведь их действительно любили / И, как ни странно, любим до сих пор». Но как-то не очень верится, тем более что несколькими строчками выше — вот что:

И среднеазиатскому меньшинству
Дозволено на улицах кричать,
И «русскому невиданному свинству»
Своих детишек в школах обучать.
А говорили — мы баранов съели,
И зверски распахали целину,
И с кровью кровь мешали, как хотели,
И (вай, улляй!) ломились в чайхану.

Шемшученко открыто признается, что крушение СССР для него — и для всей окружавшей его жизни — катастрофа:

Разорвали империю в клочья границы,
Разжирели мздоимцы на скорби людской.
Там, где царствует ворон — веселая птица,
Золотистые дыни сочатся тоской.
Южный ветер хохочет в трубе водосточной,
По-разбойничьи свищет и рвёт провода...
Всё назойливей запахи кухни восточной,
Но немногие знают — так пахнет беда.

И даже — прямее некуда: «Я бы вырвал по плечи руки / Тем, кто сбросил с Кремля звезду!»

Ну, ладно, Шемшученко — проживший в Советском Союзе большую и, наверно, лучшую часть своей жизни. Но вот и русские стихи казаха Заира Асима, родившегося в 1984-м — начало постсоветской истории он встретил семилетним, практически застал ее как данность — об усталой, больной, по существу тоже ведь посткатастрофичной жизни:

<...> Алмата в январе —
грязный огрызок яблока
рыхлая мякоть снега
искусана муравьиными тропами
следами обыденного изгнания
серый прокуренный город
ширится в глазах памяти
тридцатью годами дыма
серебряное солнце мерцает
монетой на дне облаков
тянется позвоночник гор
высится шприц башни
вколотый в мутное небо <...>

Если судить по публикациям этого номера, очень похоже на то, что серьезная работа разграничения (между имперским наследием и последующей историей, между русским и национальным, между навязанным извне и собственным) здесь не проводится, даже не начата. Идея преодоления советского наследия, кажется, в принципе не очень популярна. Крушение империи переживается — притом людьми очень разных поколений, включая и тех, что встретили девяносто первый год детьми — как катастрофа, отбросившая

здешнюю жизнь далеко назад, в лучшем случае — в архаику, в худшем и более характерном — в умирание. Даже если само событие, суть его уже не помнится.

Так Адильхан Сахариев, родившийся в 1982 году, пишет страшную постапокалиптическую прозу о мире, совершенно разрушенном, существующем уже почти по ту сторону смерти, сквозь который прорастает архаика — глубокая, доисламская, дохристианская, доцивилизационная. Как, когда этот мир стал таким? Этого в памяти уже нет. «Старики, я хочу знать, как погибли мои города!», — требует восьмидесятилетний Сулейменов. У героев тридцатитрехлетнего Сахариева такой вопрос даже не возникает.

«Жулдызым» — рассказ о вымирающем полустанке, на котором среди спивающихся и ищущих смерти людей, «обманутых временем и никому не нужных», остался один-единственный ребенок — немая (зато одаренная сверхчуткостью к чудесному) девочка. И ту, к счастью, оттуда увозят. Но все ее родные остаются там умирать — уже без всякой надежды.

«Говорят, что первый поселенец в этих краях был сумасшедшим. Он искал счастье в пустыне. Оно оказалось в безумии. Мы, наверное, его потомки. Потому что все здесь появляются на свет полоумными или становятся такими. А в последнее время никто не рождается. Ты была последней. Эта земля — дом только для мертвых и юродивых. Остальные — вечные изгнанники, как их предшественники — бывшие заключенные, изгнанные из тюрем и обосновавшиеся здесь... Мы живем на могилах изгнанников. Они, видимо, прокляли нас, мстят нам и не успокоятся, пока не исчезнет с лица земли последний из нас. А последняя из нас — это ты. Мы пытались убежать от вездесущего рока. Построили железную дорогу. Десятки лет она нас кормила, десятки лет мы ее грабили. Но и она создана на человеческих костях. Теперь никому не нужна. А мы вымираем. Молодежь дуреет. Больше не слышно детского смеха, потому что нет самих детей. Рок нас догнал. Ангелы покинули наши края. Осталась только ты — наш последний ангел. И если не будет тебя, то, наверное, не будет и этого хаоса, в котором мы живем. А значит, и нас не будет. Нужно беречь тебя». Так говорил маленькой Аяне дедушка «в пьяном бреду, а наутро все забывал».

Схлестнувшиеся в этом мире в последней битве силы жизни и смерти (как в повести Сахариева «Волчьи пляски» об извечной и безнадежной борьбе людей и волков) уже почти не отличаются друг от друга. Обе страшны. Лишь едва-едва сквозь каждую из них процарапывается смутная, рудиментарная память о ценностях, о морали, о любви. Она пока еще есть — но надолго ли?

Почти все время читателя не оставляет чувство, что настоящая жизнь, в чем бы ни состояла, для большинства авторов этого номера не вполне здесь — а то и совсем не здесь. Она где-то (или когда-то) еще.

В опубликованных в этом номере стихах карагандинца Валерия Михайлова (родившегося в 1946 году и проведшего в Казахстане всю жизнь) ни казахского, ни казахстанского нет вообще — по ним даже не догадаешься о том, что автора с этой землей связывает хотя бы география. Он говорит, думает и чувствует исключительно о России, о ее народе и ее языке: «Казак уральский, на дорожку выпив чая, / Как водится у русских испокон, / Прощался с другом и, слов сказочных своих не замечая, / Обыденно промолвил: "А свату моему *скажи поклон*"»; «<...> воздух Родины, земная грусть уходят ввысь прозрачно, немо, глухо / Туда, где ждет нас всех, любя, небесная Святая Русь»; «Война против нас

не кончалась, / Война эта будет всегда. / Одна ты, Россия, осталась, / Как в небе пред Богом звезда».

Ничего казахстанского или казахского нет и в стихах одного из самых сильных авторов номера — у выросшей в Казахстане, живущей в Москве русской немки Елены Зейферт. Русское и московское — есть, немецкое — есть (Зейферт — человек из тех, чья родина — прежде всего язык, в данном случае — два языка, русский и немецкий, сильные питающие источники). Казахского — ни единого слова. Зато есть большая витальная сила, страстная любовь к жизни, к ее основам — помимо, прежде и по ту сторону любых исторических обстоятельств:

сон склоняясь в предложном скорее похож на снег
плавкий и незаконченный ангелов перистых пот
что стекая на землю становится легче пера
Schnee! мой зыбкий не выпавший Schnee это имя идёт
твоим белым рукам целовавшим меня до утра
талой влаге висков и всему что весомо во сне

Читатель готов уже думать, что русская и казахская жизнь в этой стране почти не заметили друг друга, особенно русская — казахскую (говорящую во многом на ее языке!). Такие предположения не вовсе лишены оснований. Пишущий на русском казахстанец Илья Одегов, например, о литературной жизни говорит в том же номере следующее: «К сожалению, русскоязычные авторы в Казахстане и авторы, пишущие на казахском языке, практически не знакомы друг с другом. <...> И я даже не понимаю, как нам друг друга найти». Но на мысль о том, что это все же не вполне так, наводит повесть, написанная Валерием Куклиным и Александром Загрибельным — «Белый осел». Она — целиком из казахской жизни (кстати — в ее неотделимости от русской, в их трудной, иной раз конфликтной, но неразрывной взаимопереплетенности), с явно хорошим ее знанием (включая и знание языка!) и внимательным чувством.

Впрочем, тема катастрофы оказалась неминуема и здесь. «Стоя на одной распухшей от любви к родине ноге, огромная страна однажды подкосилась и упала.»

Самым же интересным в номере кажется мне анализ современных литературных процессов в Казахстане: в рубрике «Астана — Санкт-Петербург. Диалоги культур» — ответы на вопросы редакции журнала о литературной жизни их страны писателей Михаила Земскова, Юрия Серебрянского, Ильи Одегова, Светланы Ананьевой, Валерия Михайлова (все — казахстанцы, и, увы, лишь стихи Михайлова мы прочитаем в самом номере; а мнений казахов не услышим ни одного), в рубрике «Критика и эссеистика» — размышления Веры Савельевой о рассказе в современной прозе Казахстана, Светланы Ананьевой — о прозе Мориса Симашко, Надежды Черновой — о рано ушедшем из жизни писателе, поэте, мыслителе, музыканте Алексее Брусиловском (здесь тоже авторы всех статей, как и их герои, — казахстанские русские), в «Публицистике» — статья доктора филологических наук Бейбута Мамраева о казахской литературе начала XX века. И в этой же рубрике — статья Уалихана Калижанова об истории казахов.

* * *

В отличие от казахского номера «Невы», в посвященном той же теме «Новом мире» наконец-то представлены переводы с казахского — оба поэтические. Правда, написаны переведенные стихи давно и принадлежат перу казахских классиков: Абая Кунанбаева (1845—1904) и Магжана Жумабаева (1893-1938). Если первого русский читатель себе еще как-то представляет (в основном, подозреваю, благодаря движению «ОккупайАбай», потрясшему столицу в декабре 2011-го и ныне стремительно погружающемуся в забвение, — тогда, помнится, даже переиздали тексты Абая, вокруг памятника которому на Чистых прудах группировались протестующие, — интересно, многие ли прочитали?), то имя второго, по всей вероятности, большинству из нас ничего не скажет.

А между тем Абай был мощнейшей культурообразующей личностью — «поэт, философ, композитор, просветитель, общественный деятель, основоположник казахской письменной литературы и ее первый классик, реформатор культуры в духе сближения с русской и европейской культурами на основе просвещенного либерального ислама. В истории казахской литературы Абай занял почетное место, обогатив казахское стихосложение новыми размерами, рифмами и стихотворными формами. Абаем создано около 170 стихотворений и 56 переводов, написаны поэмы, «Слова назидания». Он был также талантливым и оригинальным композитором, создал около двух десятков мелодий, которые популярны и в наши дни. Абай Кунанбаев оказал большое влияние на зарождавшуюся казахскую национальную интеллигенцию конца XIX — начала XX века». Обо всем этом сказано в коротком подстрочном примечании (а стоило бы — в основательной аналитической статье).

Жумабаев же, поэт, писатель и педагог, убитый советской властью, почитается как основатель новой казахской литературы и, по словам академика АН КазССР Алкея Маргулана, «имеет для казахского народа такое же значение, какое для англичан Шекспир, для русских — Пушкин».

«Вошедшие в эту подборку стихи Абая и Магжана, — пишет переводчик Илья Одегов, — не просто выдающиеся голоса двух разных поколений. Это две совершенно разные энергии. Абай — тяжелый, мудрый, печальный, вросший в землю, как старое дерево. И Магжан — стремительный, гарцующий, иронический, жизнелюбивый».

Одегов не только перевел их стихи, но и предварил переводы вступительной статьей — небольшой, но не менее интересной, чем сами представленные образцы казахской поэзии. Там говорится о том, чего в русском общекультурном сознании практически нет: о том, как устроен казахский язык и казахская поэзия, какие из этого устройства следуют трудности восприятия и перевода, на каких путях они разрешаются — если разрешаются вообще. «В казахской поэзии много ловушек. На первый взгляд, все просто. Идет традиционная, отработанная веками, форма построения строфы, где срифмованы окончания первой, второй и четвертой строки, а третья строка существует как бы самостоятельно (в ней, кстати, часто и скрывается главная мысль). Но приглядываешься внимательнее и видишь, что рифма-то сплошь и рядом фонетически не точная, не "любовь-морковь" и "слезы-грезы", а скорее ритмическая: "бала-шама", "жарыс-табыс", "пана-жара" и т. д. Зато обнаруживается добавочная рифма, где-нибудь в середине строки. И это при работе с традиционной формой. А что уж говорить

о стихах Магжана Жумабаева, который традиционными формами часто пренебрегает и создает собственную, авторскую форму.

Или ритм, размер. Слушаешь поэта и думаешь, что ритм ровный, постоянный, а начинаешь читать стихотворение на бумаге и понимаешь, что вот здесь слог лишний, а там — даже два. Здесь синкопа, там эпентеза. В устном исполнении такие нюансы нивелируются, и поэтому нетренированным ухом всего не услышать. Это как пытаться воспринять индийскую музыку в рамках европейских двенадцати полутонов, без учета того, что в индийской октаве двадцать две ступени. Но на бумаге форма построения текста раскрывается. И попробуй-ка передать все это на другом языке, на русском».

Современная же казахстанская литература представлена здесь, как и в «Неве», в ее русских оригиналах — включая и ту, что пишется казахами. (Из которых здесь — Ербол Жумагулов, Заир Асим, Айгерим Тажи, Азамат Байгалиев. Четверо. Да, они в меньшинстве.) С чем это связано — загадка, на страницах журнала разрешения не находящая. В «Неве» Илья Одегов признавался: «Несколько лет назад ко мне обратился заведующий отделом прозы российского литературного журнала «Дружба народов» Леонид Бахнов с просьбой подыскать для публикации в журнале интересные произведения современных авторов, написанные на казахском языке и переведенные на русский. Я расспросил всех знакомых, разместил объявления в социальных сетях — в общем, старался, как мог, но так ничего и не выяснил». А Юрий Серебрянский там же на вопрос «Как построено взаимодействие национальной и русскоязычной литератур Казахстана?» отвечает: «Не построено никак. <...> Переводы практически отсутствуют, и в этой ситуации казахскоязычные авторы в более выгодном положении, так как большинство из них превосходно владеют русским. Из современных русскоязычных книг, переведенных на казахский язык и вышедших в Казахстане, я могу назвать только свою повесть "Destination. Дорожная пастораль"». А из казахских — переведенных на русский? Нет не только ответа — нет самого вопроса.

Весьма неплохую общую картину казахстанской русской словесности читатель «Нового мира» может составить себе по рубрикам «Опыты» (в ней — статья Анны Грувер «Точка разборки» о прозе Ильи Одегова), «Литературная критика» (где Евгений Абдуллаев и Павел Банников рассуждают о русскоязычной литературе этой страны) и «Книжная полка», на которую Оксана Трутнева ставит книги исключительно современных казахстанских авторов. Вы уже догадываетесь: все русскоязычные.

У «Невы» и «Нового мира» есть общие авторы — представленные в разных изданиях разными текстами. Это — Заир Асим (здесь у него — стихи и повесть «Ксения»), Илья Одегов, Юрий Серебрянский (в «Неве» их участие ограничивается ответами на анкету о казахстанской литературе; в «Новом мире» у них — художественная проза).

На страницах «Нового мира» мы, наконец, получаем возможность познакомиться с творчеством писателей, определяющих, как говорил в «Неве» алмаатинец Юрий Серебрянский, современный литературный ландшафт Казахстана, но в «Неве» лишь упоминаемых: Павла Банникова, Айгерим Тажи, того же Ильи Одегова. Одегову, кроме того, посвящено в номере целых три критических статьи: Анны Грувер, Елены Скульской и подглавка в «Книжной полке» Оксаны Трутневой, пишущей также и о других авторах номера: о Ербole

Жумагуле (Жумагулове), о Юрии Серебрянском, о русскоязычном алмаатинском армянине Тигране Туниянце.

Что до собственно казахстанской жизни, то в стихах здешних русскопишущих поэтов ее немного (или нет совсем, как у Туниянца). А вот из прозы о ней можно узнать много интересного и необщеизвестного. Например, из рассказа Марии Рябининой — о том, как чувствуют себя в ее стране ЛБГ — «лица без гражданства».

«Вот приеду, брат будет спрашивать, зачем мне гражданство. Он сам уже давно забыл о нем, сидит, поправляет только очки и смотрит в книги. А мне кажется, спокойнее быть к чему-то привязанной. А то как будто про тебя забыли. Как будто яблоки вывалились из большой повозки, когда у нее отвалилось колесо, и пара яблок закатилась в канаву у дороги. Все собрали, положили обратно и поехали дальше. А эти, в канаве, забыли. И они лежат там. Ничейные.

Родители наши тоже были без гражданства. Мы приехали в Ильинское, это совсем недалеко от Борового. Маленькая деревня, всего-то две улицы. Никто сначала не мог понять, как это так — "без гражданства"? Вы кто же, русские или казахи? Что значит это "ЛБГ"? Но потом привыкли. А это у нас Фомичевы, они ЛБГ. Заходите вечерком выпить, у нас свекровь из соседней деревни приехала.

Потом, когда брат начал работать учителем в школе, это даже начали произносить с уважением. Это "ЛБГ" теперь стало чем-то вроде "профессора" или "образованного человека"».

И, кстати, — градус катастрофичности (по сравнению с «Невой») здесь существенно ниже.

* * *

Ноябрьский номер «Знамени» целиком посвящен Армении — причем не только армянской литературе и культуре как таковым, но и людям, чем бы то ни было связанным с этой страной (вплоть до, например, Осипа Мандельштама с его «Путешествием в Армению» и Марии Петровых, единственная прижизненная книга которой была издана в Ереване). Армянскому пласту смыслов.

В разделе «Страницы поэзии» почти все — переводы с армянского, кроме подборок Анаит Татевосян (переводчицы некоторых из представленных здесь же поэтов), Гургена Баренца (тоже переведшего в этом номере ряд стихов) и молодого русскоязычного поэта из Степанакерта Эммы Огольцовой. Этот раздел, столь же неровный, сколь и интересный — открытие для большинства русских читателей (за исключением читателей «Дружбы народов»), хотя среди его авторов есть и те, кто очень известен в своей культуре, а иногда и не только в ней.

Об одном из самых ярких авторов — о поэте и художнике Аревшате Авакяне — его переводчик Георгий Кубатьян пишет: «Что до рисунков Аревшата, выполненных обычно пером на бумаге либо картоне, то они, как, впрочем, и картины, написанные на холсте маслом, и гравюры, и работы, сделанные в смешанной технике <...> — с первого взгляда напоминают детские. Но только с первого. Слишком изощренные для бесхитростного ребячьего взгляда, слишком изобретательные, витиеватые и частенько загадочные, композиции поэта-художника тяготеют к притче, к иносказанию, той самой тайнопи-

си <...> Точно так же в его стихах обитают и духовные существа, схожие с ангелами-хранителями, да и много кто еще. Вселенную можно, словно музыку, записать нотами». (И тут жалеешь, что в «Знамени» не предусмотрены иллюстрации: их отчаянно не хватает для полноты образа.)

А Артём Арутюнян (представленный здесь единственным стихотворением), на русский, кстати, тоже переводившийся, хотя и слишком давно (в 1979-м) — оказывается, лауреат французской литературной премии имени Рене Шара и, более того, выдвигался в начале девяностых на Нобелевскую премию за книгу «Пожар древней земли» — проза? стихи? Вот, подумаешь, из чего стоило бы перевести хоть небольшой фрагмент — опубликованное тут стихотворение «Ночь в Вашингтоне», признаться, никакого представления о масштабе этого автора не дает.

На «Страницах прозы» — только рассказы. Среди авторов есть и те, чьи тексты уже стали событиями русской словесности. Это — Анаит Григорян (думаю, многие помнят вышедший четыре года назад ее роман «Из глины и песка» — а то и дебютный сборник прозы «Механическая кошка» (2011) — и уж наверняка многие читали второй ее роман — «Diis ignotis» — в прошлогоднем «Урале») и Каринэ Арутюнова («Пепел красной коровы», «Скажи красный», «Счастливые люди», «Дочери Евы», множество публикаций в журналах за пределами Армении). Их рассказы, как и «Записки ереванского двора» Елены Шуваевой-Петросян, даны в русских оригиналах. Собственно, петербурженку Григорян и уроженку Киева, много лет прожившую в Израиле и вернувшуюся в Киев Арутюнову с Арменией объединяет разве что происхождение и фамильная память — которую обе они сделали достоянием русской литературы и осмыслили с помощью русской культуры и языка. Арутюнова (ее «Другой жанр» — один из самых сильных текстов номера) вообще пишет о киевском детстве, в котором армянского только и было, что ее собственные глаза. Да и такие ли уж они армянские? — разве обитатель московского двора тех же семидесятых не узнает себя и своего, например, в следующем: «В детстве звезды были огромными, а вишни черными и сладкими. Ноги сводило от холодной воды, но выходить не хотелось, — стуча зубами, в очередной раз плюхались и вновь выскакивали, как посиневшие поплавки. Вода была в ушах, в носу, в глазах, но этого никто не замечал. Никто не задавался вопросом, зачем "баба сеяла горох", отчего именно горох, и отчего именно этот момент вызывал столько шума и мокрой радости»? Или — совсем уж точнее и общечеловечнее некуда: «В детстве все было важным. Мир слов не стоял особняком, он был живым и разнообразным, подвижным и вкусным. Он был страшным и потешным...»? Григорян же прямо в первых словах своей «Родной речи» признается: «Родного языка я не знаю». Но зато дальше, дальше!...

«Он помнится набором странных отрывистых звуков. Какие-то бесконечные "ш" и "к". И почему-то вспоминается запах. Пахнет печеными яблоками с корицей».

Да разве это не знание? — пусть не смысловое (впрочем, формы смысла многообразны), но в своем роде более глубокое — предсмысловое, чувственное.

Об Армении как событии культуры (в частности — русской) мы узнаем в этой книжке «Знамени» многое: это — качественно и подробно выстроенный путеводитель по разным областям армянской культуры и особенностям армянского мировосприятия, с отдельной рубрикой для неармянских авторов — о том,

какова у каждого из них «Моя Армения». Кроме поэзии и прозы, нас знакомят с армянской эссеистикой и критикой, с историей армянской литературы и русско-армянских культурных связей; раздел рецензий целиком посвящен книгам, связанным с Арменией; а «Незнакомый журнал» представляет литературно-переводческий журнал «Гехагт», издающийся в Степанакерте. И даже раздел «Выставки» отдан армянскому изобразительному искусству.

Но все-таки открываемая очередной раз русскому читателю Армения предстает прежде всего как событие чувственное (и поэтому, несмотря на множество армянских реалий, вроде, например, грабара — древнеармянского языка или не единожды упоминаемого тандыра, где выпекают хлеб, — общечеловеческое, может быть, и надкультурное) — неотделимое от метафизического, даже тождественное ему. Это здесь гораздо важнее и исторического, и политического.

...А в самом начале было немое
Таяние снегов Арарата.
Ребёнок должен обеими руками
Сжать и заставить треснуть гранат,
Чтобы овладеть
Тайнами этого багрового,
звучащего по зёрнышку языка,
Который, если говорить откровенно,
Ещё не вкусил до конца
Ни один сказитель.

(*Эдвард Милитонян.*
Перевод Альберта Налбандяна)

В рубрике «Непрошедшее» целых две статьи посвящены Левону Мкртчяну. Скажет ли что-нибудь его имя среднестатистическому русскому читателю? А между тем этому человеку — весьма значительному для армянской культуры и для русско-армянских культурных связей — есть за что быть благодарной и нашей поэзии. В частности, именно Мкртчян стал инициатором и издателем первой — и единственной прижизненной — книги стихов Марии Петровых «Дальнее дерево», вышедшей в Ереване в 1968 году. В статье Каринэ Саакянц приводятся большие фрагменты из переписки, связанной с этой трудной историей.

«Собственно, — пишет Саакянц, — Левона Мкртчяна задуматься о незаурядном поэтическом даре Петровых заставили ее талантливые переводы из армянской поэзии. О том, что у нее есть собственные стихи, знали только в ее ближайшем окружении. И те, кто был знаком с этими стихами, пытались уговорить поэта опубликовать их. Но безуспешно. И потому, когда "бурливый" и "могучий" Левон Мкртчян издал в Ереване книгу ее стихов, друзья Петровых, восприняв это как подвиг, стали говорить: "Если Левон не сделает за свою жизнь больше ничего, одного только "Дальнего дерева" будет достаточно, чтобы имя его навсегда осталось в истории русской поэзии"».

Мкртчян отдал много сил привлечению русских поэтов к переводам армянских стихов и популяризации русской поэзии в Армении. Его стараниями вышли в свет вышли в свет, например, русский трехтомник Туманяна, переводы из армянской средневековой поэзии, в числе которых — «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци. Он учил гостей из России видеть и чувствовать свою Армению. Однако о нем есть что помнить и помимо наведения русско-

армянских культурных мостов (тем более, что культуры бывших советских республик, среди них и Армении, стоит понимать и в их самоценности, без отсылок к бывшему центру). О том, каким он был и что значил для своих соотечественников — «ученый-филолог, знаток и тонкий ценитель поэзии, талантливый писатель, педагог, воспитавший не одно поколение армянских русистов, просветитель в самом точном смысле этого слова», — рассказывает знавшая Мкртчяна с юности Елена Мовчан.

* * *

Сентябрьский «Новый мир» знакомит читателей с настоящим и недавним (XX век) прошлым украинской литературы — пишущейся, — где бы ни писалась! — в Украине ли, за ее ли пределами, — как по-украински, так и по-русски. Эта последняя, как мы имеем возможность увидеть, тоже с полным правом украинская: по устройству мировосприятия, по основным заботам, тревогам, напряжениям, направлениям внимания. (Так что этот номер журнала — не об упразднении границ, не о несущественности их: он — о более тонком и внимательном их проведении.)

Таков дневник ивано-франковца Владимира Ешкилева «Все воды твои...». Этот текст автор, пишущий главным образом по-украински, написал из некоторых соображений на сильном, сложном, хищно-точном русском языке (догадываюсь — или могу домыслить — из каких именно: чтобы не отождествлять язык и выраженные на нем мысли и чувства с политикой одного известного нам государства, а отношения с этим языком — с позицией в отношении этой политики. Да, это работа разграничения). Таковы рассказы знакомой уже читателю по «армянскому» номеру «Знамени» киевлянки Каринэ Арутюновой — тоже, как и там, — о киевской жизни, киевском детстве, киевской памяти... — и все по-русски.

Русской или украинской словесности принадлежат такие тексты? — Не сомневаюсь: обеим; и наращивают возможности обеих.

Литературе этого рода посвящена в рубрике «Критика» большая статья русскоязычного украинского (*рукраинского*, как сказал бы он сам) писателя, харьковчанина Андрея Краснящих «Русукрлит как он есть». Уж он знает предмет изнутри. А предмет многосложен, многоуровнев, достоин целой, пока не написанной, монографии, а то и не одной: от «киевского неореализма, натурализма и нуара», через «донецкий магический постмодернизм» — до «харьковского метафизического авангарда». И это наверняка еще не все: «жизнь русукрлита не заканчивается на Киеве, Харькове, Донецке. Есть Днепропетровск и по-пелевински загадочная — ее никогда никто не видел — Ульяна Гамаюн <...>, Николаев, Черновцы и много других городов. <...> И знаете еще что? Где-то обязательно сидит и пишет неизвестный гений, и не публикуется, не хочет, никто о нем не знает».

В художественном разделе, занимающем чуть меньше половины номера, — стихи львовянки Марианны Кияновской (мощные, метафизические, работающие, кажется, с самим веществом бытия, — и тут жалеешь о том, что у «Нового мира» нет обыкновения публиковать наряду с переводом оригинал) и уроженки Ивано-Франковска, киевлянки Катерины Бабкиной в переводе Марии Галиной, много лет живущего в эмиграции, в США, Василя Махно — в переводе Ирины

Ермаковой, Василя Голобородько (одного из ведущих авторов украинского андеграунда семидесятых-восьмидесятых — в переводе Аркадия Штыпеля. Перевод украинской прозы (сделанный Еленой Мариничевой) здесь всего один — зато это рассказ одного из самых ярких прозаиков современной Украины Тани Малярчук. Важным событием кажется мне публикация в разделе «Из наследия» переводов стихотворений и рассказов Олега Лышеги — умершего совсем недавно, в декабре 2014-го, поэта и переводчика, одного из создателей украинской неофициальной культуры семидесятых, который, как пишет автор небольшой вводной статьи о нем Инна Булкина, «поразительным образом соединял в своем мире восточную философию, украинские поэтические реалии и американский модерн». В «Семинариуме» Павел Крючков вспоминает умершего в позапрошлом августе «самого известного детского украинского писателя» — Всеволода Нестайко. Раздел рецензий почти весь посвящен украинским книгам. А киевский поэт и переводчик, обозреватель журнала «ШО» Наталья Бельченко на своей «Книжной полке» знакомит нас с новейшими изданиями украинской поэзии.

Даже то немногое из современной украинской литературы, что смогло вместиться в этот номер «Нового мира», дает очень неплохое представление о диапазоне ее возможностей, о глубине ее культурной памяти, о ее витальной силе.

На ощупь ты свет — значит, так тебя и назову.
Прозренья осенние станут тебе роднёю.
Стрела так прозрачно ложится на тетиву.
Лук — в полночь. А в полдень идут страною,
Дорогами, временем, морем — соплодья туч.
Иные из них останутся нам навеки.
Растёт предгрозье. Дар молнии — дивен, жгуч,
Сух, солон — и накрапывает на веки.
Колонны огня живого корнями — в рай.
Тебя одного опознают горние травы.
Цельсь, мерцай, меняйся, припоминай — и знай:
У пойманных небом звёзд даже свет кровавый.

(*Марианна Кияновская. Перевод Марии Галиной*)

Может показаться, что о нынешних трагических обстоятельствах в русско-украинских отношениях (не думать о них, не жить с мыслью о них — невозможно) здесь ничего не говорится. Да, впрямую, в лоб, публицистически — ничего, на самом же деле мысль и тревога об этом присутствуют здесь постоянно.

«Великая война не закончилась, шепчут камни, грехи не искуплены, пророчества не избыты, солдаты не погребены с должными ритуалами, все еще впереди; война вновь проснулась, тянется к своему исполнению, развертывает фронты и наполняет свежей кровью угасшие, словно тела древних вампиров, смыслы. Все вокруг нас подчиняется закону вечного возвращения, измены все еще гниют в нездешних садах разбегающихся тропок; их запах не даст нам забыть, простить, заболтать, убежать. Рано или поздно мы все равно попадемся: заблудимся в петлях времени, выйдем на темные уровни и упремся во все ту же войну, как в стену...» (Владимир Ешкилев)

Мне ли одной кажется, что это — самый трагический из «национальных» номеров толстых журналов минувшего года? Но и один из самых мощных по

объемам переполняющей его жизни, по упорству этой жизни, по чувству ее ценности.

«Я шепчу слова псалма: Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною...» (Владимир Ешкилев)

* * *

Августовский номер «Звезды» открывается — еще на обложке — двумя стихотворениями-ключами ко всему: Хорезми (XIV век) и Машраба (1657—1711). Так глубоко в прошлое ни один из «национальных» номеров журналов не спускался. Видимо, это — затем, чтобы дать читателю если и не понять, то хоть сколько-нибудь почувствовать узбекское мировосприятие. Обозначить корни этой культуры, которые куда глубже и значительнее, чем и советское наследие, и постсоветская повседневность.

Номер, собранный редакцией в сотрудничестве с Евгением Абдуллаевым (он же, в своем писательском облике — Сухбат Афлатуни, один из главных переводчиков номера) и Элеонорой Шафранской, почти целиком посвящен узбекской словесности, — как той, что написана на узбекском языке и с него переведена, так и русскоязычной, причем не только новейшей, и пишущейся как в самом Узбекистане, так и вдали от него: в России, в Израиле... Так, в разделе рецензий мы видим статьи о книгах, вышедших в 2008, 2006 и даже в 1999 году. Дело же не в новизне — а в устройстве жизни и ее смыслов.

Предмет внимания здесь — не национальная литература как таковая, но литература (литературы?) культурного круга — даже нескольких культурных кругов, которые в Узбекистане накладываются друг на друга, не столько смешиваясь, сколько друг через друга просвечивая, обмениваясь элементами. Речь не только об узбеках, но о разных народах и разных людях, населяющих эту страну и даже всего лишь живших здесь некоторое (зато важное для них и для их культуры) время — как, например, венгерский ученый и путешественник Армин Вамбери, которого тут знали как дервиша Решида-эфенди, или русские поэты и писатели, эвакуированные в Ташкент во время войны (а среди них была сама Анна Ахматова). О восприятии этими людьми и народами друг друга, о том, что возникает при их взаимодействии.

Кстати, полиэтничность, отличавшая Узбекистан исторически совсем недавно, теперь во многом уже в прошлом, и есть немало свидетельств о том, что жизнь из-за этого обеднела — даже на бытовом, чувственном и эмоциональном уровне. «В Узбекистане сожалеют не столько об эмиграции именно бухарских евреев, — пишет историк и этнограф Татьяна Емельяненко в одной из двух своих вошедших в номер статей, посвященной культуре этого народа, — сколько о том, что так много выехало представителей разных национальностей. "Когда были детьми, играли вместе, бегали друг к другу, а там угощали — татары вкусно заваривали кофе, делали сладости, у евреев ели халта палау, у кого что..." — вспоминал житель Шахрисабза, который вырос в квартале с этнически смешанным населением».

Художественная часть номера начинается с переводов из современных узбекских поэтов: Турсуна Али, Абдуллы Арипова, Мухаммада Гаффара, Рауфа Сухбана, Абдуллы Шера, Баходыра Якуба (говорят ли эти имена хоть что-нибудь русскому читателю?) — по одному-два стихотворения от каждого автора.

Далее чередуются стихи и проза, причем на равных с художественными текстами представлен и нон-фикшн — очерк русскоязычного узбекского (или уже просто русского?) поэта и прозаика Вадима Муратханова о ташкентском Тезиковском рынке, одной из главных городских достопримечательностей, сердце русского Ташкента. К ним примыкает отрывок из повести известного (но не у нас!) узбекского прозаика Тагая Мурада (1948—2003) «Люди, идущие в лунном луче», — написанная в 1980 году, она до сих пор не переводилась на русский, как, впрочем, и почти все остальные повести этого автора. Теперь большую ее часть перевел и сопроводил краткой вступительной заметкой Сухбат Афлатуни.

Собственно литературная часть занимает в номере более двух третей объема. Плотно разместившиеся на остальной территории анализ и рефлексия хоть и в тесноте, но никак не в обиде: они получились весьма интенсивными.

В «Исторических чтениях» — статьи Татьяны Емельяненко: о культуре бухарских евреев (и обо всей сложившейся вокруг них жизни, теперь уже утраченной в связи с массовой эмиграцией) и об узбекских коллекциях Российского этнографического музея, в котором работает автор.

Литературовед Элеонора Шафранская в рубрике «Люди и судьбы» рассказывает об Армине Вамбери (в России его почему-то упорно называют Арминием) — о крупнейшем венгерском ориенталисте, одном из величайших интеллектуалов своего времени, прожившем жизнь, достойную стать сюжетом авантюрного романа (часть этого сюжета разворачивалась на территории нынешнего Узбекистана), а в рубрике «Слова и краски» — о «русском дервише» Александре Николаеве, художнике, жившем в Узбекистане и известном под именем Усто Мумин.

«Философский комментарий» пятигорского историка Александра Пылева открывает русскому читателю Ахмада Дониша — мыслителя второй половины XIX века, жившего в Бухарском эмирате, — его, утверждает автор, «можно считать родоначальником просветительского движения во всей Средней Азии». Заодно Пылев знакомит нас с интеллектуальной жизнью Бухары того времени, когда как раз начиналось присоединение Средней Азии к Российской империи. Петербургский же историк Сергей Абашин в рубрике «Мнения» рассматривает историю Узбекистана последней четверти века, которую большинство наших соотечественников представляет себе смутно, если вообще представляет. При всей распространенной нынче ностальгии по СССР, замечает Абашин, почему-то «не видно желания больше узнать, как сегодня живут и что думают люди, которые еще буквально вчера были согражданами одного государства. Особенно не повезло в этом отношении странам Центральной Азии, о которой в России бытуют очень отрывочные и часто искаженные представления, множество необоснованных и негативных стереотипов».

Впрочем, как мы уже знаем из статьи Емельяненко, идеализировать минувшее при не слишком ясном понимании как его, так и настоящего склонны не только наши соотечественники. «То, что раньше жить было интереснее благодаря присутствию разных народов, что все жили мирно и друг другу не мешали, часто можно услышать сегодня от узбеков, несмотря на характерное для них устойчивое этнокультурное дистанцирование». И даже так: «Любопытно, что многие с присутствием бухарских евреев связывают "лучшие времена", то есть эпоху до начала перестройки: "Помню, недалеко от бабушкиного дома один еврей продавал куриц, петухов, очень дешево продавал, — рассказывал другой

информант. — И узбеки, когда сегодня покупают что-нибудь на базаре, то вспоминают, как все было дешево при евреях". Хотя совершенно очевидно, что рост цен никак не связан с отъездом евреев, а лишь по времени совпал с ним».

(Примечательно, что, например, в тех выпусках журналов, что посвящены литературам стран Балтии, мы ничего сопоставимого не прочитаем. Почему бы?)

И вот что еще бросается в глаза: переводов с узбекского на целый номер — всего четыре.

Это (не считая стихотворений-эпиграфов) — начальная поэтическая «прослойка» художественного блока; рассказы Назара Эшонкула и Мухаммада Шарифа (оба — в переводе Саодат Камиловой) и уже упомянутый отрывок из Тагая Мурада. Все остальные образцы литературы Узбекистана представлены здесь в их русских оригиналах: русское слово главенствует и количественно, и качественно.

Да, собственно узбекского материала здесь, пожалуй, не хватает. Но чего не хватает еще более, так это основательного разговора — например, большой аналитической статьи — об узбекской русскоязычной литературе (или даже так: об узбекской русской литературе) как одном из самых ярких явлений нашей словесности последних десятилетий (имею в виду прежде всего ферганскую и ташкентскую поэтические школы и их представителей, разъехавшихся ныне по разным странам). На страницах августовской «Звезды» это явление представлено куда более сдержанно и фрагментарно, чем того требовала бы его значимость. Мы встретим здесь небольшой рассказ Санджара Янышева, упомянутое уже эссе Вадима Муратханова, маленькие рецензии на сборник стихотворений и эссеистики Шамшада Абдуллаева «Приближение окраин» и давний уже (2006) «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни. Сам Афлатуни предпочел ограничиться (важной, но скромной) ролью переводчика и комментатора.

* * *

Увы, читатель «молдавского», декабрьского номера «Москвы» обречен остаться в неведении о том, что происходит в молдавской литературе. Там речь вообще не об этом.

На весь номер — ни единого перевода с молдавского, хотя почти все его авторы родились и живут в Молдове. Он целиком посвящен русской литературе этой страны. Дело даже не в том, что все опубликованные здесь авторы русскоязычны, — мы помним, что похожая ситуация была и в «казахском» номере «Невы», где, однако, о казахской жизни говорилось много важного. Дело в том, что местная молдавская жизнь занимает их минимально. Почти во всех текстах — исключения единичны — ей отведена роль не более чем декораций.

Рассказ Олеси Рудягиной — из жизни кишинёвских русских в последнее советское десятилетие, о сильной, многолетней и безнадежной любви — история мучительная (и очень неровно прописанная), но такая, которая могла бы случиться где угодно — от Бреста до Владивостока. Молдавского в ней только и есть, что указание на место действия да единственный речевой оборот из местного обихода: «ла ботул калулуй» — «у морды лошади» — аналог русского «на посошок». И все. Оба рассказа Александры Юнко — тоже о кишинёвских русских, с минимальными молдавскими деталями (поднимать упавшего на улице главного героя одного из рассказов подбежал мальчик, что-то говоривший

по-молдавски). Героиня первого рассказа, выучившаяся в Кишинёве на экономиста, уехала в Италию работать уборщицей. Герой второго, бедный пенсионер, до сих пор не может привыкнуть к тому, что Липецк — это в другом государстве. В рассказе Татьяны Орловой-Волошиной — лишь отдельные молдавские детали и словечки («— Вэй! Деадеа-Вадеа, ты в помадеэ! — дразнится из переулка, коверкая акцентом слова, сопливый ангел в засаленных спортивных штанах»; «Ненавижу праздники на работе. Что за люди у нас! Ненавидят друг друга, но есть повод, нет повода — «маса-касамаре», «щи ла мулцьань» или как там у них?»). Вообще же молдавская жизнь заглядывает сюда только в виде смутных воспоминаний — почти сновидений — главных героев о детстве, в котором бабушка пела им песни на молдавском языке (которого главный герой тогда еще как следует не понимал). Отрывок из романа Сергея Сулина — гротескный текст о посещении молдаванином (жителем «Вишенок», должно быть, зазеркального Кишинева) фантастической Москвы начала 90-х. Но молдавского там только и есть, что происхождение гостя да пара фраз, которые, к его изумлению, говорит ему, пьяному, — уже в поряде все более разнуздывающейся фантасмагории — выставляющий его из Москвы милиционер. В остальном же (поданное с прямолинейной карикатурностью) московское безумие, после которого ничто, даже езда на метро через города и страны вспять по течению времени, не кажется достаточно безумным.

Впервые молдавская жизнь обнаруживается на этих страницах лишь к середине номера — в рассказе Михаила Поторака (он — единственный из представленных здесь авторов, пишущий не только по-русски, но и по-румынски. Здесь опубликованы его русские тексты). Она является в одном из самых неожиданных своих обликов: в виде слов, которыми молдаване разговаривают с животными.

«<...> откуда взялись все эти странные слова, которыми люди разговаривают с животными? Ладно там "кыс-кыс" или "цыпа-цыпа", тут все понятно. Но откуда, например, взялось лошадиное слово "хэйс"? Почему у нас в Молдавии свиней зовут "гыж-гыж!", почему, отгоняя корову, говорят "кути!", гусей гонят криком "хыле!", собаку — "цыба!", а барана — "хурду!"? Причем только барана, не овцу. Овцу как-то по-другому, я забыл. "Хурду", надо же... По-молдавски эти слова ничего не значат и ни для чего больше не используются. Ну хорошо, допустим, тпруканье — это звукоподражание. Это похоже слегка на то, как лошадь фыркает или ржет. Но никогда-никогда, ни от одной лошади не слыхал я ничего похожего на "хэйс" или "ча"! И вряд ли я когда-нибудь пойму, отчего баран, услышав слово "хурду", отступает, никого не забодав.

Откуда, из какого странного рая пришло это в наш язык? Именно что из рая, откуда бы еще?»

Пожалуй, Михаил Поторак среди здешних авторов наиболее привязан к молдавской чувственной, языковой, бытовой реальности, менее всех судит ее, более всех внимателен к ней и благодарен ей. «По всей Молдавии винный дух стоит, — пишет он в рассказе "Пьяный сентябрь", — и у детей усы от муста — едва забродившего виноградного сока. Он сладкий такой и совсем не хмельной, только слегка язык пощипывает. Вот когда начинает пощипывать — значит, пора отжимать и сливать в бочки. У настоящих хозяев и отжимки в дело идут. Из них гонят совершенно зверский самогонище».

Сергею Диголу (кстати, «автору исследований по истории Молдавии

XX века, опубликованных в научных журналах Молдавии, России и Румынии») принадлежит рассказ — наконец-то! — из современной молдавской жизни (о том, как эту жизнь и ее людей разрушил дикий капитализм). Тут в первый раз на весь номер (он же последний — больше художественных текстов в декабрьской «Москве» нет) у главных героев молдавские имена: Георге и Виорика. Бизнесмена-хищника Георге в конце рассказа убивают бандиты, а та, с кем он встретил свое последнее утро, — проститутка. («Пятьдесят баксов за любовь — форменное свинство. Правда, Виорика не любила — она работала. Может быть, в Лиссабоне, куда по какой-то тайной причине стремились сельские девицы, она получала бы больше. Может быть. Но Виорика в Португалию и вообще за пределы Молдавии никогда не ездила, а приезжавших из дальних краев на родину подруг спрашивать в подробностях о расценках заграничной сладкой жизни как-то не решалась».)

К авторам, связанным с Молдавией, составители номера относят и Павла Кренева. Кренев родился и живет в России, но повесть его — о войне в Приднестровье («вооруженном конфликте» России и Молдавии, то есть России и Запада, в котором Россия, конечно, права, а ее противники — разумеется, нет), о трудной работе и горькой судьбе истребителя снайперов (о да, мы многое узнаем об этом — а также о том, сколь различны взгляды на жизнь у «наших» снайперов и у их противников) и о чудовищном коварстве врагов. Художественную часть повествования сопровождает историософская, объясняющая, кто на самом деле во всем виноват: «Мир тогда разрушался по сценарию, составленному в секретных масонских лабораториях "заклятых друзей" России — США и некоторых западноевропейских стран. Главный удар наносился по СССР. Военный, экономический потенциал этой страны необходимо было сломать с одной только целью: чтобы создать управляемый со стороны Запада однополярный мир во главе с США. Для этого необходимо было разорвать по кускам СССР, растащить его по углам, создать в нем и среди его союзников обстановку неуправляемости, бардака и хаоса. Опытный рыбак знает: в грязной, беспросветной воде рыбу ловить легче, чем в прозрачной. Такая обстановка и создавалась». «Приднестровье ждало помощи от Москвы, но на московском троне сидел человек, посаженный американцами, и вершил дела не в пользу России и ее интересов, а в угоду своим американским хозяевам».

Раздел же «Публицистика» посвящен Приднестровью, точнее, взаимодействию России и Приднестровья — «неповторимого уголка русского мира», как выразился один из авторов этого раздела, Александр Шевченко. «Помнит и Россия об этой исторической частице своей земли, оставшейся в результате драматических событий распада СССР за пределами нынешнего российского государства и не пожелавшей быть в составе Молдовы в связи с усилившимися в ней настроениями в пользу слияния с Румынией». Его коллега по номеру Павел Кренев, в свою очередь, выразился следующим образом: «Приднестровью, этому вечнозеленому, солнечно-виноградному краю, планировалась роль пушистой дрессированной собачки, которая должна была сидеть в молдавской конуре и, что называется, не скулить и не тявкать». И это уже не публицистика. Это, прости Господи, художественная литература.

* * *

Из июльского «Нашего современника» о новейшей белорусской литературе (по крайней мере — об образе ее в головах составителей номера) мы узнаем тоже немного. Хотя, правду сказать, все же больше, чем совсем ничего.

Здесь опубликованы произведения лауреатов Конкурса молодых литераторов России и Беларуси «Мост дружбы», занимающего, как пишут составители, «особое место» «среди интеграционных проектов, реализуемых под эгидой Постоянного Комитета Союзного государства» и имеющего целью «укрепление социально-культурного взаимодействия в рамках Союзного государства». Для материалов конкурса выделены две сквозные рубрики: «Белая Русь» и «Мост дружбы». Тексты русских и белорусских авторов идут подряд, как части одного континуума. Границы (которые, по идее, — условие диалога и взаимного внимания) между явлениями русской и белорусской культуры здесь не только не проводятся, но и задача такая не ставится. Задача, напротив, — «интеграция», сращивание.

Такой границы нет не только для составителей, но и для самих авторов. Отношения и с советским опытом, и с Россией здесь наименее конфликтны — собственно, они не конфликтны вообще. Они не проблематичны. Проблематичны скорее отношения с современностью, но об этом — чуть ниже.

Так, всю жизнь живущие в Беларуси Анатолий Аврутин, Валентина Поликанина, Татьяна Дашкевич, Елена Крикливец, Андрей Скоринкин пишут стихи не просто по-русски, но исключительно о русском и о России — как о своем. Аврутин: «По русскому полю, по русскому полю / Бродила гадалка, вещая недолю. / Где русская вьюга, там русская вьюга. / Там боль и беда подпирают друг друга...» Вся подборка называется «Где русская кровь проливалась...». Подборка Поликановой озаглавлена повторяющейся строкой из первого стихотворения — «Льют на Руси колокола». «А на Руси прекрасней нет зари... / На Волге лодок тихое скольженье». Далее — о Соловецком монастыре; затем — «Молитва о России», частью которой автор чувствует себя: «Упаси*нас*, Господь, от проклятий грядущего дня...». В следующем стихотворении: «Это старый русский Север, / Самый дальний из родных».

Аналитических статей о новейших тенденциях в белорусской литературе, книгоиздании, культуре, о современном белорусском обществе здесь попросту нет. Нет и осмысления постсоветского опыта — за исключением отдельных, вполне сдержанных удивлений тому, что как же это так получилось — была большая общая страна, а теперь ее нет. Конец СССР для авторов этого культурного круга — явно травма, но совершенно не отрефлектированная (хотя бы и так грубо, как в журнале «Москва»), даже не выговоренная. (Тамара Краснова-Гусаченко: «Стою под небом я, оглушена. / Понять пытаюсь, и не понимаю. Такой была огромною страна! Где большаки мои теперь, не знаю...») Нет, похоже, и чувства исторических перспектив — есть чувство (большею частью меланхолическое, без энергичного протеста) скорее конца, чем начала: «Здесь снова хоронят эпоху, / и снова вороны снуют...» — пишет Крикливец в стихотворении с эпиграфом из Ахматовой («Когда погребают эпоху, / Надгробный псалом не звучит...»):

И ты, безусловно, намерен
исполнить отцовский завет.
И прошлое загнанным зверем
рванётся из чащи на свет,

в убийственной жажде спасенья
помчится быстрей и быстрей
туда, где в угодьях осенних
плывут голоса егерей.

Чувство катастрофы выговаривают прямым текстом только двое: Андрей Скоринкин (первое же стихотворение в его подборке называется «Apokalypsis»: «Повсюду кровь и слёзы... В наши дни / Упразднены Священные законы... / Героев нет, предатели одни — Лукавые, как змей, хамелеоны...») и — по совсем свежим тогда еще следам в своих ранних стихах — Татьяна Дашкевич (рожденная и живущая в Беларуси, своим отечеством она называет Россию): «Я ничего совсем не знаю, / Я никого не узнаю, /Я дым Отечества вдыхаю / В расстрелянную грудь мою» (1991); «Стоит Россия чёрная, немая, / Стоит, к лицу ладони прижимая: / На мёртвом мёртвый — некуда ступить! <...> Языческие огнища пылают, / Отравный дым Отчизну выстилает, / Вновь наступает долгая зима» (1993).

Некоторая концепция происходящего — вкупе с представлением о перспективах — есть только у Скоринкина:

В сердцах гремит духовная война,
За горний трон дерётся сатана...
Грядёт конец, а с ним — начало света...

Померкнут звёзды, солнце и луна...
Но за зимой ворвётся в мир весна
И расцвётет спасенная планета!

Тревога о будущем для здешних молодых авторов совсем не характерна, но у одного из них мы ее все-таки обнаружим: в рассказе «Европа» Андрея Диченко (1988 года рождения) — о необычных детях, один из которых видит (зловещее) будущее. Европа — источник опасности. Тревожащее чужое, не укладывающееся в рамки привычного восприятия.

Переводов с белорусского на весь журнал целых четыре: три поэтических и один прозаический. Прозаический, пожалуй, — самый интересный: рассказ Алеся Бадака «Идеальный читатель» — несколько рассудочное повествование о совсем не рассудочных вещах: о взаимоотношениях человека и искусства. Причем к искусству на равных правах причисляются не только литература и музыка, но и кулинария — как действие, тонко настроенное на его предполагаемое восприятие. Белорусского как такового в рассказе не очень много, кроме разве места действия, цитаты из Янки Купалы да признания героя, он же и автор: «<...> я пишу на языке, на котором поэзию и прозу читает не слишком много людей».

Переведеные стихи — Михаила Позднякова, Михася Башлакова и Геннадия Пашкова — интересны значительно менее. Все они глубоко вторичны, и тема во всех без исключения — малая родина авторов, очарование ее чувственным обликом, любовь к ней и мягкая меланхолическая тоска по ней («Те ягоды

пахнут простором и лесом. / Далёким моим босоногим Полесьем...» — Башлаков, «Милый край, где растёт ежевика, / Хвойный воздух струится, как дым, / Никогда, никогда не привыкну / Я к дарам и красотам твоим.» — Пашков) да разве еще экзистенциальная печаль («И дни мои летят / Так быстро — не заметить...» — Башлаков). Будто, право, по-белорусски больше и сказать не о чем. Авторам — за шестьдесят. Ни один молодой поэт, пишущий по-белорусски, не представлен.

* * *

«Грузинский», августовский номер «Дружбы народов» — среди всех «национальных» выпусков «толстых» журналов, пожалуй, особенный. Потому что он весь — о любви. Нет, он и об историческом самоопределении тоже, и о катастрофе, и о проведении границ — от этих тем постимперским литературам, включая и нашу, похоже, никуда не деться. Но в первую очередь, поверх всего этого, посредством всего этого — о любви.

Открывается номер републикацией лучших, по мнению редакции, из произведений грузинской поэзии, опубликованных в журнале в прежние годы. Это — классики: Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, вполне близкий по крупности к классикам Отар Чиладзе, гораздо менее известные русскому читателю Анна Каландадзе и Шота Нишнианидзе. И все это — стихи и XX век. Самый ранний текст здесь написан в 1915 году — ровно столетие назад.

О временах более ранних речь не заходит. Составителям важно говорить о том, что еще не стало в полной мере историей и остается живой проблемой.

В художественной части номера — современная словесность и история, которая делается на наших глазах (то, что еще не стало объектом ностальгии, но уже становится предметом рефлексии).

Роман «Очкастая бомба» Гурама Одишария, грузинского писателя, родившегося (в 1951-м — следовательно, целиком сформировавшегося в советское время), выросшего и основную часть жизни проведшего в Абхазии, — о грузино-абхазской войне как части катастрофы советского мира. (Да, то была *творящая катастрофа* — создающая новые миры, новые человеческие общности с их коллективным и личным самосознанием, — что не уменьшает ее катастрофичности.) О живых кровавых клочьях, на которые разлетался вчерашний советский мир.

Тут вообще много текстов о беде, о смерти, о распаде привычных связей. Кровоточащая литература.

О войне — оба рассказа Беки Курхули; рассказ Бесо Соломонашвили — рефлексия (помимо личных обстоятельств героев, точнее, с их помощью) грузинской истории XX века — катастрофичной начиная уже по меньшей мере с 1920-х) и отношений с Россией. Рассказ Нугзара Шатаидзе — снова о катастрофе, разломе, поражении и утрате: события происходят весной 1921 года, когда остатки грузинской гвардии отправились в Батуми, а оттуда в эмиграцию.

Но есть и еще одна, не менее важная линия. Здесь представлен поэт Звиад Ратиани, родившийся в 1971-м — из тех, кто начал работать в литературе уже в постсоветскую эпоху (и из оставшихся, таким образом, за пределами русского литературного сознания — у нас он до сих пор не переводился, а вот на многие европейские языки — да) с ориентацией на европейские образцы, из тех, кто

способствовал и способствует европеизации грузинской литературы — переводил на грузинский Рильке, Элиота, Паунда, Одена, Целана... Поэма «Джакомо Понти» Дато Маградзе (родившегося в 1962-м, бывшего в 90-х министром культуры Грузии, автора слов ее государственного гимна) — вписывание себя в систему европейских координат, прочитывание себя с помощью европейских культурных кодов (как пишет философ и литературовед Заза Шатиришвили, «<...> Фабула произведения, одновременно и символическая, и реалистическая, предельно проста — идет судебный процесс самого Джакомо Понти, а весь текст — апология лирического героя (апология в древнегреческом смысле: «оправдательное слово»). Как известно, этот кафкианский мотив отразился и в лирической поэзии XX века: можно вспомнить такие примеры, как лирические тяжбы Леона Фелипе и Анны Ахматовой»)

Таким образом, в грузинском литературе видны как минимум две ведущие темы: изживание (по крайней мере — проработка) травмы, которой стала практически вся история XX века, и вживание, врабатывание в Европу.

В номере подробно представлен особый пласт смыслов: русских мечтаний о Грузии, русских образов ее, неотъемлемости Грузии от русского чувства мира, вполне возможно — русской тоски по этой стране, бывшей (или мнившейся?) в советские годы ближе и доступнее. Это — рубрика «Сны о Грузии». Здесь мы видим яркие образцы того, что Наталия Миминошвили назвала «грузинским текстом русской литературы», — текста, не прекратившего возникать и теперь, после распада бывшего сложного единства на разные, не менее сложные государства.

Грузия рассказана и пережита здесь как один из важнейших источников русского самосознания, как личный, эмоциональный, чувственный, поэтический — и, опять же, очень русский опыт (Борис Мессерер, «Дружбу нельзя предать»). Опыт, необходимым условием которого была инаковость Грузии — адресованная инаковость, «свое другое». Грузия — это взволнованность и любовь — бери наугад цитаты из любого текста — не ошибешься. Михаил Синельников: «Грузины — мой любимый народ, и, мне кажется, я знаю их настолько, насколько можно знать, не будучи грузином». Олеся Николаева: «Я сажусь в машину и сразу включаю грузинские песни. И сразу оживает передо мной моя жизнь, быть может, лучшая и блаженнейшая часть которой была связана со страной, которую я называю "второй родиной" и от которой получила столько света и столько поэзии, что душа изнемогает от этого избытка.

Подкрепите меня вином,
освежите меня яблоками,
ибо я изнемогаю от любви!»

О каком еще народе бывшей империи русский может так сказать?

Отношение грузин к России и русским — предсказуемым образом сложнее. Правда, о нем — особенно о сегодняшнем — из этого номера журнала мы узнаем немного.

Грузинские слова о России звучат в статье грузинского классика Григола Робакидзе «Сталин как дух Аримана», — но она написана в 1935 году (в германской эмиграции, на немецком языке, с которого и переведена). Тему отношений Грузии и нашего отечества отчасти затрагивает лишь один текст из двух, составивших рубрику «Публицистика» — и написанный, к слову сказать,

на качественном русском языке. Это — «Грузия на распутье» Георгия Лорткипанидзе, двуязычного автора (кроме грузинской прозы выпустившего и русский роман «Станция Мортуис»). И мы видим, что отношения эти проблематичны.

«Писать в российской прессе о современной Грузии — для грузина задача неблагодарная. Любой автор, который рискнет затронуть ряд болезненных тем (от порушенной территориальной целостности до причин войны 2008 года), вряд ли избежит обвинений в субъективности и попадет в итоге — с высокой долей вероятности — под словесный обстрел с противоположных берегов... Но с другой стороны, несмотря на ставшие, к сожалению, привычнымы драматизм и почти полный застой в грузино-российских отношениях, задача эта, как все полузапретное, чрезвычайно интересная. А быть может, не только интересная, но еще и полезная, хотя порой очень непросто различить невидимую грань между пасквилянтством на свою страну и той дозой нелицеприятной критики, что необходима для ее же здравия».

Другой текст той же рубрики — «На пути к Европе» Георгия Нижарадзе — посвящен отношениям Грузии и Европы — как бы «поверх» опыта исторической совместности с русскими.

Существуют ли — существовали ли когда-либо — грузинские «Сны о России»?

В том же, что пишут здесь о Грузии люди русской культуры, смыслов отталкивания и преодоления, кажется, вообще нет. Трудности сближения (и усилие их преодоления) есть, но нет ни тени враждебности. Есть боль за Грузию («Зеркалка» Натальи Соколовской — дневниковые записи эпохи разлома империи на ее кровоточащие составные части), но нет ни отторжения, ни осуждения.

«Ни с одной чужой речью не общалась я так долго и близко, как с грузинской, — пишет цитируемая Мессерером Белла Ахмадулина о своей переводческой — даже не работе, а жизни. — Она вплотную обступала меня говором и пеньем, искушая неловкую славянскую гортань трудиться до кровавых ссадин, чтобы воспроизвести стычку и несогласие согласных звуков и потом отдохнуть в приволье долгого "И". Как мучилась я из-за этой не данной мне музыки — мне не было спасенья в замкнутости, потому что вода, лившаяся из-под крана, внятно обращалась ко мне по-грузински».

Есть — благодарность: всему в Грузии, Грузии в целом, самому ее чувственному, пластическому облику: «Открыт, распахнут и грузинский пейзаж, — говорит Вадим Муратханов. — Многоярусный Тбилиси напоминает слоеный пирог, румяный, с надрезами в поджаристой корке. Оказавшись на краю надреза, видишь далеко вокруг. Множество складок, заселенных площадок и уступов словно увеличивают площадь маленькой уютной страны». Есть неизменное чувство связи — даже через разрывы, — притом взаимной связи. «По совести я плохо верю в самую будущность переводческого ремесла, — признается Михаил Синельников. Но верю в единение поэтов, в мистическую связь Лермонтова с Бараташвили, в братство Тициана и Бориса. Несмотря на тягостные события, я не в силах согласиться с разрывом нашего духовного единения. Благородными примерами которого дорожу... Был в Тбилиси старый профессор, филолог Акакий Гацерелиа. Раз в месяц на протяжении долгих лет он отправлялся на городской почтамт и посылал продуктовую посылку с дарами земли грузинской старой дочери В.В.Розанова, жившей на пенсию в 37 рублей

26 копеек в городе Загорске (ныне вновь Сергиев Посад). Русские давно и позорно о ней забыли, но грузинская интеллигенция еще помнила, кто такой Розанов (между прочим, ничего о Грузии не писавший)». И даже — отождествление: «Все мы немного грузины». Так пишет Вадим Муратханов — русский узбек, родившийся и выросший в Киргизии. О тех же (русских!) чувствах к Грузии говорит и Бахытжан Канапьянов — казах, человек (и) русской культуры (тоже), цитирующий «русского поэта и писателя, сына грузина и армянки, <...> батоно Булата». Все это — люди многокультурья, которое окаянная империя, однако, сделала возможным.

Людьми русской культуры Грузия прочитывается как опыт расширения горизонтов, всечеловечности, вообще — полноты человечности, ее раскрытия и осуществления.

«Здесь, в Грузии, — пишет Муратханов, — задумываешься о том, что человек потенциально шире своей географии. В нем заложено больше, чем вынуждает проявлять место его проживания. Новое солнце высвечивает новые грани характера и темперамента. Кто-то из моих друзей неожиданно для себя начинает блистать остроумием и обаять окружающих женщин. Другой высказывает тебе в глаза обиду, которая, случись в обжитом, привычном пространстве, наверняка осталась бы, не облеченная в слова, тлеть в глубине сердца. Через несколько дней, проведенных здесь, все мы уже немного грузины».

Тут уже хочется воскликнуть вместе с Михаилом Синельниковым: «И неужели все это уйдет бесследно для поколений, вступивших в небывало черствую эпоху?»

Честно сказать, у меня нет надежно утешающего ответа.

Разве что — воскликнуть вместе с Анной Бердичевской, автором бережного, даже ласкового и грустного текста о тбилисском доме-музее Тициана Табидзе: «Дай Бог, чтоб не оборвалась нить, связь всего, для чего стоит жить. Нет ничего прочнее нити основы. Но если она все-таки оборвется — мир расползется и прекратится».

Национальные и общечеловеческие ценности в современном изобразительном искусстве Узбекистана

Профессиональное изобразительное искусство Узбекистана во всех его видах и жанрах сформировалось главным образом в XX веке и является продуктом евразийского мышления. Традиционная художественная культура Узбекистана, насчитывающая несколько тысячелетий в своем развитии, к началу XX века несла в себе отражение сложного исторического, геополитического, этнокультурного, религиозного, социально-экономического своеобразия региона. Эта динамика цивилизационных сдвигов, великие социальные потрясения начала XX века создали фон для зарождения европейских форм изобразительного искусства, и это не было простым механическим переносом европейского или русского искусства на национальную почву. С самых первых произведений начала XX века у художников Узбекистана можно видеть симбиоз творческих поисков европейского искусства и «генетического кода» восточного художественного мировоззрения.

В современном изобразительном искусстве Узбекистана еще крепко держит свои позиции реалистическое направление, представленное творчеством Сагдуллы Абдуллаева, Акмаля Икрамджанова, Сабира Рахметова, Масута Фаткулина, Мухаммада Нуриддинова, Хакима Мирзаахмедова, Валерия Енина, Махамадиера Ташмурадова, Алишера Аликулова, Азамата Атабаева, Виктории Трошиной и других. Декоративное направление развивается в творчестве Алишера Мирзаева, Жоллыбая Изентаева, Искры Шин, Имяра Мансурова, Рахмона Шадыева, Людмилы Садыковой, Яниса Салпинкиди, Рустама Худайбергенова, Содика Рахманова.

В то же время нельзя не констатировать, что ассоциативно-метафорическое художественное мышление, нося нарастающий характер, выявляет свой внутренний потенциал в творчестве самых различных художников, в каждом конкретном случае преломляясь через их индивидуальное видение мира, характер живописно-пластических поисков. Пример тому — творчество Джавлона Умарбекова, Бахадыра Джалалова, Аслиддина Исаева, Гайрата Байматова и других.

Во второй половине 1980-х и в 2000-е годы в искусстве Узбекистана появились и развиваются новые направления постмодернистского толка: поп-арт, инсталляции, перфомансы, пространственные проекты, выражающие тот или иной концепт. Например, в образной структуре работ Джамола Усманова, Файзуллы Ахмадалиева, Санджара Джаббарова, Мухаммада Фозили, Марии Сошиной ощущается доминирование не сарказма, не игра с традициями, а подлинная духовная традиционность, свойственная культуре Востока, выраженная посредством концептуализма. Здесь можно упомянуть Александра Николаева, Вячеслава Усеинова, Шухрата Абдумаликова, Диера Разикова, Нигору Шарафходжаеву, Бабура Мухамедова, которые также пытаются освоить новые технологии, новые эстетические приемы современного западного искусства. Их творческие поиски уходят за пределы национальной поэтики, расширяя горизонты художественного мироощущения.

Сфера изобразительного искусства сосредоточивается не только в Ташкенте, но и благодаря творческим отделениям и учебным заведениям Академии художеств Узбекистана практически во всех областных центрах страны. Крупными культурными центрами остаются Самарканд, Бухара, Хорезм, Каракалпакстан. Так, например, ярким своеобразием отличается творчество бухарских художников Зелима Саиджанова, Музаффара Абдуллаева, Вафо Барноева, Эркина Джураева; самаркандских художников Аслиддина Исаева, Туркмана Эсанова, Нуриддина Каланова; хорезмского художника Отахона Аллабергенова; каракалпакских художников Жолдасбека Куттымуратова, Жоллыбая Изентаева, Сарсенбая Байбасинова, Базарбая Серекеева, Дарибая Таджимуратова.

В последние два десятилетия бурно развивается монументальная скульптура Узбекистана — установлены монументы Амиру Темуру, Мирзо Улугбеку, Алишеру Навои, Камалетдину Бехзоду, Бабуру, Алпомышу, Джалалитдину Мангуберды, Аль-Фаргони, Фитрату, Чулпону, Абдулле Кадыри, Гафуру Гуляму, Зульфие и другим выдающимся личностям узбекской культуры, внесшим большой вклад в ее развитие.

На современном этапе активно развивается станковая скульптура, например, в творчестве Дамира Рузыбаева, Азамата Хатамова, Тулягана Таджиходжаева, Жолдасбека Куттымуратова, Мухтара Аблакулова, Саидолима Шарипова. В их творчестве станковая скульптура начинает приобретать определенную живописность, пластичность. Эта пластика, созвучная передаче определенного состояния, психологического настроя, внутренних переживаний и едва осязаемых движений души.

Развивается и авангардное направление в узбекской скульптуре в творчестве Марины Бородиной, Роберта Авакяна, Баята Мухтарова, Василия Попова, Альберта Овсепяна, Абдугаффора Исанолиева, Курбана Норхурозова, Улаша Уракова. Нельзя не отметить поиск новых выразительных средств, обращение к нетрадиционным материалам, предельную условность в передаче образного содержания.

Другим важным и интересным направлением в развитии узбекской пластики является современный фольклор, для которого характерны интерпретация традиционных сюжетов устного народного творчества, мягкий юмор в образном звучании. Это направление развивают бухарские художники Курбан Норхурозов, Улаш Ураков, Бахром Гулов, ташкентский художник Гульзор Султанова. Одним из своеобразных скульпторов Узбекистана является каракалпакский художник Жолдасбек Куттымуратов, художник многообразный и интересный, корнями своего творчества уходящий в народное искусство.

В станковых работах узбекских графиков также нельзя не отметить огромное тематическое, жанровое, стилистическое многообразие. К сожалению, в последние два десятилетия почти исчезли графические техники: литография, линогравюра, офорт, ксилография. Отчасти это связано с тем, что многие графики стали заниматься живописью, а также тем, что на современном этапе стало возможным проникновение разных видов изобразительного искусства друг в друга. Так, например, некоторые живописцы продолжают свои творческие поиски в скульптуре, актуальном искусстве; графики активно занялись живописью; художники театра и кино «вторгаются» в сферу дизайна. И в этом тоже особенность современного этапа развития изобразительного искусства.

За годы независимости Узбекистана активные позиции в современной художественной культуре стал занимать фотоарт. Создание секции художественной фотографии в структуре Творческого объединения художников Узбекистана, систематическое проведение международных фотобиеннале в Ташкенте, открытие Ташкентского Дома Фотографии, знакомство с современным фотоискусством различных зарубежных стран придало импульсы творческим поискам современных узбекских фотохудожников Виктора Ана, Абдугани Джумаева, Владимира Ковреина, Владимира Жирнова, Виктора Вяткина, Виктории Боц, Константина Минайченко, Владимира Соколова,

Александра Шепелина. Узбекский фото-арт включает в себя всё: серии и панно, крупномасштабные изображения и средний формат, комбинации снимков и коллажи, технологические процессы и так называемый «брак», тончайшие нюансы цвета, рекламные приемы.

В системе современной художественной культуры Узбекистана важное место занимает и декоративно-прикладное искусство, которое вбирает в себя традиционные художественные ремесла и виды нетрадиционного декоративно-прикладного искусства, в которых возросла роль авторского начала: керамика, фарфор, ювелирное искусство, батик, гобелен. Если одни художники черпают вдохновение в традиционном искусстве, обыгрывая его мотивы, сюжеты, символику (Римма Газалиева, Назира Кузиева, Шахноз Муминова, Рамазан Мухамеджанов, Гульзор Султанова и др.), то другие смело экспериментируют, осваивая направления современного европейского искусства (Ануш Авакян, Анель Улумбекова, Улугбек Холмурадов, Эдуард Гостев, Вячеслав Усеинов, Наталья Доманцевич, Милена Тюрина).

Существует преемственность традиций в современном искусстве поколений молодых художников Узбекистана. Созданная в годы Независимости многоступенчатая система художественного образования в структуре Академии художеств Узбекистана, ежегодно проводимые в стране различные фестивали и конкурсы молодежного творчества «Навкирон Узбекистон (Молодой Узбекистан)», «Келажак овози (Голос будущего)», «Янги авлод (Новое поколение)» способствуют выявлению талантливой молодежи. Не без гордости можно сказать, что творческая молодежь Узбекистана, помимо имеющихся прекрасных выставочных площадок, в 2008 году по инициативе главы государства обрела Дворец творчества молодежи, ставший уникальным центром молодежной культуры, не имеющим аналогов не только в регионе, но и на постсоветском пространстве. Все это способствует формированию новой генерации художников Узбекистана.

В целом, хотелось бы отметить, что творчество современных художников Узбекистана является своего рода перекрестком не только разных поколений, стилистических направлений, тем, творческих индивидуальностей, но и скрещением духовных поисков Востока и Запада, цивилизации и культуры, глобализации и поисков национальной самоидентификации, центром внимания которых остается, как и во все времена, Человек.

Камола АКИЛОВА, доктор искусствоведения

Подготовка репродукций и текста — Юрий ПОДПОРЕНКО

Собир Рахметов

ОТЧИЙ ДОМ. 2011.
Холст, масло

Алишер Мирзаев

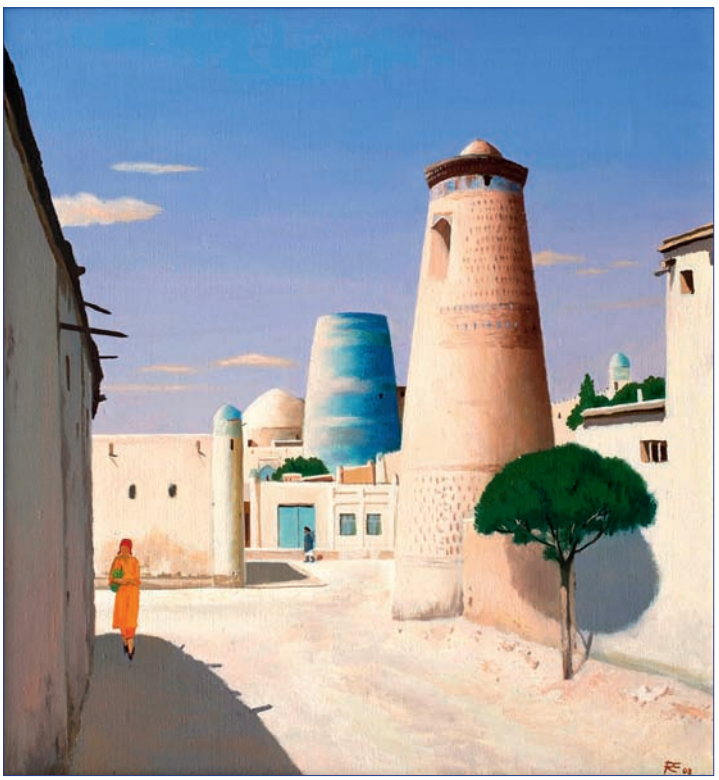
НЕВЕСТА. 2000.
Холст, масло

Акмаль Икрамжанов

МЫ ИЗ 19 ВЕКА. ПРАВАЯ ЧАСТЬ ДИПТИХА «ЧАСТИЦЫ ВЕКОВ». 2009.
Холст, масло

Римма Гаглоева

РАННЕЙ ВЕСНОЙ. 2000.
Холст, масло



Рустам Худайбергенов

ИЧАНКАЛА В ЧАШГОХЕ. 2008.
Холст, масло

Леким Ибрагимов

ПОХИЩЕНИЕ АЗИИ. 2002.
Холст, масло

Масут Фаткулин

НАТЮРМОРТ С ГРАНАТАМИ. 1983.
Холст, масло

Акмаль Нур

БОЖЕСТВЕННЫЙ ПЛОД. 2012.
Холст, масло

Рахим Ахмедов

НАТЮРМОРТ НА ЖЕЛТОМ СЮЗАНЕ. 2004.
Холст, масло

Остановиться... Обернуться...

Читая исповедь Сейдахмета Куттыкадама

Рубрику ведет Лев Аннинский

«...Один из Последних истинных и простодушных Евразийских Кочевников, умеющих с варварской непосредственностью смотреть в лицо фактам и видеть их в наготе и помнящих воинское искусство своих предков, — осмелился написать то, что написал...»

Написал — книгу. Одно из ярчайших моих читательских впечатлений последнего времени. И загадочных.

Называется: «Дао Алтая».

Что такое Алтай, объяснять не надо.

Что такое Дао — пожалуй, надо (чтобы не увязать в китайской древности): это — Предопределение. Или Предназначение. Или Предпочтение.

Сверхзадача книги — в подзаголовке: «Исток человеческой цивилизации».

Три с половиной сотни страниц текста, полного предположений, гипотез, загадок, отгадок. Еще сотня страниц ссылок и примечаний. Автор — Сейдахмет Куттыкадам — лидер казахской публицистики, список званий занимает еще целую страницу. Можно сказать, академик. (Редактор книги — Сергей Ключников — тоже академик, российский).

Я еще не настолько офонарел, чтобы решиться рецензировать издание, неприступно академическое по объему фактов и неприступно же необъятное по заявленной теме. Исток Человеческой Цивилизации — ничего себе, замах! Алтай как исходная точка этой Цивилизации — ничего себе, отмашка... Ученые, придерживающиеся других точек зрения, пусть рецензируют эту.

Я позволю себе лишь несколько свободных рассуждений по ходу чтения. Без всякой категоричности. В тексте книги — тоже никакой категоричности. Более того, сомнения лучатся из каждого утверждения или предположения.

Кстати. Виртуозное владение интонациями такого раздумчивого склада русской речи все-таки требует комментария. Наш казахский друг писал книгу по-русски, я должен снять шляпу перед его русским языком — так он им владеет. Что я и делаю. И приступаю к диалогу с Сейдахметом Куттыкадамом по свободно избираемым мною вопросам.

Мой первый вопрос: что можно сказать о нынешней ситуации, имея в виду взаимоотношения народов — в глобальном масштабе? То есть оставив в стороне казахско-русские сюжеты (сжато описанные в последней части книги). Пережитый с неуходящей болью 1986 год, когда вольный тюркский дух взбунтовался против тоталитаризма, бунт был подавлен, но и советская держава почувствовала острые симптомы распада. С той поры взаимоотношения Казахстана и России как суверенных государств вышли на новый качественный уровень. Мой собеседник этой теперешней темы не касается, я — тоже.

Вопрос, на который я хочу найти ответ, касается глобальной, всемирной, всечеловеческой реальности. Как она мыслится?

Мыслится так:

«Ситуация все более напоминает глобальный мир во время вселенской чумы...» «Человечество заблудилось в дебрях собственных бесполезных изобретений...» «Весь мир растерян, не знает, что делать...»

При всей эмоциональности этих определений — они последовательны и бьют в одну точку. И в этой точке я абсолютно схожусь с Сейдахметом Куттыкадамом. У меня такое же ощущение. Человечество дошло до черты, за которой — неведомое будущее, если оно есть.

К перечисляемым при этом признакам глобального кризиса (оргия потребительства, авантюризм правителей, безответственность чиновников, самозабвенно-бессмысленные СМИ, безудержный в безнаказанности Интернет...) я бы прибавил агрессивность молодежи, не знающей, куда деть энергию. Эпидемия немотивированных убийств... Тысячи новобранцев, хлынувших в Исламское Государство в надежде найти оправдание скопившейся безадресной злобе...Очередь самоубийц, готовых к исполнению любого теракта...

В мои времена целые поколения готовы были умереть за свое будущее; теперь — ни будущего, ни прошлого: жизнь ровно ничего не стоит, ни своя, ни чужая...

Пахнет концом света? Именно мысль о конце побуждает проницательных людей во всех концах света задумываться о начале... Мой собеседник — один из них.

Возвращаясь мыслью к Началу, упираюсь в немедленный «детский» вопрос: исток человеческой цивилизации — не знал других вариантов? То есть: были ли и другие возможные истоки человечества или только один? Тут, кажется, мы расходимся с уважаемым оппонентом: он интуитивно тянется к осознанию уникальности, а я — так же интуитивно — к предположению, что вариантов земного осуществления было несколько и, может быть, иные просто отброшены. Это не значит, что упущен рай на земле — рай невозможен! — но возможны другие варианты Бытия, такие же трагические, как наш... Почему-то мне легче, если они есть.

А если реален в Истории Вселенной только один вариант (наш), значит... он и исчерпается до конца. И будет конец. Конец того, что можно осмыслить, конец того, кто может осмыслять. Не хочу!

Веря в этот единственный вариант, Сейдахмет Куттыкадам ищет исток человеческой цивилизации. Это — Алтай. Точка, от которой на протяжении тысяч и тысяч лет уходили на все четыре стороны света племена, помнящие или забывшие, кто они и откуда. Конечно, это гипотеза. Другие гипотезы ставят в такую точку исхода Гималаи, Памир, Кавказ, Альпы, Карпаты...

Кандидатура Алтая подкреплена десятками тысяч артефактов, найденных за последние десятилетия в долине реки Ануй на северо-западе Алтая. Двадцать два культурных слоя возрастом в двести тысяч лет. Плюс вера в эту гипотезу.

Нельзя исключить, что в грядущие десятилетия у археологов дойдут руки, и не менее весомые аргументы будут раскопаны... в песках Сахары, в дебрях Амазонки, в истоптанных могильниках Китая... И будут другие гипотезы. И откроется Истина в новых координатах. А смысл изменится? — спрашиваю я.

Меня воодушевляет то обстоятельство, что мой собеседник ищет Истину, вдумываясь не столько в замшелые легенды и продувные проповеди интеллектуалов, сколько в непреложные свидетельства Природы. Три великие религии Единобожия спорят между собой о том, чей Бог истиннее; о том же спорят расколовшиеся версии этих религий. А мой казахский собеседник, отметив, что на Алтае три главные религии изначально смыкаются, рисует пейзаж. В кого должен верить кочевник, в одиночестве пересекающий бескрайнюю степь? В Единственного Собеседника посреди этой пустоты. Именно в Одного, интимно реального...

«Величайшие пророки Единобожия: Заратустра, Моисей и Мухаммед были кочевниками, да и Иисус кочевал почти всю свою жизнь». Меня этот психологический этюд убеждает больше богословских штудий. Единобожие — ответ человека кочевью. Ответ одиночеству. В условиях Пра-Деревни или, тем более, Пра-Города сонм Богов будет и многочисленнее, и невнятнее. А тут — Природа: степь, солнышко над степью...И Един Бог.

А если солнышка станет слишком много? Это отразится на ликах всечеловеческой цивилизации? Еще как отразится! Неотвратимо и непредсказуемо. Вот еще один восхитивший меня фрагмент праалтайского мирописания. Солнышка стало больше; трава высыхает. Скоту мало корма. Для прокорма требуется все больше места. Арии из оседлого племени все дальше удаляются от места постоянного проживания и из оседлых жителей становятся кочевниками. То есть поручив себя Единому Богу, вырабатывают — на случай стычки с соседями — железную дисциплину и агрессивную крутость.

Этот характер постепенно прославился на все человечество: возникла арийская раса — непреклонная и целеустремленная; арийский символ удачи — свастика — стала перехватываться другими претендентами на арийский образ.

«В Европе они растворились среди древних кельтских, германских и западных славянских племен, оставив язык, мифы и тревожную память о своих победах», — пишет Сейдахмет Куттыкадам и завершает свой этюд фразой: — Нацисты, прослышав о том, что «череп и кости» имеют арийское происхождение, переняли их. Но придали зловещий характер, сделав отличительным знаком безжалостных и кровавых служителей смерти — «эсэсовцев». И в завершение: «Сейчас истолкование двух этих символов стало носить неприличный характер, и, наверное, пройдет не один век прежде, чем будет восстановлен их истинный смысл».

Я бы добавил: сейчас, когда реваншисты демонстративно пересматривают ход и итоги Второй мировой войны, эти символы в гитлеровской окраске опять гуляют по европейским столицам... А в небе по-прежнему гуляет солнышко?.. На мое сознание такие виражи всечеловеческой цивилизации накладываются ощущением какой-то горькой безысходности.

В истоке человеческой цивилизации Сейдахмет Куттыкадам выстраивает гипотетическую картину, схваченную железной логикой и волевым импульсом преемства. Но поверх этой мускульно-прочной гипотезы стелется отблеск непредсказуемости, отдающий обреченностью. Картина эпического разворота мировой цивилизации по ходу разворота вширь начинает напоминать картину растрат и утрат. Куда исчезают племена и народы? Жесткий ответ: они исчезают под копытами соседей-завоевателей. Если сопротивляются.

И все?! А если иные исчезают добровольно, приняв чужую систему ценностей: забыв свое имя, язык, традиции? Сколько угодно! Исчезновение подстерегает все племена и государства: и мелкие, крупные. Включая и таких гигантов, как империи.

«Первая мировая война сокрушила четыре империи», — подсчитал мой собеседник. Вслед за ним я подсчитываю, сколько вторая поставила под вопрос: две?...больше?

Да все империи смертны! Как я должен отнестись к этому фатальному ходу событий? Утешаться тем, что в 21-м веке останется великим только Китай? Меня такое предсказание мало утешает: я родился и вырос не в Китае, а в России, в Советском Союзе — в одной из мировых империй 20-го века. И я не просто принял факт своей национальной «прописки», я ее сознательно выбрал. Это мое личное решение: я — русский. Если исчезнет Россия (Московия, Русь), смысл моей личности утратится. Личность жива, пока жива ее духовная идентичность. Моя мечта — чтобы Россия не исчезла.

И вот в уголке этой моей веры в Россию — скребется мысль о том, что когда-нибудь и она исчезнет!

Да что ж делать, если человеческая цивилизация, так вдохновенно возведенная к Единому Истоку в книге потомственного кочевника, неуклонного наследника тюрок, — идет по пути распада? И никак нельзя предотвратить такую перспективу...

Или попробовать?

Мой собеседник ссылается на современного американского футуролога Элвина Тоффлера: вслед за тремя волнами цивилизации — аграрной, индустриальной и информационной — должна прийти Духовная. Оговаривается: подобное предположение может показаться немыслимой утопией и вызвать откровенную иронию.

От иронии я далек, но некоторые сомнения меня посещают. В рай на Земле я не верю. Разве что такой рай будет веселить душу как предмет вожделения (морковка перед мордой запряженной лошади). Да и мой собеседник повторяет за мудрецами прошлого: земного рая нет и никогда не будет, но если к нему не стремиться, неизбежно падение в ад.

Адские детали нашего нынешнего бытия, наверное, поддаются выправлению. Укротить оргию потребления, унять рекламу удовольствий... Дать молодым идеи и цели, способные вытеснить беспредметную агрессивность, ищущую цели где угодно. Унять безумных лидеров агрессии. И еще — по тому же Тоффлеру: «корпорации должны уступить место университетам, а бизнесмены — ученым».

Да, так! По конкретным параметрам можно попытаться умерить безумие стервенеющей реальности, но как изменить изначальную природу человечества, которое неведомо как оседлало земной шарик, неведомо как уцелевший в представлении космических миров?

Только если каким-то невообразимым образом природа Бытия переживет качественный скачок, подобный тому, который ее когда-то породил. Рая и в этом случае не будет. Человечество продолжит вечную и непостижимую тяжбу Добра и Зла. Не знаю, мыслимо ли это.

Расстаюсь с моим казахским собеседником, благодарный ему за великолепную книгу, порождающую столь немыслимые эмоции, и завершу диалог чем-то вроде эмоционального самоанализа,

Итак, Авиценна или Декарт? То есть: «Совесть болит, когда она здорова»? Или: «Мыслю — значит, существую»?

Я склонен к первому варианту. Но не потому, что Восток мне ближе, чем Запад. А потому, что русская душа не может окончательно решить, где она. По извечной ситуации Россия — между несходящимися краями. Между Востоком и Западом. Между Севером и Югом. Между законом и благодатью. Между режимом и бунтом. Между всемирным коммунизмом и кровавой платой за него...

Ни к какому краю прибиться не можем, но и соединить края, сопрячь, сцепить — не получается. Всем сочувствуем, никого не осчастливили. Совесть болит, но не потому, что здорова, а потому, что больна. В том варианте, как у Достоевского: больная наша совесть — обратная сторона нашей всеотзывчивости.

Так все-таки: Декарт мне милей или Авиценна? Декарт — чтобы мысль разрешить. Не как самоцель, а как путь к Истине. В Истине — смысл. Высший Смысл! Его ищу. А конкретный смысл нашего диалога точно определил на сегодня мой собеседник:

— Русские и казахи хорошо ладят между собой.

Именно!

Summary

Tagaj MURAD. Tarlan

Tagaj Murad is well known to the Uzbek readers, but unfortunately hasn't yet been translated into Russian. Meanwhile «his prose makes us to recall Shukshin, Aytmatov, Dumbadze», by the word of our author, the winner of «Triumph» and «Russian prize» Suhbat Aflatuni. Presenting to the Russian readers the novel «Tarlan» in translation of two poets — Vadim MURATKHANOV and German VLASOV — our magazine will hopefully make for the restoration of the justice.

Ganna SHEVCHENKO. The Miner's Deep

G. Shevchenko was born and grew in the area of Donetzk, so she knows the life of a miners' town where the scene of the novel is set not by hearsay. But in the midst of the everyday life there spring up some mysterious events the meaning of which is clear only to the narrator.

Poetry

We present here very natural and recognizable from the author's intonation poems by Vladimir SALIMON; nostalgic and love lyrics by Evgenij SOLONOVICH and poetical but unvarnished sketches of the everyday life by Alexej DJACHKOV from Tula who makes his debut on our pages.

Viktor DYATLOV. «Cherkizon», «Shanghai» and Others...

In his article the author, historian and sociologist, analyses the new phenomenon of the economical, social, political and cultural life of Russia — the ethnic markets, which are becoming a thing of the past now and speculates: what is coming up to take their place?

Vladimir DELBA. Sokhumi's Antiques

The Abkhazian writer in this collection of notes restores the city of his childhood and youth — sunny, agreeable, international, cheerful and mischievous Sokhumi.

Dina DUBROVSKAJA. From China with Love

«I'd like to tell about that of my stays in China when I had an occasion to see much of the depth of the country and when not all the rest of the world was «Made in China», because these impressions and not some superficial delights around some conference give the feeling of a touch to the living people», — says the author and depicts different features of the everyday life, culture and national character of the Chinese.

Last year several of the central «thick magazines» stepped into «the territory of DN» and dedicated one of their issues to the literatures of the ex-Soviet republics. Reading them as well as the Georgian issue of DN Olga BALLA tries to answer the questions: What is going on at the once outlying districts of the USSR after the disintegration of Pax Sovietica? Is still lasting the epilogue to the Soviet experience or are being written the new chapters of another text yet unknown to us.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Также можно оформить подписку *online* на сайте журнала

дружбанародов.com

на его странице в Живом журнале

http://drujba-narodov.livejournal.com/

и в Журнальном зале

http://magazines.russ.ru/druzhba/site/podp/

Мобильная версия «ДН» для устройств на iOS доступна в App Store и на

https://itunes.apple.com/ru/app/druzba-narodov/id893172883?mt=8

Технический редактор Наталья Кузнецова

Верстка Елены Жирновой

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»